С 91(38)
У691

570312

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

С 91 (98)
У 69.

Н. Н. УРВАНЦЕВ

ДВА ГОДА НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

АРХАНГЕЛЬСК
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОСТОРОЖНО

1966 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД • 1935

8027к.

91(98)

570312

2010

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. Н. А. Добролюбова

1995

2002

Ответ. редактор *И. Г. Ростовцев.*
Редактор серии *М. М. Смирнов.* Техн. редактор *А. А. Соловейчик.*

Сдано в набор 19 ноября 1935 г. Подписано к печати 23 декабря 1935 г.
Форм. бум. 62×94. Бум. л. 11⅝. Печ. л. 22¾. + 1 вклейка.
Авт. л. 21¼. Печатн. зн. в бум. л. 76 000. Изд. № 85.
Ленгорлит № 32542. Тираж 10 000. Заказ № 1309.

2-я тип. ОНТИ им. Евгении Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.

Нейтрализация
2010 г.

Товарищам по работе и борьбе
с суровой полярной природой:
Георгию Алексеевичу Ушакову,
Сергею Прокофьевичу Журавлеву,
Василию Васильевичу Ходову

Никто пути пройденного
от нас не отберет...

(Из революционной песни).

ГЛАВА I

История открытия и исследования Северной Земли. Организация нашей экспедиции. Состав. План работ. Снаряжение в Ленинграде. Формирование партии. Поездка в Архангельск.

В туманный пасмурный день 19 августа 1878 года пароход экспедиции шведского ученого А. Э. Норденшельда «Вега» впервые в истории исследования Арктики бросил якорь у самой северной оконечности Азии — мыса Челюскина. Предыдущие удачные плавания — в 1875 году на рыболовном судне «Опыт» и в 1876 году на пароходе «Имер» — в устье реки Енисея убедили Норденшельда, что водный путь вокруг северных берегов Евразии не миф, а вполне реально осуществимая возможность. В 1878 году он и решил это доказать. Ледовая обстановка, как мы теперь это можем установить, сложилась в тот год весьма благоприятно. Несмотря на середину августа, время сравнительно раннее для плавания в этих широтах, льдов было встречено очень немного, да и те оказались сильно разъеденными и взломанными, так что суда экспедиции «Вега» и следовавший с ней в устье реки Лены пароходик «Лена» дошли до мыса Челюскина почти по чистой воде. «Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий, — пишет в своем отчете[1] А. Норденшельд. — Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого света».

С производством научных наблюдений и определением астрономического пункта экспедиция простояла у мыса Челюскина 19 и 20 августа. Во время стоянки пароход

[1] А. Э. Норденшельд, Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—80 гг. СПб., 1881 г.

«Лена» сделал попытку пройти на север, но уже через 8 минут хода встретил столь густые и плотные льды, что вынужден был вернуться обратно. Пасмурная погода и туман во время стоянки значительно ухудшали видимость, и потому обширный архипелаг Северной Земли, расположенный всего в 60 км к северу от мыса, остался неоткрытым, хотя виденная Норденшельдом большая стая гусей, пролетавшая на юг с моря, дала этому исследователю основание высказать мысль, что севернее мыса Челюскина расположена неизвестная полярная земля. Убеждение в существовании этой земли среди экспедиции было столь велико, что один из ее участников, магнитолог и метеоролог, лейтенант датского флота А. Ховгард в 1882 году убедил датское правительство организовать специальную экспедицию для исследования северной части Карского моря и в частности для поисков этой новой земли [1] на судне «Димфна» (Dijmphna). Но ледовые условия сложились в Карском море в тот год весьма неблагоприятно. «Димфна» была затерта льдами в юго-западной части Карского моря и зазимовала у полуострова Ямала. На следующий год судно возобновило свои попытки проникнуть на восток к Таймырскому полуострову, но обломало лопасти винта, было вынесено льдами, благодаря господствовавшим северо-восточным ветрам, обратно в Баренцово море через Карские ворота и вернулось обратно в Данию. [2]

Следующие экспедиции — Нансена в 1893 году и Толля в 1901 году, огибавшие мыс Челюскина в условиях более неблагоприятных, чем Норденшельд, Северной Земли также не заметили. Ф. Нансен, с трудом пробившись сквозь льды у берегов Западного Таймыра, смог достичь мыса Челюскина только 10 сентября. Торопясь к основной цели своего путешествия, Новосибирским островам, откуда намеревался начать свой знаменитый дрейф, он остановки у мыса Челюскина за недостатком времени совершенно не делал, обогнув его в тумане при очень плохой видимости. Не более удачлива в этом отношении была и экспедиция русского геолога Э. Толля 1901—1902 годов. Его судно «Заря» в первый год смогло добраться только до берегов Западного Таймыра, где и зазимовало. На следующий год «Заря»

[1] A. Kiillerich, Nordland, Severnaja Semlja. Geografisk Tidsskrift. 1932. Marts 35 Bd. 1/2 H.

[2] A. Hovgaard, Dijmphna-Expeditionen. 1882—83, Kjëbenhaven, 1884.

освободилась лишь 25 августа и мыса Челюскина достигла 1 сентября. Здесь на восточном мысу бухты был выложен знак-пирамида из камней и произведены астрономические и магнитные наблюдения. Признаков земли к северу усмотрено не было.

Только в 1913 году, т. е. спустя 35 лет после А. Норденшельда, Северная Земля была открыта уже фактически Русской гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана под начальством Б. А. Вилькицкого. Работы этой экспедиции начались еще в 1910 году и имели целью общее гидрографическое исследование всего северного побережья Азии как морского пути. В первые годы (1910—1912) работы велись в восточном секторе Арктики, вплоть до восточных берегов Таймырского полуострова. В следующем, 1913 году суда экспедиции — ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» — попытались проникнуть еще далее на запад, в Карское море, с целью повторить сквозной поход Норденшельда, но уже в обратном направлении. Состояние льдов в море Лаптевых в тот год было довольно благоприятным, и суда встретили льды только у северо-восточного берега Таймыра, в районе островов Петра. Следуя далее вдоль берегов Таймыра с описью и промерами, «Таймыр» и «Вайгач» 1 сентября приблизились к мысу Челюскина, но не доходя до него 11 км неожиданно встретили невзломанные льды,[1] тянувшиеся от берега на северо-восток до самого горизонта. Было решено итти вдоль их кромки на север, чтобы при первой возможности обогнуть припай и двинуться далее на запад и юго-запад к берегам Таймыра.[2]

На следующий день двинулись в путь, но обойти ледяное поле оказалось не так-то просто. Невзломанный покров шел без перерыва на северо-восток, и прохода на запад нигде не было видно. Пройдя около 60 км вдоль ледовой кромки, на горизонте заметили низкую полосу полузанесенной снегом земли. Лед и здесь, как и ранее, примыкал к суше вплотную. Земля представляла низменный

---

[1] Телеграмма, полученная от и. о. начальника экспедиции Северного Ледовитого океана капитана второго ранга Б. А. Вилькицкого начальником Главного Гидрографического управления из Петропавловска 19 окт. 1913 г., Записки по гидрографии, т. 37, 1913 г.

[2] Л. Старокадомский, Открытие новых земель в Северном Ледовитом океане, Пгр., 1915 г. и Э. Арнгольд, По заветному пути, Госиздат, 1929 г.

остров (сейчас он называется «Малый Таймыр») около 30 км в длину и 8—10 км в ширину. Сделав на нем часовую остановку для осмотра, обогнули его с востока, где встретили уже битые льды и впервые за все время плавания ледяные горы-айсберги, представляющие обломки спускающихся в море ледников. Некоторые из этих ледяных гор стояли на мели на глубине 90—100 метров. Откуда взялись айсберги, казалось непонятным, так как ледники до сих пор были известны только на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа и Шпицбергене. Тяжелые льды попрежнему преграждали путь кораблям к югу и западу, но на северо-запад продвижение было возможно. Идя в этом направлении, 3 сентября рано утром впереди заметили очертания неизвестной земли. Стоявший туман вскоре рассеялся, и участники экспедиции увидели перед собою величественную панораму обширной, высокой, гористой, отчасти покрытой снегом земли. Ледяное поле примыкало к ее южному берегу вплотную, преграждая и здесь дорогу на запад, но вдоль восточного берега на север путь был свободен. Пройдя около 40 км в этом направлении, около полудня 3 августа «Вайгач» стал на якорь для определения астрономического пункта, что, впрочем, не удалось из-за вновь сгустившихся туч, а «Таймыр» пошел дальше на север продолжать опись берега. Во время стоянки «Вайгача» была произведена высадка. Прибрежная часть земли представляла низменность, но далее вглубь, примерно в одном километре, поднимались горы. Взобравшись на одну из них, высотою около 450 м., участники могли видеть ряд еще более высоких вершин, уходящих вглубь земли и отчасти покрытых ледниками. Снявшись затем с якоря, «Вайгач» пошел дальше догонять ушедшего вперед «Таймыра».

На широте около 79° гористый берег завернул довольно круто на запад, образуя большой залив или пролив,[1] названный заливом Шокальского. За заливом горы стали более разрозненными и несколько отошли вглубь земли.

Утром 4 сентября суда вновь соединились, погода несколько улучшилась, появилось солнце. Это позволило при второй высадке на мысе, названном мысом Берга, определить астрономический пункт, координаты которого оказались: широта 80°1′31″; долгота 99°21′39″ к востоку.

---

[1] К. Неупокоев, Материалы по лоции Сибирского моря. Приложение к Запискам по гидрографии, вып. XLVI, 1922 г.

На месте определения был поставлен обложенный камнями деревянный столб, на котором вырезана дата высадки. Невдалеке от столба водружен также обложенный камнями бамбуковый флагшток, на котором во время торжественного провозглашения присоединения вновь открытой земли к русским владениям был поднят национальный флаг. Из береговых обнажений взяты образцы горных пород, и с борта судов произведены гидрологические и гидробиологические наблюдения. В тот же день суда двинулись дальше на север. Земля постепенно стала ниже, горы перешли в низменную плоскую равнину и около трех часов утра следующего дня на широте 80°53′ берег, загибаясь полукругом, казалось, повернул на запад. Льды стали сплоченнее, температура упала ниже нуля, и хотя на запад и юго-запад было ясно видно водяное небо, свидетельствовавшее о значительных здесь пространствах открытой воды, экспедиция не рискнула к ней пробиваться и повернула обратно к мысу Челюскина. По пути вновь был осмотрен открытый первоначально остров (Малый Таймыр), на запад от которого врачом «Таймыра» Л. Старокадомским был усмотрен еще второй низменный островок, названный островом Старокадомского. У Челюскина льды стояли неподвижно попрежнему. Пешая партия, высадившаяся на мысу, установила, что сплошные невзломанные льды тянутся и далее на запад до пределов видимости, небо всюду белое, без темных отсветов, что указывало бы на близость воды. После попытки форсировать невзломанные льды работой обоих ледоколов, причем за сутки удалось пройти всего 7—8 км, хотя лед оказался довольно тонким, одногодичным, командование решило повернуть обратно в Владивосток.

В следующем, 1914 году Гидрографическая экспедиция в прежнем составе судов возобновила свою попытку пройти сквозным морским путем в Архангельск. Пролив, отделяющий Таймырский полуостров от Северной Земли (теперь он носит название пролива Бориса Вилькицкого), на этот раз оказался вскрытым, но подход к нему с востока был затруднен сплоченными льдами. Подойдя 1 сентября к мысу Челюскина, «Таймыр» остался здесь для устройства на берегу опознавательного знака, а «Вайгач» пошел на разведку на северо-запад к берегам Северной Земли, где благодаря отжимным северным ветрам было довольно много свободной воды. Пройдя вдоль ее берегов на за-

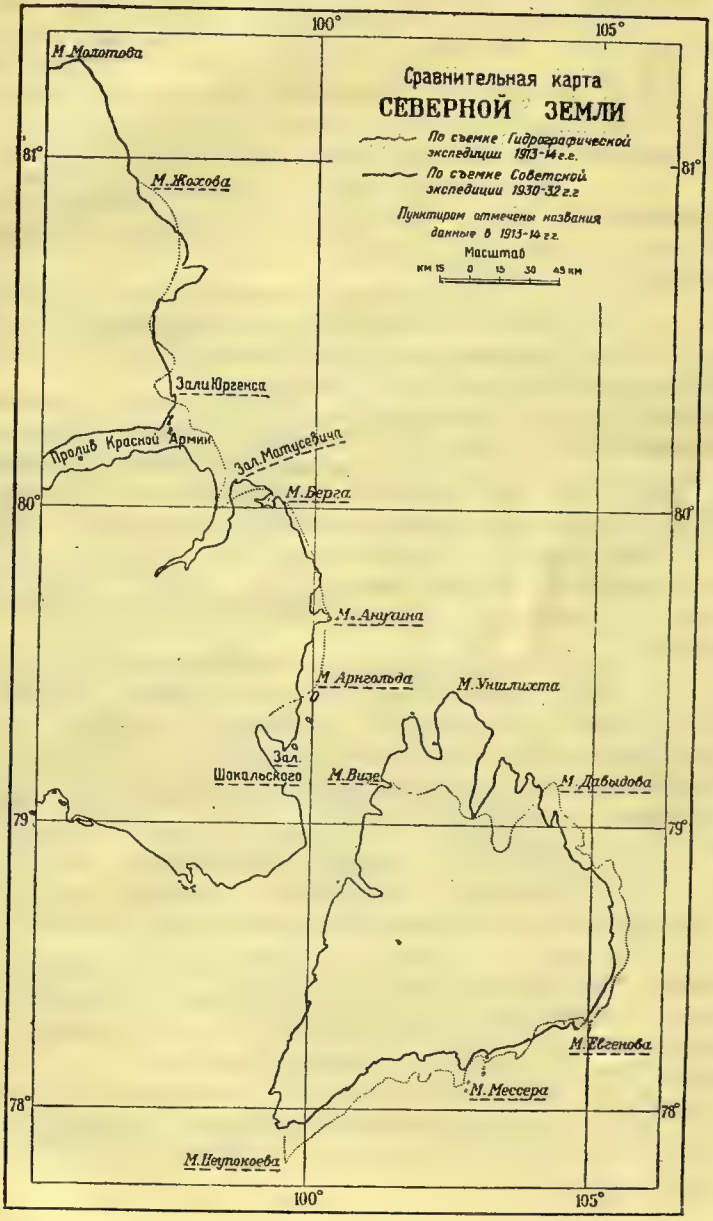
пад около 200 км, «Вайгач» повернул обратно. Здесь Северная Земля стала вновь низменной и завернула к юго-западу по направлению к северной оконечности архипелага Норденшельда — Русским островам, до которых оставалось не более 100 километров. Ясная погода на обратном пути позволила «Вайгачу» произвести съемку южного берега Северной Земли достаточно полно и, как впоследствии оказалось, довольно точно. Ледники, кое-где спускавшиеся с гор к морю, благодаря хорошей видимости были видны вполне отчетливо, так что местное происхождение встреченных еще в 1913 году у острова Малый Таймыр айсбергов не внушало теперь сомнений.

4 сентября суда вновь соединились. Во время стоянки у Челюскина северо-восточным ветром нажало льды, которыми едва не выбросило «Таймыр» на берег и сделало пробоину корпуса в кормовой части. После встречи суда двинулись совместно на запад, придерживаясь чистой воды вдоль южного края Северной Земли, но через несколько часов отклонились к югу к берегам Таймыра. Таким образом, западное окончание земли, как в 1913 году северное, осталось невыясненным.

В результате работ Русской Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на карту оказались нанесенными очертания восточного и южного берегов вновь открытой земли, причем только южная часть была заснята более или менее точно. Восточный берег нанесен лишь весьма приближенно, в особенности в его северной части. Очертания же западных и северных берегов так и остались неизвестными. Ни общий характер строения земли ни, тем более, ее геологическое устройство, растительный и животный мир, климатические особенности, конечно, не могли быть выяснены. Задача дальнейших исследований и состояла в разрешении этих вопросов. Но сделать это было не так просто.

Одно дело пройти на судах вдоль берега с описью, и другое — объехать ее по сухопутью вдоль и поперек, детально заснять на карту и изучить.

В 1918 году зимовавший у северо-восточных берегов Таймыра Р. Амундсен сделал попытку санным путем проникнуть к Северной Земле. Его судно «Мод» стояло на зимовке километрах в сорока к юго-востоку от мыса Челюскина. В апреле четверо участников экспедиции — Тессем, Кнудсен, Теннесен и Олонкин — прошли по льду про-


Сравнительная карта
СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ
По съемке Гидрографической экспедиции 1913-14 г.г.
По съемке Советской экспедиции 1930-32 г.г
Пунктиром отмечены названия данные в 1913-14 г.г.
Масштаб
км 15 0 15 30 45 км
100°
105°
81°
80°
79°
78°
М. Молотова
М. Жохова
Зал. Юргенса
Пролив Красной Армии
Зал. Матусевича
М. Берга
М. Анучина
М. Арнгольда
М. Уншлихта
Зал. Шокальского
М. Визе
М. Давыдова
М. Евгенова
М. Мессера
М. Неупокоева

лива Вилькицкого на остров Малый Таймыр, а с него на остров Старокадомского и вернулись обратно. Во время маршрута велась съемка, а на обоих островах произведены Кнудсеном магнитные наблюдения. Попасть на самую Северную Землю участникам похода не удалось, хотя от острова Старокадомского до Северной Земли оставалось не более 30 км. Препятствием, вероятно, послужили сильно торосистые льды, повидимому, ежегодно образующиеся вдоль южного и юго-восточного края земли при нажимных осенних и зимних ветрах южных господствующих румбов.

После Октябрьской революции в первые же годы советской власти, несмотря на тяжелые экономические условия, интерес к исследованию полярных областей и, в частности, к Северной Земле значительно вырос.

В 1923 году по инициативе центра при Государственном Географическом обществе в Ленинграде была организована Комиссия по выработке плана исследования Северной Земли. В состав ее входили и представители Постоянной Полярной комиссии Академии Наук. Экспедиция должна была отправиться на парусно-моторной шхуне к берегам Северной Земли летом 1924 года. Однако целый ряд обстоятельств заставил временно отказаться от экспедиции.

В 1925 году в Полярную комиссию Академии Наук был представлен весьма подробно разработанный обстоятельный проект всестороннего изучения Северной Земли. Экспедиция должна была состоять из 7 человек, иметь 30 ездовых собак, запас продовольствия на 1½ года и 200-дневный запас облегченного провианта для санных маршрутов из расчета на 5 человек. Достигнуть места работ предполагалось на парусно-моторной небольшой шхуне, приспособленной к зимовке в полярных льдах. При планировании работ были учтены варианты зимовки судна непосредственно у берегов Северной Земли, у острова Большой Таймыр и у берега Харитона Лаптева. Был произведен подробный подсчет необходимых для исследования продовольственных баз при всех трех вариантах, составлен календарный план их заброски и т. д.

Недостаток средств и трудность снаряжения экспедиции при нашей в то время еще недостаточной технической оснащенности заставили отложить на время осуществление и этого проекта.

Выдвигались планы исследования Северной Земли и за границей. В 1928 году германским аэронавигатором Вальтером Брунс был предложен проект исследования Северной Земли с воздуха помощью дирижабля типа «Цеппелин».

Предполагалось на северной оконечности земли высадить санную партию из двух-трех человек, которая должна была пересечь землю в меридиональном направлении и выйти на Таймырский полуостров.

Проект не был осуществлен вследствие сомнений в возможности высадить с воздуха санную партию с несколькими упряжками собак и значительным запасом продовольствия и снаряжения.

В 1928 году из Сиэтля на Аляске должна была выйти на судне «Morissay» американская экспедиция для исследования Северной Земли под начальством капитана Бартлетта, бывшего сподвижника Р. Пири, не раз участвовавшего в полярных экспедициях. Однако и эта экспедиция, как и предыдущие, не состоялась.

У. Нобиле во время своего полета на дирижабле «Италия» в 1928 году намеревался пролететь на восток, исследовать Северную Землю с воздуха с целью установить ее западные границы и общие очертания. Отправившись из Кингс-бэя 11 мая, дирижабль из-за неблагоприятной погоды долетел лишь до мыса Нордкап на северной оконечности Шпицбергена и был вынужден через 8 часов повернуть обратно на базу. Второй полет состоялся 15—18 мая и продолжался 69 часов. Пролетев вначале вдоль северной окраины Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа, дирижабль затем взял курс на восток-юго-восток. 16 мая достиг 79° 16′ северной широты и 91°40′ восточной долготы,[1] но из-за встречного сильного ветра, тумана и недостатка топлива был вынужден повернуть обратно на юго-запад, к берегам Новой Земли. Пролетев около 250 км вдоль ее северо-западного берега, дирижабль вернулся на базу.

Признаков Северной Земли усмотрено не было, хотя, как теперь можно установить, воздушный корабль при повороте находился всего в 20 км от островов С. Каменева и 15 км от острова Самойловича, если, конечно, координаты

[1] U. Nobile's Flight in the Arctic on the Airschip „Italia". May 1928 Geogr. Review, 1929, v. 19.

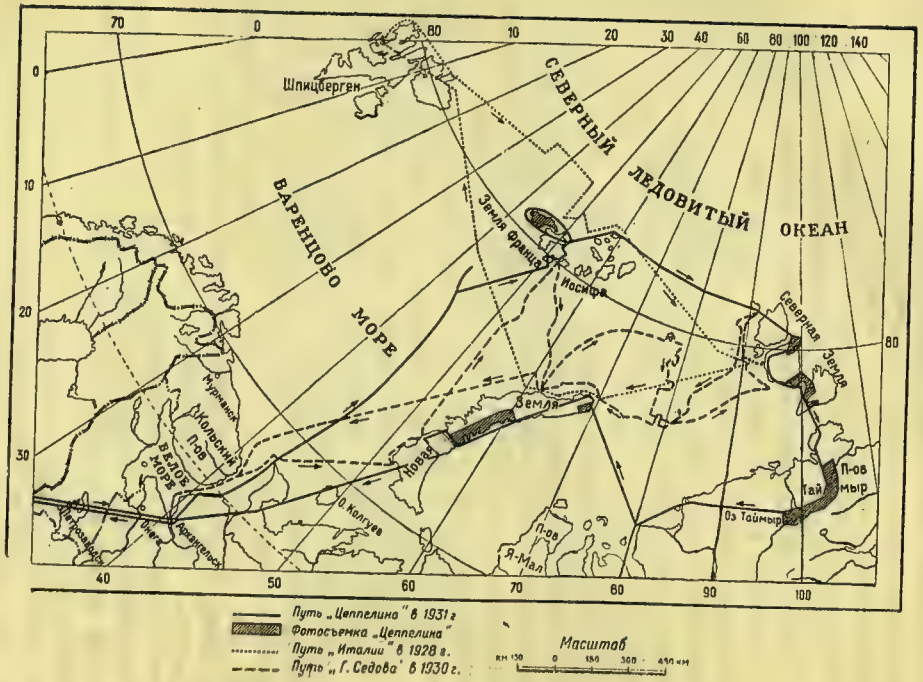
места поворота были определены правильно. Впрочем, в это время года земля и особенно острова еще закрыты снегом, почему в пасмурную погоду очень легко могут остаться не замеченными с воздуха. Тот факт, что Северной Земли во время полета усмотрено не было, дал основание Нобиле высказать соображение, что она, вероятно, представляет лишь архипелаг мелких островов.

Во время полета на широте 80° и долготе 84°30′ было усмотрено значительное пространство открытой воды шириною 10—40 км, идущей с севера на юг. Так как ветер в то время был северный и северо-восточный, это, по мнению Нобиле, могло указывать на наличие к северу от трассы полета суши, от которой льды ветром и отжало. Эта суша могла быть крайней северо-западной частью архипелага Северной Земли. Соображения Нобиле оказались правильными, за исключением впрочем того, что Северная Земля представляет группу не мелких, как он думал, а весьма крупных островов — до 150 км в поперечнике, не уступая в этом Новой Земле.

Основываясь на том, что во время полета «Италии» Северной Земли усмотрено не было, стали даже высказывать соображения о мифичности этой земли вообще. Такая мысль, например, была высказана в приложении к гидрографическому справочнику «Arctic Pilot» за 1930 год.

В январе 1930 года я вернулся из полярной экспедиции, во время которой было пройдено на лошадях, оленях и моторной лодке более 8000 км с исследованием северо-западной части Таймырского полуострова. Работы мои в Арктике начались еще в 1919 году с низовьев реки Енисея и, постепенно развиваясь, подвигались все далее и далее на север и северо-восток. Следующим естественным этапом после Таймырской экспедиции являлась Северная Земля.

Эту экспедицию, план которой был уже давно обдуман, я намеревался осуществить в 1931/32 году, после обработки материалов предыдущего, Таймырского путешествия. Однако, уже месяца через два после приезда, в марте, я узнал, что недавно вернувшийся после трехлетней зимовки на острове Врангеля ученый секретарь Якутской комиссии Академии наук Георгий Алексеевич Ушаков выдвинул проект исследования Северной Земли уже в текущем году. Естественно, нужно было к этому делу присоединиться, оставив обработку материалов Таймырской экспедиции на



Карта западного сектора Арктики,

будущее, а сейчас ограничиться лишь предварительным отчетом.

Решение принято. Оставалось встретиться с Ушаковым и договориться с ним о совместной работе. Эта встреча произошла в вагоне железной дороги между Ленинградом и Москвою, куда мы оба оказались вызванными на заседание Правительственной арктической комиссии.

Переговоры о совместной работе не заняли слишком много времени. Наши планы и намерения в отношении Северной Земли совпадали полностью. «Вопрос этот назрел, — говорили мы, — уже было составлено не мало проектов, не мало было и попыток организовать экспедицию на эту загадочную землю, ставшую после полета Нобиле почти такой же легендарной, как земля Санникова, Джильлиса и другие. Дело чести, дело неотложное это исследование осуществить». Если не сделать этого сейчас, придут иностранцы, выполнят за нас эту работу, и выполнят недаром. Северная Земля, лежащая на пути будущих больших трансарктических воздушных и морских дорог, будет иметь огромное значение как опорная база. Изучившее ее государство, несомненно, будет пытаться считать ее своей территорией, хотя и лежит она в пределах нашего Советского арктического сектора. Пример острова Врангеля, захваченного англичанами и американцами, тому служит порукой. Чтобы выселить оттуда незванных гостей, нам пришлось посылать в 1924 году из Владивостока специальное судно «Красный Октябрь», которое сняло пришельцев, заменив их советскими колонистами, и водрузило на острове флаг Советского Союза. После этого инцидента на Врангеле, чтобы окончательно его закрепить за собою, как известно, была организована советская колония из нескольких семейств эскимосов, переселившихся сюда с Чукотского побережья. Георгий Алексеевич и был первым начальником и организатором этой полярной колонии острова Врангеля.

Опыт многих прежних полярных экспедиций и, в частности, опыт мой и Ушакова свидетельствовали, что для успешного выполнения задачи изучения неизвестных, трудно доступных районов экспедиция должна быть как можно более легкой и подвижной. Как состав ее, так и снаряжение должны быть минимальными по количеству, но исключительно высокими по качеству. Успех работы, обычно, обратно пропорционален количеству участников. Наибо-

лее трудные санные переходы (Нансен в 1894 году, Амундсен в 1911/12 годах, Стефансон в 1916 году) были проделаны только вдвоем, втроем. Все работы по исследованию Таймыра мною были сделаны в составе партии из 3—4 человек. Исходя из этих соображений, было решено число участников Северо-Земельской экспедиции ограничить четырьмя человеками, с тем чтобы каждый взял на себя максимум функций. Санные маршрутные походы будем делать вдвоем, в исключительных случаях втроем.

Кроме производства геологических исследований, я взял на себя определение астрономических и магнитных пунктов, топографическую съемку и общее научное руководство работами. Георгий Алексеевич должен был возглавить всю экспедицию в качестве ее начальника и взять на себя метеорологические, ледовые и биологические наблюдения.

Основным фактором в нашей маршрутной работе, от чего в значительной мере зависел успех, являлись собаки. Нужны были первоклассные животные, крепкие и выносливые, которых можно найти, по мнению Г. Ушакова, только в Восточной Сибири. Нам нужно было много, не менее полусотни собак. Чтобы прокормить в течение зимы эту прожорливую ораву, необходим первоклассный охотник-промышленник. В труднейших условиях севера он должен за кратковременный период осенней охоты, когда море вскрыто и есть зверь, успеть заготовить столько мяса, чтобы до следующего сезона экспедиция располагала нужным запасом корма. Иначе собаки к весенним маршрутам будут истощены и не смогут выполнить падающей на них грандиозной работы.

В современных условиях жизни основную роль играет связь. Наша связь в экспедиции с внешним миром, связь с Советским Союзом, с пославшими нас, могла осуществляться только по радио. Регулярные метеорологические наблюдения на Северной Земле, расположенной в центре Арктики, на стыке ее восточного и западного секторов, будут иметь огромное значение для всей службы погоды Союза, давая возможность не только правильнее вести ежедневную синоптическую службу, но и давать долгосрочные прогнозы погоды, что для хозяйства страны весьма существенно. Значит хороший радист, умеющий самостоятельно разбираться во всех вопросах радиотехники и монтажа, — вот четвертый участник экспедиции.

Охотника-промышленника следовало искать среди жите-

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. Н. А. Добролюбова
Кабинет Севера Обл Библиотеки им. А. Н. Добролюбова

лей наших приполярных областей. Между ними имеются весьма опытные, бывалые во всяких полярных невзгодах люди. Их можно найти в Таймырском крае, в Якутии и на Чукотке.

С радистом дело обстояло сложнее. Обыкновенный радио-телеграфист — «морзист-слухач» — был нам мало пригоден, так как в большинстве случаев он довольно слабо разбирается в вопросах радиотехники, электросхем и монтажа, тем более, что наша радиостанция в целях портативности могла быть только коротковолновой.

Я напомнил Георгию Алексеевичу, что среди нашей молодежи имеется в настоящее время немало энтузиастов коротковолновиков. Многие из них прекрасно разбираются во всех радиотехнических вопросах, могут сами собирать и монтировать радиоприемники и передатчики, были бы лишь материал да детали. Не беда, если такой радист будет работать на ключе несколько хуже профессионала. У нас телеграмм будет немного, но зато такой человек не станет втупик при неполадках электроустановок и сможет произвести исправления любых повреждений радиостанции.

Итак, решено, радиста будем искать среди молодежи, объединенной в городские ассоциации коротковолновиков-любителей.

Каков же должен быть план наших работ?

Главною основною целью экспедиции должна быть подробная и тщательная съемка всей Северной Земли в целом, с целью нанесения ее на карту. На месте этой земли вместо расплывчатых неопределенных пятен на современных картах должны появиться четкие, ясные контуры.

Чтобы выполнить эту задачу, необходимо землю объехать полностью кругом, проделав несколько замкнутых круговых маршрутов и опирая съемку на достаточно густую сеть астрономических пунктов. Как расположить сеть маршрутов, в какой последовательности, сколько их должно быть, — можно сейчас только гадать, поскольку западные границы Северной Земли неизвестны даже приблизительно. Кроме того, это будет зависеть в значительной степени от места нашей высадки и устройства жилой базы. Идеальным случаем была бы высадка и устройство жилья на западном берегу, примерно в центре района, под 79° сев. широты. Но если это и не удастся, при наличии хороших собак, легкого походного снаряжения и продовольствия объезд земли возможно осуществить даже в случае наиболее

неблагоприятном, в случае высадки на западном берегу Таймырского полуострова. Тогда лишь потребуется предварительно разбросать целый ряд вспомогательных продовольственных депо, на что уйдет первый год целиком.

В общем работу можно будет выполнить в 2—3 года, из этого расчета и следует исходить при подсчетах нужного запаса продовольствия и снаряжения. Детали же плана маршрутных исследований уточнятся на месте после высадки и ориентировки в обстановке, в которую попадем.

Итак, снаряжаемся на работу на 3 года, состав партии 4 человека и 40—50 собак. Оборудование должно быть легким, портативным, в минимальных количествах, чтобы при неблагоприятной обстановке высадки можно было бы легко и быстро выбросить его даже на лед берегового припая.

О многом еще было переговорено в эту ночь в вагоне между Ленинградом и Москвою. И о роли и значении собак, об одежде и походном снаряжении, о возможных случайностях и предстоящих трудностях. Но мы были уверены, что как бы ни сложилась для нас обстановка, четыре здоровых человека при наличии оружия и достаточного количества патронов вполне могут прожить на севере даже охотой. И не только прожить, но и произвести научные исследования. Пример тому хотя бы поход Нансена с Иогансеном и зимовка их на северо-восточной оконечности Земли Франца-Иосифа.

В Москве выяснилось, что проект Ушакова нашел поддержку в правительстве и был утвержден. Для выполнения его отпускалось из резервного фонда СНК около 50 тыс. рублей. Это было немного, но при нашей наметке состава из четырех человек должно было хватить, тем более, что председатель Арктической комиссии С. С. Каменев обещал оказать поддержку и выдать некоторое снаряжение, оружие, патроны, обмундирование и проч. сверх отпущенных средств. Коротковолновая передающая радиостанция системы Телефункен в 35 ватт с переносным аггрегатом в 2,5 лошадиных силы, предназначенная для обслуживания проектировавшегося в 1929 году полета «Цеппелина», также передавались нам. Экспедиция включалась в план работ текущего года Института по изучению Севера при ВСНХ.

В текущем 1930 году институт должен произвести смену зимовщиков полярной станции в бухте Тихой острова Гукера на Земле Франца-Иосифа, построенной еще в про-

шлом 1929 году. Станция имела назначение вести метеорологические и другие научные наблюдения на этой земле, чтобы окончательно закрепить ее за Советским Союзом, так как, хотя она и расположена в пределах Советского сектора, но капиталистические государства и, в частности, Норвегия стремились наложить на нее свои лапы.

Нынешний год, кроме смены зимовщиков, предполагалось построить дополнительно специальное здание радиостанции и произвести исследования всего архипелага, насколько, конечно, позволит ледовая обстановка. С этой целью из Архангельска посылался ледокольный пароход «Георгий Седов», арендуемый институтом на время похода у Совторгфлота.

Начальником и правительственным комиссаром, как и прошлый год, был назначен проф. Отто Юльевич Шмидт, его заместителем — директор института по изучению севера Рудольф Лазаревич Самойлович.

После работ на Земле Франца-Иосифа «Седов» должен был пополниться углем и пойти на восток, чтобы доставить нашу партию на западный берег Северной Земли или, если не позволят льды, куда-либо на Таймырское побережье, по возможности ближе к цели наших исследований.

Вернувшись из Москвы, мы прежде всего принялись за составление подробных списков нужного нам оборудования и снаряжения для зимовки и маршрутных работ. Здесь нужно было предусмотреть все, начиная от астрономических приборов и кончая иголками и пуговицами. Следовало обдумать детально до мелочей всякие случайности. Ведь кооперативов и магазинов там не будет, купить негде, что захватил с собою, — то и есть, что забыто, — пеняй на себя.

В этой работе нам помог опыт предыдущих моих путешествий. От прежних маршрутов по Таймыру и разведочных работ в Норильском районе остались списки взятого снаряжения и оборудования, остались заметки о пробелах, нехватках и организационных промахах. Надо все пересмотреть, изменить, частью дополнить соответственно теперешнему составу экспедиции и стоящим задачам, и все будет в порядке.

В общем, как мы ни сокращали, ни экономили, список всего нам нужного вырос почти до 700 наименований предметов, распределенных по десяти статьям: продовольствие; обмундирование; хозяйственное оборудование и материалы;

экспедиционное оборудование и материалы; научное оборудование и материалы; технические инструменты и материалы; оружие и боеприпасы; охотничье промысловое снаряжение; радиооборудование и принадлежности; строительные материалы.

Оставалось реализовать эти списки, превратив названия в конкретные предметы. Своего отдела снабжения в Институте Севера не было, и нам пришлось все операции по закупкам делать самим. Но прежде чем приступить к этой работе, мне еще пришлось добиваться откомандирования в экспедицию из б. Геологического комитета, где я работал.

Пока я путешествовал по Северному Таймыру, Геологический комитет реорганизовался, разбившись на ряд научно-исследовательских институтов, и меня автоматически включили во вновь организованный Институт цветных металлов, основываясь, видимо, на прежней моей работе по изучению и разведке полиметаллических руд в Норильском районе. По возвращении с Таймыра я был назначен ученым секретарем института, что в связи с проведенной в феврале 1930 г. конференцией по цветным металлам загружало работой сверх всякой меры. При первой же попытке намекнуть об уходе в Северо-земельскую экспедицию поднялась буря. Пришлось обращаться за помощью к О. Ю. Шмидту, при содействии которого я наконец и был отпущен.

Это произошло уже в конце апреля. Времени для снаряжения оставалось немного. Скоро моя квартира превратилась в настоящий склад самого разнообразного имущества: тарелки, кухонная посуда, сверла, подпилки, книги, медикаменты и научные приборы лежали всюду по углам, на столах, стульях, дожидаясь своей очереди укупорки. По мере накопления имущество укладывалось в ящики и фанерные чемоданы, специально заказанные в мастерской походного снаряжения. Каждый ящик затем нумеровался, и к нему составлялась подробная опись положенного, чтобы там, на месте высадки, легко можно было бы во всем разобраться.

При укладке старались в ящик класть предметы более или менее однородные по своему назначению.

Наибольшие затруднения при снаряжении происходили с научным оборудованием и инструментами, купить которые было довольно трудно. Приходилось действовать самыми разнообразными путями. Часть мне удалось удер-

жать из снаряжения предыдущей Таймырской экспедиции, часть ссудили во временное пользование Академия наук, Гидрографическое управление и другие организации. Экспедиция всюду встречала самое предупредительное отношение, и постепенно наш научный инвентарь стал собираться. Появились хронометры, буссоли, фотоаппараты, метео и аэрологические приборы. Особенно внимательное отношение мы встретили в Слуцкой аэрологической обсерватории. Отсюда нас снабдили не только всеми аэрологическими приборами: радиозондом, метеорографом, шарами-пилотами, змеями и всем оборудованием для пуска их, но еще уступили ветровую электроустановку на 1 киловатт мощности и прекрасный радиопеленгаторный приемник Телефункен, хотя директор обсерватории милейший Павел Александрович Молчанов уступал этот приемник не без боли в сердце.

Тем временем состав нашей экспедиции окончательно сформировался. Ленинградская секция коротких волн рекомендовала нам одного из лучших своих любителей, ее бывшего председателя, комсомольца Василия Васильевича Ходова, оказавшегося при знакомстве крепким молодым парнем, весьма молчаливым, сосредоточенным и серьезным, несмотря на свои двадцать лет. Коротковолновое дело он, повидимому, знает превосходно. Сейчас же по вступлении в состав экспедиции Ходов приступил к закупке необходимого радио и электрооборудования, материалов и к приемке радиостанции.

Четвертым нашим товарищем стал охотник-промышленник Сергей Прокофьевич Журавлев. Среди многочисленных заявлений кандидатура Журавлева казалась нам самой подходящей. Он коренной зверобой-промышленник, проведший более четверти века на Новой Земле, куда попал еще мальчиком вместе с отцом, переселившимся туда в одно из промысловых становищ из бывш. Шенкурского уезда Архангельской губернии. Несомненно, промысловое дело и ездовых собак он должен знать превосходно, а это самое главное. Правда, люди такого типа отличаются почти всегда анархичностью характера, — условия Севера, где промышленнику ранее приходилось действовать и работать в одиночку, тому благоприятствуют, — но видимо с этим придется мириться как с неизбежностью.

Окончательно вопрос о Журавлеве Георгий Алексеевич хотел решить в Архангельске при свидании, куда вскоре

собирался поехать. Дел там имелось много. Прежде всего необходимо заказать всю меховую одежду и приобрести достаточное количество шкур на запас для ремонта и пошивки недостающего. Вопрос этот был чрезвычайно серьезен, так как длительные санные маршруты частью пойдут еще в холодное время при температурах до — 40°.

В Таймырском крае, где у меня за много лет работы накопилось обширное знакомство с местным населением, можно было бы достать все необходимое и притом превосходного качества. Сшили бы там по дружески идеально, но «за морем телушка полушка». Ехать на Таймыр поздно, вывезти купленное можно только на Диксон, а зайдет ли туда «Седов» — сомнительно. Придется, видно, рассчитывать лишь на Архангельск, где у Госторга есть меховой и пушной склад и контора.

Затем в Архангельске для нас строится дом, который повезем в разобранном виде и поставим на месте высадки. Вопрос о характере и типе дома имел для нас существенное значение. Его выгрузка и постройка в значительной степени будут зависеть от условий подхода к месту высадки. Трудно рассчитывать, чтобы они были благоприятны. Правильнее полагать, что высадка произойдет в условиях тяжелой ледовой обстановки, трудного подхода к берегу и неимоверной спешки. Поэтому дом должен быть маленьким, портативным в выгрузке и легким в сборке, чтобы даже мы, четыре человека, могли его поставить сами своими силами. Ведь всегда может случиться, что ледокол только сумеет выбросить на берег груз и сразу должен уходить обратно.

Исходя из этих соображений, я спроектировал небольшой деревянный домик размером 6 × 6 метров. Стены домика делаются не из кругляка, а для легкости из брусьев сечения 25 × 20 см в шпунт, во-первых, чтобы они были непродуваемы, а во-вторых — в целях быстроты сборки. При такой конструкции конопатка стен отпадает, нужно лишь прокладывать по гребню шпунта полосы кошмы, да и то при спешке от этого можно отказаться. Пол и потолок проектировались двойные с засыпкой опилками, но при необходимости можно будет ограничиться и ординарными, проложив сверху для тепла войлок с толем. Из санитарно-гигиенических соображений пол застилается линолеумом, так как он очень легко и быстро

моется. А делать это ведь придется нам самим. Внутри для отопления и изготовления пищи ставится плита, в резерв же берется чугунный угольный камелек, если плиты окажется недостаточно. К домику непосредственно примыкают обширные холодные сени из шпунтовых досок. Сени на Севере при жилых домах имеются всюду. Зимою снежные штормы «пурги» в полярных и приполярных областях продолжаются иногда по неделе и более. В это время выйти на улицу и пройти 10—20 м дело очень трудное, а подчас и невозможное. Поэтому в таких сенях всегда держат необходимый запас топлива, льда для воды, продовольствия и т. д. Вместе с тем, сени защищают вход в дом от снега и делают его более теплым.

В общем по подсчету вес нашего дома с сенями не должен был превысить 30 тонн. Все части строения до последней мельчайшей детали при разборке должны быть размечены краской по цифровой и буквенной системе. Для разметки составлена специальная инструкция и эскизные чертежи, чтобы сборка могла вестись без затруднений всяким, имеющим в руках ее описание. Это опять-таки весьма важно в случае, если дом придется собирать нам самим.

Кроме домика нужен был еще склад для продовольствия. Он спроектирован для легкости каркасным из брусков с обшивкой снаружи 4-миллиметровой фанерой.

Такой тип построек отличается чрезвычайной быстротой сборки, в особенности если каркас заранее заготовлен, размечен и в разобранном виде доставлен на место. При этих условиях вся постройка такого здания занимает несколько часов при двух-трех рабочих. Кроме разобранных дома и склада намечено взять достаточное количество запасных строительных материалов — в частности, брусков, фанеры, кошмы, толя, досок и гвоздей. В случае невозможности из-за ледовых условий выгрузить дом, ограничимся одной фанерой и брусками, которые выгрузить или даже выбросить на лед не представит особых затруднений. Из этих материалов мы сумеем сами построить достаточно приличное жилище, в котором вполне можно будет жить в зимнее темное время. А с появлением солнца начнутся маршруты, и тогда все равно основным нашим местообитанием будет палатка. Кроме того, по дороге Ушаков должен был встретить в Вологде и провести в Архангельск вагон с собаками, следовавший с проводником с Дальнего Востока. Вопрос о собаках для нас

был немаловажен и является предметом неоднократных обсуждений, так как от высокого качества этих животных во многом зависел успех маршрутов. В пределах Западной Сибири собак хороших нет. Нет их и в Архангельском округе или прилежащих к нему районах. Правда, по Енисею раньше, лет 50—100 тому назад, были прекрасные ездовые собаки, повидимому, выведенные русскими посельщиками-промышленниками. Особенно славились пясинские упряжки, проходившие в день по 100—150 км с грузом до 300—400 кг. Однако с течением времени русские промышленники были вытеснены местными, основным средством передвижения для которых служили олени. Поэтому собаки сохранились лишь у русских, живших оседло по берегам нижнего Енисея. Здесь можно было, правда, по одиночке, собрать прекрасные упряжки, но для этого следовало сплыть по всему низовью реки, выискивая и закупая по населенным пунктам-станкам отдельные уцелевшие экземпляры. Так, между прочим, сделал доктор Кушаков, участник экспедиции Г. Седова 1912—1914 годов, когда ему было поручено в 1915 году построить радиостанцию на о-ве Диксона. Вывезенные Кушаковым собаки дали прекрасное потомство, тем более, что первые зимовщики относились к делу собаководства с большим вниманием. Проходивший в 1918 году на «Мод» Р. Амундсен отзывался о диксоновских собаках с большой похвалой. Во время стоянки на Диксоне он даже ликвидировал часть своих ранее взятых собак и заменил их диксоновскими. Впоследствии благодаря невнимательному уходу ежегодно менявшегося текучего состава станции часть собак погибла, а остальные измельчали и по качеству могут считаться лишь средними и ниже.

Времени плыть по Енисею и закупать собак у нас не было, да и послать некого. Кроме того, «Седов» на остров Диксона едва ли сможет зайти. В конце концов было решено обратиться к Дальневосточной конторе Госторга, с просьбой закупить для нас полсотни собак в Чукотско-Анадырском или Камчатском районах и отправить их с проводником специальным вагоном в Архангельск. Конечно, рассчитывать получить первоклассных собак таким путем заглазной покупки было трудно. Приходилось надеяться на добросовестность и продавцов и покупщиков и на их понимание всей важности собачего вопроса для исследования Северной Земли. Это было подчеркнуто в телеграмме,

посланной Госторгу. Одновременно было заказано трое ездовых саней восточносибирского типа и по комплекту упряжи для них.

Ушаков уехал в Архангельск, я же попрежнему продолжал в Ленинграде заготовлять оборудование и снаряжение. Что касается продовольствия, то оно должно получаться совместно с группой зимовщиков Земли Франца-Иосифа. Нужно было только все проверить, принять и замаркировать своими знаками «С. З.», чтобы не произошло путаницы при погрузке на ледокол.

В начале июня главная работа в Ленинграде оказалась законченной. Большинство грузов было уже уложено и ждало лишь отправки на складах или Института Севера, или организаций, от которых снаряжение получено. Академия наук пожертвовала нам прекрасную библиотеку, некогда принадлежавшую А. Ф. Кони. Здесь было превосходное Брокгаузовское издание Шекспира, Пушкина, Байрона, Мольера, имелся Толстой, Тургенев, Гоголь, Шиллер, Гете и другие классики. Госиздат тоже не поскупился: около 300 томов различных современных советских и частью иностранных писателей должны были помочь нам коротать зимнюю темную пору.

Из Архангельска Ушаков вернулся в половине июня. Собаки доехали вполне благополучно и переданы на попечение Журавлева. Корм, бракованная конина, обеспечен Архангельской мясохладобойней. Меховую одежду, запасные меха и шкуры удалось достать через Госторг полностью. Пошивку спальных мешков, меховых штанов, рубах, обуви — все это Госторг охотно взял на себя, узнав, что одежда предназначается для Северо-земельской экспедиции, о которой они уже оказались хорошо осведомленными из газет. В своем внимании контора пошла еще дальше. Она предоставила все заказанное в кредит, с условием сдачи ей в погашение долга добытых нами медвежьих шкур и других продуктов промысла по твердым нормированным ценам. Если же этого нехватит, остальное доплачивается деньгами.

Дом и остов для склада строились из хорошего сухого соснового леса под наблюдением инженера-строителя Ильяшевича, который должен будет их затем разобрать, наблюдать за погрузкой и сборкой на месте, если, конечно, обстановка это допустит.

Итак в Архангельске дело обстояло исправно. В Ленин-

граде также все было более или менее благополучно. Научные инструменты собраны в достаточном количестве. Удалось даже достать автоматический киноаппарат с большим количеством кассет, а культурфильм Ленгоскинофабрики дал 1500 метров пленки. Техническое походное хозяйственное снаряжение закуплено и укупорено. Правда, из продовольствия против намеченного по списку коечего — и, в частности, вкусовых и антицынготных веществ, — нехватало, но беды тут большой не было. Мы, повидимому, все неприхотливы на пищу и рассчитывали больше на охоту и свежее мясо, чем на лимонный сок, маринады и прочие специи.

В конце июня в Ленинграде дела оказались, наконец, законченными. Грузы можно было отправлять, да и самим пора ехать, так как времени оставалось немного, а работы в Архангельске предстояло еще изрядно. Для грузов Институтом Севера было выхлопотано несколько специальных вагонов, которые отправлялись с проводниками из числа смены зимовщиков Земли Франца-Иосифа, что гарантировало своевременное и сохранное прибытие в Архангельск.

Первого июля выехали, наконец, и мы, распростившись с Ленинградом надолго. Впрочем мне не приходилось в нем и раньше заживаться. Только от экспедиции до экспедиции, что обычно занимало 6—8 месяцев — не более.

ГЛАВА II

Приезд в Архангельск. Знакомство с Журавлевым. Окончательные сборы и погрузка на пароход. Отправление. Белое море. Новая Земля. Земля Франца-Иосифа.

В Архангельске нас встретил тропический зной, несмотря на близость моря, наличие мощной реки и сравнительно северное местоположение, так как город лежит под 65° сев. широты, уже недалеко от полярного круга. Пыль и жара отчаянные, мы с удовольствием думаем, что скоро все станет для нас по-иному и о жаре придется тогда лишь вспоминать.

За последние годы Архангельск развивается бурными темпами, строится ряд новых лесопильных заводов-гигантов, что вызвало значительный прирост населения и как результат — переуплотнение, ибо строительство новых домов явно отстает.

Стараниями Г. Ушакова у Горсовета удалось получить достаточно просторную комнату в одном из общежитий, где мы и расположились вполне сносно.

По приезде прежде всего отправились к Журавлеву, познакомиться и посмотреть, что он делает и как живет. При входе в просторный двор одного из домов на улице Павлинова-Виноградова нас прежде всего встретил неистовый лай многих десятков псов. Собаки были привязаны всюду в сарае, снаружи его к стенам и в тени забора. Тут же посреди двора стояла белая коническая палатка — теперешнее местопребывание Журавлева и его семьи из жены и четырех детей из которых один грудной. Оказалось, что Журавлев до сих пор не только квартиры, но даже и комнаты не имеет. Теснота в палатке страшная, грязь, грудной ребенок болен, больна и сама жена. Однако,

Сергей не унывает и мечтает лишь поскорее вырваться на Север из тесных рамок городской обстановки.

Собаки, как и следовало ожидать, по качеству пестрые. Уже сейчас, при беглом осмотре видно, что молодых, крупных будет вероятно не более половины, а может быть и еще меньше. Остальные слабоваты, есть несколько штук старых, явно инвалидов. Из полсотни собак всего-на-всего 2 суки, из них одна старая, так что на пополнение во время зимовки рассчитывать не приходится. Процент же гибели собак будет, несомненно, большой. Поэтому сразу решили достать еще 1—2 суки минимум. Это Журавлев взял на себя.

К сожалению, в Архангельске весьма трудно найти более или менее кровную ездовую собаку. Попадающиеся здесь «ездовые» представляют невероятную помесь разного типа лаек с гончими, сеттерами и другими породами. Наши же собаки в большинстве достаточно чистокровны, есть несколько экземпляров настоящих ездовых псов с прекрасным экстерьером. От них можно получит великолепное потомство. К сожалению, большинство собак кастрировано. Эта мера широко практикуется на Дальнем Востоке, где езда на собаках имеет большое распространение и у каждого местного жителя их имеется по несколько десятков. Без этой меры в периоды течек происходили бы постоянные драки, во время которых многие собаки оказались бы загрызенными.

Кроме того животных постоянно пришлось бы держать на привязи, так как почти всегда где-либо поблизости — в соседнем ли чуме, или соседнем селении — найдется сука, празднующая свою свадьбу. А это соберет свору в несколько сот псов со всей округи. Можно вообразить, какие дикие свалки разыгрывались бы при этом.

Хвосты у всех собак обрублены наполовину или более. Это тоже дальневосточный обычай. Чтобы лучше тянули в упряжке, так объяснил Ушаков. У некоторых глаза удивительного светлосерого, почти оловянного цвета. Такие глаза в темноте сарая светятся изумительным изумрудно-зеленым цветом, оловянные глаза свойственны колымским собакам, считающимися наиболее ценными из всех сибирских ездовых пород. Особенно понравился мне черный, как смоль, пес с такими белесыми, как пуговицы, глазами. Я сразу же наметил его себе в передовые, хотя он был уже довольно староват, что заметно по желтым, частью уже по-

ломанным, начинающим портиться зубам. Дал я этому псу кличку Колыма, и он служил мне верой и правдой все два года на Северной Земле. Затем позднее он был перевезен на станцию мыса Челюскина, где я увидел его уже в 1934 году. Пес и там попрежнему, как и ранее, безотказно работал, хотя был весьма стар. Он меня узнал, мой верный спутник по Северной Земле, когда подошел и обнюхал, ласково помаргивая своими «пуговицами», хотя с тех пор прошло уже 2 года и хозяев успело перемениться много.

У привезенных собак клички известны не были, и Журавлев многих уже окрестил своим метким образным языком. Тут оказались и Мазепа, и Варнак, и Махно, и Старик и т. д. Впоследствии выяснилось, что клички даны как нельзя более правильно. В большинстве они четко характеризовали индивидуальность данной собаки, ее наиболее типичные черты. А ведь это было сделано лишь при беглом знакомстве.

Наблюдательный человек Журавлев!

Для обеспечения промысла во время зимовки Журавлев принялся делать и уже почти закончил изготовление легкой «стрельной» лодки, предназначенной для переправы через полыньи и перетаскивания по льду во время охоты на морского зверя. Кроме 3 саней, прибывших вместе с собаками, Журавлев изготовил еще другие, иного типа, на которых он привык ездить на Новой Земле. Они отличаются высокими копыльями и широким развалом книзу, к полозьям, что придает им большую устойчивость при быстрой езде. Зато грузоподъемность и поместительность их меньше. В предохранение от износа деревянных полозьев заказаны специальные стальные подполозки, изготовленные из старых продольных пил на одном из лесопильных заводов. Показал еще Журавлев сделанные по его указанию наконечники гарпунов и другие приспособления для промысла. В общем по всему виден в нем хозяйственный заботливый человек, предусмотрительно готовящийся к предстоящей трудной работе. Охотничье-промысловый опыт у Журавлева огромный, и мне, человеку мало знакомому с этой отраслью, приходится внимательно слушать и учиться. Поручив Журавлеву и в дальнейшем заготовку промыслового и санного снаряжения, мы трое принялись за сортировку прибывшего в Архангельск имущества. Все оно вместе с грузом для полярной станции

Земли Франца-Иосифа и судовой экспедиции на «Седове» было сложено вместе в одном из огромных складов Совторгфлота в порту на правом берегу реки, где расположен самый город. Чтобы произвести операцию сортировки, пришлось перебрать и переложить своими руками немало ящиков и тюков. Зато после этого наши грузы были сгруппированы вместе в отдельных штабелях, расклассифицированные по роду груза. Вместе с тем это дало возможность, пользуясь составленной при отправке описью с номерами мест, проверить, все ли пришло и имеется в наличности. Ведь один утерянный ящик с оборудованием или инструментами мог поставить на зимовке в весьма тяжелое положение. Немало беспокойства причинила нам задержка импортных грузов, пришедших в Архангельск с запозданием против назначенного срока. Груз этот состоял из пеммикана для собак, пеммикана для людей, сухого молока в порошке, складной байдарки и подвесного мотора. Все это были чрезвычайно нужные вещи. Без пеммикана, представляющего концентрированный корм из смеси сушеного мяса, муки и жиров, нечего было думать пускаться в длительные маршрутные путешествия. В день его достаточно 400—500 г на собаку, то есть на упряжку в 10 животных не более 5 кг. Имея запас в 150 кг, а такой груз корма в числе прочего снаряжения увезти на нарте можно, маршрут обеспечивается кормом на месяц. За этот срок при напористой работе можно пройти и исследовать до 1 000 км. При кормежке же мясом его нужно не менее 1,5—2 кг на собаку. Таким образом в этом случае путешественник сможет захватить корма лишь на 7—10 дней пути. Еще без байдарки, мотора и концентрированного продовольствия мы могли бы обойтись, но без пеммикана собакам никак. Если бы этот груз запоздал, нам пришлось бы самим всю первую зимовку резать и сушить тонны мяса, толочь его, мешать с мукою и жиром, забросив всю остальную работу. Кроме того, это мясо нужно было бы еще добыть сверх текущей потребности.

Наконец за неделю до назначенного отплытия желанный пеммикан пришел, и мы вздохнули с облегчением. Теперь в запасе было пять тонн концентрированного собачьего корма, что обеспечивало работу четырех упряжек в течение 250 дней. С таким фондом можно было отправляться. Кроме того, пришло 60 кг пеммикана для людей, 50 кг лактогена (сухого молока) и 20 кг мясного шоколада.

Немало хлопот было и с меховой одеждой. Когда в первый приезд в Архангельск Г. Ушаков заключил соглашение с Госторгом, ему было обещано изготовить все, согласно представленному списку. На деле же выяснилось иное.

Спальных меховых мешков не сделали, ссылаясь на отсутствие выделанных оленьих шкур, меховая одежда и особенно обувь оказались плохо сшитыми. Лишь одни малицы да совики отвечали своему назначению.

С мешками в конце концов уладилось, их все же сделали. Зато запасного материала: шкур молодых оленей — неблюев, шкур с ног оленя для обуви и рукавиц «камусов», оленей-телят «пыжиков», нерпы и морского зайца благодаря любезности зав. складом тов. Леонова набрали достаточно, выбрав лучшее из всего имевшегося в наличии запаса. Все превосходно выделано и продублено. Теперь можно быть спокойными. Из такого материала мы сами сможем сшить что потребуется для маршрутов. Через неделю непрерывной беготни, хлопот и волнений наконец все более или менее утряслось.

На экспедиционном складе в порту теперь имелось все необходимое для выполнения поставленной перед нами задачи — исследования Северной Земли. Правда, кое-чего против намеченного по плану все же нехватало, но это уже были мелочи, без которых можно и обойтись.

12 июля после приемки угля «Седов» подошел к пристани у складов экспедиции и стал к стенке под погрузку.

«Георгий Седов», построенный в 1909 году в Англии в Глазго (назывался «Beotick»), по своему типу является ледокольным пароходом, то есть судном для активного продвижения во взломанных, вскрывшихся льдах. Однако он способен форсировать и невзломанные участки, если они образуют неширокие перемычки и лед не толще 1,0—1,5 м. В противном случае необходимо прибегать к подрывным работам. Корпус до ватерлинии защищен специальной ледовой обшивкой из полдюймовых стальных листов. Длина судна 76,8 м, ширина 11,0 м. Осадка в полной нагрузке: носа 5,5 м., кормы 6,1 м. Машина одна, тройного расширения, 2 360 лошадиных сил, расход угля около 25 тонн в сутки, при скорости хода 10 миль в час по чистой воде. Водоизмещение 3 056 тонн, грузоподъемность 1 350 тонн. В два трюма пароход может брать более 1000

тонн разных грузов. Угольные ямы вмещают 285 тонн угля, что обеспечивает радиус действия до 3 000 миль.

В первую очередь начали грузить строительные материалы и постройки. Последние были разобраны, погружены на баржу и поданы к борту «Георгия Седова». Наш североземельский дом лег на самое дно, так как выгружать его придется в последнюю очередь. В кормовой трюм погрузили кирпич, песок, глину как наиболее тяжеловесный груз. Далее пошли ящики с оборудованием, снаряжением, продовольствием, сперва наши, затем для Земли Франца-Иосифа. За правильностью погрузки наблюдал старший помощник капитана Юрий Константинович Хлебников. В эти дни у него было много работы. Нужно было неустанно следить, чтобы грузы в трюмах распределялись правильно по весу в соответствии с требуемым дифферентом; укладка шла плотно, иначе во время шторма начнется перекатывание, что не только повредит груз, но может поставить в тяжелое положение судно.

Наша же обязанность заключалась в наблюдении за аккуратной погрузкой собственно североземельских грузов, чтобы ничего не было забыто, не поломано, не разбито, уложено в трюмах вместе в компактную массу в определенной последовательности, чтобы каждое место было замаркировано знаком «С. З», иначе при стоянке в бухте Тихой что-либо по ошибке может оказаться выгруженным. Обычно один из нас находился на складе, указывал, что брать, вел запись отпущенного, другой же принимал на пароходе в трюме и следил за аккуратностью укладки.

Все эти маловажные на первый взгляд детали на самом деле имели существенное значение. Ведь условия высадки могут быть очень трудными. Обстоятельства могут сложиться так, что выгрузиться удастся только частично. Надо было поэтому точно знать, где что лежит, в какой последовательности, чтобы даже в условиях крайней спешки успеть взять все необходимое, хотя бы в минимальных количествах.

Через три дня круглосуточной непрерывной работы трюмы были полны. В последнюю очередь на палубу погрузили предназначенный на мясо рогатый скот и браковванных лошадей на корм собакам на первое время. В дальнейшем, когда судно войдет во льды, можно было рассчитывать на охоту.

Под конец были доставлены собаки. Здесь дело обо-

шлось не без приключений. Журавлев решил их доставить, так сказать, «самоходом». Собрал упряжку штук в 20 псов, подпряг в сани, с трудом, при помощи В. Ходова, вывел на улицу и только успел сесть, как засидевшиеся на привязи псы рванули и вихрем помчались по вымощенной булыжником главной улице славного города Архангельска, так что искры из-под подбитых сталью полозьев снопами летели во все стороны. К счастью для экспериментатора, время было благоразумно выбрано ранее, когда трамвай не ходит и движения по улицам мало. Поэтому все обошлось благополучно, только вблизи пристани на одном из буераков седок был выброшен из экипажа и проверил собственнй спиной, насколько гладки булыжные архангельские мостовые. Следующие упряжки доставили уже вручную. Для собак в кормовой части и по бортам были построены специальные клетки, но из-за экономии места их имелось далеко недостаточно. Бедные псы вынуждены были лежать буквально друг на друге. Впрочем необычность обстановки подействовала на них умиротворяюще. Несмотря на ужасающую тесноту, драк и обычного рычанья нигде не было слышно.

14 июля, накануне отплытия, перешли на пароход и мы в четырехместную каюту на твиндечной палубе по левому борту. Над головой у нас верхняя палуба, заваленная бревнами радиомачт, досками, брусьями и прочим строительным материалом, не уместившимся в трюмах. Наружные стены каюты — железные борта парохода, так что жара в помещении отчаянная, особенно в полуденные часы. Впрочем так продлится не долго. Завтра уже выйдем в море, где, несомненно, будет прохладнее.

Кроме нашей экспедиции на судне едет смена для Земли Франца-Иосифа в количестве 9 человек. Затем имеется научный персонал для работ на судне во время его рейса из 10 человек; административно-хозяйственный состав экспедиции, корреспонденты, кинооператоры, всего 8; далее 8 плотников, 2 печника и инженер-строитель для сборки зданий на Земле Франца-Иосифа. Судовой экипаж 36 человек, в том числе комсостава 10. Таким образом население нашего парохода исчислялось в 78 душ, цифра для такого в сущности небольшого судна, как «Георгий Седов», довольно внушительная.

Пассажиры, т. е. лица, не входящие в число судового экипажа, разместились во временных каютах, построенных

на нижней твиндечной палубе, и только небольшая часть начальствующего состава смогла поместиться на верхней палубе, уплотнив каюты судового экипажа.

Общее руководство всей экспедицией в целом по примеру прошлого 1929 года было возложено на проф. Отто Юльевича Шмидта. Командует судном Владимир Иванович Воронин, помор по происхождению, один из опытнейших ледовых капитанов, со стажем плавания в полярных водах в течение более чем 25 лет.

Долгожданный день отплытия, наконец, наступил. Конец всем хлопотам, беготне и волнениям. Что не смогли достать, что забыли взять, того уж теперь не добудешь. Но перебирая уже сотый раз в уме, что нам может понадобиться при всяких неожиданных обстоятельствах, просматривая еще раз затрепанные списки, приходится констатировать, что как будто ничего не забыто. Конечно, впоследствии все же обнаружится нехватка тех или иных мелочей, но главное, повидимому, все есть.

Пароход отвалил от Красной пристани при ясной солнечной погоде вечером, в 20 часов. Перед отплытием был проведен митинг, на котором начальник экспедиции О. Ю. Шмидт коротко охарактеризовал предстоящий рейс и все его огромное значение для начавшегося изучения и освоения Советской Арктики. На пристани собралась большая толпа провожающих. Здесь были не только родные и знакомые, но и много посторонних, так как интерес к плаванию «Георгия Седова» у архангелогородцев был огромный. Было немного грустно отрываться от этой массы людей, от человеческого общества, в котором привык жить и вращаться. Впереди — темное будущее и одинокая борьба с суровыми силами полярной природы. В толпе были и наши жены. Они махали приветливо платками, весело кричали последние напутствия, но кто знает, что было у них на душе.

Еще долго по пути провожали нас яхты и катера, на пристанях лесопильных заводов, мимо которых мы шли, стояли вышедшие проводить рабочие, с встречных судов слышались громкие пожелания счастливого плавания. Наконец, все осталось позади. Последнее прости отдал нам катер пограничной охраны в устьи реки.

Жизнь на судне начала входить в обычную колею. Регулярно в положенные сроки колокол на вахте отбивал «склянки», ровно и четко стучала машина. Прибирали па-

лубу, крепили, на случай шторма, лежащий на ней груз, чумазые кочегары «духи» в одних сетках вылезали из трюма на минутку освежиться и подышать свежим морским воздухом.

Навстречу попадаются иностранцы, большею частью лесовозы, идущие за грузом в Архангельск. В текущем году продукция на экспорт лесопильных заводов Архангельска достигает внушительной цифры в 4 миллиона тонн.

На другой день, такой же ясный и погожий, как и вчера, сделали небольшую остановку у маяка на острове Сосновец, чтобы забрать там катер Института по изучению Севера «Грумант», предназначенный теперь для работы на Земле Франца-Иосифа. Воспользовался случаем, чтобы съехать на берег и осмотреть остров. Размеры его не велики, примерно 2 км в поперечнике. Наверху, на высоте 30—40 м над уровнем моря расположены маяк, жилой дом и метеостанция. Округлые очертания острова, разбросанные всюду огромные валуны и налегающие на коренные породы кварциты, валунные суглинки не оставляют сомнения в былом оледенении этого острова. Очевидно, в великую ледниковую эпоху Европы ледниковый щит Скандинавии, двигаясь на восток, заполнял Белое море, перекрывая и наш остров.

Древесной растительности здесь уже не видно. Цветет морошка, желтеют альпийские полярные маки. Кулички и ржанки в брачном пере. Здесь еще только наступила полярная весна.

Погрузив катер на борт и без того доотказа загруженного судна, тронулись дальше, взяв курс на Новую Землю, где необходимо найти двух охотников-промышленников для Земли Франца-Иосифа.

Погода начала портиться, нахмурилось, изредка брызжет мелкий и холодный дождичек, задул свежий нордост. От архангельской жары осталось одно воспоминание.

Обводы у нашего судна ледокольные, то есть днище имеет овальную форму, почему даже небольшое волнение вызывает уже ощутимую качку. Несмотря на относительно небольшой ветер, волны уже перекатываются через нос и иногда хлещут на палубу. Бедным собакам приходится туго. Их загородки стоят открыто по бортам на верхней палубе под дождем и брызгами волн. Обратились за разрешением их выпустить, чтобы животные могли сами укрыться от непогоды, иначе холодное купанье, к кото-

рому ездовые собаки мало привычны, может вывести из строя многих из них. Получив разрешение, отодрали с Журавлевым нижние доски, и нужно было видеть, как моментально пленники рассыпались кто куда: под лодки, катера, ящики, под защиту кают на подветренную сторону. Каждая облюбовала себе местечко по вкусу и в дальнейшем свирепо его отстаивала от покушений непрошенных захватчиков. Некоторые, более догадливые, поселились около камбуза, а два наиболее проворных забрались даже в котельную.

Столуемся мы все в кают-компании в две смены из-за недостатка места, но сегодня благодаря качке многие отсутствуют. В каюте корреспондентов — прямо форменный лазарет: стонут, охают; вероятно потом появится красочное описание чудовищного по силе десятибального шторма, от которого едва не погиб бедняга «Седов». Из нашей экспедиции подвержен качке лишь Г. Ушаков, остальные к ней равнодушны, а у Ходова по этому случаю даже возрос чудовищно аппетит.

На следующий день, 18 июля, подошли к Новой Земле и стали на якорь в Белушьей губе, расположенной на западном берегу Южного острова. В глубине бухты лежит наиболее крупное селение Новой Земли — становище Белушье, примерно из 10 домиков. Жителей около 80 человек, считая и детей. Здесь имеется школа-интернат для местного населения и находится Новоземельский совет.

Всего на Новой Земле в настоящее время насчитывается около 280 жителей. Из них большинство ненцы, переселившиеся еще лет 50 назад преимущественно с Югорского полуострова. Есть и русские промышленники-зверобои вроде нашего Журавлева, главным образом выходцы из Шенкурского района. Большинство из них живет и промышляет уже много лет, но постоянными жителями, в противоположность ненцам, они все же в большинстве не являются, так как, поработав здесь как на отхожем промысле несколько лет, уезжают обратно на родину.

Промышляют на Новой Земле, главным образом, морского зверя: нерпу, морского зайца, белуху, моржа. Последний, впрочем, в значительной степени выбит, и редко кто из промышленников может похвастать его добычей. А ранее здесь имелись моржовые лежбища в сотни голов. То же можно сказать и относительно белого медведя.

В августе у западного берега ловят треску и гольца (род лососи).

Центр тяжести теперешнего промысла лежит в добыче песца, которого ловят капканами, разбрасывая заблаговременно по осени привады из мяса морского зверя, птичьих яиц и сала. Зимою около привад расставляют капканы, замаскированные снегом. Промысел в песцовые урожайные годы очень добычлив, но требует большой сноровки, прекрасного знания биологии зверя и наблюдательности. Хорошие промышленники, вроде нашего Журавлева, в благоприятный год добывают до 250 и более штук.

Еще лет десять назад Новая Земля славилась обилием дикого оленя. Так, например, в 1918 году один из промышленников на Гусиной Земле убил их за год 170 штук.[1] По словам Журавлева, добывали так много, что оленье мясо не ели даже собаки. Нередко промышленник брал только шкуру да язык, являющийся деликатесом, остальное за ненадобностью бросал. На хороших собаках с дальнобойной винтовкой охотник преследовал найденное стадо нередко до тех пор, пока не выбивал его начисто. Это облегчалось еще тем, что внутренняя часть Новой Земли представляет гористую щебенистую пустыню или ледники, которых олени избегают. К настоящему времени промысел оленя из-за столь варварских методов охоты ничтожен; свежего мяса для населения нехватает, и его приходится завозить извне. Сделаны попытки разведения домашнего оленя, но дело подвигается туго, так как акклиматизируется он в здешних суровых условиях с большим трудом. Быть может с бо́льшим успехом удалось бы разведение гренландского мускусного быка, более выносливого и неприхотливого на пищу, но, к сожалению, опытов в этом отношении еще не делалось.

В настоящее время промышленники организованы в артели, но дело пока подвигается туго, так как все испокон веков привыкли работать индивидуально и не умеют еще использовать преимущества коллективной работы. Сказывается также и общий упадок промысла, дезорганизованного неумелым, подчас хищническим хозяйничаньем дореволюционных прошлых лет. В общем новоземельцам

---

[1] А. И. Зубков, Дикие олени Новой Земли, Труды Арктического института, т. XXII, Лнгр., 1935 г.

нужно много поработать, чтобы вновь наладить хозяйство острова и сделать его рентабельным. Нынешний же год оно, говорят, потребовало дотации 270 тысяч.

В Белушьей простояли до вечера. Начальнику станции Земли Франца-Иосифа И. М. Иванову удалось договориться в поселке с одним из промышленников. Забрав его на борт вместе с немногочисленным багажом и упряжкой собак, вечером тронулись в становище Малые Кармакулы, где нужно взять уже законтрактованного второго охотника. Из-за туманной погоды и плохого фарватера в бухту зашли только на другие сутки днем, хотя здесь ходу не более 7—8 часов.

В бухте на якоре стоит шхуна Комсеверопути «Белуха» (бывшая «Хобби»), отправляющаяся в плавание вдоль берегов западного Таймыра, где она будет строить становища и высаживать промышленников, часть которых берет отсюда. Затем суденышко имеет поползновение пройти до мыса Челюскина и даже обогнуть его, если, конечно, позволят льды, форсировать которые оно, безусловно, не в состоянии. Вторая шхуна Комсеверопути «Зверобой» (бывшая «Браганца») пойдет в устье реки Пясины, где также устроит зимовье и высадит промышленников. Еще в Архангельске ко мне заходил геодезист с этой шхуны справиться, где стоит поставленный мною на устьи еще в 1922 году астрономический пункт.

Пока перевозили промышленника, его собак и имущество, часть публики поехала на охоту на птичий базар, расположенный при входе в бухту на скалистом островке, сложенном из поставленных на голову свит глинистых и граувакковых сланцев. Островок имеет не более 200—250 м в поперечнике и образует в сущности скалу с плоской, гладкой вершиной и отвесными скалистыми обрывами 30—40 м высотой, спускающимися прямо в море

Выветриваясь, вертикальные пласты сланцев образуют многочисленные мелкие уступчики, карнизы и ниши, на которых гнездятся десятки тысяч кайр. Яйца очень крупные, красивого зелено-серого цвета с черными крапинками, уже сильно насижены. Из многих вывелись птенцы. Яйца положены прямо на уступы скал без всякого признака гнезда. Птицы настолько непуганы, что позволяют даже трогать руками, лишь недоуменно при этом повертывая головками с черными, как бусинки, глазами. Не желая тратить патроны, здешние промышленники добывают их

копьем, нередко нанизывая на древко по несколько штук сряду.

После первых наших выстрелов тучи птиц сорвались с обрыва и ринулись вниз мимо лодки на воду. Некоторые, не рассчитав, задевали людей и даже падали в лодку. За короткое время мы добыли более 100 штук, много убитых было унесено в море, а еще больше перераненo. Это была не охота, а бойня, оправдываемая единственно необходимостью запасти свежего мяса, которого у нас не так много.

Выйдя из М. Кармакул, взяли курс теперь прямо на остров Гукера Земли Франца-Иосифа, где в бухте Тихой расположена полярная станция.

Погода попрежнему свежая с дождем и туманом, как и полагается в Арктике. Качает изрядно, так что на стол в кают-компании ставят специальные решотки для посуды, чтобы она не свалилась. За обедом пустынно, как и в море, где лишь изредка мелькнет чайка да любопытная нерпа на мгновенье выставит свою круглую усатую с черными вытаращенными глазами голову, похожую на голову водяного, как его иногда рисуют на картинках.

В довершение морских страданий обитателей нижних кают угостили еще «удушливым газом». Один из членов смены Земли Франца-Иосифа легкомысленно поставил в углу коридора бутыль с формалином без всякого ограждения. При качке она, конечно, свалилась и разбилась, а так как двери и иллюминаторы задраены везде наглухо, то вонь всюду внизу стоит изрядная. На палубе гуляет вода, к вечеру пришлось сбавить ход, так как судно стало сильно зарываться носом. Собаки, мокрые и озябшие, попрятались кто куда, даже около камбуза ни одной не видно. Хуже всех приходится коровам и лошадям, особенно последним, так как они стоят на корме без всякого прикрытия. Температура воды падает, к вечеру было только $+2^{\circ}$. Капитан обещает к завтраму льды.

В полдень действительно стали попадаться сначала еще редкие и мелкие льдинки, а к вечеру на широте $77^{\circ}25'$ вошли во льды по-настоящему. Волнение здесь слабое, качки нет совершенно, и повеселевшая публика высыпала на палубу.

Льды пока еще легкие однолетние, крупно и мелко-битые с многочисленными разводьями, пользуясь которыми «Георгий Седов» идет полным ходом. Изредка лишь при-

ходится форсировать отдельные ледяные перемычки, иногда пробивая их в несколько приемов с разбегу.

Вечером с мостика усмотрели на льду медведицу с двумя медвежатами, родившимися, судя по размеру, в нынешнем году. Два медвежонка — оптимальная цифра, иногда бывает один, чаще всего вследствие гибели другого от какой-либо случайности. Мать кормит детенышей молоком два года.

Звери шли спокойно, как обычно, на ветер, не обращая никакого внимания на приближающееся судно, очевидно принимая его за грязный полуобтаявший айсберг. Шум и треск ломаемого льда их не смущали, так как это для них обычное, хорошо знакомое явление. Искусно лавируя, капитан подвел судно под ветер к медведям почти вплотную. Отсюда их сначала засняли на кино довольные сверх меры кинооператоры, а затем старпом Ю. Хлебников, бригаде которого по жребию досталось стрелять, уложил медведицу с одного выстрела из своего девятимиллиметрового Манлихера. Медвежата успели убежать, несмотря на град выстрелов, сыпавшихся вслед. Подняв лебедкой убитого зверя, пошли за медвежатами, но смогли подойти и добыть только одного. Вечером за столом было свежее жареное медвежье мясо, по вкусу мало чем отличавшееся от обычного, хотя многие, приступая к этому блюду, полагали, что оно непременно должно отдавать ворванью. Ворванью медвежье мясо начинает пахнуть лишь из-за порчи подкожной жировой клетчатки, в некоторых случаях на сытом звере достигающей 10 и более сантиметров толщины. Жир этот очень легко окисляется на воздухе и особенно на солнце, «горкнет», как говорят, разлагаясь на жирные кислоты. Поэтому, если убитого медведя освежевать не сразу или не удалить с мяса жировые прослои, уже через несколько часов они начинают портиться и действительно придают мясу неприятный привкус испорченной рыбы.

Собаки сегодня сыты пожалуй, как еще никогда в жизни не были, качки нет, везде сухо, и они спокойно лежат и бродят всюду по палубе. Кое-где вспыхивают неистовые драки, на которые как на бесплатное зрелище сбегаются со всех четырех ног остальные. Впрочем, властный окрик, а если понадобится — то и кнут Журавлева, быстро ликвидируют недоразумение.

Ночью, впрочем условной, так как темноты нет, льды

стали сплоченнее, временами попадаются мощные многолетние торосистые поля, которые ледокол с осторожностью обходит. В одном месте даже пришлось вернуться, так как попали в тупик. Но в общем, по словам капитана, льды пока легкие, вполне проходимые нашим судном.

Сегодня впервые после выхода из Белого моря прекрасный солнечный день. К полудню льды стали вновь реже, а вскоре и совсем кончились. Подходим к архипелагу, от которого предыдущим свежим нордостом лед отогнало к югу.

Вскоре вдали показались, как туман на горизонте, ледниковые купола земли, существование которых еще 60 лет тому назад (в 1870 году) было предугадано нашим выдающимся геологом и революционером П. Крапоткиным, имя которого она по праву должна была бы носить, а никак не название в честь рамолика и дегенерата императора Франца-Иосифа, никакого отношения к открытию земли не имеющего.

К вечеру 22-го подошли к острову Гукера и, получив предварительно по радио информацию о состоянии льдов у станции, прошли беспрепятственно в бухту по редким мелкобитым льдам Британского канала и стали на чистой воде в полукилометре от поселка.

Вскоре прибыли и зимовщики. Они выглядят неплохо, многие, говорят, даже поправились и располнели. Только несколько бледноваты, вероятно из-за того, что мало бывали на свежем воздухе. Некоторые отрастили себе бороды, что почему-то считается непременным условием полярной зимовки. При оседлом пребывании на станции это еще приемлемо, если пренебречь санитарно-гигиеническими соображениями, но в маршруте растительность на лице совершенно недопустима. Обмерзая от дыхания, она создает сырость, способствует обмораживанию щек и носа и причиняет несносные мучения, примерзая к воротнику и кромке капюшона.

Станция состоит из бревенчатого жилого дома, обшитого снаружи досками и толем. Внутри по сторонам центрального коридора расположены жилые комнаты, каждая на двоих, столовая, кухня, помещение радиостанции и машинная. Существенный недостаток дома — отсутствие достаточно просторных, удобных сеней, вместо которых пристроен маленький тесный тамбур. Подполье открытое, незащищенное завалинкой, отчего в помещении холодно.

Мелко-битые льды у Земли Франца-Иосифа.

Бухта Тихая. На рейде — «Седов». Сзади видна скала Рубини.

Нынешний год «Седов» привез для радиостанции отдельное здание, так как нахождение моторов и аккумуляторов в жилом помещении недопустимо. На запад от дома расположена баня, а к востоку — склад для продуктов. Невдалеке видны будки метеостанции и радиомачта.

Станция расположена на пологом склоне метрах в пятидесяти от воды, у подножья столовой возвышенности, слагающей остров. Выше по склону метров на тридцать, на каменистой террасе стоит крест — астрономический пункт экспедиции Г. Седова, зимовавшей здесь в 1913 году, с мемориальной доской, прикрепленной советской экспедицией 1929 года, и находится могила старшего механика Зандера, погибшего от цынги. По склонам всюду лежит снег, кое-где снежинки многолетнего характера, журчит по камням вода, цветут полярные маки. Со скалы Рубини в бухте несется немолчный гомон птичьего базара. Полярная весна в разгаре. И ничто, кроме креста и могилы, не напоминает о драматической зимовке экспедиции, начальник которой имел несчастье родиться на 20 лет раньше, чем это следовало бы.

На другой день по прибытии началась выгрузка, и плотники приступили к постройке радиостанции. Погода ясная и солнечная. Греет так, что на световой стороне бок жжет, другой же в тени в то же время мерзнет. Ночью, когда солнце стоит низко, пресная вода, накапливающаяся поверх соленой от сбегающих в бухту ручьев, начинает мерзнуть, образуя тонкую корочку льда.

Через 4 дня выгрузка в основном была закончена.

Оставив на станции для достройки артель плотников, 28 июля отправились на исследование архипелага, изученного еще совершенно недостаточно. Вышли в море опять Британским каналом и вечером бросили якорь у мыса Флора острова Нордбрук в южной части архипелага. Здесь когда-то стоял целый поселок из 6 строений английской экспедиции Джексона, в течение трех лет изучавшего Землю Франца-Иосифа. В июне 1895 года здесь произошла историческая встреча его с Нансеном. Сюда заходил «Фока» экспедиции Седова при обратном возвращении на родину, чтобы поддержать гаснущие топки остатками строений Джексона, и здесь же их встретили штурман Альбанов и матрос Кондрат — единственные уцелевшие из ушедших с дрейфовавшей во льду шхуны Брусилова «Анна».

В настоящее время здесь видны лишь остатки бамбуковой хижины, сооруженной участниками экспедиции Фиала, и только. От дома Джексона остались лишь нижний венец да полусгнивший пол, остальное было взято на дрова злосчастным «Фокой» Кругом валяются ржавые консервные банки, обрывки одежды и обуви. В стороне стоит обелиск из серого гранита — памятник погибшим участникам экспедиции Аббруцкого к северному полюсу.

Осмотрев район и подновив поставленный в прошлом году советский флаг, вечером тронулись дальше.

По пути встретили две промышлявшие без разрешения во внутренних советских водах архипелага норвежские шхуны и предложили им убраться во избежание дальнейших осложнений.

К вечеру были у острова Белль, где в сарае, построенном еще в 1881 г. экспедицией Ли-Смита, сложили запас продовольствия для санной партии начальника станции бухты Тихой И. М. Иванова, намеревающегося зимою проделать ряд маршрутов для изучения архипелага.

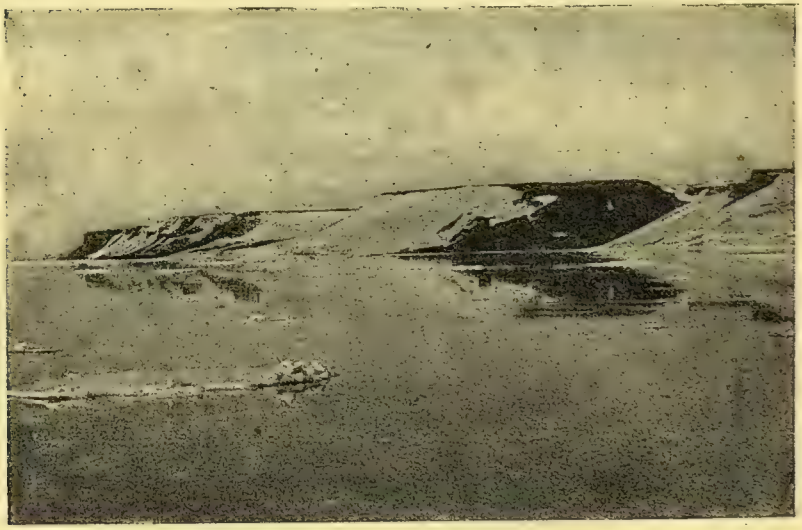
Погода испортилась. Дождь, временами густой туман, так что приходится или стоять, или двигаться самым малым ходом. Льды в проливах между островами тяжелые, местами даже невзломанные, так что нередко приходится менять курс и даже возвращаться обратно.

1 августа зашли на остров Альджер, где на обширной террасе у подножия горного склона сохранились еще остатки «лагеря Циглера», сооруженного экспедицией Болдуина 1901—1902 годов. В полуразрушенном дощатом доме имеется склад консервов, часть которых уже проржавела и испорчена, а часть еще уцелела и вполне пригодна в пищу. Среди них банки с пеммиканом и шоколадом для санных путешествий. Каждая содержит 3 плитки шоколада и 3 пакетика пеммикана примерно по 50 г, то есть разовую порцию на 3 человека. Мы отобрали себе около 50 банок из наиболее уцелевших. В маршрутах они нам могут весьма пригодиться.

Отсюда сделали попытку, уже вторую по счету, пробиться к земле Вильчека на восточной стороне архипелага, но по пути снова встретили невзломанные льды и были вынуждены вернуться обратно, порешив итти в бухту Тихую, где постройки вероятно уже закончены.

Днем 1 августа пришли снова на станцию. Здесь работы

Станция в бухте Тихой.



Земля Франца-Иосифа. Берег острова Гукера к северу от станции.

почти закончены, остались кое-какие доделки. Выход назначен на завтра.

Сегодня Георгий Алексеевич, несмотря на мои уговоры, отдал И. Иванову 10 собак, обещанных еще в Ленинграде, таким образом у нас остается 43, считая всех, в том числе и полный брак. Между тем здесь на станции уже имелось от прошлого года около 30 штук, да промышленники с Новой Земли сейчас привезли с собою штук 10. Здесь собак явный избыток, мы же, несомненно, будем терпеть в них острую нужду. Зря такое великодушие и щедрость.

На другой день после традиционного банкета, речей и киноинсценировок, наконец, расстались с бухтой Тихой. В общем на выгрузку, постройку радиостанции и оранжереи, которая, к слову сказать, потом так и не была использована, ушло 12 дней. Впереди поход к Северной Земле через неизвестную часть Карского моря, где до сих пор еще не бывало ни одно судно.

ГЛАВА III

Погрузка угля в Русской Гавани. Отправление. Остров Визе. Тяжелые льды. Поиски места высадки. Выгрузка. Постройка дома. Прощанье.

Расставшись наконец, с бухтой Тихой, вышли в Британский канал и взяли курс на Новую Землю, в Русскую гавань, куда должно было притти судно с углем для пополнения наших убавившихся запасов. Туман, временами довольно густой, вынуждает итти большею частью тихим ходом. Лед у земли попрежнему редкий и мелко-битый из-за продолжающихся отжимных ветров. Поэтому идем безостановочно. Утром еще в виду мыса Флоры снова встретили занимавшуюся хищничеством промысловую норвежскую шхуну, которую остановили и предложили убраться за пределы 12-мильной зоны из внутренних вод архипелага. Отто Юльевич Шмидт думает, что следовало бы на летнее время установить на мысе Флоры и в других пунктах — например, островах Альджер, Белль, Рудольфа, сторожевые посты, филиалы станции бухты Тихой. Иначе контрабандный иностранный промысел изжить будет трудно.

Пройдя миль сорок почти по чистой воде, вошли во льды, но битые, с многочисленными разводьями, позволяющими итти без задержки.

Вскоре на довольно крупном ледяном поле заметили спокойно шагающую медведицу с медвежонком нынешнего года. Зверь по обыкновению не обращал внимания на судно и шел на ветер, разнюхивая встречающиеся старые тюленьи бежки и лунки; медвежонок ковылял сзади. Соответственно маневрируя, на что и капитан и его старший помощник большие мастера, судно подошло к ничего не подозревающим животным почти вплотную. После

очередной киносъемки медведицу убили, медвежонок убежал, но недалеко. Спустили несколько собак из наиболее подающих надежды. Но, увы, нас постигло жестокое разочарование. Они больше интересовались убитой медведицей, источником пищи, на медвежонка же не обращали никакого внимания, хотя спустившиеся на лед люди устроили за ним жестокую погоню. После некоторых попыток ускользнуть звереныш, спасаясь, залез в лужу, где и был окружен. Однако, взять его оттуда было не так просто. Он шипел, урчал и свирепо бросался на всех пытавшихся его схватить. Наконец притащили веревку и после нескольких неудачных попыток накинули на шею петлю и приволокли медвежонка к борту. Мгновенно спустили трос с огромным крюком, каким пользуются для подъема многотонных грузов, зацепили бедного Мишу поперек туловища петлей, загремела лебедка, медвежонок взвился с размаху, при спуске ударился о поручни и пал на палубу бездыханным на труп матери.

Ахали, жалели, но было уже поздно.

За время плавания убито уже 8 медведей, все в плавучих битых льдах. Идущего судна медведи не боятся совершенно, нужно только поменьше ходить на палубе на виду и не высовываться за борта. Стоит, впрочем, хоть раз выстрелить, как зверь пускается наутек.

Идем попрежнему битым льдом, временами густоты 5—6 баллов, но это мало задерживает движение, так как разводья всюду многочисленны. С ледокольного парохода «Русанов», который везет нам уголь, получено сообщение, что он прошел меридиан острова Колгуева и послезавтра предполагает быть на месте встречи.

Сегодня к вечеру льды кончились. Море чисто, нет даже отдельных самых мелких льдинок. Таким образом ширина ледовой зоны, окружающей архипелаг Земли Франца-Иосифа нынешний год, не превышает 100 миль (186 км), причем льды битые, легко проходимые. Это и позволило норвежским шхунам, несмотря на их небольшой тоннаж и слабые машины (обычно мотор Болиндер 50—100 сил), забраться, в поисках промысла, так далеко на север.

Ночью подошли к Новой Земле и осторожно, с вытравленным за борт якорем, из опасения неизвестных банок и подводных камней, вошли в бухту Русской Гавани.

Русская Гавань — наиболее удобная, защищенная от всех ветров стоянка в северо-западной части Новой Земли.

Повидимому как гавань она была известна уже давно первым русским промышленникам и зверобоям, ходившим сюда на своих льдах и кочах. Об этом свидетельствует старинный покосившийся знак-крест [1] на берегу с вырезанной датой 1842 года. В 1913 году сюда заходил на «Фоке» Г. Седов и определил астрономический пункт. Более обстоятельно бухта была исследована Р. Л. Самойловичем во время его экспедиций по изучению Новой Земли 1921—1927 годов.

«Русанова» еще нет, стоим в ожидании его прихода. Бухта со всех сторон окружена возвышенностями до 30—50 м высоты, а глубже внутри земли видны увалы и горы до 300—400 метров. Снегу на склонах почти нет, весь успел стаять. В южную часть бухты спускается ледник, здесь, впрочем, не доходящий до берега моря. Другой южный его язык виден через перешеек уже за пределами бухты. Здесь он образует мощную — до 30 м высоты — ледяную стену, обрывающуюся непосредственно в море. Время от времени стена обваливается, порождая айсберги. «Телится», как говорят моряки. Такой «отел» во время стоянки пришлось наблюдать несколько раз, доставляя скучающим кинооператорам благодарный материал для съемки. По берегам бухты разбросан многочисленный плавник, среди которого бродившему тут писателю И. Микитову посчастливилось найти буй с запиской экспедиции Болдуина 1902 года с Земли Франца-Иосифа. Согласно сообщению еще и сейчас здравствующего в Америке Э. Болдуина (Evelin B. Baldwin), откликнувшегося на эту находку, буй был отправлен на аэростате, поэтому установить место начала его водного путешествия (что было бы очень интересно) нельзя.

Сегодня в 11 часов пришел долгожданный «Русанов», задержавшийся в пути из-за тумана. Немедленно оба судна стали вплотную борт о борт, это оказалось возможно благодаря отсутствию волнения и защищенности гавани. Перегрузка началась в 3 смены непрерывно, так как в кратчайший срок необходимо перегрузить около 500 тонн угля. Мы наполняем доотказа угольные ямы и еще берем в значительно освободившийся кормовой трюм тонн 200—300, чтобы иметь максимальный запас. Условия похода к Се-

[1] Кресты на Новой Земле, да и в других местах полярного побережья Сибири, отнюдь не обозначают могил. Нередко это просто опознавательные гидрографические знаки, поставленные в старину первыми проходившими здесь мореплавателями и промышленниками.

верной Земле неизвестны, и всегда нужно быть готовым к вынужденной зимовке.

«Русанов» привез нам целые кипы последних газет, на которые все накинулись с жадностью. Получил газеты из дому и я. К сожалению, все относящееся к нашему походу оказалось тщательно вырезанным, очевидно, чтобы послать эти вырезки отдельно. Этой-то посылки как раз и не было получено.

Кроме того получили кое-какие недосланные грузы из Архангельска и Ленинграда, в частности импортную складную байдарку.

Вчера, собираясь направиться на нашей шлюпке с подвесным мотором для осмотра берегов, обнаружили, что В. Ходов, сагитированный мотористом станции бухты Тихой Плосконосовым, в порыве великодушия и дружеских к нему чувств отдал единственную пару свечей к мотору, рассчитывая на запасные к зарядному аггрегату нашей радиостанции. На проверке же оказалось, что эти свечи размером 18 мм, для подвесного же мотора нужны в 22 мм.

К счастью, на пришедшем «Русанове» оказался хоть плохенький, но все-таки кое-как действующий токарный станок. На нем выточили и подогнали под свечи 2 пары переходных муфт, так что мотором стало опять возможно пользоваться.

11 августа, через 4 дня, погрузка была закончена. На «Русанова» пересели возвращающиеся зимовщики с земли Франца-Иосифа — часть строительных рабочих и один из работников судовой экспедиции. Таким образом на «Седове» осталось только самое необходимое количество народа, но даже и сейчас оно достигает внушительной цифры в 64 человека.

Распростившись протяжными гудками, суда разошлись, одно на юг, другое на север навстречу неизвестности.

Обогнув Новую Землю, продолжаем итти на север с остановками через каждые 30 миль для промеров глубин, послойных проб воды, сбора планктона, траления и других гидрологических и биологических работ. В общем каждая станция отнимает 5—6 часов. Войдя во льды, такие же разреженные, как и ранее, на другой день примерно на широте 79° повернули на восток-северо-восток.

Выбирая такой маршрут, капитан В. И. Воронин руководствовался теми простыми соображениями, что господство-

вавшие с момента нашего отплытия из Архангельска северные и особенно северо-восточные ветры должны были отжать льды от западных берегов Северной Земли к югу и западу в область Новой Земли. Нам было желательно высадиться, примерно, под 79°30′ против гипотетического залива или пролива Шокальского. Поэтому предполагалось, поднявшись до этой широты, лечь на восточный курс и итти к намеченной цели. Таков был план. Действительность внесла в него, как всегда, значительные коррективы.

Сегодня, 12-го, как и вчера, идем попрежнему слабыми разреженными льдами, да и те к вечеру кончились. Пошло открытое, свободное море. Все радуются, некоторые, наиболее радужно настроенные, уже подсчитывают, когда придем на Северную Землю.

На другой день утром слева по носу была усмотрена низменная неизвестная земля, окруженная невзломанным припаем, здесь, с западной стороны, около 10—12 км шириною. Ее существование было предсказано проф. В. Ю. Визе еще в 1924 году на основании анализа дрейфа шхуны экспедиции Брусилова «Анна», унесенной в 1912 году со льдами от западных берегов Ямала в область океанических глубин Полярного бассейна, где она и исчезла без следа, вероятно раздавленная льдами. Весною 1914 года, когда «Анна» дрейфовала уже севернее Земли Франца-Иосифа, с нее отправилась по льдам часть команды во главе со штурманом Альбановым в количестве 14 человек в расчете добраться до населенных мест. Однако трудности и лишения пути были столь велики, что до мыса Флоры, где тогда еще была отчасти цела построенная Джексоном база, добралось только двое: Альбанов и Кондрат. Здесь их подобрала возвращавшаяся с зимовки в бухте Тихой экспедиция Седова. Альбанов взял с собою копию судового журнала, что и позволило восстановить шаг за шагом историю и путь дрейфа несчастной «Анны».

Подойдя вплотную к припаю вновь открытой земли, «Седов стал на ледяной якорь, а на остров для исследования отправилась порядочная партия научных работников и просто желающих обозреть вновь открытую землю. Нарту с грузом продовольствия и палаткой пришлось тащить на себе, так как наши собаки решительно отказались от подобной чести, несмотря на все старания Журавлева. Повидимому, на Северной Земле они сначала основательно на нас «поездят», прежде чем мы фактически по-

едем на них. Мне, к сожалению, принять участие в экспедиции невозможно. «Русанов» вместе с газетами и углем привез нам изрядную порцию микробов самого злейшего гриппа, которым заболели уже человек 10, в том числе и я. Любопытно, что болезнь имеет весьма своеобразную «полярную» форму.[1] Температура держится около 40°, падая лишь ненадолго от приема аспирина. Лицо страшно опухло, как при болезни почек. Сознание ясное, держусь на ногах, хотя ощущение слабости все же есть. Лечусь сам лошадиными дозами хинина с коньяком. При гриппе это для меня специфическое радикально действующее средство.

Через сутки, уже ночью, вернулась береговая партия, страшно измученная, так как людям пришлось по торосистым льдам тянуть на себе тяжело нагруженную нарту. 12 км до берега они шли около 6 часов. «Теперь мы знаем, что такое пешее путешествие в Арктике», — говорили некоторые из вернувшихся, новички в походах подобного рода.

По рассказам «Земля Визе» представляет низменный, не более 15—20 м над уровнем моря остров, вытянутый в юго-восточном направлении, около 25 км в длину и 6—8 км в ширину, сложенный рыхлыми, повидимому ледниковыми и морскими четвертичными отложениями, судя по доставленным образцам. Мелкие выходы коренных пород представлены песчаниками по облику тунгусского (пермо-карбонового) или даже юрского возраста. Возможно, впрочем, что это лишь крупные валуны. На берегу найдены череп песца, очень старый рог оленя, вероятно унесенного от берега материка с оторвавшимся припаем и здесь погибшего. Видели довольно свежий след хозяина здешних мест — белого медведя, «ошкуя», как его называют поморы.

Прибрежная часть острова занята остатками исчезнувшего ледника, разбитыми многочисленными трещинами, в которых скопилась пресная вода от стаявшего снега. Прыгая через них, выкупались по очереди почти все, так как обтаявшие края трещин были предательски скользки, а ширина доходила до 1 м и более.

Хинин ли, или коньяк помог, болезнь моя прошла, но итти на остров, чтобы выяснить более точно его геологическое строение и происхождение, уже поздно. Сегодня, 15-го утром, судно тронулось дальше в обход острова Визе с се-

[1] В настоящее время на основании наблюдений на многочисленных теперь полярных станциях врачи выделили этот вид гриппа в специфически особую форму «полярный грипп».

вера. Вскоре же за ним льды стали гораздо тяжелее. Невзломанные ледяные поля площадью до квадратного километра и более окаймлены кромкой свежеторошенных льдов. Кое-где, впрочем, видны разводья, которыми и пользуемся.

По мере продвижения на восток ледовая обстановка делается все хуже и хуже. Очевидно сюда к земле эти льды прижаты северо-восточными ветрами, на которые мы так рассчитывали. Ночью встретили столь сжатый плотный лед, что «хоть лети», по выражению капитана. Решили остановиться и ждать отлива, когда поля хотя немного разведет, и тогда, пользуясь всякими возможностями, будем пробираться к югу на кромку, а там дальше будет видно, как действовать. Сейчас лишь ясно, что на восток, как хотели итти сначала, пути нет.

Около 7 часов начался отлив и, действительно, как предполагал капитан, появились разводья, а ранее их не было совершенно. Тронулись вперед, пробираясь самыми ничтожными лазейками. Вот здесь-то сказались искусство и опыт нашего водителя В. И. Воронина. Он крутился с судном направо и налево, пролезая между мощными торосистыми полями. Пользуясь малейшей щелью, направлял судно туда, где, казалось, ледяные поля были всего мощнее, ан глядь — под самым носом появлялась, змеясь, трещина, в которую хоть со стоном и скрежетом, но все же проталкивался все дальше и дальше вперед наш «Седов».

Идем очень медленно, не более 5—10 миль в смену.

Часть публики уже заговорила о возможности зимовки на судне, затертом во льдах открытого моря. Да и командование, вполне впрочем благоразумно, учитывает эту возможность. С сегодняшнего дня продовольствие к столу стали выдавать строго по норме, а не широкой, щедрой рукой, как ранее. Начали наблюдать за бережным обращением с меховой одеждой.

Впрочем северо-земельцы не унывают. Зимовка нас не страшит, ведь все равно мы подготовились провести в Арктике минимум два года. Единственное наше горячее желание, чтобы нас высадили на сушу, куда ни на есть, а дальше мы уж сами справимся.

Сегодня, 17 августа, еще более тяжелый день. Все время тараним льды, пользуясь самыми маленькими разводьями. Нередко небольшую перемычку между полыньями шириною 100—200 м приходилось пробивать переменными ходами вперед — назад, используя живую силу судна, в тече-

ние 1—2 часов, продвигаясь после каждого разбега лишь на полкорпуса. В общем за день прошли не более 2 миль, то есть 3,6 километра.

К вечеру — повидимому, из-за сжатия льдов — после одного из разбегов судно заклинилось так, что все усилия выбраться назад задним ходом оказались напрасными.

Был объявлен «аврал». На лед с пешнями и ломами вылезли все свободные от работ люди и начали околку судна. Отбитые глыбы подцеплялись тросом и оттаскивались лебедкой в сторону. Пробовали применить и аммонал, но плохо асфальтированный бикфордов шнур в воде намокал и гас. Лишь помощью электродетонаторов удалось произвести взрыв, но, увы, эффективность его оказалась ничтожной. Несмотря на заряд в 15 кг, образовалась лишь воронка около 4 м в диаметре, заполненная кашей битого льда. Желанных же трещин не было ни одной. Однако толчок ли от взрыва, или обколка, которую сделали уже на $^3/_4$ корпуса, или, что вернее, то и другое вместе сделали свое дело.

Ледокол медленно пришел в движение и сошел назад в проделанный им ранее канал.

Довольные, мы пошли дальше, но уже через 15 минут заклинились еще более основательно. Очевидно все попытки двигаться сейчас, во время сжатия, совершенно бесполезны. Только непроизводительно тратится уголь, да надрывается машина.

Стоим в ожидании лучших времен. Погода ясная, солнечная, но холодная, температура уже ниже нуля. Веет холодком. Краски на небе вечером морозные акварельные, какие бывают лишь зимой на севере. Впрочем на судне тепло, мирно шипит пар в отоплении, публика в кают-компании играет в шашки, шахматы, но на душе у многих, видимо, невесело.

К вечеру начал подувать желанный южный ветерок, льды стало понемногу разводить, и мы двинулись вперед, пробираясь на юг зигзагами «переменным курсом», как говорят моряки, используя трещины, полыньи и малейшие намеки на разводья.

К вечеру положение еще улучшилось, разводьев стало больше, корабль пошел, уже почти не останавливаясь и не давая заднего хода. Встретили, после долгого перерыва, медведицу с двумя медвежатами. Признак хороший, значит кромка не так далеко. В сплоченных льдах зверя не бывает,

так как там нет для них корма — тюленя, который держится в битых разреженных льдах.

На другой день повернули на восток общим курсом на остров Уединения, но льды снова заставили спуститься южнее и пройти к югу от этого действительно одиноко заброшенного среди пустыни полярного моря островка.

От председателя Правительственной арктической комиссии С. С. Каменева получена телеграмма с поздравлением по поводу открытия нового острова и пожеланием скорейшего прибытия на Северную Землю, а мы пока еще далеки от нее. Впрочем здесь льды все же слабее. Они менее торошены и сильно разъедены летним таянием. Судя по толщине, некоторые поля образовались уже в предвесеннее время, — признак, что зимою здесь было много открытой воды.

Сегодня, 21-го, радостный день. Примерно на широте 76°40′ вышли на кромку и повернули на восток к Северной Земле.

В общем во льдах мы пропутались шесть дней, пройдя за это время лишь 185 миль, то есть в среднем около 30 миль (56 км) в сутки.

Дальше пошли почти по чистой воде, лишь изредка пересекая разреженные ледяные поля. Встретили один за другим два неизвестных островка, названных один именем нашего капитана Воронина, другой в честь старейшего на судне ученого бактериолога проф. Исаченко. Высадку не делали за недостатком времени. Нужно торопиться к Северной Земле, срок пребывания в Арктике для судна остался уже небольшой. Количество гидрологических станций и длительность их тоже значительно сокращены.

К концу суток достигли 78° сев. широты и 96° восточной долготы. По месту пора было бы уже быть и Северной Земле, а ее все еще не видно.

Утро 22-го холодное, но ясное и солнечное, какого давно уже не было. Вскоре встретили снова льды и повернули вдоль их на север. Возможно они уже окаймляют западные берега Северной Земли. Все свободные от работ дежурят на палубе с биноклями и без них. Каждому лестно первому заметить легендарную землю. Около полудня на северо-востоке показались искаженные рефрекцией очертания неизвестной земли с казавшимися очень высокими скалистыми берегами. Подойдя ближе, мы выяснили, что это лишь остров (потом названный островом Самойловича)

с каменистым западным и отлогим южным берегом. Поверхность имеет округлые очертания, очевидно будучи сглажена исчезнувшим теперь ледником. По склонам кое-где видны многолетние снежники и нестаявший снег. Остров окружен сильно торошенными невзломанными льдами. От воды до него не менее 5 миль. За островом, в мареве миража, сегодня очень сильного, видны неясные очертания как бы обрывистой ледяной стены с черными пятнами на ней и под ней. Контуры ее плывут, изменяются самым прихотливым образом, то вырастают до гигантских размеров в сотни метров высоты, то исчезают совершенно. Мнения наблюдателей разделились: одни считают это землей, другие же причудами рефракции среди торошенных грязных льдов.

Попытки пробиться ближе к этой гипотетической земле не увенчались успехом. Торошенные без разводов льды оказались не под силу нашему судну. Земли, если это действительно она, нам здесь не достичь. Высадка на остров бессмысленна, да и добраться даже до него не так-то просто и налегке, а каково будет перетаскивать груз! Решили итти дальше на север в надежде встретить более удобное место для высадки. По мнению В. Визе, льды здесь вынесены из пролива Вилькицкого и сгружены у острова, севернее обстановка должна быть благоприятнее.

Пошли и вскоре натолкнулись на группу островов, названных впоследствии архипелагом С. Каменева. Между островами всюду невзломанные льды, а с западной морской стороны припай торошенных льдов от 2 до 5 км ширины.

Для ориентировки решили сойти на берег и осмотреться. Дорога к берегу через сильно торошенные льды даже налегке оказалась весьма тяжелой, 2 км мы шли не менее часа.

Правда, для груза можно будет расчистить дорогу, но даже и тогда можно будет выгрузить лишь самое необходимое. О доме нечего и думать; хорошо, если удастся перекинуть лишь фанеру и бруски.

С высокого скалистого мыса [1] в бинокль удалось усмотреть, что к южной оконечности следующего к северо-западу маленького острова вплотную подходит полоска чистой воды. Посоветовавшись с Г. Ушаковым, порешили там

[1] Мыс острова Среднего. На нем в 1932 году нами поставлен гидрографический знак высотой в 10 м.

и выгружаться. Выбирать было не из чего. Время уже позднее, места удобнее искать нет возможности, нужно брать что есть. Правда, мы находимся лишь у группы маленьких островов. До самой же Северной Земли, вероятно, еще не близко, но добраться до нее на судне из-за окружающих льдов нынче дело неосуществимое. Все это, конечно, осложняет нашу задачу, придется где-либо на самой Северной создавать крупную вспомогательную продовольственную базу. Но что же делать, иного выхода нет.

Вернувшись на судно, сообщили о результатах осмотра, и через полчаса «Седов» уже стоял на якоре в полукилометре от берега выбранного острова. Здесь, видимо, действительно имелось единственное место, где чистая вода узкой полоской метров в 250 шириной подходила к берегу вплотную. Дальше шел припай, постепенно расширявшийся. «Лучше гавани и не придумаешь», повторял повеселевший капитан. «Только бы не ударил прижимной ветер с юго-запада», добавлял он уже озабоченно.

Съехав на берег, осмотрели место нашей будущей резиденции. Островок имеет вид вытянутого на северо-запад гребня шириною в южной части около 250 м и высотою 7—8 м над уровнем моря. Склон на запад к морю крут, местами отвесно обрывист; на восток обрывов меньше, но крутизна тоже значительна. Слагающие породы — поставленные на голову известняки — образуют здесь крутую складку. Они-то и обусловили обрывистость склонов и вытянутость острова, длинная ось которого совпадает с тектонической осью.

К юго-восточной части к крутому склону острова примыкает намывная галечная отмель с лагуной в северной ее части. Общая ширина отмели около 100 м, длина метров 150—160. Высота над уровнем моря примерно 1,5 м, но по берегу бордюром расположен прибойный галечный вал около 2—3 м высоты. Конечно было бы всего безопаснее построиться на высокой поверхности самого острова. Здесь было бы спокойно от всякого прибоя, да и зимою снег будет, несомненно, выдуваться, так что ни дом, ни склад не занесет. Но тогда придется все грузы, в том числе и довольно тяжелые брусья и балки, таскать на гору по крутому склону. Это займет много времени и потребует значительной рабочей силы. Ни того, ни другого нет. Решили строиться на отмели, примерно метрах в 70 от места, где сейчас могут приставать и выгружаться лодки. Вы-

План группы островов С. Каменева.

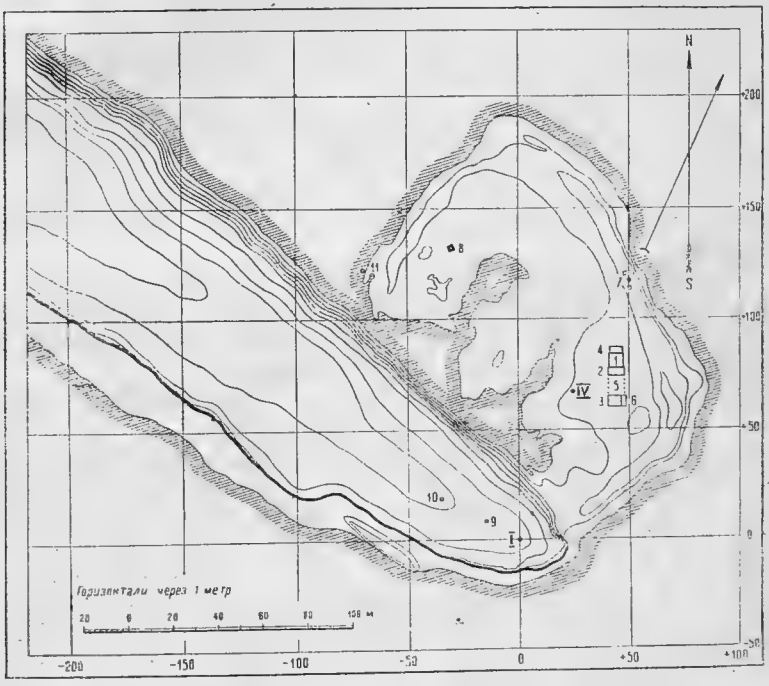
грузка тут легкая и удобная, так как лодками можно подходить к остаткам уцелевшего здесь припая вплотную и становиться под разгрузку бортом. Переносить груз придется по ровному месту, по сухой, мелкой известковой гальке, что не потребует больших усилий. Правда, база на отмели подвержена опасности от прибоя во время осенних штормов в условиях открытого моря, но едва ли это бывает здесь часто. Кроме того, береговой вал и редко вскрывающиеся льды в проливе между островами представят некоторую защиту в этом отношении. Потолковав между собой, окончательно назначили на отмели место для постройки дома, разметив его колышками. Господствующими зимними ветрами здесь, как в общем и везде на севере, будут вероятно южные и близкие к ним. Поэтому длинная ось дома ориентирована в направлении с юга на север. Глухая стена обращена на север. Фасад, окна и вход — на восток в море. При таком расположении, думаем, что вход будет заносить меньше.

К острову подошли в 16 часов, а в 21 час уже началась выгрузка. Идет пока продовольствие и снаряжение, лежащее сверху. Возим его на карбасах грузоподъемностью в 3 т, буксируя их нашей шлюпкой с подвесным мотором Архимед в 5 сил. Выгрузка из трюма и разгрузка на берегу идет силами команды круглосуточно в 3 смены. Моторка обслуживается нами в 2 смены: Ушаков и Журавлев одна, другая я и Ходов. Один управляет мотором, другой следит за буксиром, пристает, подает концы и т. д. К утру выгрузка продовольствия (525 мест, общим весом около 25 т) и оборудования (140 мест, около 7 т) была закончена. Начали выгружать дом. Для возки брусьев, досок и других строительных материалов соединили две шлюпки параллельно, покрыв их настилом. На этот импровизированный паром и грузим строительство. При таком способе возки лес остается сухим, а нагрузка под бортом судна и выгрузка на берегу идут легко и быстро.

Погода, между тем, ухудшилась, поднялся довольно сильный северный ветер, началась пурга при температуре ниже нуля. На берегу уже кое-где сугробы, все покрыто снегом; словом, ландшафт самый зимний. Публика на судне нервничает, торопит выгрузку, хотя и без того она идет бешеным темпом.

Днем из-за перегрузки понтона и сильного ветра одну из шлюпок залило водою и часть материала строительства

разнесло волнами. К счастью с помощью моторки все быстро удалось собрать. К 16 часам части дома на берегу были расклассифицированы согласно маркировке, и плотники приступили к сборке. Работают 4 человека под руководством инженера Ильяшевича. Первый венец положили



Тахеометрический план юго-восточной части острова Домашнего архипелага С. Каменева.

1—жилой дом. *2*—сени. *3*—продовольственный склад. *4*—мясной амбар.—*5*—собачья загородка. *6*—собачник. *7*—метеорологическая станция. *8*—магнитный домик. *9*—ветросиловая установка. *10*—радиомачта. *11*—водомерный пост.

Точка I. Основной репер

Координаты:
Ширина 79° 2'54"
Долгота 91° 7'41"

Отметка основного репера 846, 1 см над средним уровнем моря в августе 1931 г.

прямо на грунт, предварительно углубив его на 15 см. Место постройки выбрано ровное, так что особой планировки не потребовалось.

К вечеру уже положены 3 венца и половые балки. На другой день погода несколько улучшилась, пурга кончи-

лась, но поземка временами еще тянет. Температура — 3°, снегу лежит уже порядочно, сантиметров на пять. К вечеру выгрузка строительных материалов, в том числе и запасных, а также кирпича, глины, гвоздей и прочего, была закончена. Стены дома выведены полностью, настлан пол и потолок. Печник приступил к кладке плиты.

Сегодня, 27 августа, перевезли около 40 тонн угля, дрова, бензин, керосин. К 14 часам перебросили оставшееся, в том числе трех быков на мясо, собак, сани, лодки и т. д. На этом выгрузка и закончилась.

Всего с 24-го по 27-е число, за два с половиной дня выгружено свыше 150 тонн, причем в смену работало и на судне и на берегу лишь 8 человек.

На другой день заканчивалась постройка дома. Настлана крыша, сделаны сени из шпунтовых досок, вставлены окна и двери.

Печник, виртуоз своего дела, скомбинировал вместе с плитой обогреватель, стенка которого выходит в жилую комнату. Уверяет, что одного этого будет вполне достаточно для согревания всего помещения.

Вечером на мысу высокой части острова подняли радиомачту. Другая укреплена на крыше дома.

Постановку радиомачты взял на себя в порядке добровольной нагрузки научный состав экспедиции «Седова». Гидрологи, биологи, ботаники и врачи взялись за лопаты и ломы, чтобы вырыть глубокие ямы для якорей оттяжек. Работа в мерзлом каменистом грунте была тяжела, ямы глубоки, и всем пришлось изрядно попотеть, чтобы выполнить взятое на себя обязательство. После закладки якорей оставалось поднять мачту. Тяжелое 15-метровое бревно решили поднимать вручную, подпирая его баграми и стойками. Результат не замедлил сказаться. Полуподнятое бревно сломало подпорки и грянулось о землю. Неопытные рабочие брызнули, как дождь, в разные стороны, к удовольствию кинооператора, который умолял еще раз повторить этот «фотогеничный» момент. Однако, несмотря на все его убеждения, охотников на повторение не нашлось. Вечером, освободившись после возки грузов, мы помощью стрелы и блоков легко проделали операцию, над которой ранее потело 12 человек.

29 августа дом был закончен: зашиты лбы у фронтонов, настлан пол в сенях, подшит потолок вагонкой и поставлены переборки, отделяющие помещения радиостанции и

кухни от жилой комнаты, где стены для тепла обшиты фанерой по кошме — правда, лишь частично.

В двадцати метрах от дома на одной оси с ним поставлен каркасный склад из фанеры с дощатой толевой кровлей. Вся работа по постройке склада заняла не более 6 часов. Дом же собрали четыре плотника всего за четыре с половиной дня.

Вечером с парохода увидели идущего прямо на дом вдоль припая острова большого медведя. Он шел прямо, не обращая внимания на снующих людей, бегающих собак, шум и говор. Зверь был уверен в своих силах и никого не боялся. Однако Журавлев живо разубедил его в этом; сев на шлюпку, подъехал вплотную и убил с одного выстрела. Это наш первый медведь на Северной Земле и, надеемся, не последний. Вообще зверя здесь, повидимому, достаточно, и в мясе недостатка, вероятно, не будет. На воде у припая то-и-дело «выстают» нерпы и морские зайцы, а однажды любопытный морж, вынырнув у шлюпки, даже заглянул за борт внутрь, так что пришлось непрошенного гостя отогнать ударом рукоятки весла по лбу. Выстрелов однако пока не слышно. У нас нет времени, охотой займемся позднее, после ухода парохода. Остальным же охота запрещена, чтобы напрасно не отпугивать зверя.

Сегодня, 30-го, мы окончательно перебрались с судна на жительство на берег в дом. Здесь еще довольно много разных недоделок, но все это закончим потом сами. Главное сделано, жилье собрано, поставлено, продовольствие и топливо на берегу.

В 15 часов состоялось официальное открытие станции. На мачте подняли советский флаг, и начальник рейса О. Ю. Шмидт сказал маленькую речь о значении исследования Северной Земли для изучения Арктики.

Затем мы все вместе отправились на пароход, где в кают-компании в последний раз сообща пообедали и напились чаю. Распростились без речей и громких фраз, просто и сердечно. Только спустились в шлюпку, как судно уже подняло якорь и сразу дало ход. Несколько прощальных гудков, ружейный салют, и пароход быстро исчез в тумане осеннего полярного дня. «Здорово нарезал винта», сказал Журавлев, вылезая из лодки на берег и закуривая трубку.

ГЛАВА IV

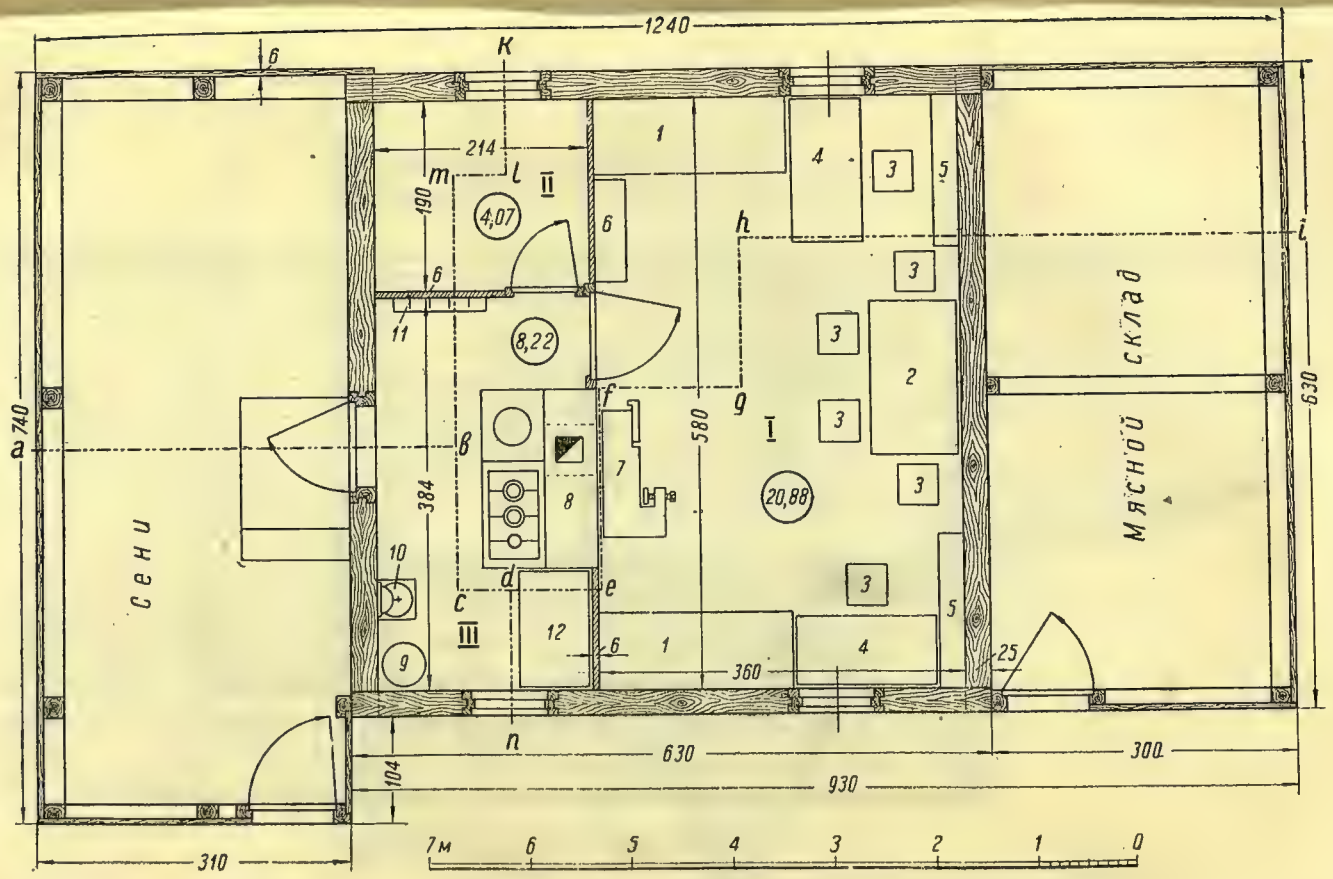
Работа на станции. Доделка дома. Разборка грузов. Охота. Нашествие медведей. Появление розовых чаек. Первая проба собак в упряжи. Монтаж и установка ветрового электродвигателя. Сборы в первый маршрут. Выезд. Прибытие на Северную Землю. Подъем советского флага. Поездка к северу на мыс Октябрьский. Поездка к югу. Возвращение на станцию.

Проводив пароход, сразу же легли спать за отсутствием коек прямо на пол, так как сильно утомились за последнее время.

На другой день с утра принялись за работу. Прежде всего необходимо было привести в жилой вид дом, произведя необходимые доделки, далее следовало немедленно, пользуясь открытой водой и хорошей, относительно тихой погодой, приняться за охоту. Через месяц, а то и меньше, может нагнать льды, море замерзнет, и морской зверь уйдет до будущего года. А у нас целая орава в 43 пса, которым в день нужно минимум 25—30 кг мяса. На зиму это составит около 8 тонн. Такую массу не легко добыть, а ведь нужно еще разделать туши да перевезти мясо на склад.

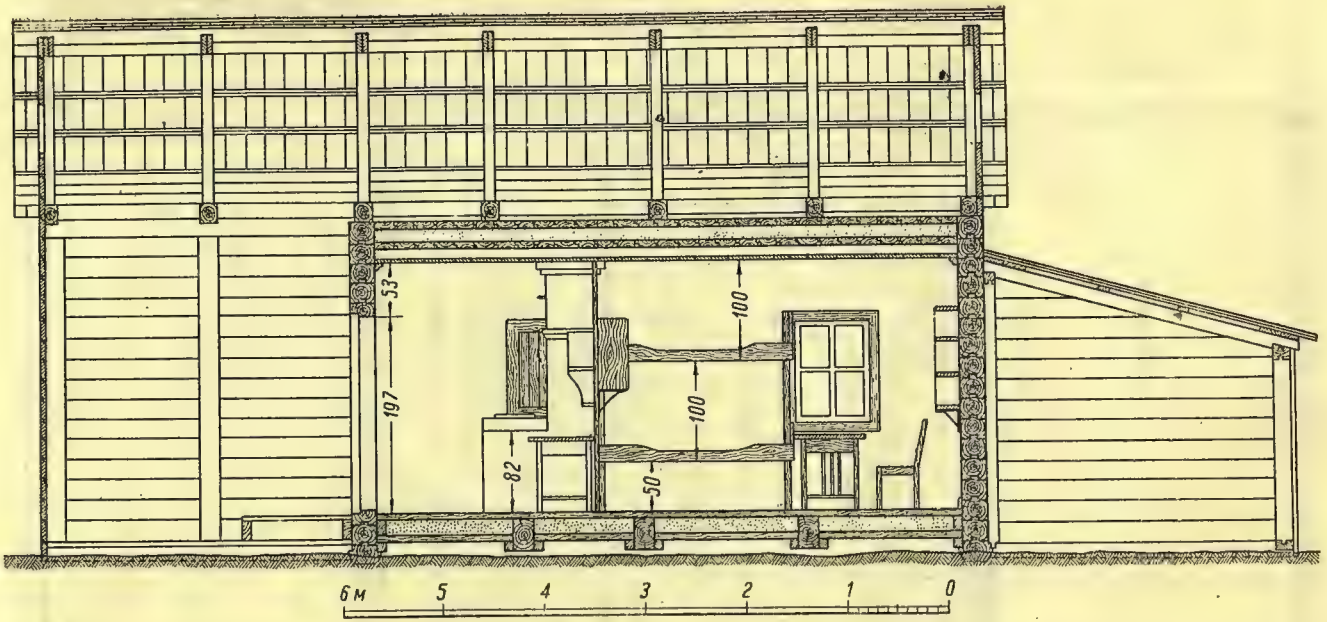
На улице в беспорядочных штабелях лежит весь наш груз: продовольствие, оборудование, радиостанция, хозяйство. Все это необходимо убрать в склад, частью разобрать и вынуть для повседневного пользования. Иначе зимою пургами занесет так, что и не разыскать.

Разделили обязанности: я и Ходов принялись за домоустройство, Ушаков с Журавлевым занялись охотой. В течение нескольких дней дом внутри был полностью обит фанерой по кошме, подшиты к балкам потолки из вагонки, вставлены и заклеены окна, сделаны койки, обеденный стол и несколько табуреток. Так как жилое помещение имело

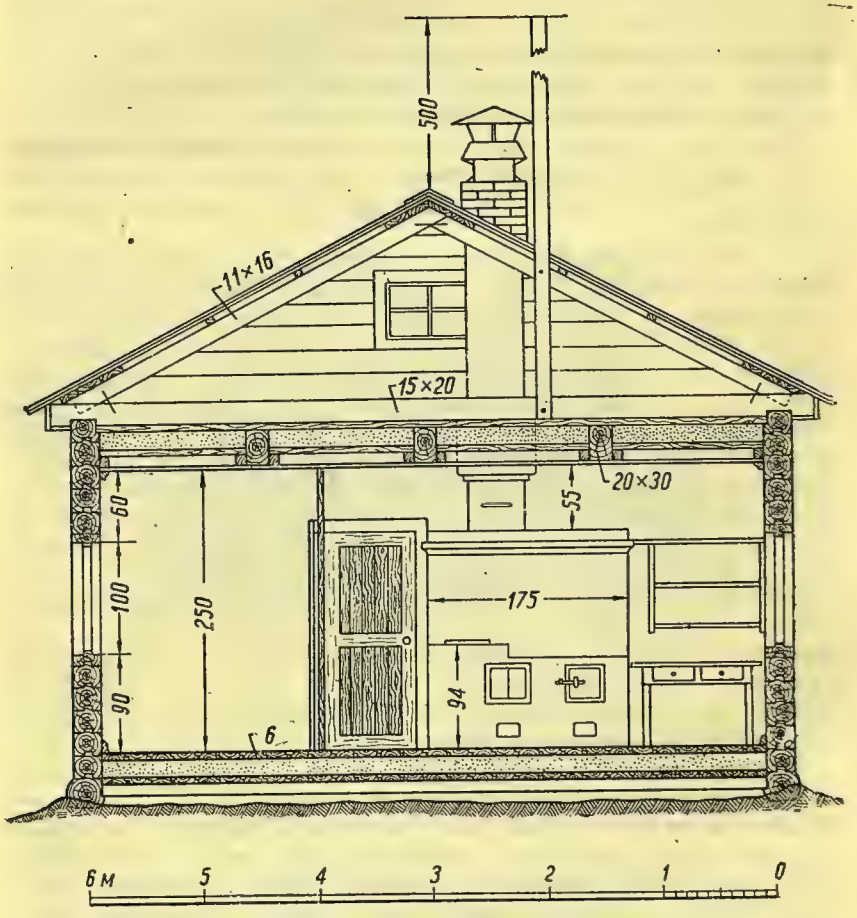


План жилого дома на острове Домашнем.

I—жилая комната. II—радиостанция. III—кухня.
1—койки, *2*—обеденный стол, *3*—табуретки и стулья, *4*—рабочие столы. *5*—полка для книг. *6*—аптека. *7*—верстак. *8*—плита. *9*—бак для воды. *10*—умывальник. *11*—вешалка.



Разрез дома вдоль по линии *abcdefghi.*



Разрез дома поперек по линии *klmbcdn*.

всего около 21 м² (5,8 м в длину и 3,6 м в ширину), из экономии места койки поставили пароходного типа одна над другой. Справа у входа у наружной стены поместился Журавлев, над ним Ходов, напротив, налево от входа, устроились Ушаков и наверху я. По бокам у окон поставили по столу для занятий, а в середине обеденный стол. Над рабочими столами устроили широкие полки для книг и инструментов. На пол постелили линолеум, что значительно облегчило содержание помещения в чистоте.

В кухне у плиты, между нею и окном, также поставили стол для приготовления пищи, а над ним ряд полок для посуды. В углу большой бак ведер на 20 для воды, рядом умывальник.

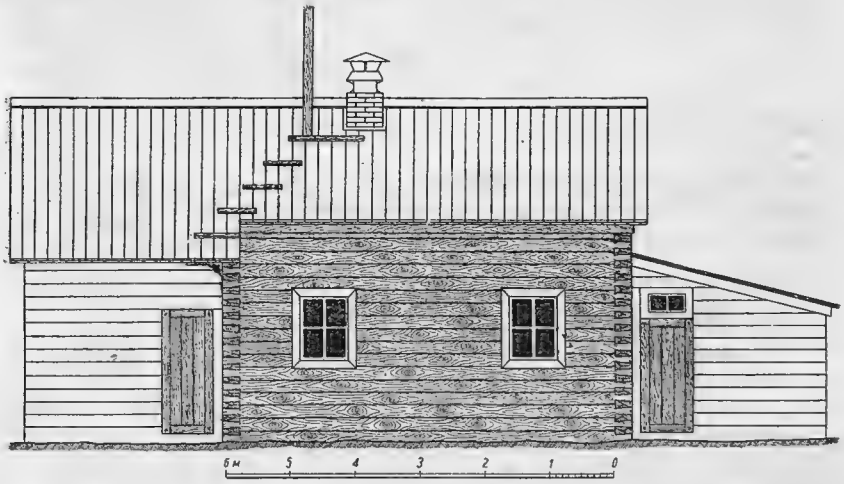
За эти дни наши охотники успели уже убить штук 15 нерп и 4 морских зайца. К сожалению, убитые на воде не держались, а тонули почти сразу же после выстрела. Поэтому, если немедленно не успевали подъехать и принять добычу на гарпун, она терялась безвозвратно. Правда, часов через 10—12 утонувшие вследствие начавшегося разложения в кишечнике всплывали, но довольно сильным приливо-отливным течением уносились в море и все равно пропадали для нас безвозвратно. В общем из числа убитых фактически удавалось добывать не более половины. Позднее, когда зверь станет жирнее, он тонуть перестанет, но ждать этого времени нам, конечно, некогда.

Сегодня, 2 сентября, охотники первый раз уехали на промысел через пролив на противоположную сторону. До этого времени они промышляли под берегом в непосредственной близости к дому. Вечером вернулись, привезли 12 нерп и 3 зайца, да еще утонуло 4 зайца и 5 нерп, которых не успели взять на гарпун.

Когда возились с вытаскиванием из шлюпки добычи, весившей в общей сложности около тонны, неожиданно тревожно забрехали собаки. Оглянувшись увидели спокойно идущих двух медведей. Мгновенно схватив тут же лежавшие карабины, открыли стрельбу. Звери находились шагах в 100 и, конечно, сразу были убиты. Оказались медведицей и прошлогодним полуторагодовалым крупным медвежонком — «лончаком». Увлекшись сниманием шкур с добычи, не заметили, как подошли еще 3 новых гостя. Патроны в винтовках — да и то по неполному магазину — оказались только у Журавлева и Ушакова. Один наиболее крупный зверь, оказавшийся медведицей, был убит, осталь-

ные бросились наутек, перебежали остров и уплыли в море. Однако уйти им тоже не удалось. На моторной шлюпке их довольно быстро разыскали и убили тут же на воде. В общем этот случай дал нам не менее тонны мяса, что с ранее добытым составляло уже около 3 тонн. Теперь на будущее можно было смотреть веселей.

Со сниманием шкур, что приходится делать немедленно, пока туши еще не замерзли, провозились до утра. Ночей пока еще нет, и в случае необходимости можно на улице работать хоть целые сутки.



Общий вид дома с моря.

Погода стоит преимущественно пасмурная и туманная. С тех пор, как приехали сюда, солнца почти еще не видели. Температура держится ровная в пределах от — 3 до — 5°. На севере и западе всюду виден отблеск водяного неба, свидетельствующий о наличности там больших пространств открытой воды.

Если «Седов» действительно пошел от нас на север, как собирался, он пожалуй смог пробраться очень далеко, может быть даже до северной оконечности Северной Земли. Этот вопрос нас очень интересует, однако наше радио еще не установлено, и здесь остается только гадать.

Разрешив на первое время мясную проблему, принялись за хозяйство также и Ушаков с Журавлевым, освободив Ходова на разборку радиоимущества и монтаж станции.

Сегодня превращали быков в мясо. Все эти дни после ухода парохода они стояли у стены дома и лениво пережевывали жвачку сена, несколько тюков которого захвачено при выгрузке. Теперь оно кончилось; нужно было произвести неприятную, но необходимую операцию убоя. Ее выполнил Ушаков при помощи нагана, причем ему пришлось в одного из наиболее крупных быков стрелять в лоб подряд 5 раз, прежде чем тот свалился. Туши освежевали и подвесили повыше на специальные козлы так, чтобы собакам не достать, иначе не дальше как к утру от мяса останется одно воспоминание.

Общий план строений на острове Домашнем.

Сегодня первый день проглянуло солнце, но, увы, не надолго. С запада вновь нагнало тучи и туман, пошел снова снег.

Журавлев принялся за пристройку к северной глухой стене дома специального амбара для хранения мяса, которое у нас за отсутствием пока места лежит в сенях. На улице его оставить, конечно, совершенно невозможно. Моментально «раскулачат» собаки, по образному выражению Журавлева.

Ушаков усердно конопатит щели на чердаке и в сенях, тщательно закупоривая каждую самомалейшую щелочку. Он по опыту на острове Врангеля знает, что во время зимних пург тончайшая снежная пыль проникает даже сквозь трещины, куда не пролезает лезвие столового ножа.

В полярных странах снег редко выпадает в виде хорошо всем известных хлопьевидных масс из изящных шестилу-

чевых звездочек. Это явление лишь изредка наблюдается в штилевые дни в теплое время, каковым бывает период с мая — июня по сентябрь. В остальное морозное время влага осаждается тонкими игольчатыми кристаллами толщиною в сотые доли миллиметра. Даже небольшой ветер, ударяя эти иглы друг о друга и о земную поверхность, измалывает их в тончайшую снежную пыль, наполняющую воздух. Пыль эта во время пурги проникает всюду в самые неожиданные места. Оставленный на улице пустой наглухо-закрытый, казалось бы совершенно плотно, без щелей, ящик или сундук вдруг оказывается после пурги набитым снегом доотказа. На чердаке против дырки от выпавшего гвоздя за ночь вырастает сугроб снега до метра высотой; неплотно прикрытая дверь в сени оказывается к утру изнутри заваленной до половины сугробом снега и т. д.

Наш чердак имеет пол, на нем будут храниться запасная теплая одежда, носильные вещи, обувь и прочее хозяйственное имущество. Поэтому чрезвычайно важно содержать его в порядке и чистоте.

Я занимаюсь разборкой оборудования. Вскрываю ящики, необходимое для текущих потребностей переношу в дом и раскладываю по полкам, остальное в склад. Работа трудная, часов по 12—14 приходится одному ворочать тяжелые ящики, перебрасывая их с места на место. К вечеру так наломаешься, что с трудом разгибаешь спину.

Кроме того с сегодняшнего дня я дежурный на всю эту неделю. На моей обязанности лежит изготовление пищи, мытье посуды, уборка помещения, топка плиты, заготовка воды, дров и т. д. Хлеб пока еще есть, с парохода нам его дали килограммов 200. Впоследствии же придется заниматься и хлебопечением.

Хозяйственные обязанности, наиболее скучная и неприятная работа, были разложены на всех поровну. Раз в месяц в течение недели каждый должен был исполнять эту повинность. Правда, в конце концов дела было уже не так много, в особенности если работу распределить надлежащим рациональным образом, но всем нам она казалась самой скучной и сложной обязанностью.

Утром я угощал своих товарищей огромной порцией яичницы по крайней мере из 30—40 яиц на гигантской сковороде. К чаю подавал масло и сыр. Затопив затем плиту и вымыв посуду, ставил кастрюлю с куском мяса на огонь

и уходил на работу. В 13—14 часов, за час до обеда, суп заправлялся рисом или другой крупой, сушеной зеленью, макаронами, — словом, что попадало под руку и на что находило вдохновение. На второе варился компот на несколько дней. Во время топки плиты в специальном баке таял снег, а впоследствии, когда море замерзло, лед для получения питьевой воды. Вечером, около 20 часов предлагался ужин из остатков от обеда и чай. Таков был наш несложный распорядок дня.

Сегодня с ночи, впервые за наше пребывание здесь, начался шторм с юго-запада. На море сильное волнение. Припай с морской стороны острова почти полностью разломало, но в проливе между островами лед держится по-прежнему крепко. Со штормом появились розовые чайки, до этого времени не наблюдавшиеся.

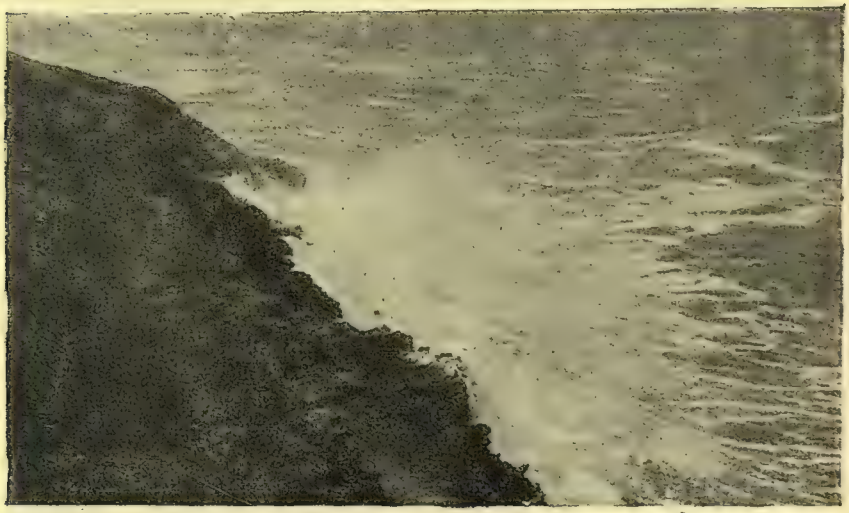
Розовые чайки (Rhodostethia rosea) принадлежат к семейству крачек и отличаются восхитительной бледнорозовой окраской. Они встречаются только в арктической области, и то весьма редко. Их видел лишь Нансен в районе северной части Земли Франца-Иосифа в период его зимовки с Иогансеном, несколько штук убила экспедиция Пайра и единичный сомнительный экземпляр наблюдал Джексон на мысе Флора. С. Бутурлин обнаружил их гнездовье в устьи реки Колымы. Это пока единственное место, где оно установлено с достоверностью. Прилетевшая стайка состоит из 20—25 штук взрослых индивидов. Они крутятся все время около скалистого мыса вблизи нашей базы, где прибоем очевидно выбрасывает различных мелких животных и, может быть, мелкую рыбешку. Когда очередной вал, прибоя, отступая, обнажает прибойную террасу, можно наблюдать, как чайки наперебой бросаются на отливающую воду и что-то ловят. Вместе с ними крутятся и моевки, — вид чаек, в районе наших островов весьма обыкновенный.

К сожалению, ни одного экземпляра розовой чайки добыть сегодня не пришлось. Порох и дробь еще не достали, они лежат в одном из ящиков, как назло где-то в середине штабеля, а стрельба из винтовки этих быстрых и вертких на лету птичек, конечно, была безрезультатна.

Юго-западный ветер пригнал льды, впрочем, довольно разреженные, а вместе с ними появился и зверь, исчезнувший было за последние дни. Сегодня убили 5 нерп и 2 зайца, причем всех благополучно достали.

Ящик с охотничьими принадлежностями, наконец, разы-

Жилой дом с сенями на острове Домашнем. Справа мясной склад.



Прибой на мысу у базы острова Домашнего. Август 1932 г.

скался, наготовили дробовых патронов, но розовые чайки исчезли, как только юго-западный шторм сменился довольно свежим нордом. Чрезвычайно досадно!

Снегу кругом лежит уже порядочно, местами надуло сугробы до полуметра и более, на ровной же поверхности лежит слой сантиметров в пять. Решили попробовать собак.

Ушаков, хорошо изучивший восточно-сибирскую упряжку, запряг по этому методу. Сбруя и сани у нас имелись, они прибыли с Дальнего Востока, а центральный тяговой ремень «потяг» сделали из зайца, вырезав его из снятой чулком шкуры. Последняя режется по спирали, так что из кусков получается, примерно, 20 м отличного, необычайной крепости ремня толщиною и шириною около сантиметра. Прочность его, по словам Журавлева, такова, что свободно удерживает взятого на гарпун раненого моржа, развивающего, я думаю, в это время тяговое усилие до 2—3 тонн. К такому центральному потягу и прикрепляются собаки цугом попарно, симметрично по обе стороны. Две передние собаки являются передовыми, но одна из них считается главной и несколько выдается вперед. Управление производится только голосом. Передовыми Георгий Алексеевич взял Варнака и Мишку, являющихся одними из лучших во всей своре. Варнак, пожалуй, был самым сильным и крупным псом. Когда мы как-то из любопытства взвесили его, он потянул около 50 кг (49,7). Мишка же отличается большой сообразительностью. На пароходе он прежде всех устроился около камбуза, где очень быстро научился попрошайничать. Когда ему говорили: «а ну-ка, Миша, повой» или просто: «Миша, повой», он становился говорившему передними лапами на грудь и начинал протяжно и просительно подвывать, за что и получал, конечно, соответствующую мзду. Этим он снискал себе всеобщую популярность, кроме, впрочем, Журавлева, который его презрительно называл «подхалим».

После нескольких неполадок упряжка пошла вполне удовлетворительно, и на ней Ушаков налегке вполне благополучно доехал до конца нашего острова и вернулся обратно.

Журавлев является принципиальным противником цуговой упряжки. У них на Новой Земле применяется веерная, но не гренландская, а несколько от нее отличная. Во многом она схожа с оленной, так как возникла под значительным ее влиянием. Первые новоземельские колонисты были ненцами и переселились с низовьев Оби и Полярного

Урала, где в качестве средств передвижения применяются только олени. Попав на Новую Землю, где по климатическим условиям передвигаться приходится на собаках, ибо оленям там почти нет корма, колонисты, естественно, перенесли привычные способы упряжки и на новых животных.

При верном способе все собаки запрягаются рядом бок-о-бок друг другу. На каждую собаку через плечо на шею надевается лямка, к которой прикрепляется поводок, продергивающийся через блок или кольцо у передка саней. На другой конец поводка крепится лямка для второй собаки. Таким образом создается подвижная система, при которой тяговое усилие обеих собак распределяется равномерно. Затем при этом способе собака не может лукавить, так как это сразу же обнаруживается по передергиванию поводка в кольце. При этом лодырь подается назад к передку саней, где ездок может легко заставить его быть более прилежным в работе. Кольца или блоки крепятся к специальному бруску через интервалы в 10—15 см друг от друга, в зависимости от числа собак. Нормальная упряжка обычно состоит из 10 собак, то есть для нее требуется 5 колец и 5 поводков.

Чтобы собаки не разбегались, на них надевается «пилеина», тонкая, но достаточно прочная цепь или шнур с ошейниками через 40—50 см друг от друга. Правый крайний пес называется коренным, его назначение — растягивать упряжку веером, чтобы она не путалась, для чего он тянет не прямо, а слегка вбок вправо. Левая собака называется передовым, к ее ошейнику прикрепляется вожжа, которой и управляют всей упряжкой. При натягивании вожжи передовой заворачивает влево, увлекая за собой всю упряжку. Похлопывая вожжей, заставляют передового подаваться вправо, теснить при этом всех остальных и таким образом заворачивать в нужном направлении. Для поощрения собак ездок держит в руках длинный, метра в три шест с костяной шишкой на конце, которым он и тычет ленивца в зад, в бок, куда попало.

Сравнивая такую упряжку с оленной, употребляющейся, например, на Таймыре, находим между ними полную аналогию. Только для оленей «пилеина» состоит не из ошейников, а из поясов, застегивающихся на брюхе.

При веерной новоземельской упряжке управление собаками находится целиком в руках ездока. Он может их повернуть куда угодно, остановить в любую минуту, под-

крепляя свое требование, если нужно, хореем. Это особенно важно на охоте, когда собаки, завидев зверя, горячатся и выходят из повиновения. При цуговой упряжке передовой должен очень хорошо знать своего хозяина и быть прекрасно выдрессирован, чтобы понимать каждый его сигнал и слушаться при всякой обстановке. Он должен не сбиваться с дороги при виде неожиданно выскочившего зверя или взлетевшей птицы и удерживать от этого остальную упряжку. Словом, цуговая езда требует высокого класса дрессировки и выездки. Далее, при этом способе упряжки, когда собаки растягиваются попарно гусем на 6—7 м, достать передних можно лишь очень длинным кнутом, да и то при искусном с ним обращении, приобретаемом многолетним навыком. Иначе приходится полагаться лишь на собачью «сознательность».

Цуговая упряжка имеет неоспоримые преимущества лишь при езде по глубокому «бродному» снегу, по лесу и среди сильно торошенных льдов. Поэтому-то она широко применяется на Камчатке, Аляске, Чукотке, где ездоку нередко приходится итти на лыжах вперед, протаптывая тропу в глубоком свежевыпавшем снеге, иначе упряжка пройти не в состоянии.

В нашей же обстановке, в условиях плотного утрамбованного пургами снегового покрова, а главное при сборных от разных хозяев, нередко дефективных собаках, отсутствии выезжанных и выдрессированных передовых, веерная упряжка являлась наиболее рациональным способом езды. Это быстро понял и Георгий Алексеевич, вскоре перейдя, как и все, на веерную систему.

«Наши собаки, — говорил Журавлев, — тянут только под страхом уголовного преследования», подразумевая под этим хорей или кнут, и он был, безусловно, прав, так как добровольно и усердно тянули лишь немногие, в особенности если путь был труден и длинен, а сани тяжело нагружены.

Все это, впрочем, стало ясно лишь потом. Сейчас же Ушаков торжествовал. Он налегке быстро доехал до конца острова и вернулся обратно, между тем как Журавлев не смог отъехать от базы и 10 метров. В непривычной упряжи собаки путались, передовой не понимал вожжи и только крутился на одном месте. После того как я пришел на помощь, оттягивая передового и направляя его на нужный путь, дело пошло несколько лучше. Все же пришлось про-

возиться почти до вечера, чтобы дело хоть немного наладилось.

И от собак и от нас одинаково валил пар. Полушубки и шапки были уже давно сброшены, взмокшие волосы на голове, рубашки на теле, отчасти, замерзли и стояли дыбом. В конце концов дело наладилось, и мы, хоть и с неполадками, но проехали тоже в край нашего острова. Длина его оказалась около пяти километров, при ширине в средней, наиболее широкой части не свыше 500—700 метров. Поверхность ровная, лишь слабо волнистая, склоны к морю всюду круты или отвесно обрывисты, высотою местами до 6—8 метров.

Далее к северо-западу километрах в трех-четырех виден второй или, вернее, третий по счету остров, так как вторым является расположенный у базы к востоку от нее. Этот второй остров продолжается без перерыва параллельно нашему, и конца его на северо-запад нам усмотреть не удалось.

Сегодня с утра удивительно переменная погода: то солнце, то туман, тучи, шквальный ветер и снег с крупой. Ветер обходит все румбы, от северного до южного. На море льду не видно. Розовых чаек так и нет. В проливе у базы появился морж. После ухода парохода это еще первый случай. Зверь появлялся на поверхности воды почти на одном месте и вновь исчезал. По мнению Журавлева, он пожирал убитых и утонувших нерп. Такие случаи наблюдались на Новой Земле, где в желудках убитых моржей нередко находили куски нерпичьих шкур и сала. Стрельба с берега в нашего гостя была безрезультатна, а попытки подойти на шлюпке привели лишь к тому, что он нырнул и более не показывался. Жаль, ведь это целая тонна мяса, она была бы нам очень кстати.

Вечером видели несколько стай белых ледяных чаек, летевших на юг. Очевидно начался отлет.

Солнце заходит уже часов в 20, и в доме приходится зажигать свет, хотя сумерки длятся всю ночь. Но темнота надвигается быстрыми шагами. Только неделю тому назад было светло круглые сутки и о лампах еще можно было не помышлять. А сейчас над обеденным столом повесили лампу-молнию, да на рабочих столах стоит по сильной лампе. Керосина хватит, выгружено 5 тонн. Кроме того скоро установим ветровую электростанцию, полученную от Слуцкой аэрологической обсерватории.

Чайки летели не даром. Сегодня с утра сильнейший западный шторм, к вечеру отошедший к юго-западу. Прибой с западной, мористой стороны нашего острова настолько силен, что брызги и пена летят до вершины радиомачты, стоящей наверху мыса. Зыбь докатывается и до нашей базы, но береговой вал пока защищает хорошо. При долевых южных и, особенно, юго-восточных ветрах волны, пожалуй, будут перехлестывать, особенно если льда не будет.

Со штормом пришли и розовые чайки. Стайка их, как и ранее, крутится около мыса, добывая себе пищу в волнах прибоя. Трех штук удалось убить.

Стихло только на третий день. В проливе волнением лед отчасти выломало, но не вынесло, а забило еще больше принесенным с юга. На море же чисто, лишь кое-где видны редкие поля и скопления. Ушаков с Журавлевым с утра на охоте. Появился зверь. Убили четырех нерп и двух зайцев. Зайцы все самки, беременные. Зародыш длиною не более 5 см и еще не полностью сформировался. Возраст едва ли более 1—2 месяцев. Журавлев уверяет, что течка у зайцев бывает в марте, таким образом обнаруженным зародышам должно быть не менее 6 месяцев, что мало правдоподобно. Ушаков на острове Врангеля наблюдал заячью течку в августе. Это более правильно.

Монтировка радиостанции закончена. С сегодняшнего дня Ходов приступил к зарядке аккумуляторов, пользуясь аггрегатом «Дуглас». Аггрегат поставили в помещении радиостанции, но грохот от мотора и дым от неприработавшихся клапанов вскоре вынудили вынести установку в сени. Иначе в доме нет житья.

Вечером километрах в трех к северу от дома на прижатых к острову льдах Журавлев усмотрел медведя. Ушаков запряг свою свору, и они помчались в погоню. Вернулись уже поздно и сообщили, что убили этого и еще второго, который бродил невдалеке по соседству. Убежавшие с ними несколько свободных собак шли на зверя очень азартно, но неосторожно, так что одна была довольно сильно ранена. Утром съездили и привезли мясо и шкуры убитых медведей. Приходилось вытаскивать со льда вручную, так как у берега наторосило и с упряжкой трудно проехать.

Закончив свое дежурство по кухне, передал его Ушакову. Сам же принялся за сборку и монтаж ветряка. Вся установка мощностью 1 киловатт, типа Perckins'a, состоит из

динамомашины постоянного тока 110 вольт, коробки передач, пропеллера и направляющего хвостового пера. Установка монтируется на решетчатой башне из углового железа, прикрепляемой болтами к деревянной мачте, которая закапывается в грунт и расчаливается оттяжками.

Динамо работает через буферную аккумуляторную батарею и реле, препятствующее току итти обратно в динамо при падении напряжения в случае ослабления ветра.

Сам ветряк мы получили в Ленинграде, установочную же башню и реле сделали потом в ЦАГИ. Сразу при переборке и просмотре обнаружил в одном шарикоподшипнике нехватку шариков. К счастью, имелись запасные, которые и были поставлены. Вероятно обнаружатся и еще дефекты, так как установка, повидимому, старая.

Журавлев убил еще двух беременных зайчих, причем одна оказалась с двойнями. В его многолетней охотничьей практике это первый случай.

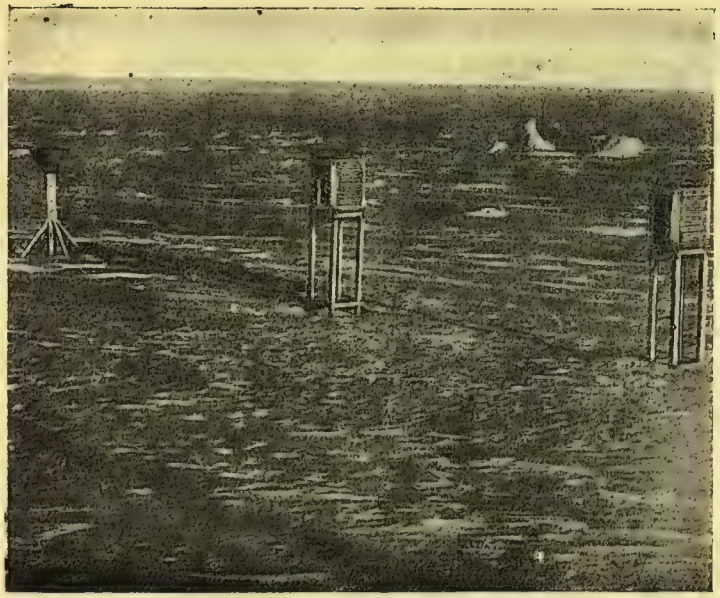
На пловучих льдах лежит много нерп, но подойти к ним никак нельзя, слишком открыто, да и лед разрежен, не подобраться ни на лодке, ни пешком. У наших охотников глаза горят, но «видит око да зуб неймет».

Море начинает мерзнуть. Температура воды уже —1,9°, так что сегодня благодаря тихой погоде начало образовываться сало.

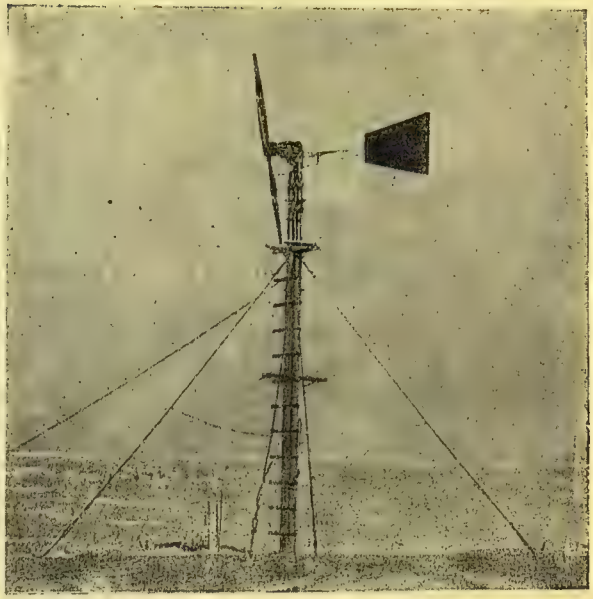
К вечеру все водное пространство на юг и юго-запад от нашего мыса покрылось сплошной коркой льда до ½ см, а местами и более толщиной.

Собирая установочную башню, обнаружил, что многие отверстия под болты просверлены неправильно, вследствие чего сборка остова невозможна. Приходится просверливать дыры вновь. Это было бы еще полгоря, но максимальный размер сверл у нас 10 мм, а болты ½ дюйма, т. е. 12,7 миллиметра. Нужно поэтому сначала просверлить, а потом распиливать новые отверстия круглой пилой, к счастью имеющейся среди нашего слесарного инструмента. Неправильных дыр довольно много, и мне приходится изрядно потеть, тем более, что помощников нет.

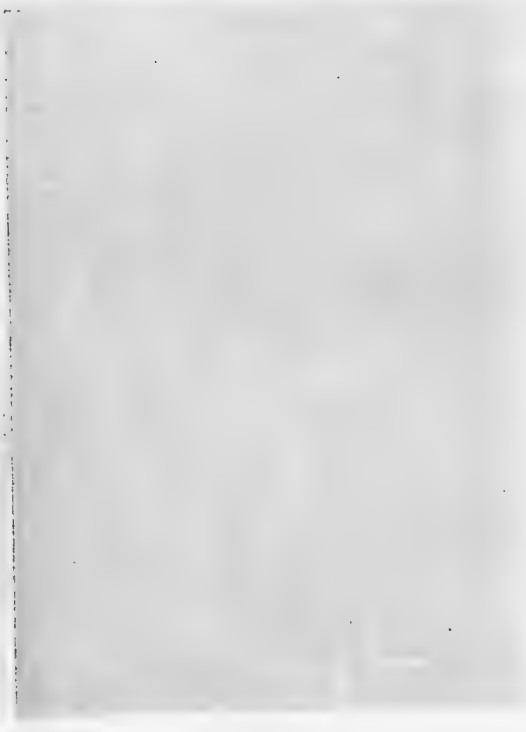
Вернувшиеся из поездки в дальний конец острова охотники сообщили, что там на льду лежало не менее 150 нерп, среди них были видны очень крупные экземпляры, вероятно, до 80—100 кг весом. Подобраться к ним однако не удалось. Журавлев очень жалеет, что у нас нет сетей из толстого шнура и нет материала, чтобы их сплести. При



Метеорологическая станция.



Ветро-электрическая установка.



помощи их, по его словам, за одну ночь можно было бы добыть этих нерп более десятка.

Аккумуляторы заряжены. Сегодня в первый раз слушали на наш 8-ламповый приемник Телефункен. Превосходно слышно Москву, Ленинград, Харьков и ряд немецких станций. Особенно чисто звучит Харьков, Москва — станция Коминтерна — слегка хрипит, а Ленинград периодически затухает вследствие фединга.

Южные и юго-западные ветры за последние дни нагнали к острову довольно густые льды, закрывшие воду до пределов видимого горизонта. Однако водяное небо к югу свидетельствует о наличии там еще бо́льших открытых пространств.

Интересно, вскроет ли у нас еще, или море замерзло уже окончательно до будущего года.

Монтаж ветряка сегодня, 21-го, наконец, кончил. Изрядно пришлось возиться с этим делом. Теперь только нужно выждать тихой погоды, чтобы поднять мачту со всей установкой. Высоту мачты сделал 10 м, это вполне достаточно, тем более, что стоять она будет на открытой высокой части острова вблизи радиомачты, примерно на высоте 8 м над уровнем моря.

Ходов все время сидит за передатчиком, но пока связи ни с кем еще не установил. Говорит, хорошо слышны новозеландские и австралийские коротковолновые станции, из наших же пока не поймал ни одну.

Ночью удалось установить связь с Землей Франца-Иосифа. Из Ленинграда слушали доклад заместителя начальника экспедиции на «Седове» Р. Самойловича о походе к Северной Земле. После ухода от нас «Седов» отправился, как мы и предполагали, на север и достиг 81° сев. широты, но до северной оконечности земли все же не добрался. Под 81° открыт новый остров, названный островом Шмидта. К сожалению, из-за явления фединга слышимость была очень неровная. Каковы координаты нового острова, так разобрать и не удалось.

Море простояло закрытым недолго. Сегодня, 23-го, начавшимся северо-восточным ветром льды угнало, и теперь всюду снова открытая вода до горизонта, но в проливе лед уже смерзся и держится, видимо, крепко.

Ночью Ходов установил прямую радиосвязь с любителем из Кологрива, Ивановской области, и передал ему наши первые телеграммы для отсылки по назначению, в част-

ности рапорт председателю Правительственной арктической комиссии С. С. Каменеву.

Журавлев убил еще медведя, уже одиннадцатого по счету.

Пользуясь тихой погодой, сегодня подняли мачту с ветряком. Оттяжки укрепили к метровым железным стойкам, заостренным и забитым в грунт доотказа. Это проще, чем долбить ямы для якорей, и не менее надежно. Испытание на лампочку показало, что установка работает вполне исправно. Остается лишь сделать проводку и смонтировать распределительный щит и реле, тогда можно будет перейти на электрическое освещение.

Теперь на базе в основном работы закончены. Ящики все разобраны, имущество и продовольствие убрано в склад, в сени и на чердак. Радиостанция, ветросиловая установка налажены. Вчера Ушаков окончательно установил будки метеорологической станции, которая начнет работать с первого числа. Можно, следовательно, начать подготовку к первому маршруту на Северную Землю. Ведь до сих пор неизвестно, как далеко отстоит от нас ее западный берег и что он собой представляет. Выход намечен на первое число. Маршрут не будет продолжительным, примерно дней в 10—15, так как быстро нарастающая темнота и осенние пурги не позволят долго и продуктивно поработать. Основная цель — общее беглое ознакомление с Северной Землей, испытание собак, снаряжения, одежды и выбор места для главной продовольственной базы, чтобы затем с весны на основе полученных данных уже широко развернуть исследовательскую работу.

Сделать до отъезда надо еще довольно много. Необходимо наладить сани, подбить под них стальные подполозки, сделанные в Архангельске, иначе от деревянных полозьев по твердому, местами фирновому от летнего тепла, снегу ничего не останется уже через 100 км. Далее следует подогнать и починить сбрую на мою упряжку, отобрать продукты на дорогу и подогнать меховую одежду.

В конце дня 26-го, наладив сани и сбрую, поехали на трех упряжках на дальний остров для ознакомления с местностью, испытания собак и упряжи перед предстоящим маршрутом. Впереди идет Ушаков на цуговой упряжке, далее Журавлев веером и, наконец, я также цугом. У Ушакова передовой Мишка слушает голоса довольно хорошо: право «подь-подь»; лево — «кхкр»; вперед — «ка»; стой —

«ля». В упряжке Журавлева собаки пока выезжены плохо, а главное — нет еще настоящего передового, которого ездок никак не может выбрать себе по вкусу. Первоначально намеченный забракован, так как оказался ленив и глуп. В моей упряжке собаки совсем не испытаны. Передовым идет Колыма, намеченный еще в Архангельске, но как он будет работать — еще неизвестно. Впрочем, сзади упряжек он во всяком случае потянет, а дальше будет видно.

Переехав наш остров по верху вдоль длинной его оси на северо-запад, съехали на морской невзломанный здесь прошлогодний лед и через 4 км, следуя в том же северо-западном направлении, попали на дальний остров. По типу он аналогичен предыдущему, также сложен круто складчатыми известняками, образующими крутые, местами обрывистые береговые склоны до 10—15 м высоты. Ширина острова от 0,2 до 1 км, длина километров пять. Вытянут он, как и наш, в северо-западном направлении соответственно простиранию складки слагающих пород. Крайняя северо-западная оконечность спускается к морю сравнительно полого, вероятно сглаженная прибоем. Дальше к северу и западу видно открытое море. Очевидно данный остров является крайним в группе нашего архипелага. Поэтому Журавлев предложил его назвать «Голомянным», что по новоземельски значит — расположенный в море. Остров, где выстроена база, назвали «Домашним», а следующий от него к востоку километрах в двух окрестили «Средним», так как, повидимому, он расположен между нашим и Северной Землей. Этот Средний остров тянется параллельно Домашнему и Голомянному без перерыва, кончаясь на северо-западе, примерно там, где начинается последний. За ними на восток и север видны невзломанные и неторошенные льды, повидимому, не вскрывавшиеся в течение нескольких лет. От юго-восточного конца Голомянного к Среднему идет намывная галечная отмель. На ней кое-где виден плавник как очень старый полуистлевший, так и довольно свежий, вполне годный на топливо. Плавник попадается и на поверхности самых островов до высоты 8 и 10 м над современным уровнем моря. Но все это материал уже полуистлевший, свежего пока не встречено.

Осмотрев свои владения, поздно вечером вернулись на базу. Собаки у меня в общем шли для первого раза вполне удовлетворительно. Колыма, так тот тянул даже хорошо,

остальные в большинстве посредственно, что впрочем объясняется, главным образом, их ожирением.

Ходят собаки на базе на свободе, ухитряясь постоянно срываться с цепей, подбирают куски и обрывки мяса, остающиеся в изобилии после разделки туш зайцев, нерп и медведей, а где можно — воруют.

Дни окончательных сборов. Изготовил и собрал себе и Ушакову одометры для производства съемки. Одометры представляют собой велосипедные колеса без покрышек, монтированные на рамке из полосового железа. Рамка свободно надета на горизонтальную железную ось, прикрепленную к деревянному бруску. Последний же привязывается ремнями к задку саней. При таком устройстве колесо с рамой свободно может перемещаться в вертикальной плоскости по буграм и неровностям дороги. На оси колеса посажен велосипедный счетчик обычного типа. Счетчик закрыт наглухо, не боится сырости и не имеет передачи от колеса, так как его вращение происходит путем зацепления наружного звездчатого пятиконечного колесика счетчика штифтом на одной из спиц колеса.

Вся система отличается простотой, единообразием действия при разных условиях погоды и пути, требуя лишь знания коэффициента для перевода отсчетов счетчика в километры, являющегося для каждого прибора величиной постоянной. Отмерив на нашем острове рулеткой точно километр, я несколько раз прокатил наши одометры по промеренной дистанции и, таким образом, получил нужный коэффициент, оказавшийся равным 1,1 и 1,08 соответственно.

Для работы по съемке изготовил специальную планшетную доску с монтированной на переднем краю по средине горной буссолью с диоптрами. Внутрь в вырез вкладывается тетрадь для записей и зарисовок, так что эту операцию можно делать, не вынимая ее, что имеет большое преимущество на морозе и во время ветра, когда раскрытые листы рвутся и треплются. Тут же на доске на шнурках карандаш, линеечка и резинка, чтобы все было под руками. Такие мелочи на морозе значительно упрощают и облегчают работу, делая ее более продуктивной и точной.

Из продовольствия отобрали 108 банок собачьего пеммикана чистым весом 324 кг, что составляет 20-дневный запас. Для себя 1 ящик мясных консервов — 74 банки — 37 кг и прочего продовольствия (галеты, масло, сахар, пеммикан и т. д.) — 50 килограммов. Далее взято еще 100 кг мяса на

корм собакам на первые дни, 2 бидона керосина 36 кг, палатка с палками 40 кг, научные инструменты 35 кг, личный груз (одежда запасная, белье и прочая мелочь) 30 кг, спальные принадлежности, хозяйственный груз около 50 кг. Всего набралось около 700 кг, или 230 кг на упряжку, что дает, грубо говоря, по 20 кг на собаку при упряжке в 12 штук. Прибавляя сюда еще вес человека в одежде и сани, всего примерно 120 кг, получим дополнительно по 10 килограммов. Итого общая нагрузка на 1 собаку достигает у нас 30 килограммов. Вес небольшой и вполне под силу нашим собакам даже по сравнительно плохой дороге, если вспомнить, что в маршрутах Амундсена нагрузка на собаку доходила до 50 и даже 70 кг, у нас на Чукотке и на Колыме грузят 50 кг и более, а на Аляске иногда даже до 70—80 килограммов.

Начавшимся с 28-го свежим западным и юго-западным ветром, временами доходившим до силы шторма, вскоре нагнало густые льды, окружившие наши острова сплошной массой вплоть до горизонта. Лишь на запад видно водяное небо, указывающее на открытое здесь свободное от льда море. Напором льды у западного берега энергично торосит, нагромождая валы до 3—4 м высотою.

Ходов еще 27-го слышал работу Ленинградской коротковолновой станции на Крестовском острове, принадлежащей секции коротковолновиков-любителей, но все его усилия завязать с ней связь остаются пока безрезультатными. Очевидно нашу слабую станцию при наличии у них городских помех в виде разрядов трамваев, моторов и т. д. они не слышат. Зато с кологривским любителем и с Землей Франца-Иосифа регулярная связь поддерживается исправно.

Электропроводка от ветряка в дом и внутри его закончена. Теперь сидим с электрическим освещением. В середине комнаты горит большая лампа отраженного света в 100 свечей, кроме того проведен свет к рабочим столам, на кухню, на радиостанцию и в сени. Комфорт полный. А ведь еще месяц с небольшим тому назад здесь был лишь пустынный островок среди полярного моря, куда только изредка забредал одинокий медведь в поисках пищи среди безбрежных ледяных просторов.

Уложив накануне в сани весь маршрутный груз и привязав заблаговременно собак, так как ловить некоторых бегунов не так то просто, на другой день, 1 октября, утром

выехали в свой первый рекогносцировочный маршрут. Вожатым впереди Ушаков, как и полагается начальнику, за ним Журавлев и последним я. В каждых санях по 12 собак. В моей цуговой упряжке передовыми Колыма и Осман, далее следуют попарно Песец и Серка, Хорек и Корнаухий, Старик и Кривой, Гришка и Буйвол, Лиса и Аната. Из них лишь Гришка и Буйвол крупные и сильные собаки, остальные, особенно задние, мелковаты. Последние, вдобавок, и ленивы, почему и запряжены сзади, где их можно легко достать «уголовным преследованием» в виде хорошего сыромятного кнута. Хорей я не беру, так как руки должны быть свободны для производства записей и зарисовок пути. На санях у меня погружено 36 банок собачьего пеммикана — 108 кг, 1 ящик галет — 27 кг, палатка с палками станка —40 кг, ящик с научными инструментами —12 кг, мешок с спальными принадлежностями и запасной одеждой — 20 кг, винтовка с 100 шт. патронов и лыжи — 10 кг, мешок с фото и киноаппаратом около 8 кг. Итого 225 килограммов. Считая еще меня и сани, это составит около 350 м, или, приблизительно, по 30 кг на собаку. Остальные сани погружены примерно также.

От дома тронулись в 13 часов, распростившись с Ходовым, который на это время остается один в компании с 7 оставшимися собачьими инвалидами. Трое из них помяты в разное время медведями, остальные слабы и стары, чтобы итти в маршрут.

Взяв курс по льду вдоль пролива между нашим островом и Средним, доезжаем до его северо-западной оконечности, поворачиваем на восток-северо-восток туда, где должна лежать Северная Земля. Льды здесь всюду многолетние, невзломанные и, повидимому, мало торошенные, так как поверхность почти идеально ровная. Лишь кое-где видны невысокие округлые бугры обтаявших за летнее время торосов. Снег плотный, уже утрамбованный пронесшимися недавно пургами. Лежит слоем в 5—10 мм поверх не вполне стаявшего прошлогоднего, превращенного летним теплом в фирн. Последний теперь смерзся и плотен, как лед. В общем дорога идеальная, так что даже наши еще не тренированные ожиревшие собаки идут совсем легко. Пройдя по такой дороге 18 км, разбили лагерь в 19 часов, так как наступили уже сумерки. Палатку прикрепили к копыльям подвинутых саней, собак не отпрягали и не кормили, так как они были хорошо кормлены еще вчера на базе, да и

жиру на них порядочно. Пусть попостятся, это им только полезно.

Ночью начавшейся с севера пургой нашу палатку завалило снегом почти до верха, тем более что она стояла неправильно — боком к ветру, а не задней тыловой стороной. Несмотря на сравнительно теплую погоду, всего около —15°, спать в мешке было холодновато. Сшит он плохо, в швы везде дует, капюшона сверху нет, приходится спать, закрывшись с головой, вследствие чего влага конденсируется внутри и мешок обледеневает. Надо зимою непременно перешить его радикальным образом, иначе во время длительных маршрутов весною придется плохо.

К утру погода, к счастью, стихла, так что можно ехать дальше. Моя нарта, стоявшая с наветренной стороны палатки, оказалась занесенной до самого верха. Основательно пришлось потрудиться, прежде чем удалось ее откопать захваченной про запас железной лопатой. Собак не видно ни одной. Многие лежат под снегом в 10—12 см. Зато не слышно обычного рычанья и драк, которые так часто вспыхивали в обычное время на базе.

Напившись чаю и подзакусив, откопали собак, наладили упряжки и в 10 часов тронулись далее по прежнему курсу. К полудню стало яснее, выглянуло солнце, и впереди, куда идет наш путь, открылись две отдельные столовые возвышенности высотою порядка 200—300 метров. Что это, обособленные ли острова, или сплошная земля, — сказать пока невозможно. Решили ехать на крайнюю слева, то есть северную возвышенность. Несколько позже влево от курса, на севере, показалась низменная земля, кое-где с еще голым, не покрытым снегом берегом. Вернее, его сдуло за предыдущую пургу.

Не разбивая палатки, сделали в 16 часов небольшой привал, напились чаю, собакам дали по небольшому куску мяса и вскоре тронулись дальше. Теперь в бинокль уже ясно видно, что слева от нашего курса лежит, повидимому, сравнительно низменный остров, а впереди сплошная коренная земля с возвышенностями, которые мы заметили еще утром. К вечеру снова стало пасмурно, и вследствие начавшихся сумерек и ухудшившейся видимости пришлось остановиться на ночлег, недоезжая земли еще километров 15—20.

День 3 октября наступил ясный, солнечный и тихий. Столовые возвышенности видны совершенно отчетливо. Перед

ними расположена ясно выраженная терраса, берег которой уходит на север и юг из пределов видимости. Теперь уже нет сомнения, что это Северная Земля. Возвышенность, на которую едем, назвали горой Серпа и Молота, следующую справа, к югу, горой Сталина и третью, наиболее южную, показавшуюся недавно, горой Калинина.

Дорога вблизи земли стала хуже. Нанесенный снег рыхл и сух, как песок. Местами бродно. Собаки идут тяжело, часто приходится вскакивать и помогать тащить.

Низменная земля слева идет все время параллельно курсу километрах, вероятно, в шести-восьми от него. На ней в глубине видна весьма пологая куполовидная возвышенность, может быть ледниковый щит, а может быть сглаженная древним ледником возвышенность из коренных пород. Первое, впрочем, наиболее вероятно, уж очень гладки и мягки абрисы, нигде не видно и изломов, нигде нет черных пятен — незанесенных снегом скал и обрывистых склонов, которые непременно должны были бы присутствовать в случае коренных пород.

Столовые возвышенности большой земли, куда едем, расположены более или менее обособленно, их наружные, обращенные к берегу, северные и западные склоны круты, местами обрывисты, внутренние пологи, незаметно сливаясь с общим рельефом.

Ближе к берегу дорога стала лучше, а то мы уже стали беспокоиться: по такому пути, какой был, далеко не уйдешь.

Проехав километров шесть, нашли изгрызенную — конечно, песцами, больше здесь некому — нижнюю челюсть медведя, а километрах в двух-трех сухую головку желтого альпийского мака. Стало быть не такая она уже безжизненная, эта Северная Земля. На снегу видны кое-где красные полосы, принятые мною за «красный снег». Это явление широко распространено на севере, оно обусловлено массовым развитием особых одноклеточных водорослей характерного пурпурного цвета. Однако при ближайшем рассмотрении в данном случае окраска оказалась обязанной не им, а частицам красной пыли, принесенной восточными ветрами с земли. Такой цветной снег был замечен еще утром, то есть километрах в пятнадцати от берега, а километрах в 8—6 он занимает местами сплошные площади в несколько гектаров.

Лагерем остановились у подножия невысокого отлогого

берега. Судя по плотному утрамбованному снегу и мощным застругам, от гор с востока здесь дуют сильные ветры, почему свою палатку сегодня мы укрепили особенно хорошо.

В общем от дома, согласно показаниям одометра, проехали 68,98 км, а от конца острова Среднего 55,28 километра. Таким образом в данном месте Северная Земля оказалась отстоящей от островов С. Каменева, примерно, на 50 км по прямой.

Собак после трудной дороги накормили хорошо, дав трехкилограммовую банку на 4 пса, то есть по 750 г на каждого.

Небо, как остановились, снова заволокло тучами, так что предположенные астрономические наблюдения не удалось провести. Очень жаль, было бы весьма интересно точно определить наше местонахождение. Видно, придется это дело отложить до весны, когда ясных дней, несомненно, будет больше.

На другой день занялись изучением местности. Журавлев, конечно, поехал посмотреть, как обстоят здесь дела с охотой, ибо еще вчера усмотрел километрах в пяти от палатки к северу обширную полынью. Я и Ушаков пошли пешком исследовать берег. Погода пасмурная, довольно сильный восточный ветер, пурга поземка, и потому видимость, к сожалению, плохая.

Поднявшись по довольно пологому склону берега примерно метров на двадцать над уровнем моря, попадаем на террасу, здесь довольно ровную и хорошо развитую. Отсюда до подножия крутых склонов горы Серпа и Молота километра три, идет небольшой весьма постепенный подъем. Поверхность террасы сложена кирпично-красными суглинками, видимо ледниковыми; кое-где разбросаны эрратические валуны из красных и серых песчаников до метра в поперечнике. На одном из таких валунов видели извержения полярной совы из шерсти, когтей и зубов леммингов и экскременты песца. Растительность здесь на южных склонах летом, видимо, довольно богатая. Мы нашли много засохших цветов и плодов желтых маков, камнеломок и микроскопическую полярную иву.

Пурга еще усилилась, в море стоит сплошная стена тумана, очевидно там ветер гуляет во-всю, здесь же, под защитой горных склонов, пока несколько тише. Все же от путешествия к горам на сегодня пришлось отказаться.

Вернулись в палатку, куда вскоре приехал и Журавлев, также потревоженный пургой. Следов зверя он нигде не встретил, лишь видел на полынье двух нерп, но подойти близко не смог, так как лед у краев непрочный, промысловой же лодочки у нас с собою не взято. По берегу в одном месте нашел два довольно больших бревна плавника. Оба свежие, материал, судя по древесине, по его мнению, ель. Стало быть и здесь море вскрывается не так уж редко, как показалось по первому впечатлению. И жизнь здесь разнообразная: есть песцы, лемминги, белые совы, растут и цветут разнообразные травы и даже кустарнички. Это лишь сейчас, осенью, перед темной порой, тут мертво и пустынно; весною же, вероятно, будет по другому. Повеселевший после наших рассказов, Журавлев уже собирается делать здесь заявки на покосы, узнав от меня, что есть предположения ученых о современном смягчении арктического климата.

На другой день погода улучшилась. Поехали дальше вдоль берега, здесь идущего на восток. Через 1 км встретили довольно глубокую лощину речки, прорезающей террасу ущельем до уровня моря. Осмотрев местность, пришли к заключению, что здесь весьма удобное место для продовольственной базы. Оно весьма приметно, а на высоком берегу над речкой снег сдувает, и можно надеяться, что сложенные припасы не будут занесены снегом.

Заехав вверх по речке около ½ км, стали лагерем в лощине под защитой крутых склонов. На левом берегу на верху террасы сложили: 68 банок — 204 кг — собачьего пеммикана, 1 бидон с керосином, 1 ящик галет, 1 цинковый ящик патронов, 2 буханки хлеба, положив таким образом начало нашему главному продовольственному депо. Здесь же на хорее, за отсутствием флагштока, подняли наш советский флаг, салютовав ему трижды из винтовок. Георгий Алексеевич торжественно объявил о присоединении земли к территории СССР и сказал маленькую речь. Все это событие было мною заснято на кино, хотя пасмурная погода не особенно тому благоприятствовала.

Воспользовавшись стоянкой, прошел вверх по речке. Она течет с горы Серп и Молот, имеет длину 3—4 км, крутые отвесные берега до 30—40 м высотою, прорезая в террасе узкий каньон. По бортам обнажаются почти горизонтально лежащие слои красных и лиловых, с редкими прослоями зеленых, мергелей и песчаников с тонкими прослоями и

линзочками гипса. На устьи речки имеется конус выноса, образующий обширную дельту. На красном илу видны следы лап и экскременты гусей, безусловно нынешнего лета, иначе их бы смыло весенней полой водой.

Сложив продукты, тронулись вдоль берега далее на значительно облегченных нартах лишь с четырехдневным запасом продовольствия себе и собакам, так как на обратном пути опять сюда вернемся.

Километров через десять выяснилось, что едем по большой бухте, названной нами «Советской». Лагерем стали в глубине ее, невдалеке от устья ручья с обширным конусом выноса из того же красного ила. Вынос расположен на льду, то есть бухта нынче не вскрывалась. На илу и здесь есть гусиные следы.

На следующий день, 6-го, погода ухудшилась, — пасмурно, временами пуржит. Видно вдаль не более как на ½ км, волей-неволей приходится стоять. Налегке без топографической съемки и наблюдений, конечно, ехать можно, но наша цель не просто объехать землю, но заснять ее и изучить.

Утром тихо и ясно, солнце восходит уже поздно, около 7½ часов. Обогнув бухту, едем вдоль ее северного берега. В глубине, по отмелям и отлогим склонам до высоты 6—8 м над уровнем моря нередко попадается свежий плавник стволами до 2—3 м длины и 20—30 см толщины. Древесина свежая. Журавлев установил присутствие лиственницы, сосны и в одном случае ели.

За бухтой, ширина которой оказалась равной от 5 до 15 км при глубине в 10 м, берег круто повернул на север. Красноцветная толща сменилась известняками. Соответственно берег из пологого, отмелого стал более крутым, кое-где появились обрывистые скалистые обнажения до 5—6 м высотою. Проехав 25,9 км, расположились лагерем у крутого высокого мыса, названного Октябрьским. Отсюда берег поворачивает на северо-восток, а мы возвращаемся обратно.

С мыса на запад отчетливо виден обнаруженный еще в начале пути остров с ледниковой шапкой [1] посредине его. Ширина разделяющего здесь пролива около 15 километров. На северо-западе невдалеке видны расположенные друг за другом два высоких каменистых островка с округленными,

[1] После съемки весною 1932 года он назван «Пионер».

сглаженными древним ледником очертаниями. Асимметрия продольного профиля по линии С.-В.—Ю.-З. с крутым склоном, обращенным на юго-запад, свидетельствует, что исчезнувший ледник двигался здесь именно в этом направлении. Рельеф вглубь страны на восток довольно расчленен, высоты округлых сглаженных возвышенностей местами доходят до 200 и более метров.

Погода вечером на диво тихая и теплая, всего —10°. Прямо «летний вечер в деревне», шутим мы. Чай пьем вне палатки «на даче», в одних рубашках.

Утром решили возвратиться обратно, так как нужно еще проехать от горы Серпа и Молота на юг, посмотреть, каков характер земли там. Пока собирались, Ошкуй из упряжки Георгия Алексеевича съел 1½ м потяга из заячьей кожи. Пришлось делать новый из взятого про запас ремня. Мой пока цел, так как я, по совету Журавлева, густо промазал его керосином.

Возвращаемся напрямик через землю. С увала, на который поднялись, хорошо видно, как берег от мыса, повернув за северо-восток, тянется в этом направлении до пределов видимости, то есть километров на тридцать. Море около скалистых мысов, повидимому, было открыто, но сейчас, конечно, уже замерзло почти всюду. Лишь кое-где темнеют редкие полыньи. Местами среди морских льдов стоят айсберги, но источника их происхождения не видно, — очевидно, они откуда-то принесены. С увала постепенно спускаемся к бухте, переезжаем долину ручья с остатками мертвого ледника, затем по льду Советской бухты добираемся до базы Серпа и Молота.

Несмотря на небольшие переходы в 25—30 км и легко груженые сани, собаки идут уже тяжело. В моей упряжке, например, Лиса и Старик совсем не тянут, а только еле бредут сами. Ну Старик, тот, верно, стар, потому и прозвище свое получил, а ведь Лиса — молодая сытая собака. Нет, видно Журавлев прав, здесь без «уголовного преследования» не обойтись.

9 октября поехали на юг. Здесь всюду залегает легко разрушающаяся красноцветная толща, почему берега отмелы и пологи, кое-где видны валы выпахивания от выпираемого прибоем и ветрами в летнее время морского льда. Общее направление берега идет на юго-запад. Вглубь страны рельеф увалистый с высотами до 100—150 метров. Лед в море всюду невзломанный прошлогодний.

Через 39,2 км берег круто повернул на юго-восток. Здесь и решили остановиться. В качестве знака конечной точки нашей съемки поставили веху из найденного гнилого плавника. Впоследствии эта точка, весьма важная для нас, так как оказалось, что она отстоит от южной части архипелага С. Каменева всего в 12 км, носила у нас название «вехи-гнилушки».

Переночевав, утром 10 октября отправились домой. Пока пили чай, Гришка из моей упряжки подобно Ошкую съел почти половину потяга, несмотря на керосин. Даже тогда, когда я подошел и огрел его плетью, он продолжал все так же флегматично жевать. Ясно — собаки голодные. Пеммикан, полученный от датской всемирно известной фирмы «Расмусен и компания», оказался скверпейшим по качеству. По существу это просто овсянка, смешанная с жиром. Сушеного же мяса здесь нет и в помине, оно, видимо, только подразумевается. Пятисот граммов, которые мы выдаем в качестве суточной порции, совершенно недостаточно. Собаки худеют и слабеют. Кроме того, пеммикан плохо усваивается даже железными собачьими желудками. У большинства понос, и почти все поедают свои экскременты.

Домой тронулись прямиком на запад, где километрах в сорока по нашим расчетам должна лежать станция. Вскоре Старика из моей упряжки пришлось выпрячь и бросить, так как он не только тянуть, но даже и просто бежать, поспевая за другими, не в состоянии. Может быть отдохнет и кое-как потихоньку добредет по следу один.

Из-за пасмурной погоды и начавшейся пурги потеряли ориентировку и, взяв сильно вправо к северу, попали уже ночью в гряду сильно торошенных льдов, идущих от наших островов на север. Журавлев это понял, и, вняв его совету, мы повернули вдоль гряды на юг. Лишь около 21 часа попали на северный мыс острова Среднего, сильно измученные, одинаково и люди и собаки, так как последние километры пришлось ночью на ощупь тащиться через жуткий хаос нагроможденных огромных льдин, то взбираясь чуть не на отвесную стену, то проваливаясь в казавшиеся бездонными ямы. Приходилось в одно и то же время управлять упряжкой, поддерживать и тормозить или помогать тащить собакам сани, распутывать сбрую и все это в полной тьме полярной ночи.

От мыса острова по льду пролива поехали уже спокойно к дому. Но мне пришлось испытать еще приключение. За-

чуяв след медведя или песца, моя упряжка вдруг повернула влево и помчалась как бешеная. Несмотря на пущенный в ход тормоз «постол», или, как мы его окрестили, «апостол», в виде толстой дубины с железным наконечником, воткнутый в снег между копыльями, и самые свирепые крики «ля, ля, ля» с добавлением соответствующих посулов, упряжка мчалась, как сумасшедшая, хотя я буквально висел на «апостоле». Промчавшись так в гору на Средний остров километра два с половиной, собаки вдруг остановились, как вкопанные. Подойдя к ним, увидел, что мой передовой Колыма лежит недвижим, — очевидно, подумал я, издохший от разрыва сердца в результате крайнего напряжения сил, так как волочить сани приходилось против тормоза, что равносильно очень большому грузу. Попробовал лапы, голову — нет, труп, все мышцы расслаблены. Послушал без шапки ухом сердце, слышу — бьется, правда очень слабо.

Пролежав так минут пять, мой Колыма пошевелился, поднял голову и, пошатываясь, встал. Ожил бедняга, а я уж думал — конец пришел моему передовому. Очевидно, это был собачий обморок, явление, в моей практике случившееся впервые.

Поправив перепутавшуюся сбрую и сбившийся груз, доехал затем благополучно на станцию, куда Ушаков с Журавлевым уже успели прибыть довольно давно. Посмотрев на одометры, установили, что изъездили мы 96,8 км, выехав около 10 часов от лагеря у «вехи-гнилушки» и прибыв на станцию в 22 часа 18 минут. И все же, несмотря на столь длинный и тяжелый путь, у моей упряжки оказалось достаточно сил мчаться сломя голову несколько километров, несмотря на отчаянное торможение. Вот каков запас собачьей энергии!

ГЛАВА V

Завершение работ около базы. Постройка магнитного домика. Астрономические и магнитные наблюдения. Что такое пурга. Темная пора. Медведи у дома. Работа дежурного по хозяйству. Лунные дни и ночи. Поездка Ушакова с Журавлевым на базу горы Серп и Молот.

На станции все оказалось в полном порядке. Никаких происшествий не было. Прижатые перед нашим отъездом льды так и не отогнало. Теперь они, конечно, основательно смерзлись, несомненно, окончательно до будущего года. Всюду до горизонта на юг и запад море покрыто сильно торошенными льдами. Только кое-где видны ровные участки — результат замерзания бывших многочисленных полыней.

У острова два последовательных высоких вала нагроможденных льдов как следствие напора при нажимных юго-западных ветрах.

Дни убывают с неимоверной быстротой. На улице из-за постоянной пасмурной погоды даже в полдень сумерки, а в доме приходится зажигать огонь уже с 15 часов. Впрочем, обилие электричества в доме делает отсутствие естественного света мало заметным. Ветросиловая установка работает сейчас вполне исправно. Ранее в наше отсутствие, по словам Ходова, замечалась неровность напряжения подаваемого тока, особенно при порывистых ветрах. Осмотр обнаружил, что натяжная пружина регулятора оборотов пропеллера ослабела. После соответствующего исправления установка заработала нормально. Уже при ветре в 4 м в секунду двигатель начинает вращаться, а при 6 м дает энергию не только на освещение, но и на зарядку аккумуляторов. Преимущество такой ветросиловой установки перед моторной в полярных условиях бесспорно. Она требует

очень мало ухода, необычайно проста в обращении и при наличии достаточно мощной буферной аккумуляторной батареи может полностью снабдить энергией и светом без затраты столь ценного на севере жидкого горючего. К сожалению, наша установка слабовата, вместо 1 киловатта нужно было бы иметь 2—2,5. Кроме того, из-за недостатка аккумуляторов буферная батарея имеет очень небольшой резерв мощности, всего на 30—40 часов нашей потребности. Впрочем, ветра пока хватает даже с избытком и пропеллер почти никогда не стоит праздным.

Пользуясь остатками светлого времени, торопимся закончить работы на улице, связанные с дневным светом. Я начал строить магнитный павильон в 80 м от станции, где нет уже помех и возмущающих воздействий от железных масс дома и электрических токов радиостанции.

Домик будет состоять из деревянного каркасного брусчатого остова с обшивкой внутри и снаружи фанерой и забивкой промежутка каким-либо теплоизоляционным материалом. В качестве последнего можно употребить оберточную бумагу, сено, стружки и прочий укупорочный материал, которого после вскрытия ящиков у нас осталось в изобилии.

Журавлев с Ушаковым решили построить собачник, для чего хотят использовать ящики из-под собачьего пеммикана. Пространство между собачником, складом и домом затем затянется колючей проволокой, образуя загородку, из которой нельзя будет удрать. А то сейчас наши собаки бродят везде вокруг станции, лезут в незакрытые, по забывчивости, кем-либо сени, воруют там мясо и продукты. Убегают километра за два-три, отпугивая своим лаем проходящих медведей, а между тем мяса у нас немного и постоянно приходится заботиться о его пополнении. Кроме того, Журавлев намерен в ближайшее время разбросать в радиусе 10—15 км от станции привады из тюленьего мяса и расставить клапаны на песцов, чтобы выяснить возможности пушного промысла. Собаки могут туда найти дорогу и попасть в капканы.

По вечерам слушаем музыкальные радиопередачи. Вполне чисто и громко даже на репродуктор слышны Харьков, Москва, Ленинград и некоторые немецкие станции. Ленинград, впрочем, из-за федингa нередко замирает и даже временно совсем глохнет.

В конце октября после продолжительной пасмурной погоды установилась штилевая и ясная, позволив полюбо-

ваться последние дни солнцем. 21-го числа оно поднялось над горизонтом не более как на ½ градуса, а 22-го мы с ним распростились до февраля месяца. Впрочем, в ясные дни пока света еще хватает часа на 4—5, но при пасмурной погоде даже в полдень уже основательно темно.

Мой магнитный домик закончен. Построен он исключительно на деревянных и медных гвоздях и шурупах. В середине поставлен и врыт столб для магнитных приборов. Сейчас он лишь обложен кирпичом и затрамбован, а летом, когда станет выше 0°, его еще зацементирую. В качестве знака «миры» для фиксации положения астрономического и магнитного меридианов при определении истинного и магнитного азимутов на острове Среднем выложен знак-пирамида из камней — «гурий» и, кроме того, поставлен контрольный столб у нас на острове.

Пользуясь ясной погодой последних дней, веду по вечерам астрономические наблюдения для точного определения географического местоположения нашей станции. Так как эта точка послужит отправной для всех наших маршрутов по Северной Земле, естественно, необходимо эти определения сделать с наивысшей доступной точностью. В моем распоряжении имеется походный универсальный прибор Гильдебранта с точностью вертикального круга в 30″. Согласно имеющимся данным, этот прибор позволяет при тщательной работе получать географические координаты с точностью до 2″—3″ в градусной мере [1], что дает в линейной мере погрешность в пределах 60—90 метров. Это значит, что наблюденная точка на земной поверхности может быть указана не больше как в пределах круга диаметром в 60—90 метров. Такая степень точности для нас более чем достаточна, если вспомнить, что обычные судовые наблюдения для определения нахождения судна в море ведутся с точностью 1′—0,5′, то есть погрешность колеблется в пределах 0,9—1,8 километра.

В результате сегодняшних наблюдений последовательно целого ряда звезд предварительные вычисления дали для широты 79°30′ и долготы 91°8′, что во времени соответствует 6 часам 4 минутам 32 секундам по отношению Гринического меридиана. От московского времени наше истинное время отличается на 4 часа 4 минуты 32 секунды, или

[1] Н. Смирнов, Несколько слов по поводу малого универсального инструмента Гильденбранта, Зап. по гидрографии, т. 38, 1914.

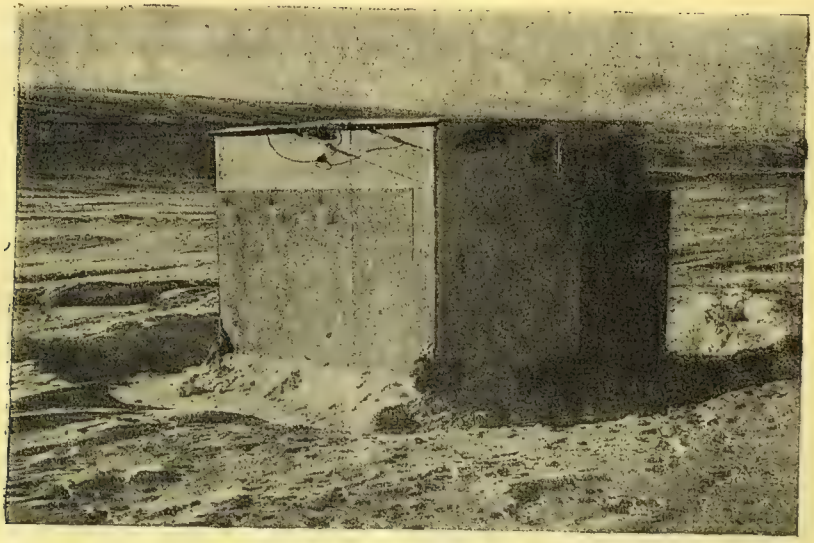
почти в точности (с разницей на 4½ минуты) совпадает с временем шестого пояса международного счета времени. По этому поясу мы и поставили свои часы.

Для точного определения времени у нас имеются три портативных — «карманных» хронометра и два более крупных и массивных — «столовых». В определенное время, обычно дважды в сутки, наиболее крупные радиостанции мира (Регби, Бордо, Науэн, Детское Село, Москва и др.) дают особого типа звуковые, так называемые «ритмические» сигналы времени, автоматически подаваемые главными часами обсерваторий Пулкова, Гринича, Потсдама, Парижа и других.

Сличая свои хронометры по звуку с этими сигналами, можно определить разницу во времени между данным хронометром и часами обсерватории, — «поправку хронометра» с точностью до сотых долей секунды.

Для приемки сигналов времени у нас взят специальный походный длинноволновый радиоприемник, который пойдет и в весенние маршруты. Чтобы проверить его действие, а также для получения регулярно точного времени, я поставил этот приемник у себя на столе, натянув антенну от окна к невысокому шесту, как это будет и в санных походах. Таким образом в течение зимы можно будет проверить всесторонне действие приемника, установить точность и характер ходов наших хронометров, а вместе с тем иметь всегда самое точное время.

Собачник готов, так же как и загородка, теперь всех собак водворили туда и около базы наступила тишина и спокойствие. Теперь можно ждать, что начнут подходить медведи. Впрочем, наши псы стали ухитряться вылезать даже через густую колючую решетку ограды. Первым удрал Варнак. Этого чорта ничем удержать нельзя. Цепи он рвет, ошейники снимает, а теперь через ограду просто перепрыгивает одним махом, хотя высота ее превосходит 2 метра. Мы наблюдали из сеней, как это он проделывает. Разбежавшись от противоположной стены, собака молнией подлетала к ограде и огромным прыжком без всякого усилия перемахивала через, даже не задев верхнего ряда проволоки. Пришлось с этим помириться. «Пусть ходит на улице, он не вредный», решил Журавлев. И верно, Варнак — пес смирный, все его уважают и в драку с ним не лезут. Он тоже не задира, домосед, далеко не уходит, так что нет опасности поймать его в капкан вместо песца. Дру-



Магнитный домик.

Уголок дома. Столовая.

гие собаки пробовали следовать поданному Варнаком примеру, но ни одной этот номер не удался. Только позднее, когда зимними пургами в загородку нанесло много снега и ограда стала ниже, прыгать начали и другие. Сейчас же они усиленно стараются пробраться между рядами проволоки, мужественно оставляя на колючках часть своей шубы. Но ряды очень густы, и проникнуть через них удается лишь весьма немногим счастливцам, которых вскоре опять ловят и водворяют обратно на место.

Покончив с загородкой, Журавлев снова вернулся к своей профессии — охотничье-промысловому делу. На нем он вырос, его одно знает и считает единственно заслуживающим уважения. Прочее «все нестóящее». Особенно презрительно относится он к моим занятиям сейчас — астрономическим наблюдениям и постройке магнитного павильона. Все это «бирюльки», по его мнению, не более, и когда нужно мне помочь, это делается с большой неохотой только под прямым нажимом со стороны Ушакова.

К началу темного времени Журавлев разбросал в северной части островов Голомянного и Среднего несколько нерпичьих туш, расставил около них ряд капканов и теперь, как только погода это позволяет, ездит их осматривать. Собачью упряжку он себе подобрал в конце-концов отличную, укомплектовав ее лучшими собаками. В качестве передового выбрал, наконец, себе по вкусу черного, очень лохматого, довольно флегматичного, но живого в работе пса Беркута.

Выездил он его, как и всю упряжку, отлично, изломав на этом деле о собачьи бока и спины по меньшей мере три хорея. Зато упряжка теперь ходит у него по струнке, повинуясь малейшему движению вожжи своего владыки, понимая, что за малейшую провинность в работе виновная покарается немедленно и беспощадно.

У северной оконечности Голомянного попрежнему держится открытая вода. Лишь изредка пригоняет льды, которые имеющимся здесь сильным приливо-отливным течением вскоре снова уносит прочь. Около припая, достигающего здесь не более 1 км ширины, держатся нерпы, вылезая по временам на лед отдохнуть, а в поисках их бродят тут же медведи. Место для промысла, повидимому, хорошее. Жаль, что «Седов» не прошел осенью немного дальше сюда. Вода здесь без сомнения в то время подходила к берегу вплоть, и место для выгрузки было удобное.

С начала ноября установились преимущественно штилевые морозные погоды. Ветряк бездействует иногда по 3, по 4 дня. Пришлось перейти на керосиновое освещение, иначе энергии аккумуляторов нехватит на работу нашей радиостанции, и ежедневные сводки метеорологических наблюдений, ведущихся преимущественно Ходовым, останутся не переданными.

Я приступил к систематическим магнитным наблюдениям. Домик согревается примусом, с которого сняты все железные части. Температура в будке держится около $+4°$ — $+8°$, что вполне позволяет спокойно работать в течение целого дня. Освещение электрическое.

Днем уже почти совсем темно, только в полдень чуть брезжит рассвет, но скоро и его не будет.

На днях Журавлев торжественно привез с Голомянного первого добытого им песца. Зверь молодой, возможно помета нынешнего года, и еще не вполне вылинял; среди белой шерсти кое-где попадаются еще летние темные волосы, придающие меху синеватый оттенок, почему он и носит у пушников название «синяка».

7 ноября, годовщину Октябрьской революции, отметили прогулкой к радиомачте на высокой части острова, где сожгли несколько магниевых факелов и пустили пару ракет. Темнота и вынужденное сидение на базе особенно обостряют чувство оторванности и одиночества сейчас, при воспоминании о шумных толпах на ярко освещенных улицах больших городов. Повидимому то же испытывали и остальные, но никто не хотел показать этого. Только молчали и были сосредоточены.

Утром, несмотря на начинающуюся пургу, повидимому чтобы развеяться, Ушаков с Журавлевым поехали на охоту на Голомянный. Пурга усилилась, и путники вернулись только поздно вечером, лица их были покрыты сплошной ледяной корой, так как обратно пришлось ехать на ветер.

На другой день шторм еще усилился. Снежный вихрь так силен, что в 10 м от дома уже не видно света в окошках, а против ветра еле можно двигаться.

Пурга в Арктике — весьма своеобразное явление. Выпадающий здесь снег имеет вид не хлопьев, а весьма тонкой, легко переносимой ветром пыли. Уже при скоростях в 5—6 м в секунду начинаются признаки ее перемещения в виде отдельных струй по гребням сугробов. Струи прихотливо тянутся, изгибаются и переливаются, как рябь на

воде. Вся земная поверхность, особенно вершины холмов и гор, подергивается дымкой и как бы курится. Так начинается пурга поземка, или, по-туземному, «падера». При 6—7 м в секунду уже вся почва покрыта сплошной снежной туманной пеленой до высоты 10—20 сантиметров. По мере усиления ветра пелена поднимается все выше и выше; примерно при 10 м/сек. достигает роста человека и закрывает весь видимый горизонт. При ветре в 12—13 м/сек. уже едва различимы абрисы таких крупных предметов, как скалы на расстоянии не более 100 м, а при ветре в 15—16 м/сек. упряжка или идущий человек скрывается в снежной мгле через 5—10 метров. При этом небо может оставаться чистым и безоблачным, но, конечно, солнце, если оно находится над горизонтом, может только еле просвечивать багровым шаром сквозь густую снежную мглу, наполняющую воздух до высоты 50—75 м над уровнем земли.

Такая пурга при ясном солнечном небе называется «светлой». Значительно хуже «темная» пурга, когда небо заволакивается густой темной пеленой низких слоистых облаков, из которых сеются снежные иглы, примешиваясь к тому хаосу, который взвихрен с земли. Тогда, даже при ветре в 12—15 м/сек., уже в нескольких шагах все скрывается в несущемся вихре, и бывают случаи, что дом увидишь только тогда, когда ткнешься в него лбом или коснешься руками. В такую погоду двигаться против ветра почти невозможно. Снежные иглы колют и секут лицо, залепляют глаза. Воздухом распирает легкие, перебивает дыхание и сбивает с ног. Невольно приходится поворачиваться спиною к ветру или ложиться на землю и добираться к цели, если она недалеко, ползком.

Переметенный пургою снег скопляется в пониженных частях рельефа, нивеллируя поверхность земли и торосистых льдов. К весне, обычно, все неглубокие впадины, лощины и невысокие — до 1—1½ м — торосы заносятся почти целиком, а более крупные перемещаются так, что сверху обрывов образуются мощные надувы в виде нависающих снежных козырьков до 1—2 м толщины. С другой стороны с возвышенных частей — вершин, холмов, сопок и водоразделов — снег сдувает почти нацело. Здесь всюду видны торчащие щебень и галька, если почва камениста, и комья земли да кочки, если она рыхлая.

Все выдающиеся, даже небольшие препятствия — камень, кочка, торосинка на льду — служат уже источником нако-

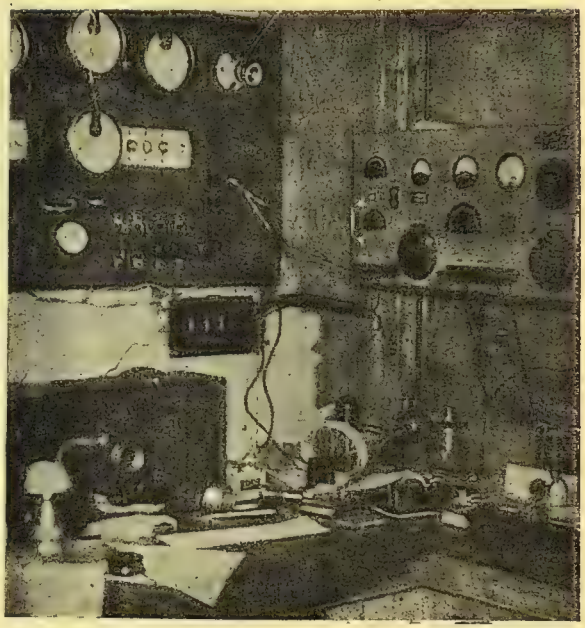
пления снега, образующего гряды, вытянутые по направлению дувшего ветра. Обычно таких препятствий везде — на суше ли, или на море — сколько угодно, и потому снежная поверхность в Арктике никогда не бывает ровной. Всегда она изрыта, бугриста, с многочисленными грядами и «застругами», вытянутыми в направлении господствующих ветров. Эта волнистая поверхность как бы застывшего снежного моря хорошо знакома каждому полярнику. Заструги и забои отнюдь не рыхлы. Ветер настолько сильно утрамбовывает снежную пыль, отлагающуюся около препятствий, что она приобретает плотность слежавшейся глины. Такой снег приходится подчас резать одноручной пилой-ножовкой, так как даже железной лопатой здесь трудно что-либо сделать. С другой стороны в глубоких впадинах, лощинах, с подветренной стороны склонов, в тальвегах речек и ручьев — словом, всюду, где ветер не может проявить свою деятельность, снег лежит довольно рыхлым, подчас весьма толстым слоем, в котором тонут собаки и проваливаются даже легко груженые сани.

С середины ноября окончательно наступило темное время. В полдень даже в безоблачные дни на юге не видно и отблесков зари; небо там так же черно, как и на севере. Звезды видны все вплоть до шестой величины. Все сидят дома, даже Журавлев не ездит на осмотр капканов, — слишком темно. Ходов большею частью проводит время в радиорубке, работая или на ключе на передаче, или на приеме, или возится со схемами. Ушаков, преимущественно, читает, я читаю, вычисляю астро- и магнитные наблюдения, которые произвожу периодически через 5—6 дней. Всего труднее приходится Журавлеву, так как он не привык к сидячей жизни. На Новой Земле темная пора менее продолжительна чем здесь, и даже в декабре есть все же заря, позволяющая ездить и охотиться.

Здесь совсем не то. Тут «полверсты до ада» по его выражению. Кроме того цели и задачи наших работ, особенно стационарных, Журавлеву во многом непонятны и потому чужды. Принимать в них участие он не может, да и интересоваться этими «бирюльками» считает, повидимому, ниже своего охотничьего достоинства.

Вынужденный бездельничать, Журавлев скучает, лениво что-то читает и отчаянно непрерывно курит, разбрасывая окурки направо и налево. За обедом выпивает разведенный на треть водою стакан спирта, а то и два, заваливаясь за-

Спальный уголок. Внизу — койка Ушакова, вверху — Урванцева. Слева аптека.



Радиостанция.

тем, как есть в обуви и одежде, спать. Спит до вечера, а потом всю ночь бродит, стучит, гремит, не давая никому покоя. Особенно тяжело это отзывается на мне, так как сплю я очень чутко.

Повидимому и Ушакову тоже начало приходиться туго от такого беспорядка. Как-то вечером он заявил во всеуслышание, что с завтрашнего дня устанавливается твердый распорядок дня, которому все обязаны подчиняться. Дежурный по дому встает в 8 часов. В 9 подается чай, в 16 обед и в 21 час вечерний ужин и чай. Огонь на ночь гасится в 1 час. Днем, кроме случаев болезни, никому спать или даже лежать на кровати не разрешено. Ложась на ночь, все должны раздеваться, чаще мыться, менять белье и через 10 дней взвешиваться. Все это совершенно правильно и необходимо, особенно теперь, когда на площади в 20 кв. м в одной маленькой комнате почти безвыходно вынуждены находиться 4 человека, весьма различные по характеру, привычкам и общему развитию. Пока же порядком мы похвастаться не можем.

Пурга, бушевавшая несколько дней, наконец кончилась. Можно хоть выйти на улицу. Ветер уронил треноги электропроводки в магнитную будку и порвал провода. Пришлось при свете фонаря ее восстанавливать, а ноги стоек вкопать в грунт и затем вморозить, чтобы подобные случаи не повторялись. Иначе может получиться короткое замыкание, так как провода не изолированы.

Установленный режим уже нарушен. Выпив за обедом, по обычаю, чайный стакан спирта, Журавлев, как ни в чем не бывало, завалился спать, и все пошло по-старому. Георгий Алексеевич по мягкосердечию и деликатности не сделал ему даже замечания.

После пурги резко потеплело, сегодня, 13 ноября, температура почти ноль градусов при юго-западном ветре. А ранее в полосу ясной и штилевой погоды морозы доходили до — 30°.

Окончательное вычисление многократных астрономических наблюдений дало для широты станции 79°30′8″ и для долготы 91°7′8″ или 6 часов 4 минуты 31 секунда. Склонение магнитной стрелки 34°17′5″ к востоку.

Воспользовавшись тихой погодой, Журавлев поехал на осмотр капканов, несмотря на кромешную тьму. Нужно иметь его способность ориентироваться и буквально собачье чутье, чтобы разыскать места, где капканы расста-

влены. Привез живого молодого песца, несомненно помета нынешнего года. Таким образом здесь, на Северной Земле, песцы не только живут, но и гнездуют. Зверек попал тремя пальцами задней ноги и теперь лишь слегка прихрамывает. В комнате очень быстро привык к людям, спокойно ест из рук, дается гладить и только слегка ворчит, когда дразнишь. Однако вскоре от него в помещении появился сильный запах, так как гадит он всюду. И как он ни был симпатичен, пришлось его убрать. Ходов сделал клетку, и теперь песец живет на чердаке в углу.

Веду круглосуточные наблюдения магнитных элементов для выяснения их характера и колебаний через каждый час. Выявились сразу же сильные колебания величины склонения, иногда меняющегося до ½° в течение нескольких минут.

Луны нет, нет сегодня и северного сияния. Темно поэтому так, что ходить без фонаря совершенно невозможно, иначе то-и-дело запинаешься за невидимые препятствия в виде снежных заструг и бугров. При ясном небе и сиянии все же хоть немного светлее, но, впрочем, очень мало. Вот, когда появится луна, которую ждем с нетерпением, и если будет ясно, света станет достаточно, чтобы ходить и ездить без особых затруднений. Георгий Алексеевич предполагает тогда отправиться на базу Серпа и Молота, чтобы забросить туда партию продовольствия и пеммикана для собак, которого для весенних маршрутов потребуется порядочно.

Пасмурно попрежнему. С утра начал очень резко падать барометр и к вечеру понизился более чем на 10 миллиметров. Началась пурга, пока еще слабая. К утру она бушевала уже во-всю. На улицу выйти совершенно невозможно. Даже дышать трудно из-за мельчайшей снежной пыли, наполняющей воздух, а чтобы пройти 20 м до склада, надо приложить героические усилия. Барометр все падает, дойдя уже до 728 миллиметров. Вечером пурга резко оборвалась, прекратившись буквально в несколько минут, но барометр на это явление никак не реагировал. Стало вдруг тихо и ясно. На небе видны звезды. Вся эта мирная картина так необычайно контрастна по сравнению с вакханалией бури, которая творилась еще полчаса назад. Вообще колебания погоды зимою в Арктике бывают изумительны, причем нередко барометр на них совсем не реагирует. Бывает, что перед пургою и во время ее давление стоит высоко и про-

должает повышаться, что по общепринятым воззрениям должно указывать на хорошую погоду. Здесь же наоборот.

Сегодня утром (23 ноября) около шести часов все были разбужены страшным шумом и гомоном собак под окнами. Журавлев, крикнув, что это наверное подошел медведь, сунул наспех ноги в валенки, накинул малицу, схватил тут же висевшую винтовку и выскочил пулей на улицу. За ним последовали и мы. Было очень темно. На фоне черного беззвездного неба около будок метеорологической станции метрах в десяти от нас белел огромный силуэт медведя, окруженного собаками, ухитрившимися вырваться за ночь из загородки. Журавлев открыл огонь, зверь зарычал и упал, одновременно послышался и собачий визг. Подошли и, увы, рядом с медведем обнаружили убитой одну из наилучших собак — Полюса, а рядом тяжело раненого Рябчика. Зверь оказался крупной, довольно тощей медведицей с пустым желудком и нестертым мехом на подошвах лап, а это, по словам Журавлева, свидетельствует, что она все время лежала в берлоге и только недавно вышла, чем-то потревоженная. Из выпущенных пуль в нее попала только одна. Рябчик из упряжки Ушакова, очень похожий по масти и нраву на Варнака, но лишь немногим слабее и меньше его, получил пулю по лопаткам. Вся задняя часть тела парализована, и, без сомнения, часы его сочтены. Это будет уже третья жертва. Осенью еще пропал Худой, погнавшийся по льду за медведем и так и не вернувшийся.

Темно попрежнему, хотя молодая луна уже должна появиться. Впрочем восходит она пока еще поздно, да и свету дает недостаточно. Журавлев ездил на Голомянный по капканам. Привез сразу трех песцов. У одного лапки выпачканы в красной глине, повидимому он только что прибежал прямо с материка Северной Земли. На одной из привад был медведь, но успел удрать. Журавлев видел лишь, как мелькнула его тень. Мясо, конечно, оказалось съеденным, капканы спущенными и разбросанными.

Снегу пургами всюду нанесло порядочно. Особенно много его около дома, где кругом разбросаны еще с осени пустые ящики, оставшиеся от постройки материалы и, главное, с южной стороны, откуда чаще всего дует, сложена поленница дров. Из-за нее вытянулась огромная заструга, доходящая до саней вплоть. К весне нас, пожалуй, занесет до крыши.

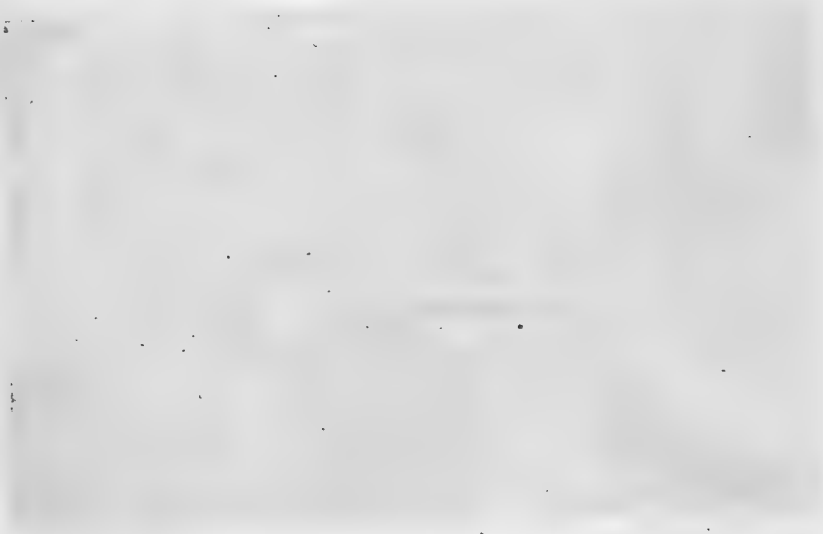
Сегодня, 30-го, Журавлев с Ушаковым вновь отправились

на Голомянный. Очищая на улице от снега вход в сени, я вдруг услышал около метеобудок упорный лай нашей дряхлой суки Диски, которая одна в этот момент была на свободе. Подойдя на лай, увидел белый силуэт медведя, спокойно шагающего к дому. Заскочить в дом, схватить карабин и крикнуть Ходову, что подошел зверь, было делом одной минуты. Несмотря на электрический фонарь на мачте флюгера на крыше и огни в окнах, медведь продолжал итти все так же размеренно и был уже метрах в десяти. Я выстрелил в силуэт два раза, медведь рявкнул и бросился наутек. Выскочивший в этот момент Ходов, не долго думая, кинулся за ним. Я задержался, выпуская из загородки нашего медвежатника Мишку, иначе раненый зверь уйдет далеко. Пес сразу сообразил, в чем дело, и вихрем помчался вдаль, где уже был слышен лай Диски, неотвязно следовавшей за медведем, несмотря на свою старость. Торопясь в темноте, то-и-дело запинаясь за невидимые торосы, проваливаясь по пояс в какие-то забитые снегом ямы, скатываясь кувырком с незамеченных заструг и торосистых нагромождений, спешу туда, где слышен гомон собак и по временам выстрелы. Пока успел прибежать, все уже было кончено. На убитом медведе сидел торжествующий Ходов, а рядом с ним тяжело дышащие, то-и-дело хватающие снег собаки. Раненого зверя Василий Васильевич преследовал по пятам, один раз, свалившись с торошенной гряды, упал чуть не на него, несколько раз стрелял, но, конечно, сразу попасть по убойному месту в темноте на бегу дело мудреное. Вернувшись за санями на базу, чтобы притащить тушу, застали там вернувшихся наших. На Голомянном они ничего не видели. Совместно сходили и приволокли добычу, при вскрытии оказавшуюся довольно тощей холостой самкой. Итак, это уже второй зверь, так смело подходящий к дому.

С сегодняшнего дня началось мое очередное дежурство по дому. Прежде всего, воспользовавшись хорошей погодой, заготовляю на всю неделю дров, угля и льда. Дрова, в целях экономии, употребляются только для растопки короткими поленцами, для чего их нужно предварительно напилить, исколоть и сложить в сени. Затем накапывается в ящик, тоже на неделю, уголь. Последний лежит в куче у наружной стены склада, глубоко занесен снегом, и добывать его оттуда ежедневно было бы делом нелегким. Остается еще третья забота: запасти для воды льда. Торосы

Г. А. Ушаков за работой.

Рабочий уголок Н. Урванцева



находятся от дома метрах в ста, все они прошлогоднего происхождения, почему соль из них уже успела за теплое время вытечь. Для питья этот материал вполне пригоден. Наколов нужное количество пешней, на легкой нарточке вручную перетаскиваю глыбы и складываю у сеней на специально сделанный настил. Теперь можно взирать на будущее спокойно. Без этого, если ударит пурга, придется чуть не ползком добывать нужное и затрачивать на это массу энергии с риском поморозить лицо и руки. Да, еще не нужно забывать запасти в бидоны керосин. Откапывать и накачивать его из бочки в пургу тоже занятие не из приятных.

Первый день вообще работы по дежурству много. Нужно еще выпечь на неделю хлеб. Наша маленькая духовка вмещает всего четыре формы, поэтому печь приходится в два приема. Обычно в первый день выпекается черный хлеб, на другой белый.

Ранее хлебопечение мне казалось весьма сложной и тонкой операцией, постичь которую дело не легкое. За свои многолетние работы на севере мне приходилось делать многое: быть и слесарем и портным, и сапожником и кузнецом, но хлебопеком еще не доводилось. Оказалось, что и это довольно просто. Перед отъездом еще в Ленинграде я подверг подробному интервью на эту тему свою жену. Все сообщенное записал и теперь на основе имеющихся инструкций, которые еще упростил, действую безошибочно и быстро. Вечером накануне в обыкновенном ведре разводится на теплой воде мучная болтушка опара, консистенции густой сметаны. Сюда же добавляются ложки две соли. В качестве бродильного начала служит оставшаяся на дне от прошлого раза старая закваска. Дрожжевые грибки в ней живы, так как посуда на мороз не выносится. Затем ведро ставится на стол около теплой плиты на ночь, чтобы болтушка забродила. Весь секрет успеха зависит именно от того, чтобы она была помещена в условия температуры, наиболее благоприятной брожению: не очень близко от плиты, но и не очень далеко. Иначе опара или вспенится от брожения, очень сильно перекиснет и частью из ведра уйдет, или, наоборот, не поднимется — и хлеб выйдет пресным.

Утром, пока растапливается плита, тесто выкладывается на фанерный лист, где уже насыпана мука, перемешивается с нею вручную, выкатывается и раскладывается по формам,

предварительно смазанным маслом, чтобы хлеб не пригорел и не пристал к стенкам. Затем формы ставятся часа на два к плите, чтобы тесто поднялось вновь. После этого хлеб ставится в духовку, где и печется «до готовности», как говорится в кулинарных книгах всякого рода. Выпечка белого хлеба на другой день ничем не отличается от черного. Только за брожением опары нужно следить более внимательно, иначе хлеб выйдет кислым.

К утреннему чаю подаются хлеб, масло, сыр — правда, сейчас перемерзший — и огромная сковорода яичницы. Яиц у нас много, несколько тысяч, и истребляются они всеми весьма охотно.

Обед весьма прост. В кастрюле варится суп из мяса, кусок которого отрубается от расходной туши, лежащей в сенях. Суп заправляется или сушеной зеленью, или рисом, или лапшей, что вздумается дежурному. К концу зимы и на следующий год, когда быки кончились, супы ликвидировали и перешли исключительно на медвежье мясо. Его жарим куском, в форме отбивных и рубленых котлет и кусочками, как «беф строганов». У каждого дежурного было свое, так сказать, коронное блюдо. Я, например, предпочитал готовить медвежий ростбиф куском, Ушаков преимущественно медвежьи отбивные, а Журавлев гигантские рубленые котлеты, разве только чуть поменьше медвежьей ступни. К мясу подавался отварной рис или макароны. На второе готовился компот из сушеных фруктов, которых у нас было достаточно. Обычно для упрощения он варился в полведерной кастрюле, сразу на несколько дней. После обеда подавался чай. Вечером к ужину шло то, что оставалось от обеда, и снова чай.

Всевозможные сладости, как-то: мед, конфекты, печенье, которых у нас на складе было достаточно, совершенно не пользовались популярностью и почти целиком остались следующей смене. Лишь я один увлекался иногда сухими финиками и успел съесть их за все время целый ящик. Остались нетронутыми также и разные вкусовые специи: пикули, маринованная вишня, уксус, горчица, хрен сухой и в кореньях и т. д. Всевозможные консервы, которых тоже было очень много, не трогал никто. Даже лимоны, которых имелось больше сотни, в значительной степени оказались не использованы. Лишь изредка кто-либо в свое дежурство вспоминал о них, для «вкуса» крошил в компот, и только.

Зато любимым блюдом было мороженное медвежье мясо,

которого в сыром виде за ужином иногда съедали более килограмма.

Таким образом, на примере нашей зимовки, где за два года никто не болел, еще раз подтвердилось старое полярное правило, что достаточное количество свежего мяса, как в жареном, вареном виде, так и особенно сырое, служит полной гарантией от авитаминозных болезней и в частности от цынги. Во время зимовки антарктической экспедиции Шеклтона на судне «Discovery» 1902—1904 годов в первый год участники питались преимущественно консервами и получали лимонный сок. Все же к весне были случаи заболевания цынгой. Во второй год питались исключительно свежим мясом: тюленями, чайками, пингвинами, — и цынготных случаев не было ни одного, хотя лимонный сок отсутствовал. [1]

Местное население Таймыра не знает никаких овощей, да и не ест их. «Какой это еда, — это заяц еда», говорили мне мои друзья самоди, когда я их угощал присланной из города капустой, огурцами и картофелем. Между тем цынгою там заболевают лишь приезжие городские русские. Местное население этой болезни не знает и, несомненно, только потому, что много ест сырой рыбы, как мерзлой, — «строганины», так и свежей «сугуданины» и сырого мяса.

Обычно, не считая первого дня, когда дежурный был загружен доотказа, работы имелось не так много, особенно если ее распределить правильно. Утром подмести пол, затопить плиту, подать чай, убрать его, поставить вариться мясо и приправку к нему — вот и все. Лед таял в баке на плите одновременно с варкой пищи. Оставалось лишь своевременно, не давая засохнуть остаткам еды, вымыть посуду после обеда, для чего нужно только запасти заранее кастрюлю горячей воды.

В конце недели необходимо было еще выстирать свое белье, вымыть пол и вымыться самому. За отсутствием бани — это был большой недостаток — стирать и мыть приходилось на кухне, почему каждый это проделывал в свое дежурство. Стирка белья являлась, повидимому, наиболее тяжелой хозяйственной обязанностью для всех, тем более что работа требовала довольно много воды. А вода у нас была дефицитным товаром. Я обычно кипятил белье с мы-

[1] Н. Августовский, Санитарный отчет судового врача полярной экспедиции на судне «Discovery». Записки по гидрографии, т. 29, 1908.

лом в специальном баке, предварительно замочив его на сутки в холодной воде. Далее следовала стирка в корыте и полосканье. Сушка происходила или на чердаке, или у плиты в течение ночи. Глаженье считалось излишней роскошью, да и утюга не имелось.

Пол был покрыт линолеумом, поэтому мытье его не составляло труда и производилось горячей водой с мылом, так как за неделю из мясного амбара и сеней натаскивалось довольно порядочно грязи и сала. Обеденный стол покрывался клеенкой, его мыли ежедневно, как и кухонный.

Мытье людей происходило на кухне у плиты, для чего заранее согревался бак горячей воды, которая затем наливалась в рукомойник. Чтобы не плескать на пол, моющийся становился ногами в корыто для стирки белья. В общем мы приспособились к такой импровизированной бане довольно удовлетворительно. Лишь Журавлев иногда с сокрушением вспоминал о полке и венике.

Плиты с обогревателем оказалось совершенно достаточно для согревания всего помещения, и не было никакой необходимости в постановке дополнительного камелька, как это предполагалось сначала. Вообще дом вышел очень теплым, чему способствовали двойные полы и потолки с засыпкой между ними опилок в смеси с алебастром. Шпунтовые брусчатые стены, обшитые внутри фанерой по кошме, оказались почти абсолютно непродуваемыми при всяких пургах. Оконные рамы, как внутренние, так и внешние, имели двойное застекление, благодаря чему никогда не обмерзали и даже не запотевали.

Вечером, когда горели лампы, температура в помещении поднималась до $+20°$, а после усиленной топки для хлебопечения, стирки или мытья она доходила до $+25°$ и даже $+30°$. Приходилось отворять форточку в кухонном окне и даже дверь в сени, чтобы хоть немного прохладиться. В целях вентиляции и во избежание угара задвижка печной трубы никогда, даже на ночь, не затворялась, и все же даже в самые сильные морозы и пурги температура утром никогда не падала ниже $+8°$. Оконная форточка в здешних условиях оказалась мало пригодной, так как сильно обледеневала, плохо из-за этого затворялась, а в щель пургою наносило снег. Поэтому мы продолбили в стене под потолком для вентиляции круглую дыру, закрываемую деревянной пробкой. Все это способствовало тому, что воздух в помещении был всегда сух и чист, несмотря на целых

Дом полярной ночью при луне. Январь 1931 года.

Общий вид базы с запада. Справа склад.

5 керосиновых ламп и отчаянное курение, в чем особенно состязались Журавлев с Ушаковым, — кажется, и спавшие с трубками.

Наступил декабрь, самый темный и глухой месяц в Арктике. Впрочем, сейчас, в начале месяца, луна полная и совсем не сходит за горизонт. Дня же как такового нет совершенно. Ночью даже светлее, так как в это время луна находится вблизи верхней кульминации и стоит высоко на небе. В довершение установилась штилевая ясная погода с сравнительно небольшими морозами до — 25° — 30°. Торошенные льды в море, засыпанный снегом остров и почти погребенная под сугробами наша база при лунном освещении кажутся прямо феерическими. Стоя в море среди ледяного хаоса, кажется, что находишься где-то не на земле, а на другой, давно умершей планете, а города с их шумной жизнью, поля с волнующей рожью и зеленые леса представляются лишь сном, который видел когда-то и уже успел почти позабыть. Кругом абсолютная тишина, и только слышен шум тока крови в собственных пульсирующих артериях.

Воспользовавшись лунным светом, Ушаков с Журавлевым решили съездить на базу Серпа и Молота отвезти пеммикан. Мне ехать не придется, так как собак набирается лишь на две усиленных запряжки. Ехать необходимо быстро, пользуясь хорошей погодой и лунным светом, а это длиться здесь долго не может. Поэтому нужны только сильные молодые собаки, а таковых у нас набирается не более 25 штук.

В путь тронулись 4 декабря в 18 часов, оба на веерных упряжках по 12 собак в каждой. Кроме текущего недельного запаса продовольствия себе и собакам, палатки, спальных мешков и прочего снаряжения, берут 120 банок, то есть 360 кг собачьего пеммикана, который и оставят на базе. Думают обернуться в три дня.

Погода попрежнему прекрасная, тихая и лунная. Нашим благоприятствует.

7-го в 2 часа вернулись путешественники, сделав таким образом весь путь туда и обратно за 2 суток и 8 часов. Ночевали они всего один раз вчера, недоезжая горы Серп и Молот километров 20. Затем приехали к базе, сложили пеммикан и, напившись чаю, даже не разбивая палатки, повернули обратно и доехали до дома в один прием, то есть сделав без передышки около 90 километров. Упряжка Жу-

равлева дошла хорошо, у Ушакова же некоторые собаки, как мало тренированные, разбили в кровь подушечки лап. Ошкуя, того самого, что осенью съел половину середника, пришлось бросить немного не доезжая Среднего острова, так как он выбился из сил и больше не мог итти даже без лямки.

На другой день встали в 16 часов, легли в 6, как это теперь у нас вошло в обычай. Днем начал задувать довольно сильный северо-восток, а к вечеру пурга раздулась уже вовсю. Хорошо, что путники успели во-время вернуться.

Луна на ущербе, и днем, когда она уже заходит, делается совсем темно. Ночью гораздо светлее. Ушаков с Журавлевым поехали на Голомянный посмотреть капканы и кстати поискать брошенного Ошкуя. Привады оказались поеденными медведем, капканы разбросаны. Ошкуя не нашли. Приехав домой первым, Журавлев начал отпрягать собак. Вдруг выпряженные бросились к лодке на берегу, и оттуда послышался рявк медведя. Схватив винтовку, Журавлев кинулся туда и столкнулся со зверем буквально нос с носом, так как, напуганный собаками, он бросился по направлению к дому. После выстрела в упор зверь повалился прямо к ногам. Судя по его следам, он подошел к дому уже давно. Долго топтался около угольной кучи, на помойке, пока не подъехала упряжка. Остальные собаки были все в загородке и гостя ни одна не почуяла.

В брюхе оказалось сало и шкура нерпы, — вероятно съеденная привада.

После пурги резко потеплело. Всего только —5°. Ошкуй вернулся после 8-дневного отсутствия. Выглядит не очень истощенным. Где был и чем питался, неизвестно.

Распорядок дня у нас теперь сложился навыворот. Ложимся в 8—9 часов, а встаем в 16—17. Это бы еще ничего, если бы все шло регулярно, но этого-то как раз и нет. В результате у меня развилась страшная бессонница. Сплю не более трех-четырех часов в сутки, иногда и вовсе не сплю. Пробовал принимать снотворное: веронал и даже морфий. Лишь оглушает на несколько часов, а пользы никакой. Плюнул, махнув на все рукой. Одна надежда, что здоровья еще хватит, а там наступит день и жизнь сама, естественно, войдет в норму. Увлекаюсь чтением. Уже перечитал всего Шекспира, Толстого, Тургенева и имевшуюся новую, к сожалению, довольно пестро подобранную беллетристику.

На улице почти все время пурга. Лишь немного затих-

нет, а потом опять возобновляется с удвоенной силой. Выйти никуда нельзя. Все сидят дома угрюмые и молчаливые, уткнув носы в книги.

Перелом 23 декабря «зимний солнцеворот», когда склонение солнца, достигнув наименьшей величины, вновь начинает увеличиваться, был встречен всеми с большим удовлетворением. Хотя ночь попрежнему так же темна, а пурги часты, сознание, что день прибывает, приближается появление солнца, а с ним и возможность поездок и маршрутных работ, вселяет во всех бодрость. Пора приниматься постепенно за подготовку к маршрутам.

ГЛАВА VI

Планы весенних маршрутов. Поездки на базу Серпа и Молота. Появление солнца. Подготовка к маршрутам научных приборов. Перешивка одежды. Заброска депо в северную часть Северной Земли. Охота на медведей. Поездка для заброски депо на восточную сторону Северной Земли. Окончательные сборы в маршрут. Опись продовольствия, научного и походного снаряжения, одежды. Вес грузов.

Осенний поход на Северную Землю дал нам некоторое представление о ее характере, расположении и простирании западных берегов. На основе этих данных, обсудив дело всесторонне, мы наметили на весну два основных маршрута. Первый — вдоль западного берега на север к Октябрьскому мысу и далее вплоть до северной оконечности земли. Обогнув ее, спускаемся на юг и снова возвращаемся к Серпу и Молоту с пересечением земли, если она представляет сплошной массив. Второй — от горы Серп и Молот на восток поперек земли с выходом на восточную сторону. Отсюда вдоль берега на юг до залива или пролива Шокальского, далее на запад с пересечением земли, если это залив, после чего возвращение на север обратно на базу острова Домашнего вдоль западных берегов Северной Земли.

Экспедиция Б. Вилькицкого в 1913 году на судах добралась до 80°52′ сев. широты,[1] и хотя берег здесь уже явно повернул на запад, все же до северной оконечности еще не достигла. Предполагая, что она находилась уже недалеко, можно примерно считать длину первого нашего маршрута около 1000 километров.

Груза на нарту, не считая веса сидящего человека, который первое время пойдет большею частью пешком, можно

[1] К. Неупокоев, Материалы по лоции Сибирского моря. Приложение к Запискам по гидрогр., т. 46, 1922 г.

положить до 300 килограммов. Это максимум, что в состоянии продолжительное время тащить наши собаки. Из них полагая 50% — значит 150 кг — на снаряжение, инструменты и продовольствие людям, на пеммикан собакам остается 150 килограммов. Считая дневную дачу по 0,5 кг на собаку, этого запаса хватит на упряжку в 10 псов на 30 дней. Полагая из осторожности среднюю суточную скорость передвижения не более 20 км, с таким запасом можно продвинуться на 600 километров. Таким образом, для выполнения первого маршрута на пути его, в 200—300 км от начала, нужно иметь вспомогательное депо с запасом корма собакам примерно на 20 дней. Если в маршрут пойдут две упряжки, это составит 200 кг, если три, то 300.

Для второго маршрута, длиною тоже примерно около 1000 км, также, следовательно, понадобится вспомогательное депо с запасом пеммикана в 200—300 килограммов. Его лучше всего было бы устроить где-либо на восточном берегу. Но прежде чем создавать эти оба, северное и восточное депо на главной базе у горы Серп и Молот, необходимо сосредоточить не только все потребное для их устройства, но и дополнительный запас на обратное возвращение и в качестве резерва. В общем сюда следовало завести около 1000 кг собачьего пеммикана и месячный запас продовольствия и топлива для людей. Все это необходимо сделать до начала апреля, когда уже следовало выступать в первый маршрут.

Работа предстояла серьезная, и к ней следовало подготовиться со всею тщательностью, ибо в этом был главный залог успеха. Опыт осеннего маршрута показал, что цуговая упряжка в условиях нашей работы и с нашими собаками не может считаться рациональной. Сейчас уже все с этим согласились, и даже Георгий Алексеевич, горячий сторонник цуговой езды, перешел на веерную упряжь.

Далее, меховая одежда и обувь, полученные в Архангельске, не вполне отвечали своему назначению и их следовало реформировать. В наших условиях, при езде на собаках, когда то-и-дело приходится соскакивать с саней, чтобы поправить упряжь или помочь в трудных местах тянуть, необходима легкая, не стесняющая движений, удобная, но вместе с тем теплая одежда. Особенно важно это было для меня, так как при работе мне много придется ходить на осмотр обнажений горных пород, лазать по крутым склонам и даже отвесным скалистым обрывам. Наши длинные

до пят меховые балахоны, малицы и совики ни в какой мере такому назначению не соответствуют. Этот тип одежды выработался в оленеводческих полярных областях, где можно проехать, сидя на санке, многие десятки километров, даже ни разу не сойдя с нее. Таймырские самоди, так те просто садятся по-монгольски, скрестя ноги, в меховой мешок «кукуль», положенный на санку, и так едут, как будды, от чума до чума многие часы.

Прекрасные образцы одежды привез с собою с острова Врангеля Ушаков. Там, как и на Чукотке, носят лишь меховые штаны и рубашки с капюшоном мехом внутрь и наружу. Вместо тяжелых совиков сверху накидывается легкая до колен кухлянка. Такая одежда как нельзя лучше отвечает требованиям удобоподвижности, необходимой при езде на собаках, почти исключительно применяемых на полярном Востоке. Эту одежду нам, конечно, и следовало взять за образец.

Впрочем Журавлев с этим не согласился и ни за что не хочет расстаться с милыми его сердцу малицей и совиком, в которых он вырос, работал и потому сроднился за свою многолетнюю жизнь на Новой Земле.

Затем мне нужно было приспособить научные приборы и инструменты, которые пойдут в маршрут, к специфическим условиям работы на морозе.

В общем дела было много и за него уже следовало понемногу приниматься.

Сейчас пока занялся изготовлением новой коробки для буссоли Гильдебранта, которую беру в качестве прибора для определения склонения, так как тащить с собою имеющийся магнитный теодолит Chasslon'a, весом с треногой более 40 кг, дело невозможное. Буссоль же весит всего около ½ кг с футляром и дает склонение с точностью до 10′, что для целей наших исследований совершенно достаточно. Имеющаяся у прибора коробка для стрелки буссоли очень узка, позволяя ей отклоняться не более как на 10° от меридиана. Между тем горизонтальная составляющая магнитного поля здесь очень мала и, когда коробка буссоли поворачивается для приведения ее в плоскость магнитного меридиана, стрелка силою поверхностного натяжения прилипает к стенке, отрываясь лишь, когда коробку повернешь на довольно значительный угол. Но тогда стрелка отходит и прилипает к другой стенке, так как плоскость магнитного меридиана уже перейдена. Выход из положения один: сде-

В. В. Ходов за ремонтом радиопередатчика.

Н. Урванцев и С. Журавлев за шитьем меховой одежды.

лать другую коробку пошире, чтобы стрелка имела большую амплитуду колебаний.

На стрелке укреплено маленькое зеркальце с чертой, качание которой приходится наблюдать в небольшую увеличительную трубу, укрепленную на коробке. Все это имеет весьма небольшие размеры, почему монтировка всех деталей на новой коробке — дело довольно деликатное, требующее уменья и тонких инструментов, которых у нас почти нет.

В общем провозился я с этим делом около 10 дней, пока, наконец, не справился со столь непривычной задачей. Материалом для коробки послужил листовой алюминий, оказавшийся у Василия Васильевича, он же снабдил и кое-каким тонким монтажным инструментом вроде сверл и метчиков.

В конце декабря вновь появилась незаходящая луна при ясном безоблачном небе. Но морозы установились суровые в пределах от — 35 до — 40°.

У нашей единственной хорошей, породистой суки Сучки, привезенной с прочими собаками с Востока, прибавление семейства. Родилось пять прекрасных щенят. Мамаша была заблаговременно переведена в дом в угол на кухне, так как морозы на улице стоят сильные. Для нас же весьма важно собачье пополнение. Уже сейчас погибло и потерялось в разное время семь собак, а во время маршрутов, несомненно, еще будут потери и, вероятно, значительные. Кроме Сучки имеется приехавшая вместе с ней Диска, но она очень стара и ждать от нее потомства не приходится. По крайней мере пока не предвидится. Далее, Журавлев в Архангельске приобрел еще суку Мильку, лопоухого и глупого ублюдка, от которого трудно ждать чего-либо путного. Еще на пароходе перед Северной Землей у нее родилось восемь щенят, из которых пятерых оставили. Сейчас они уже довольно большие. В двери мясного амбара внизу Журавлев прорезал дыру такого размера, чтобы могли пролезать только щенки. Там они и живут в углу на подстилке, имея возможность грызть любой кусок мяса, когда только им вздумается. Съели его они очень много, «золотые лапки стали у наших щенят», говорит Журавлев, но будет ли из них толк в езде — дело темное и сомнительное.

Живем попрежнему вразброд, кто спит днем, кто ночью, а кто, вроде меня, и вовсе не спит. Но распорядок в смысле сроков чая, обеда и ужина все же соблюдается всеми дежурными, одинаково в этом заинтересованными.

Пользуясь лунным светом, Ушаков с Журавлевым отвезли 82 банки (256 кг) пеммикана на северный мыс острова Среднего, так как на-днях собираются в очередную поездку к Серпу и Молоту.

Я занимаюсь изготовлением термосов для хронометров и радиобатарей в маршрут. Термоса состоят из металлических с двойными стенками ящиков, куда наливается горячая вода. Ящики помещаются в деревянные футляры с двойной теплоизоляцией оленьими шкурами и войлоком. Испытания термоса для хронометров показали, что за сутки пребывания на морозе при —30° температура в нем упала лишь на 18° (с + 40° до + 22°). Подогрев воды на примусе прямо в жестяном ящике, вынутом из чехла, занял всего 4 минуты, — значит, и керосина на это потребуется очень немного. Можно надеяться, следовательно, что температурные условия, в которых будут находиться хронометры в пути, окажутся благоприятными и обеспечат равномерность хода, что существенно для точности астрономических наблюдений. В термосы радиобатарей вода будет наливаться только при приеме сигналов времени, да и то, надеюсь, лишь в сильные морозы.

Морозная ясная лунная погода вскоре сменилась пасмурной и пурржливой. Температура поднялась до —20° и еще имеет тенденцию к повышению. Пожалуй, нашим к Серпу и Молоту съездить не удастся. Луна уже на ущербе и скоро скроется совсем. Впрочем, недолго уж осталось ждать и рассвета, а там дни начнут прибывать с курьерской быстротой, как они убывали осенью.

В половине января пурги кончились. Вновь началась полоса штилевой ясной погоды. Морозы установились до —40° и ниже. Днем в полдень уже ясно различимая заря. От дома на юг на фоне медно-зеленого неба отчетливо видны абрисы ветряка и радиомачты, но крупные, до второй величины, звезды все еще горят попрежнему ярко.

Мясо для собак почти на исходе. Милины щеночки постарались. Журавлев их клянет на чем свет стоит: «У, вражья сила, чтоб вас разорвало!» Начинаем кормить собак пеммиканом. Сегодня, например, дали на 35 собак 7 банок, или 21 кг, то есть по 0,6 кг на каждую. Остатки мяса необходимо беречь для подкорма перед санными поездками. Доступ «вражьей силе» в амбар воспрещен, лаз внизу забит и щенки посажены на общесобачью полуголодную норму.

Обычно кормим собак к вечеру. Журавлев одевается, бе-

рет фонарь и отправляется в мясной амбар. Здесь на чурке топором рубится суточная порция на куски весом около ½ кг каждый с расчетом, чтобы на собаку пришлось 1—2 куска. Как только заслышится тюканье топора, собаки в загородке поднимают гвалт. Находящиеся вне окружают открытую дверь амбара, выражая свое нетерпение тявканьем, но ни одна не рискует сунуться к мясу. Добрая плеть из заячьего ремня тут уже под рукой, а суд у Журавлева скор и беспощаден. Нарубленное мясо складывается в корзину, двое относят его в загородку. Здесь часть разбрасывается по полу, а часть раздается вручную, так сказать персонально, наделяя более питательными, без костей, кусками слабых, почему-либо истощенных, или много работающих. Любимцам, а они есть у всех нас, также перепадает кое-что лишнее. Всякие ссоры, тем более драки, попытки воровства и грабежа друг у друга пресекаются в корне самым решительным образом, собаки это знают, и обычно каждая, за исключением неисправимых грабителей, ест сосредоточенно свой паек, не обращая внимания на других.

После долгого перерыва Журавлев снова начал ездить по капканам. Сегодня, 19-го, он снова привез песца. Это уже по счету двадцатый. Медведей же добыто за все время 14, причем в декабре 1, а сейчас, в январе, пока ни одного. Море кругом замерзло, и зверь в поисках корма откочевал южнее, где больше открытой воды и держатся нерпы. Едва ли следует ждать появления медведей у нас ранее марта.

Ночью, 21-го, слышали передачу Ленинградской радиостанции, устроенную Институтом Севера для Земли Франца-Иосифа. Из речи В. Визе узнали ряд интересных новостей. В связи с международным полярным годом в 1932 году предполагается постройка станций на мысе Челюскина и острове Уединения.

Прошлым летом на Земле Франца-Иосифа нашли труп Андре со спутниками, дневники и другие их материалы; в Северо-Американском Архипелаге на земле Вильгельма — документы и несколько трупов участников Франклиновской экспедиции; умер старик Отто Свердруп, — командир «Фрама» в Нансеновской экспедиции 1893—1896 годов; нынешним летом в Арктику намечен полет дирижабля «Цеппелин» при участии советских ученых. Упоминали, между прочим, и о нас. Приятно слышать, что Институт о нас еще помнит.

Пользуясь хорошей погодой и появившимся светом, сегодня, 28-го, на двух усиленных запряжках Ушаков и Журавлев уехали к Серпу и Молоту. Груз — 120 банок пеммикана для базы, запас продовольствия себе на неделю и походное снаряжение. Из собак дома остались лишь больные да слабосильные. Через день, 30-го, путники уже снова были дома. Так скоро их не ждали, и когда залаяли собаки, мы, схватив винтовки, выскочили, полагая, что это подошел медведь.

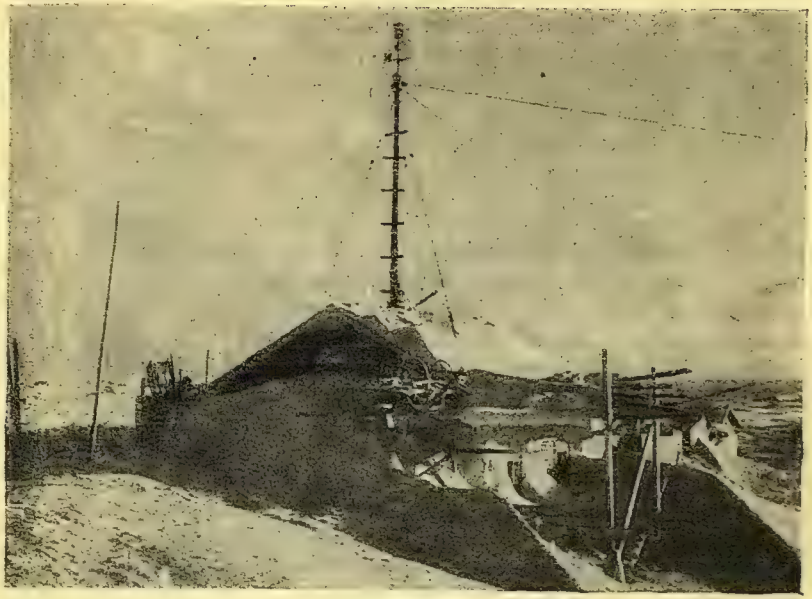
Доехали они благополучно, дорога хорошая, поэтому ночевали, как и в предыдущий раз, лишь один раз. Около острова Среднего пришлось бросить двух собак Мазепу и Гришку, которые не могли больше итти от усталости. Надеемся, что через несколько дней они придут, как и Ошкуй в прошлую поездку.

Пользуясь начавшимися ветрами, пустили в ход ветросиловую установку, а то аккумуляторы почти сели, хотя электроэнергия расходуется лишь на работу радиостанции.

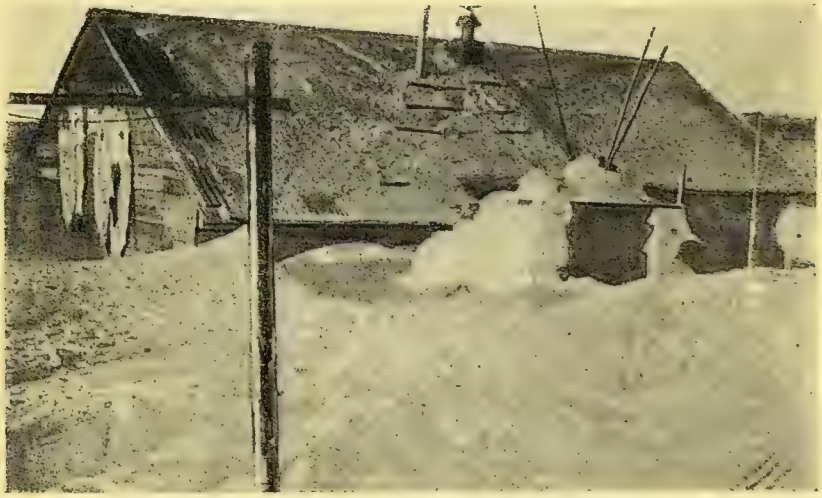
Сегодня производил в доме киносъемку, для чего пустили в ход все наши световые ресурсы. Ходов сделал блок из нескольких ламп и две вольтовых дуги. В общем набралось источников примерно на 1500 свечей. Думаю, что для нашего маленького помещения этого окажется достаточным. Снимал всех за чаепитием, за работой, чтением, словом за нашими обычными занятиями в доме.

Вот и февраль. Скоро появится солнце, и темноте конец на целых полгода. По моим вычислениям, на нашей широте солнце должно показаться 22-го. В этот день склонение в полдень достигает $10^{c}42'$, и у нас над горизонтом должен появиться верхний край светила. Фактически же, благодаря рефракции, поднимающей все предметы кверху и особенно сильной у горизонта, в этот день будет виден уже весь диск. Солнце же, или, вернее, его приподнятое изображение, можно будет видеть еще 21-го, а может быть даже и 20-го. Конечно, если в эти дни будет стоять ясная погода.

Около дома снегу намело уже до половины окон и после каждой пурги прибавляет еще, хотя мы каждый раз его усердно отгребаем и отвозим подальше. Весною, когда все вытает, нужно будет от дома убрать дрова и ящики, чтобы снег выдувало, а не наметало, как сейчас. Воспользовавшись полосой тихой погоды, я с Ушаковым занялись устройством наружного входа, так как выйти после пурги из дома — теперь целая проблема. Из снежных кирпичей и фанеры



Дом, занесенный снегом весною 1931 года



Занесенный снегом дом. Снежный вход.

мы вывели из сеней наклонный коридор на поверхность снегового покрова, лежащую метра на два выше уровня почвы. Устье закрывается щитом из фанеры. Если следить, чтобы вокруг не лежало никаких предметов, заносить новый вход, вероятно, не будет.

В полдень уже светло, как днем, даже звезд не видно. Журавлев ездил на Голомянный смотреть капканы и поискать собак. Ни в том, ни в другом, к сожалению, не преуспел. Гришка появился сам спустя еще шесть дней, а всего, таким образом, отсутствовал он пятнадцать суток. Выглядит страшно тощим и сразу же бросился на помойку, нашел там труп издохшего недавно Милькиного шестимесячного щенка Четырехглазку (Журавлев, помню, был доволен: «одним паразитом меньше») и немедленно его съел всего с шерстью и костями. Заправившись, таким образом, выбрал укромное место за ветром и улегся отсыпаться. Через несколько дней собака опять поправилась и выглядела как ни в чем не бывало.

Через десять дней пожаловал и Мазепа. Ночью 22-го мы были разбужены страшным собачьим гомоном. Все решили, что это медведь и, схватив винтовки, радостно высыпали на улицу. Оказывается, это явился наш скиталец и анахорет, пробывший в безвестной отлучке целых 23 дня. Несмотря на столь длительный пост, собака выглядела не очень истощенной. Повидимому, он все же чем-то питался. На привадах его не было, это установлено, значит он где-либо нашел объедки от медвежьего завтрака или, как думает Журавлев, подбирал экскременты собак, которых везде около острова Среднего разбросано достаточно. Последняя версия наиболее вероятна. Достойна удивления такая поразительная жизнестойкость ездовых собак. Пробыть 23 дня на сильнейших морозах и пургах почти без пищи, уцелеть и вернуться домой! На психике Мазепы такое потрясение все же сказалось очень сильно. Ранее это был отчаянный лодырь и симулянт, которого нельзя было заставить работать даже кнутом. Пока его лупишь — лямка еще натянута, как перестаешь — так Мазепа снова лишь ногами шевелит, а уж на лямку не наляжет — ни-ни. При этом лукавая животина соразмеряет свои силы так, чтобы лямка не провисала, а создавалась видимость работы. Теперь, после возвращения, Мазепа превратился в отличную собаку. Усердную, послушную, образец всех ездовых псов. Журавлев прямо не нахвалится.

Пурги и пасмурная погода позволили увидеть солнце лишь 24-го. В этот день оно взошло уже в половине десятого, а в полдень стояло над горизонтом выше на целый свой диаметр. Теперь светлое время начнет прибывать быстро, а через месяц ночи и вовсе не станет.

Ушаков с Журавлевым уехали в свой очередной, третий по счету рейс к Серпу и Молоту. Везут 140 банок пеммикана и 1 бидон керосина. Вернулись обратно 26-го. Из собак бросили еще около Северной Земли выбившуюся из сил «Гиэну». Остальные дошли благополучно.

Наша радиосвязь, бывшая в темное время более или менее регулярной, с наступлением светлой поры стала капризничать. Иногда не слышно никого, а иногда, наоборот, слышимость прямо изумительная. Например, 22-го февраля моя телеграмма была передана прямо в Ленинград, где ее сообщили по телефону домой, и через два часа Ходов уже передал мне ответ.

Средняя месячная за февраль вышла ненормально высокой всего — 24°, 1, между тем как за январь она достигла — 33°,1. В марте поэтому следует ждать больших холодов.

Утром 2 марта, несмотря на начавшуюся пургу с юго-востока, наши вновь поехали забрасывать груз. Взяли 110 банок собачьего пеммикана, ящик в 72 банки мясных консервов и 1 бидон керосина на 16 литров. Ушаков поехал полубольным с головной болью, как я его ни уговаривал переждать. Вернулись путники, как обычно, через 2 дня, сильно уставшие и продрогшие. Вчера у Серпа и Молота пурги не было, но сегодня при возвращении дуло изрядно. Гиэну нашли. Вернее, он сам подбежал, зачуяв проезжавшие упряжки. Журавлев его подпряг и он потянул лямку как ни в чем не бывало.

Стоит ясная, безветреная погода. В такую погоду все проводят время на улице. Один откапывает снег, другой чинит сани, третий еще что-либо делает. Уходим в дом только при наступлении темноты.

Я постепенно принялся за перешивку одежды в маршрут. Сейчас шью специальные рукавицы для работы. Для меня это особенно важно, так как придется на морозе много писать и делать разные зарисовки.

Сегодня, 7-го, Ушаков с Журавлевым снова поехали на заброску груза. Взяли 125 банок пеммикана, 1 ящик мясных консервов и 1 бидон керосина. На этот раз они пред-

полагают проехать километров двести к северу от Серпа и Молота для устройства продовольственного депо по пути первого маршрута. Предполагают проездить недели две. С упряжками убежали как-то удравшие из загородки Гришка, у которого разбиты ноги от прошлой поездки, и Милькин щенок Сова.

Вечером Василий Васильевич сообщил, что Ленинградская коротковолновая станция приняла сегодня «SOS»[1] с нашими позывными. Очевидно чье-то — вероятно, зарубежное — радиохулиганство. К счастью, связь с Ленинградом сегодня была непосредственная, и мы немедленно отправили предупреждение не верить подобным сигналам.

Несмотря на сильные морозы, Сучкины щенки все время проводят на улице, заиндевеют все, а все-таки к себе в гнездо не бегут. Прекрасные растут собаки, крепкие и послушные. Но Милькино потомство явно дефективно. Один даже не может отличить щепку от куска пеммикана, так что при кормежке приходится ему давать куски из рук.

Сегодня прелестный солнечный тихий день с температурой около — 35°. Пользуясь хорошей погодой, произвожу на лыжах съемку нашего и соседних островов. Длина Домашнего острова оказалась равной 4820 м при наибольшей ширине в 720 метров. Наивысшая точка находится в северной четверти и достигает 17 м над уровнем моря. Остров Голомянный несколько больше, длина его 5450 м, ширина 1200 м при наибольшей высоте в 24 метра. Очертания менее правильны, чем у Домашнего, имеющего форму вытянутой груши с острым концом, где стоит дом, обращенным к юго-востоку. До Среднего острова от дома через пролив оказалось почти 2 км (1950 м). Ширина острова здесь около 1 км и так идет, мало меняясь, до самого северного конца. Среди толщ слагающих известняков найдена ископаемая фауна преимущественно колониальных одиночных кораллов, определяющих верхнесилурийский возраст свиты.

Благодаря чрезвычайно ясному спокойному воздуху и вследствие радиации сильному охлаждению прилежащих к земле воздушных слоев, аномальная рефракция за последние дни выражена особенно резко. Застаивающиеся

---

[1] Международный сигнал бедствия. Означает первоначальные буквы английской фразы Save our Souls — «Спасите наши души».

между торосами холодные и потому ненормально плотные воздушные массы вследствие явлений полного внутреннего отражения создают впечатление зеркальной водной поверхности. А выдающиеся над этими слоями отдельные вершины торосов кажутся плавающими на воде льдинами. Иллюзия усиливается еще тем, что вследствие колебания воздуха все это движется, и кажется, что льдины плывут, гонимые течением и ветром. Даже в бинокль нельзя разобрать обмана, и лишь отсутствие тумана, всегда присутствующего в морозы над водою, ясно говорит, что все это один мираж, не более. На-днях, впрочем, и я поддался обману. Кое-где между торосами, повидимому, была вода, и местами подымавшийся туман ввел меня в заблуждение. В надежде встретить нерп я шел к мнимой воде километров пять, пока не убедился в ошибке.

Несмотря на морозы, солнце греет уже сильно. От темных ящиков и толевой крыши, на обращенной к солнцу стороне, поднимается пар, а лежащий на них снег исчезает прямо на глазах. Однако он не тает, а сразу испаряется, так как подтеков воды не видно. Термометр на черном фоне крыши на солнце показал всего — 8°,0, в то время как в метеорологической будке в тени было — 32°,8.

Солнце закатывается уже в 18 часов, а заря горит всю ночь, так что и в полночь лишь смеркается. Странно видеть на северной стороне светлое в розовых и пурпурных красках зари небо, а на юге черное, как уголь, с яркими звездами. Как раз наоборот тому, что мы привыкли видеть обычно.

За последнее время превратился в портного. Перешил меховую рубашку, пришил к ней капюшон, переконструировал меховые штаны и переделал совик на кухлянку. Особенно много было возни с одеялом. Фактически его пришлось сшить заново, так как сметанные на живое швы расползлись еще в осенний маршрут. Плохие участки меха выбросил, заменив их новыми, вполне доброкачественными, а для головы сделал специальный клапан-капюшон. Теперь можно будет спать с комфортом в тепле и не дышать внутрь. За сутки человек легкими выделяет около 500 г воды,[1] находясь в спокойном состоянии. На время сна из этого количества падает, вероятно, не менее 200

[1] И. П. Павлов, Общий курс физиологии, 1926 г., издание Военно-медиц. академ. РККА.

граммов. Если спать, укрывшись с головой, вся эта влага конденсируется и остается в шерсти спального мешка. Кроме того выделяется влага и через кожу. При этих условиях неудивительно, что большинство полярных путешественников жалуется на прогрессирующее обледенение меховых мешков, благодаря чему уже через 10—15 дней они почти не согревают и сон становится мучительным делом. Между тем санное путешествие — тяжелый труд, и после рабочего дня совершенно необходимо основательно и спокойно выспаться, чтобы быть на другой день вновь свежим и бодрым. Поэтому правильно поставленный клапан на одеяле вещь не пустая. Со стороны это может казаться мелочью, а между тем в полярной экспедиции именно эти мелочи — залог успеха, и пренебрежение к ним может стоить подчас даже головы.

В пурживую погоду и по вечерам портняжничаю, а в ясные дни хожу на лыжах, веду съемку и изучаю геологию ближайших островов. Ведем с Ходовым регулярную жизнь. Во-время встаем, во-время ложимся, и я снова начинаю обретать утраченный сон и душевное спокойствие. Отдыхаю всеми фибрами. Хотя Журавлев и очень интересный, незаурядный человек, яркая личность, но совместная жизнь с ним вещь очень тяжелая. Его потрясающая грубость, отсутствие самых элементарных культурных навыков, колоссальное самомнение и подчас Мюнхаузеновское бахвальство могут просто свести с ума. Правда, живя с нами, он уже стал лучше, но до состояния пригодности к совместной коллективной жизни ему еще далеко.

Для продовольственной базы на восточной стороне Северной Земли уложил в специально сделанный жестяной ящик 22,4 кг галет, или 56 пайков, считая норму по 400 г на человека в день, и 51 порцию шоколада по 100 г каждая. Ящик тщательно запаял, чтобы не проникла сырость, а главное — не пронюхали медведи. Иначе все раззорят и не столько съедят, как разломают и разбросают.

Исправил одометры. Вместо рамки из полосового железа, как было сделано осенью, поставил обыкновенную велосипедную вилку передней оси. На ней колесо и счетчик держатся устойчивее. Верхний конец вилки просверлил и надел на железную горизонтальную ось, монтированную на деревянном бруске, как и ранее. Кроме гаек на ось колеса поставил еще по контргайке, так как в первый маршрут был случай поломки из-за потери гаек, отвернув-

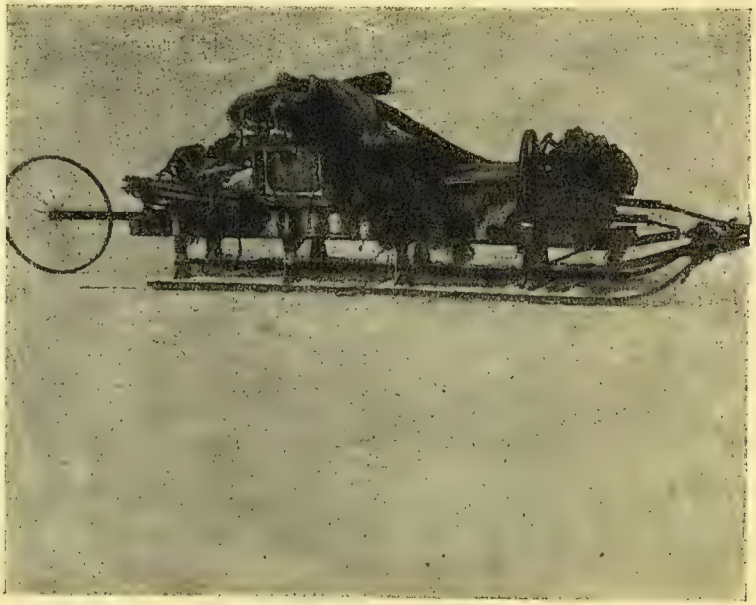
шихся вследствие тряски инструмента по неровностям дороги. Масло из шарикоподшипников тщательно удалил, так как вязкость его в морозе колеблется очень сильно и потому погрешность прибора вследствие неравномерности трения не будет величиной постоянной. Вместо масла налил керосин, вполне удовлетворительно действующий в морозное время. Поверка переводного коэффициента на промеренном участке дала те же цифры, что и осенью: 1,1 и 1,08.

Сегодня из-за аномальной рефракции отлично видна Северная Земля и в частности гора Серп и Молот непосредственно с возвышенной части нашего острова. В обычных условиях ее видеть нельзя, так как даже высшие точки ее западного берега должны скрываться кривизной земли.

Около полуночи 20-го числа приехали наши. Последний переход они сделали на прямую от Октябрьского мыса без заезда на Серп и Молот. Это составляет, примерно, 75 километров. На север вдоль западного берега они проехали около 150 км, но цифра является лишь ориентировочной, поскольку одометра не было и съемка не велась. Здесь земля круто завернула на восток и юго-восток, образуя высокий скалистый мыс, названный Георгием Алексеевичем мысом Ворошилова. Он полагает, что здесь и находится северная оконечность Северной Земли. Прикинув на карту даже грубо-ориентировочные данные пути, с этим остался несогласен.

Севернее мыса в море видны были лишь небольшие каменистые островки, но плохая видимость не позволила установить их количество. На ближайшем из них сложено 75 банок собачьего пеммикана и 37 банок мясных консервов. С острова, виденного нами осенью к северу от мыса Октябрьского, повидимому, спускается ледник, так как по дороге встречены многочисленные айсберги. Попытка проехать на прямую завела путников в лабиринт среди этих ледяных гор. Промежутки между ними были засыпаны рыхлым глубоким снегом, под которым во многих местах находилась вода вследствие подвижек отдельных айсбергов. Собаки тянули груженые сани по бродному снегу с величайшим трудом. Люди выбивались из сил, помогая им. Несколько раз проваливались в воду, но, к счастью, без особых последствий. На обратном пути держались под берегом и этим миновали опасные места. Привезенные образцы слагающих пород представлены известняками

В пеший маршрут.



Нарта чукотского образца. Сзади одометр.

с фауной силура, зелеными и красными мергелями и сланцами. Есть изверженные породы из группы габбро-диабазов.

Вообще условия поездки были тяжелые. Почти все время, особенно на пути туда, бушевали пурги при морозах до — 30°. Любопытно, что у нас пурги имели место, да и то не часто, лишь в интервале с 12-го по 18-е. Таким образом, в этой части Северной Земли пург и ветров, повидимому, больше, что, вероятно, обусловлено гористым характером и наличием ледников. Собаки дошли все более или менее благополучно, лишь одна издохла от истощения, а другую бросили уже по дороге сюда, так как она не могла больше итти.

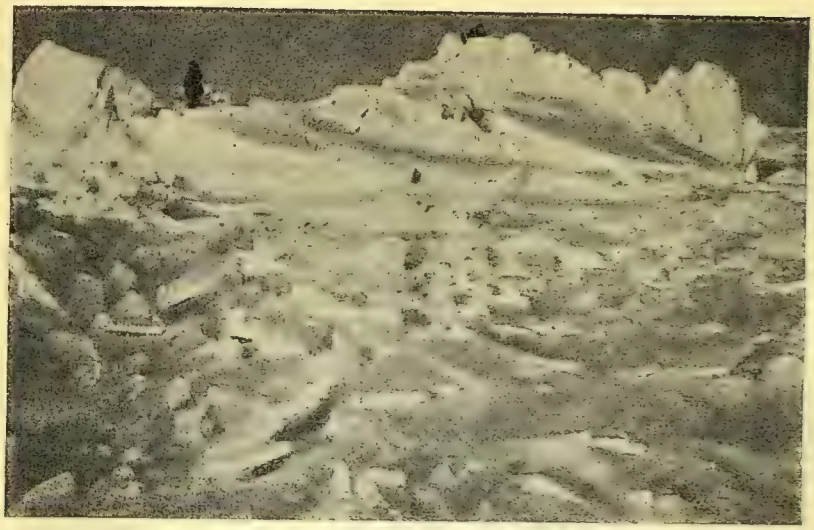
Медвежьего мяса у нас более нет, между тем совершенно необходимо подкормить уставших собак. Имеющийся пеммикан вещь мало питательная. Да и нам самим изрядно надоели супы из промерзшего полувывялившегося бычьего мяса. Надо добыть зверя во что бы то ни стало.

Сегодня, возвращаясь с южной части острова Среднего, пересек совершенно свежий след медведя, шедшего с юго-запада по направлению к острову Голомянному. К сожалению, я был без винтовки, а с одним наганом гнаться по следу за зверем, уже находящимся за пределами видимости, — дело бесполезное. Пришлось итти домой оповестить остальных. Запрягли собак и поехали на поиски, но увы, безрезультатно. След привел в торосы и там потерялся. Решили тогда поехать на Голомянный, где постоянно открывает воду, есть нерпы и, несомненно, у воды должны бродить медведи. На крайнем, к северо-западу, мысу стоит палатка Журавлева, есть керосин, примус, поэтому можно ночевать. Утром 23-го поехали втроем на двух упряжках. Журавлев захватил стрельную лодочку, которую недавно сделал из фанеры, на случай если убьем нерп на воде. Они сейчас жирные и не тонут.

Погода ясная, солнечная, мороз около — 40°. У конца острова за припаем шириною около километра нагромождены свежие торосы с участками ровного, тонкого недавно образовавшегося льда — «пайды». При отливе лед здесь разводит, открываются полыньи, чтобы при приливе вновь закрыться. Отжимные южные ветры открывают уже значительные пространства свободной воды, а при нажимных северных лед, наоборот, подгоняет и торосит. Сейчас

штиль. Дождавшись часа отлива, мы поехали к кромке, захватив с собою и лодочку. Здесь уже кое-где появились полосы чистой густо дымящейся на морозе темной свинцовой воды. Полосы увеличивались и разрастались в длину. Став у воды в интервале 200—250 м друг от друга, начали караулить. Вскоре около меня «выстыла» нерпа, но туман и запотевшие на морозе очки (мое постоянное несчастье) не позволили стрелять. Вскоре она вынырнула около Журавлева. Тот убил, живо съездил на лодочке и вывез тушку на берег. Вторую нерпу добыл Ушаков, но ее не успели достать, как течением утянуло под лед. Впрочем для наших целей достаточно иметь и одну. Сняв с убитой нерпы шкурку вместе с салом, последнюю прицепили на веревке к задку саней так, чтобы она волочилась по снегу салом вниз. Затем Журавлев проехал сначала вдоль кромки, а затем на остров к палатке, оставляя за собой сальный кровавый след. «Теперь, — сказал он, — к нам медведь придет прямо к палатке, только жди». Действительно, в поисках пищи медведи ходят в это время всегда вдоль кромки подвижных льдов. Если только который-нибудь из них попадет на сделанный нами след, он его ни за что не бросит.

Напившись чаю, улеглись спать. Собак всех привязали на цепь. Ночью мороз дошел, вероятно, до —45°. Я вместо одеяла взял лишь малицу, замерз по этому случаю основательно и только к утру, пригревшись, заснул, как был разбужен стрельбой. Стрелял Журавлев в медведя. Все вышло как по писанному, согласно рецепта. Медведь, вероятно, брел по припаю, натолкнулся на сальный след и пришел прямо к палатке. Собаки, завидев зверя, подняли гвалт, но это его нисколько не смутило, и только пуля Сергея, выглянувшего на шум, уложила наповал в 50 м от палатки. Ободрав шкуру и разделив тушу на части, пока она еще не замерзла, довольные, мы уселись в палатке пить чай. Выглянув за чем-то, Ушаков увидел второго медведя, шагающего, как и первый, спокойно по следу по направлению к нам. Забрав винтовки, все вылезли и стали наблюдать за дальнейшими его действиями. Дойдя до шкуры первого медведя, зверь сразу же начал обгладывать с нее сало. Нужно заметить, что медведи питаются преимущественно салом, мясо же едят лишь в крайней нужде. Тушка добытой, например, нерпы всегда остается не съеденной. Ее потом обгладывают песцы, всегда в количестве нескольких



Торошенные льды у острова Голомянного.

Щенок от Сучки первого помета «Тускуб».

штук следующие за медведем в расчете на поживу от его стола.

Охотничье сердце Журавлева не утерпело. Он выстрелил, но не убил, а только ранил. Зверь кинулся наутек. Немедленно спустили нескольких собак из числа аппробированных медвежатников, но, увы, свое просвещенное внимание они сосредоточили не на удирающем медведе, а на лежащем мясе. Лишь один Бурый, верный долгу службы, затрусил нехотя вдогонку. Но медведь был голоден, остановился, вернулся, несмотря на рану, обратно и стал кидаться на собак, осмелившихся у него отнять то, что он считал уже своей полной собственностью. Этим воспользовались мы, подбежали и убили его. Разделали на мясо и этого и пошли допивать чай. Теперь у нас корма было достаточно, недели на две, а там добудем еще, так как зверь, повидимому, уже начал подкочевывать с юга. Оба медведя были самцами, один довольно крупный. Мяса в нем оказалось при взвешивании 297 кг, шкура с салом весила 55 кг и голова 10 кг. Если считать вес внутренностей около 40 кг и крови 20 кг, то общий живой вес зверя достигал 422 килограммов.

Собак теперь кормим вволю: необходимо, чтобы они скорее поправились к следующей поездке.

Утром 26-го, услышав лай собак на улице, выглянул налегке посмотреть, в чем дело. Милькины щенки-пустолайки иногда поднимают брехню прямо так, на ветер. Однако, в данном случае лаяли старые собаки, хотя никого кругом не было. Взбежав на возвышенность острова, увидел в море медведя, окруженного кольцом наших собак, которые, оказывается, все удрали из загородки, так как пургами туда нанесло много снега и перепрыгнуть через ограду теперь не представляло труда.

Журавлев спал. Взяв винтовки, побежали вместе с Ушаковым вдвоем. К зверю подошли почти вплотную, но стрелять было трудно, так как медведь оказался живым и очень вертким. Он все время перебегал с места на место, бросаясь на разъяренных, охрипших от лая псов. После выстрела Ушакова медведь покатился тяжело раненый под накинувшуюся на него свору. Только после пятого выстрела удалось его убить. Среди собак он причинил немалый урон. У Мишки — передового из упряжки Георгия Алексеевича — оказался разнесенным череп. Ударил ли его лапой медведь, или виною тут прошедшая на вылет разрывная пуля, сказать трудно. Последнее впрочем вернее, так как наш Миша был

трусоват и к зверю близко никогда не подбегал. У Тяглого поврежден позвоночник, так что задние ноги совершенно парализованы. Этому попало, вероятно, когда зверь катался в агонии. Несмотря на паралич, верная собака ползла вперед, пользуясь передними лапами, и все норовила еще ухватить лежавший медвежий труп за загривок. Далее, прокушена задняя нога у Козла и поврежден бок с обнажением плевры у Гиэны. Дорого нам стоил этот проклятый медведь! Оказался молодым самцом, с пустым желудком. Такие звери, по словам Журавлева, наиболее опасны как легкие и подвижные.

Когда переносили Тяглого на руках к дому, в спине у него что-то хрустнуло, после этого он смог, хотя еще весьма неуверенно, шатаясь, ходить. Очевидно, позвоночник был вывихнут. Проводящие нервные пучки оказались прижатыми, что и вызвало паралич задних конечностей.

2 апреля Ушаков с Журавлевым поехали в свою последнюю вспомогательную поездку для заброски базы на восточную сторону земли. Предполагают начать путь где-либо в районе «вехи-гнилушки» и выйти прямо на восток в район мыса Арнгольд. Берут с собою 100 банок пеммикана, 1 бидон керосина и приготовленный жестяной ящик с галетами и шоколадом. Кроме того, конечно, дорожный запас продовольствия на две недели и походное снаряжение. Для учета пути на этот раз берутся одометр, буссоль и барометр. Из собак дома остаются одни инвалиды да пострадавшие в последнем бою с медведем.

У оставшегося Гришки между прочим очень странная круговая гнойная рана на шее, глубиною под горлом до 2—3 см. Мы предполагали просто порез о колючую проволоку загородки, но потом тщательный осмотр раны обнаружил на дне ее шпагатовый ошейник. Повидимому, он кем-то был надет в предыдущую поездку, а шнур постепенно, сокращаясь от сырости, врезался в кожные покровы и вызвал общее нагноение. Рана жуткая, шея почти перерезана, и как жив до сих пор пес — просто непонятно. Кормлю его теплой жидкой пищей, так как глотать поврежденным горлом собака уже не может. Через несколько дней после того как шнур был срезан, животное стало явно поправляться. Вот еще пример удивительной собачьей жизнеспособности.

Окончательно подбираю все нужное в маршрут. Изготовил из сухоналивных элементов батареи накала и анода

Пес «Гришка».

В упряжке. Козел и Штурман.

для походной радиостанции. Для анода взяты маленькие элементики фирмы «Мосэлемент» типа 1В емкостью около 1½ ампер-часа. После заливки жидкостью каждый проверялся в течение суток на пропускание электролита в случайные щели плохо пропаянных цинковых сосудиков. При малейшем появлении течи элемент браковался, так как впоследствии он может испортить всю батарею и тем сорвать работу. Проверенные элементы обвертывались в восковку так, чтобы шва снизу не было, и собирались в батарею, уложенную в жестяной термос. Всего было взято 56 элементов, что вначале давало напряжение в 75 вольт. Для лучшей изоляции между элементами в ящик залито моторное масло. Теперь можно надеяться, что батарея не сдаст и прослужит по меньшей мере 2 месяца.

Для накала составлена батарея по такому же способу, но из 4 элементов «Мосэлемент» типа 4В емкостью 35 ампер-часов.

В воду, которая заливалась в элементы и анода и накала, прибавлено 10% глицерина. Испытание показало, что тогда батареи не мерзнут и не прекращают своего действия еще при температуре — 25°. Лишь ниже вольтаж начинает падать. Хронометров беру в маршрут три карманных, из которых один идет по звездному времени, а два — по среднему солнечному. Все уложены в общий футляр, вкладывающийся в сделанный термос. Вес всего устройства с водою 4 килограмма.

Предназначенное для путешествия продовольствие развешено на мелкие дозы и уложено в специально сшитые мешочки, а затем в приготовленные фанерные ящики. Кроме того, чтобы постоянно не лазать в продовольственные ящики, куда, если их плохо закрыть, в пургу набьет много снега, выделен особый продовольственный расходный чемодан с полным запасом продуктов на 4—5 дней.

16-го вернулись из поездки наши. К югу от «вехи-гнилушки» лежит огромная глубокая бухта, в которую падает довольно значительная речка. Поднявшись ею, путники попали на водораздел, откуда спустились в верховья другой речки, бегущей уже на восток. По ее руслу доехали до залива Матусевича, длина которого оказалась значительно большей, чем это показано на карте. Двигаясь затем вдоль берега, дошли до мыса, где экспедицией Б. Вилькицкого в 1913 году был определен астрономический пункт, что

устанавливается по присутствию здесь столба с вырезанной надписью. Тут Ушаков и сложил продовольственные запасы из 40 банок собачьего пеммикана, 50 банок мясных консервов, запасного ящика с 22,4 кг галет и 5,1 кг шоколада и 1 бидон с 12 л керосина.

В заливе Матусевича на скалах они видели прилетевших чаек бургомистров и ледяных, а также люриков. Повидимому имеется птичий базар. На материке встретили двух леммингов. Ледника на перевале земли нет, всюду из-под снега видны торчащие камни.

Вчера перед поворотом на острова нашего архипелага путешественники встретили медведицу с маленьким медвеженком. Мамашу убили, мясо и шкуру привезли с собою, а медвежонка поймали и доставили живьем. Теперь сидит на цепи перед домом.

Собаки добежали до дому с трудом. Выглядят страшно истощенными и слабыми. У многих ободраны и разбиты в кровь лапы. В общем нужно не менее недели, чтобы они хоть немного отдохнули и подкормились.

Медвежонок оказался очень ласковым и быстро приручился. Корм — нерпичье и заячье сало — берет из рук и ест с удовольствием. Когда подойдешь, сам жмется к ногам и ласково урчит. Но собак не переносит, очевидно это уже органическое медвежье свойство. Взрослые, правда, не подходят, их за это чувствительно бьют, иначе они когда-либо накинутся скопом на звереныша и разорвут, но щенята от Сучки проявляют к нему большое любопытство. Интересно наблюдать, как наш пленник торопливо убирает зад при их приближении, поворачивается передом, вытягивает морду и нижнюю губу трубочкой и начинает сердито шипеть. Все повадки и движения взрослого зверя буквально, только в миниатюре. Если который-либо из щенков подходит очень близко, наш малыш бросается молниеносно, но не кусает, а всегда норовит шлепнуть передней лапой. Когда это удается, любопытный щенок летит вверх тормашками в несколько перевертов, лапка у маленького Миши тяжеловесная, несмотря на всего 25-сантиметровый рост и только двухмесячный возраст.

В первый — вернее, по счету второй, так как первый был осенью — маршрут решили ехать втроем, учитывая трудность и неизвестность предстоящего пути. Кроме того, а это главное, вспомогательное депо может оказаться недостаточным, и Журавлеву, вероятно, придется сделать еще

В поездку для устройства депо. Март 1931 года.

Ручной медвежонок просит подачки.

рейс к Серпу и Молоту, пока мы с изучением земли будем сравнительно медленно двигаться вперед.

В целях наибольшей полноты и точности топографическую съемку поведем оба, я и Ушаков одновременно и параллельно. Это гарантирует наибольшую полноту материала и позволит исправлять возможные пропуски и ошибки в записях отсчетов и зарисовок.

Продовольствия берем из расчета на 30 дней на 3 человека, то есть 10 суточных пайков, согласно составленному списку (см. таблицу I). Между прочим взятый нами из лагеря Циглера с острова Альджера Земли Франца-Иосифа «пеммикан» оказался порядочной дрянью. Оказывается, это вовсе не пеммикан, а самая обыкновенная прессованная овсянка, после варки превращающаяся в обычную овсяную кашу, как известно, являющуюся одним из национальных американских блюд. Но нам она всем не по вкусу, да и питательность ее не велика. Поэтому в маршрут «Циглеровский пеммикан» не берем, хотя ранее на него очень рассчитывали и потому не расходовали, а тщательно берегли.

Все продовольствие было разложено более или менее поровну в два чемодана с тем, чтобы их разместить на разных санях во избежание несчастных случайностей в пути.

В дальнейшем на основе полученного опыта данного маршрута суточная норма была затем несколько изменена. Количество галет увеличено до 400 г, лактогена до 50 г, пеммикана до 200 г; макароны, кофе, клюквенный экстракт выброшены совершенно. При такой норме ее калорийность выражается в сумме 4937,5 калорий.

Согласно данным Шеклтона, калорийность пайка в его санных экспедициях достигала 5599 кал., но условия работы там были суровее наших. Норма горнорабочего на Шпицбергене достигает 4571 кал. В общем при вышеупомянутых изменениях пайка мы недостатка в питании не ощущали тем более, что по временам могли пополнять его еще свежей медвежатиной. Алкоголь в норму входил только как вкусовое вещество и употреблялся лишь вечером с чаем в количестве 1—2 чайных ложек, не более.

Керосина для варки бралось из расчета по 0,2 кг в сутки на человека с некоторой добавкой для периодической сушки одежды: носков, рукавиц и т. д. Всего в данный маршрут взято два бидона керосина по 16 л каждый, размещенные по разным саням.

Таблица I

Продовольствие, взятое в маршрут № 2 в апреле—мае 1931 года

Наименование продукта	Суточная норма 1 чел. в граммах	Калорийность в кал.	Всего на 3 ч. 30 дн. в кг	Укупорка и развеска
Галеты пшеничные	300	900	27	Вес 1 шт. около 20 г
Печенье	30	90	2,7	„ 1 „ „ 7,5 г
Рис	70	245	6,3	Развешено в мешочки по 420 г
Мясные консервы	338	660	30,6	В банках по 378 г
Макароны	20	60	1,8	В мешочк. по 200 г
Пеммикан	100	390	9,0	В банках по 3 кг
Масло сливочное	100	760	9,0	В брусках по 300 г
Сахар, песок	100	410	9,0	В мешочк. по 600 г
Сухое молоко (лактоген)	20	106	1,8	В банках по 500 г
Молоко консервир. сладкое	70	540	6,3	В банках по 600 г
Шоколад	50	214	4,5	В плитках по 100 г
Кофе	10	10	0,9	В коробках по 200 г
Какао	10	40,5	0,9	В коробках по 100 г
Чай	10	—	0,9	В пачках по 50 г
Овощи сушеные	10	24	0,9	В мешочк. по 200 г
Лук сушеный	5	12	0,45	В мешочках по 100 г
Соль	10	—	0,9	В мешочках по 100 г
Перец	1	—	0,9	В коробках по 30 г
Клюквенный экстракт	5	—	0,45	В бутылках по 100 г
Коньяк	10	—	0,9	В фляге
Спирт денатурат	10	—	0,9	В фляге
Табак	50	—	4,5	В банке
Папиросы	25 шт.	—	2,25	В пачках по 25 шт.
Спички	1 кор.	—	0,9	В коробках
Итого	1366	4161,5	122,4	

Из научных приборов взяты инструменты для топографической съемки, астрономических наблюдений, геологических исследований, фотографии и т. д. по следующему списку (см. таблицу II).

Таблица II

Список научного оборудования, инструментов и материалов

Наименование	Количество	Вес кг
Универсал Гильдебрандта 30″	1	4,0
Тренога к нему	1	3,2
Магнитная буссоль Гильдебрандта	1	0,6
Хронометры в термосе-футляре	3	4,0
Радиоприемник 4-ламповый с телефоном, 4 запасными лампами и вольтметром	1	7,3
Батарей накала в термосе	1	8,0
Элементов запасных для накала	1	1,4
Батарей анода в термосе	1	15,2
Элементов запасных для анода	5	0,41
Антенна на 50 м с изоляторами	1	1,2
Воронка и резиновая трубка для воды	1 комп	—
Фотоаппарат 9 × 12 с кассетами	1	2,0
„ $4^1/_2 \times 6$ с кассетами	1	1,2
Пластинки к ним по 10 дюжин в жестяных коробках	20 дюж.	8,0
Мешок для перезарядки кассет	1	—
Бинокли	2	1,5
Горные компасы с запасными стеклами	2	0,3
Буссоль Шмалькальдера	1	0,3
Рулетка на 20 м тесмяная	1	0,4
Геологические молотки	2	1,2
Барометры	2	0,8
Часы	3	—
Планшетная доска	1	—
Ручки запасные к молоткам	3	—
Анемометр	1	—
Термометры-пращи	2	—
Одометры	2	—
Книжки записные	4	—
Карандаши, резинки	10	—
Линейка масштабная, транспортир, угольник	1 комп.	—
Лупа карманная	1	—
Журнал астрономических наблюдений	1	—
Вычислительные таблицы	2	—
Мешочков для горных пород	300	1,0
Книга для чтения на время пурги	1	—

Из походного снаряжения, хозяйственного имущества ремонтных материалов и инструментов было взято следующее (см. таблицу III).

Таблица III

Список походного имущества и снаряжения

Наименование	Количество	Вес (кг)
Палатка парусиновая датского образца со станком и кольями на 3 человека	1 шт.	28
Палатка датского образца со станком и кольями на 2 чел.	1 „	20
Пол брезентовый	1 „	7
Чайник	1 „	
Примус	1 „	
Запасные части примуса, запасная головка, иглы для прочистки	1 комп.	6
Кастрюли	2 шт.	
Сковородка	1 „	
Кружки эмалированные	3 „	
Ложки чайные и столовые, вилки	3 комп.	
Лыжи с палками	3 пары	12
Лыжная мазь	1 комп.	—
Карабины трехлинейные	3 шт.	10,5
Патроны винтовочные	300 „	4,5
Масло ружейное	1 банка	—
Ножи охотничьи	3 шт.	—
Бруски точильные	1 „	—
Приколы для привязывания собак на ночь	3 „	4,5
Ошейники собачьи запасные с карабинами	10 „	—
Палки бамбуковые для вех	10 „	—
Ножовка по дереву	1 „	—
Топоры	2 „	2,5
Лопата железная	1 „	—
Ключ гаечный малый	1 „	—
Шило	2 „	—
Отвертки разные	3 „	—
Плоскогубцы	1 „	—
Острогубцы	1 „	2,5
Буравы разные	3 „	—
Подпилки разные: плоские, круглые и трехгранные	5 „	—
Бумаги наждачной	6 лист.	.
Гайки запасные к одометрам	1 комп.	—
Счетчик одометра запасный	1 шт.	—
Проволока железная разная	0,5 кг	—
Гвозди и шурупы разные	0,5 „	—
Шпагат крученый	1 мот.	—
Веревка горная	100 м	10
Ремни сыромятные разные	20 „	—

Продолжение табл. III

Наименование	Количество	Вес (кг)
Зажигалка кремневая с запасом бензина и кремнями	1 шт.	—
Зеркало	1 „	—
Бритвенный прибор	1 „	—
Иголки, ножницы, нитки, пуговицы и другая хоз. мелочь	Набор	—
Мыло, зубной порошок, зубные щетки	1 компл.	—

2 палатки бралось на случай, если нужно будет, по условиям работы, разделиться, или для установки приемной радиостанции на время ее работы.

На стоянке во избежание собачьих драк и чтобы псы не разбегались, для каждой упряжки имелся специальный прикол в виде легкой, но крепкой цепи около 15 м длиной. Один конец ее крепился к копылу саней, другой к колу, забиваемому в снег. К этой цепи через интервалы, примерно, 1,5 м и прикреплялись собаки помощью карабинов на их ошейниках. При таких условиях вечером каждая собака может спокойно съесть свою порцию пеммикана, а потом улечься на месте без драк и грызни и отдохнуть для работы следующего дня. Спокойный отдых ведь нужен не только людям.

На случай поломки саней взят различный ремонтный инстумент и материалы. В частности подпилки необходимы для зачистки подполозков, у которых, обычно, от тряски постепенно отходят шурупы, крепящие их к полозьям. Выдающиеся тогда головки чрезвычайно сильно тормозят движение, создавая добавочную вредную нагрузку на собак. Поэтому подполозки необходимо периодически почаще осматривать, а выдавшиеся шурупы вновь утопить заподлицо и тщательно зачистить сначала подпилком, а потом стеклянной или наждачной бумагой. Для ремонта взяты также — проволока, шпагат и сыромятные ремни, которыми сани связываются в стыках копыльев с полозьями и вязками.

Веревка взята на случай, если сани или вся упряжка целиком неожиданно провалится в воду на непрочном льду

или упадет в трещину. На этот случай на задних санях всегда должна иметься наготове бухта прочной веревки, положенной так, чтобы ее можно было мгновенно достать.

Хотя бороды считаются почему-то непременной принадлежностью полярных путешественников, мы держались на этот счет иного мнения. Бороды и усы в мороз обмерзают и причиняют массу неприятных хлопот. Чтобы избавиться от этого, мы и взяли с собою бритвенный прибор.

На случай неожиданного заболевания или травмы взята походная аптека по следующему списку (см. табл. IV).

Таблица IV

Походная аптека

Наименование	Количество
Вазелин борный	3 тюбика
Кокаин	5 ампул
Алюминиевый каранд.	1
Пипетка	1
Хинин в таблетках	10,0 г
Уротропин в таблетках	20,0 „
Танальбин с опием	10,0 „
Английская соль	30,0 „
Тинктура иода	50,0 „
Зубные капли	10,0 „
Кровеостанавл. вата	50,0 „
Бинты разные стерилиз.	10 шт.
Иглы хирургические	1 набор
Шелк хирургический	1 мот.
Иглодержатель	1 шт.
Пинцет	1
Скальпель	1
Скобки Мишо	20 шт.
Очки-консервы	4 пары

Вазелин взят для смазывания губ, так как ветер и мороз ведут к образованию глубоких трещин, причиняющих значительные мучения. Яркое солнце и блеск безбрежного снежного пространства весною приводят к сильному раздражению глаз и могут даже вызвать временную слепоту. Для предохранения от этого взяты темные очки-консервы, а на случай заболевания — кокаин и алюминиевый карандаш. Танальбин с опием и английская соль предназначались для возможных заболеваний пищеварительного тракта,

хинин — от приступов малярии, а уротропин специально для Георгия Алексеевича, страдавшего по временам припадками почечных болей. Наконец, на случай возможных поранений, переломов и других травматических повреждений взят перевязочный материал и простейший хирургический ин-

Таблица V

Список одежды и спальных принадлежностей на 1 человека

Наименование	Количество	Примечание
Одеяло спальное из оленьих шкур с парусиновым чехлом	1	В парусиновом чехле, чтобы не забивалось снегом в дороге.
Шкура оленья	1	В качестве подстилки.
Рубашка меховая с капюшоном	1	
Штаны меховые мехом внутрь	1	
Штаны меховые, мехом наружу	1	
Чулки меховые, толстые	1	
Чулки меховые	2	1 в запас и 1 на время сна
Пимы нерпичьи	1	Для сырой погоды
Пимы оленьи, камусные	1	
Стельки войлочные	2	1 в запас
Тоботы (чертоходы)	1	На случай сильных морозов
Кухлянка или совик	1	
Перчатки шерстяные	2 пары	1 в запас.
Перчатки лосиные	1	Для работы на стоянке
Рукавицы камусные двойные	1	
Белье теплое вязаное	1 пара	
Белье холодное трикотажное	2 пары	1 пара в запас
Носки шерстяные, толстые	1 пара	
Носки шерстяные, тонкие	2 пары	1 в запас
Свитер шерстяной	1	
Ветровая рубашка шелковая	1	Поверх меховой одежды на случай пурги и ветра
Ветровые штаны	1	
Платки носовые	4	
Полотенце	1	

струмент. Обязанности врача должен был выполнять я как немного знакомый с этим делом.

Из меховой одежды и спальных принадлежностей каждый берет следующее (см. таблицу V):

В одежде были отступления от данного списка в сторону уменьшения или изменения, в зависимости от вкусов и привычек каждого участника. В данной таблице приведен список взятого мною.

Кроме всего прочего я, как сильно близоружий человек, взял еще три пары запасных очков, разместив их в разных местах на санях и в карманах, чтобы в случае потери немедленно надеть новые.

В общем вес всего экспедиционного груза выражается в следующих цифрах:

Продовольствие в ящиках, с тарой	135 кг
Керосин с тарой	28 „
Научное оборудование	67 „
Походное снаряжение	115 „
Аптека	2 „
Запасная одежда и спальные принадлежности на троих	43 „
Чемоданы для укладки	15 „
Итого	407 кг

Следовательно на каждые сани приходится по 136 кг. Остальное падает на корм собакам. Его предполагается взять по 150 кг на упряжку с расчетом на месяц кормежки. Таким образом общий вес груза на каждых санях в среднем равен 286 кг, не считая сидящего человека, а с ним 366 кг.

К 20 апреля подготовка окончательно завершена. Все уложено, запаковано и проверено. Сани еще раз просмотрены, ремни перетянуты, а подползки отполированы для лучшего скольжения. Оставалось лишь тронуться в путь. Однако собаки еще требовали отдыха. Ободранные ноги подживали с трудом, да и истощены все сильно. В довершение одна из лучших собак упряжки Георгия Алексеевича Варнак издохла от непонятной причины в судорогах и бессознательном состоянии. Теперь, если даже забрать всех способных хоть немного тянуть в лямку, у нас 3 полных упряжки собак все же не наберется. Милькины щенки по возрасту уже могли бы работать, им 8 месяцев, но они так слабосильны и глупы, что рассчитывать на них совершенно не приходится.

ГЛАВА VII

Отъезд в маршрут. На базе у Серпа и Молота. У мыса Ворошилова. Поездка к мысу Берга. Путь вдоль восточных берегов острова Комсомолец. На мысе Молотова. Возвращение по западному берегу.

Наконец собаки несколько подкормились, поправились, лапы у них зажили, и сегодня, 23 апреля, мы выехали во второй по счету, наиболее важный и серьезный маршрут вокруг северной оконечности Северной Земли. Первоначально по плану начать его было намечено 10 апреля, но необходимость давать отдых измученным собакам после поездок по устройству продовольственных депо отодвинула назначенный срок почти на две недели.

В путь тронулись лишь около 16 часов после неизбежной возни с последними сборами и ловли некоторых псов, уклоняющихся от исполнения своих обязанностей.

В моей упряжке среди таких саботажников особенно выделялись Осман и Аната. Стоило только выйти на улицу и пошевелить нарту или, избави аллах, положить на нее какой-либо груз, как эти два полупочтенных пса поднимались и уходили с полным сознанием собственного достоинства за 1—1½ км от дома, где с вершины какого-либо тороса или возвышенности острова спокойно наблюдали за происходившим. Домой собаки обратно возвращались только твердо убедившись, что все происходившее являлось лишь ложной тревогой, а до этого достать их можно было только пулей, что, конечно, совершенно не входило в наши расчеты. Приходилось поэтому беглецов ловить заранее, накануне, во время очередной кормежки и сажать на цепь, но и тут подкрадываться следовало незаметно, а хватать быстро, иначе, заметив опасность, пес удирал, и уж потом подманить его не удавалось даже самым сладким куском.

Едем пока, сравнительно, налегке, так как полный запас собачьего пеммикана заберем уже на базе Серпа и Молота.

Вес грузов на моей нарте достигает 172,2 кг, согласно нижеприведенному списку (см. таблицу VI).

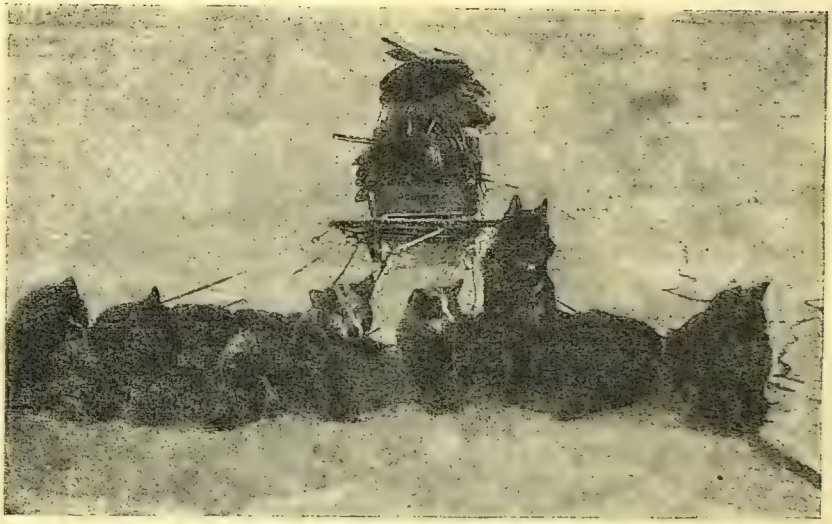
Таблица VI

Список грузов на нарте Урванцева в маршруте № 2

Наименование	Вес (кг)
1. Батареи накала радиоприемника в термосе	8
2. „ анода „ „ „	15,2
3. Радиоприемник	7,3
4. Универсал Гильдебрандта в футляре	4,0
5. Тренога универсала	3,2
6. Связка бамбуковых палок	4,0
7. Радиомачта бамбуковая 2-метровая для ввода	0,7
8. Чемодан с научными инструментами, аптечкой и письменными принадлежностями	18
9. Мешок с запасной обувью и одеждой	12
10. Мешочек с ремонтным инструментом	3,5
11. Рюкзак с фотоаппаратом, биноклем, планшетной доской и др. приборами	6,0
12. Рюкзак с геологическими мешками и геол. молотком	3,0
13. Хронометры в термосе	4,0
14. Спальный мешок с оленьей шкурой, в мешке	10,0
15. Винтовка с патронами	5,0
16. Прикол собачий	1,5
17. Топорик	0,8
18. Ящик с продовольствием	56
19. Веревка горная бухгой	10,0
Итого	172,2

Сани чукотского образца на довольно низко поставленных копыльях, длинные и весьма поместительные. Перед дорогой их детально осмотрели, перетянули все ремни, которыми они скреплены, и сменили настил на более легкий. В таком виде со стальными подполозками сани весят 38 килограммов.

Таким образом, общая нагрузка упряжки, считая вес человека в одежде 80 кг, достигает 290 кг, или 29 кг на 1 собаку.



Веерная упряжка. Справа налево: Колыма, Мазепа, Хорек, Ната, Старик, Осман, Шарик, Повойка.

Веерная упряжка в работе. Слева: Колыма, Мазепа, Хорек, Ната, Старик.

Упряжки у всех веерные, но я в качестве «уголовного преследования» пользуюсь кнутом, а не хореем, так как руки должны быть свободны.

Передовым слева Колыма, далее следуют по порядку Хорек, Мазепа, Ната, Осман, Кривой, переименованный в Старика, брошенного осенью, на которого он очень похож, Корноухий, Серка и Гришка. Рана на шее у Гришки еще не вполне зажила, поэтому ошейник из пилеины надевать пока нельзя. Вместо этого я сделал нечто вроде шлейки на грудь и к ней прикрепил конец цепи пилеины.

Серку вчера здорово искусали собаки, предводительствуемые Махно, и если бы мы во-время не выскочили на гам, его разорвали бы в клочья. Махно из упряжки Журавлева вполне заслужил свое бандитское прозвище. Он возглавляет у нас группу наиболее вороватых и драчливых собак. Кого не взлюбил Махно, тому приходится плохо. Улучив момент, когда людей на улице не видно, он налетает на жертву вихрем, сбивает с ног, а остальные из шайки довершают начатое, Махно же сидит в стороне и, улыбаясь, — да, да, эта собака умеет смеяться, — смотрит на свалку, как ни в чем не бывало. Когда мы выскакивали на шум, то находили Махно всегда лишь в роли спокойного наблюдателя, и хотя все знали, что он главный виновник свалки, придраться к нему было нельзя. Впрочем отпор получал, нередко, и он, из-за чего постоянно хромал, но, несмотря на это, в упряжке работал лучше всех, выделяясь по силе и выносливости. Работал Махно действительно усердно, и за это ему много прощалось, тем более, что объектом преследования служили в большинстве случаев дефективные ленивые собаки.

Серка тоже был с изрядной ленцой, и, повидимому, Махно до него добирался уже давно.

Плохо только, что ученье пришлось накануне отъезда и собака пошла в маршрут сильно покусанной с свежими ранами.

От дома взяли курс на запад, на узкую перемычку острова Среднего. Ширина ее здесь не превосходит 150 м при высоте около 1—1½ м над уровнем моря, так что переезд даже с груженными санями не представляет затруднений. В других местах остров имеет 10—15 м высоты с крутыми, частью отвесными берегами, куда даже пешком взобраться не легко. Объезд же через северную оконечность удлиняет путь минимум на 10 километров.

Переехав остров, берем направление прямо на Серп и Молот, отчетливо сегодня видимый благодаря ясному дню и аномальной рефракции.

Погода превосходная, ясная, тихая и солнечная. Температура около — 25°. Еду по этому случаю без кухлянки, которая везется на санях про запас, на случай пурги в пути. На мне надето последовательно: трикотажное белье (оно не стесняет движений и хорошо впитывает влагу); теплое шерстяное вязаное белье; свитер из толстой шерсти; меховая рубашка с капюшоном мехом внутрь из молодого оленя-неблюя; такие же глухие меховые штаны и, наконец, поверх ветровая рубашка и штаны из плотного, непродуваемого ветром шелкового полотна. На ногах тонкие шерстяные носки для впитывания влаги, далее меховые выше колен чулки из неблюя и высокие до пояса сапоги из камусов (шкурок с ног оленя) с подошвой из загривка белого медведя. Под подошву положены толстые войлочные стельки. На руках шерстяные тонкие перчатки, позволяющие писать, и камусные рукавицы с крагами и подкладкой из меха оленьих телят-пыжиков. Такая одежда достаточно тепла и даже для длительной езды на нарте при морозах —25, —30° и вместе с тем легка, не стесняет движений и позволяет свободно лазать по горам и даже бегать. В малице же или совике — тяжелом, длинном и неуклюжем — продолжительное время ходить почти невозможно.

Едем по льду пролива, гладкому, как стол. Лишь кое-где торчат занесенные снегом, обтаявшие за лето торосы. Утрамбованный пургами снег плотен и гладок, как асфальт. Собаки бегут рысью без всяких усилий, так что только изредка приходится вскакивать и поддерживать сани при переезде через заструги.

Пройдя 23,4 км, стали лагерем под защитой старого полуобтаявшего айсберга. Собаки дошли хорошо и могли бы бежать дальше, но мы решили первое время делать небольшие переходы, чтобы основательно и систематически втянуть упряжки в работу.

Айсберг, у которого остановились, имеет высоту около 12 м и весьма причудливые округленные, от летнего таяния, очертания. Повидимому, находится он здесь уже не первый год. Наличие кругом приливо-отливной трещины свидетельствует о том что, айсберг сидит на мели, судя по высоте надводной части, вероятно, на глубине не менее 50 метров.

Для палатки выбрали достаточно ровное место с плотным и толстым снеговым покровом, позволяющим вполне надежно забить полуметровые деревянные колья, к которым крепятся веревки, растягивающие крышу и бока.

Дав некоторое время, пока ставится палатка, отпряженным собакам несколько поразмяться на свободе и покататься на снегу, чтобы почистить шерсть, всех их затем садим на захваченные приколы, пристегивая к цепи за имеющиеся на ошейниках карабины. Приколы располагаются по линии заструг, то есть в направлении возможной пурги и параллельно гребню палатки по обоим бокам ее.

При таком расположении собакам всего удобнее лечь, свернувшись калачиком, спиною к ветру, прикрыв нос хвостом. Эта стандартная, так сказать, поза спящей ездовой собаки лучше всего согревает и защищает от ветра. Кроме того, лежащие цепью по бокам палатки собаки являются естественной охраной на случай, если подойдет медведь.

Сразу же после привязи собак кормим. Трехкилограммовая банка вскрывается консервным ножом, а содержимое, смерзшееся в монолитную массу, раскалывается топором на шесть более или менее равных кусков. Каждая получает свой дневной пай, размеры которого несколько варьируют в зависимости от упитанности, работоспособности и других обстоятельств. Только после того, как собаки устроены на местах и накормлены, можно позаботиться о себе. Еще при разбивке палатки в нее вносятся спальные мешки, чемодан с расходным продовольствием, примус, расстилаются на брезентовом полу оленьи шкуры, — словом, помещение приводится в жилой вид. Далее разжигается примус и на него ставится чайник со снегом. Чайник медный, шестилитровый, с широким дном и широкой крышкой почти во весь диаметр. Это обеспечивает быстрое таяние снега и легкое его пополнение, по мере надобности.

Где есть возможность, следует пользоваться льдом от айсберга или тороса, вода из него вкуснее.

Ко времени окончания кормежки собак чайник уже полон воды. Можно приступить к варке обеда и чая. Вход в палатку наглухо закрывается, и в помещении становится сразу теплее, особенно если нет, как сегодня, ветра. Можно снять меховую рубашку и остаться в одном свитере. Обед состоит из супа, изготовленного по особому рецепту, к ко-

торому мы пришли еще осенью. В котелок с водою закладывается по числу едоков несколько банок мясных консервов, в данном случае три, немного сушеных овощей и пеммикана из расчета дневной порции по 200 г на человека. Пеммикан для людей, также полученный от датской фирмы Расмусен, в отличие от собачьего по качеству превосходен. Он состоит из мясного порошка, молотых сухарей, жиров и риса, смешанных, примерно, поровну. Единственный недостаток пеммикана — это примесь, повидимому, шоколада, придающая ему сладковатый привкус, но в общей массе с мясными консервами это не так уж заметно. Прибавив еще в дополнение некоторое изрядное количество сливочного масла и риса, после кипячения в течение 10—15 минут получаем превосходный по вкусу и питательности густой полярный суп, вернее кашицу, пользующуюся у нас исключительной популярностью. Сидя на санях, усталый и продрогший после 10—12-часовой тяжелой работы на ветру и морозе, мечтаешь о таком обеде, как о недостижимом блаженстве. Потому-то этот суп и носил у нас специальное название, какого нет, вероятно, ни в одном кулинарном руководстве: «суп мечта».

Итак, наш суп готов. Пока кипятится оставшаяся в чайнике вода для чая, можно приступить к обеду. Но как ни велики бывали наши аппетиты, всей изготовленной порции съесть было невозможно, тем более что к супу полагались еще галеты. Половина его поэтому оставалась к утреннему завтраку. После обеда выпивалось еще по 1—2 кружки чая с сахаром, молоком, ложкой коньяку, галетами и маслом. Желающие добавляли сюда еще какао и некоторое количество сливочного масла. Впрочем этот чудовищный напиток готовился преимущественно утром и особенно во время дневных остановок, которые иногда делались при длительных дневных переходах, главным образом с целью дать передышку собакам. Тогда, обычно, разбивалась, если было ветрено, наскоро палатка и грелся чай. В кружку засыпалось на треть и больше сухого молочного порошка — «лактогена», 5—10 ложек сахару, соответственно какао и основательный кусок граммов 50—60 сливочного масла. Все это заваривалось кипятком, размешивалось, и получившееся хлебово, консистенции густой сметаны, — «мурцовка», как мы ее звали, — выпивалось в количестве 1—2 кружек вместе с галетами. На верхосытку и для устранения жажды дополнительно выпивалось еще по кружке

крепкого чая. После такого завтрака можно было вполне ехать и работать 5—6 часов на любом морозе.

После обеда и чая переписывались в дневники дорожные наблюдения и путевые наброски из тетради планшетной доски; перезаряжались, если нужно, кассеты фотоаппаратов, чинилась одежда и так далее. После этого можно было укладываться спать. Дневные камусные сапоги «пимы» снимались, так же как и чулки, вывертывались и подвешивались к гребню палатки, где за ночь и утром от тепла примуса они немножко просыхали. Далее, меховые штаны и свитер тоже снимались, на ноги надевались запасные меховые длинные чулки и в таком виде можно было залезать в меховой мешок. Испытание первой ночи показало, что после перешивки мой спальный мешок вполне отвечает своему назначению. Капюшон позволял спать на вложенной внутри маленькой резиновой подушке вполне спокойно. Голова не мерзла, а вместе с тем дышать можно было наружу, сквозь проделанное для носа отверстие. Правда, нос по временам, особенно в сильные морозы, мерз и на лицо, если пошевелиться, падал и будил оседающий вокруг отверстия иней, но я скоро к этому приспособился и спал не шевелясь всю ночь напролет крепчайшим сном, просыпаясь утром свежий и бодрый. О бессоннице теперь не было и помину.

Спать легли около 2 часов, значит уже 24 апреля. Ночью Гайно и Махно, старинные заклятые враги, привязанные к приколу рядом, регулярно через полчаса поднимали свару. Достать друг друга, чтобы подраться, они не могли, и ограничивались одним рычанием. Начинали они его с самых низких басовитых нот, а кончали высочайшим фальцетом. Каждый концерт занимал минут пять. Слушал я слушал, потом надоело, и хоть не хотелось вылезать из теплого мешка, все же встал, отдул обоих плетью и рассадил по разным местам. После этого наступила тишина и покой. При размещении на приколе приходится строго сообразовываться с собачьими симпатиями и антипатиями. Если поместить рядом двух врагов, как в данном случае, они не дадут спать другим, да и сами не отдохнут, нервируя всех визгом и лаем.

После чаепития, сверки хронометров и подогрева термоса собрались и выехали. Было около 13 часов.

Погода еще солнечная, но небо уже покрылось тонкой пеленой нехороших по виду перистых облаков, обещающих

пургу. Горы Серпа и Молота и расположенные южнее возвышенности Сталина и Калинина видны пока совершенно отчетливо. Разделяются они корытообразными широкими депрессиями, несомненно ледникового происхождения.

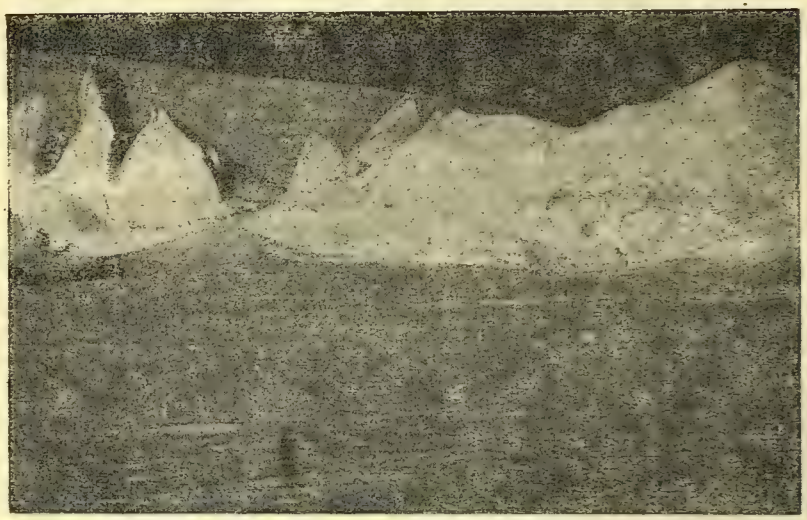
К востоку от нашего пути тянется берег низменного острова, виденного еще осенью.

Недоезжая базы Серпа и Молота, искусанный Серка окончательно выбился из сил и свалился. Пришлось его взять на нарту и довезти до стоянки. Здесь будет определяться астрономический пункт, за это время может быть Серка поправится. Вчера пес ничего не ел, только дрожал и пугливо озирался. Повидимому, кроме ран у него еще и психическая травма.

Лагерем стали в лощине речки вблизи ее устья. На осеннем складе к северу от палатки метрах в пятидесяти лежит: пеммикана собачьего 68 банок, галет 1 ящик — 25 кг, керосина 1 бидон (неполный) — 14 литров, патронов 1 цинковый ящик — 600 шт. и 2 буханки хлеба около 6 килограммов.

Главный склад, устроенный зимою, расположен южнее, от ручья метрах в ста, около крупного и потому хорошо приметного эрратического валуна. Здесь лежит более 300 банок собачьего пеммикана, 2 бидона керосина, 50 банок мясных консервов, 3 банки пеммикана для людей. На складе, повидимому, не очень давно побывал медведь, но ничего не смог сделать. Погрыз лишь порожние банки из-под мясных консервов, да вскрытую во время последнего приезда коробку с собачьим пеммиканом. Из нее зверь смог лишь выесть содержимое внутри, насколько хватило забрать пастью, то есть сантиметров на пять. С самой же банкой, где пеммикан морозами превращен в камень, медведь поделать ничего не мог. Только поцарапал жесть когтями. Штабель же запаянных банок даже не пошевелен. Очевидно зверь ничего не смог причуять.

По приезде сразу же разбили две палатки, причем вторую специально для приемной радиостанции. Антенну длиной 50 м прикрепили одним концом к 2-метровой бамбуковой мачте, привязанной к передней стойке палатки, другим к Журавлевскому хорею около 3 м длиною. Несмотря на мороз свыше — 25°, батареи благодаря глицерину не замерзли, работают на полное напряжение без заливки горячей воды в термосы для подогрева. Слышимость Науэна и Регби вполне удовлетворительная.



Полуобтаявший айсберг на пути к горе Серп и Молот.

Астрономические наблюдения. Апрель 1931 г.

Место для пункта выбрано на высоком правом мысу, на устьи речки. Здесь и установлен инструмент, к треноге которого для устойчивости подвешен снизу камень весом килограммов в двадцать.

Так как звезд теперь уже не видно, наблюдения ведутся по солнцу. Полный цикл состоит из определений широты из ряда измерений близмеридианных высот солнца в полуденные, а при незаходящем, достаточно высоко стоящем светиле и в полуночные часы. Долгота вычисляется на основании определений высот солнца вблизи первого вертикала на западе и востоке, то есть в 6 и 18 часов. В промежуток еще определяется величина истинного и магнитного азимутов какого-либо хорошо приметного земного предмета, например вершины горы, для выяснения величины магнитного склонения. В общем полный цикл астрономических работ занимает около суток и состоит из наблюдений в 6, 12, 18 и 0 часов. В промежутках для поправки хронометра принимаются ритмические сигналы времени. Науэн, например, работает в 12 и 0 часов среднего Гринвичского времени, или в 6 и 18 часов по нашему шестому поясу. Поэтому эти сигналы у нас бывают непосредственно до или после долготных наблюдений, что весьма удобно.

При наблюдениях момент касания или отрыва края солнца от нити в зрительной трубе инструмента отмечается по хронометру, который в это время, чтобы не стыл, кладется в рукавицу к руке.

Перистые облака не обманули, к вечеру появилась пелена низких слоистых облаков, вскоре затянувшая все небо. Посеял сухой игольчатый снег, а ночью разыгралась настоящая пурга. На другой день стало несколько лучше, но солнце появляется изредка лишь на минуту, да и то в виде расплывчатого багрового диска, наблюдать который благодаря явлению дифракции совершенно невозможно.

Воспользовавшись свободным временем, прошел с геологическими наблюдениями и съемкой вверх по ручью до горы Серпа и Молота и поднялся на ее поверхность. Высота горы над уровнем моря, согласно барометрическим наблюдениям, оказалась равной 234 метрам. Сложена она горизонтально лежащими свитами грубо-зернистых бурокрасных и серых песчаников. Ниже, по бортам ущелья речки обнажается пестроцветная, из красных и зеленых мергелей, свита с тонкими прослоями гипса. Поверхность горы ровная, слабо волнистая, незаметно сливающаяся

с возвышенностями в глубине земли. К морю склоны круты, кое-где обрывисты. По ущелью речки в средней ее части лежит остаток мертвого ледника, не имеющий уже ни области питания, ни стока и уцелевший лишь потому, что расположен в тени. Речка здесь пробила себе под льдом довольно значительный тоннель.

Из-за рассеянного мглистого света и отсутствия теней ходить по снежному пространству сегодня чрезвычайно трудно. Бугры и снежные уступы, даже крупные, совершенно неразличимы, а потому спотыкаешься и падаешь на каждом шагу. В одном месте, не заметив, слетел с обрыва метров пять высотой, но показалось падал так долго, что думал — сорвался в переметенное снегом ущелье речки, а оно местами глубиной метров в пятьдесят.

26-го к полудню стало несколько яснее, и астрономические наблюдения удалось закончить к 18 часам следующего дня. За это время Журавлев успел съездить к Октябрьскому мысу и свести туда 30 банок пеммикана и 1 бидон керосина. На обратном пути захватили бревно плавника метров пять длиной и сантиметров двадцать пять в поперечнике. Его поставили на астрономическом пункте, обложив кругом пирамидой из камня. Столб в середине затесан на четыре грани, на которых вдоль вырезано: Г. Ушаков, Н. Урванцев, С. Журавлев. Ниже, поясом вокруг, буквы: С. С. З. А. Э., что значит Советская Северо-Земельская Арктическая Экспедиция.

Перед отправлением взяли со склада месячный запас пеммикана на три упряжки и один бидон керосина. На мою долю пришлось груза около 60 кг, и теперь общая нагрузка, считая вес человека и самих саней, достигла 350 кг или почти по 44 кг на собаку, ибо в упряжке работает только 8 псов. Серка не в счет, он попрежнему плох, не ест и еле бродит.

Тронулись в путь около 20 часов при прекрасной солнечной погоде и морозе около —20°. Едем напрямик, пересекая бухту и по материку, так как береговая съемка здесь уже выполнена осенью.

По дороге видели несколько следов леммингов, вылезающих сейчас, в период течки, из-под снега на дневную поверхность. Двух даже удалось поймать, сейчас едут на санках Журавлева в банке из-под пеммикана.

Серка околел в упряжке. Искусан он страшно. Шкура на пахах и сзади буквально издырявлена. Удивительно,

как он еще был жив до сих пор. Вместо него запряг Шарика из упряжки Журавлева и снова еду на 9 собаках. Теперь только у Ушакова полная упряжка из 10 штук.

Лагерем стали у Октябрьского мыса с северной стороны под защитой его крутых склонов.

На другой день с Ушаковым поехали на осмотр скалистых островков, расположенных в проливе, а Журавлев на запад в надежде где-либо встретить медведя, на что, впрочем, шансов мало, так как место здесь глухое и нигде нет признаков открытой воды.

Островков оказалось три, а не два, как считали осенью. Все они расположены параллельно друг другу и поперек пролива, достигающего здесь всего 6 км ширины, образуя мощный барьер, препятствующий выносу льда. Поэтому пролив вскрывается, вероятно, сравнительно редко, в наиболее благоприятные в ледовом отношении годы.

Сложены острова более или менее спокойно залегающими свитами известняков с богатой фауной кораллов и брахиопод.

Солнце уже припекает. Под навесами темных известняковых скал всюду сосульки, а самые камни теплы на ощупь. Брошенный на них снег моментально тает, и вода капельками сбегает вниз. В тени же температура около — 20°.

Вернувшийся Журавлев сообщил, что ничего не видел. Поднимался он для осмотра местности на купол острова, оказавшийся сложенным, как и предполагали, льдом.

Начала подувать пурга-поземка, ночью разыгравшаяся во-всю. К утру она еще усилилась. Посоветовавшись с Ушаковым, решили стоять. Правда, итти на собаках было бы можно, но из-за очень плохой видимости съемка имела бы значительные пробелы.

Наконец ветер утих, но пасмурно попрежнему. Едем вдоль низменного отмелого берега, сложенного здесь красноцветной толщей. К северу через пролив видны берега северного острова, продолжающегося и дальше в направлении нашего пути на северо-восток. Очевидно размеры его довольно значительны. Назвали этот остров Комсомольцем, а южный, вдоль которого едем, наименовали островом Октябрьской революции. Разделяющий их пролив назван проливом Красной армии.

Километров через пятнадцать ширина пролива уменьшилась до 2½—3 км, что, впрочем, следует отнести за счет

мощного ледникового языка, спускающегося здесь в пролив от ледникового купола, лежащего внутри острова Комсомольца. Глетчер, повидимому, движется, так как всюду около него разбросаны столового характера айсберги с высотою надводной части в 5—6, изредка 8—10 метров.

Лагерем стали за высоким скалистым мысом, сложенном известняками.

Сегодня 1 мая. Праздник труда и весны. Где-то люди гуляют в летних платьях, а здесь мороз около — 18°. Хорошо, впрочем, что нет еще пурги. В знак торжества выставили на айсберге у лагеря хорей с захваченным с собою флагом. Отсюда уже видна довольно хорошо темнеющая масса скалистого мыса Ворошилова. До него, вероятно, еще километров пятьдесят. С Комсомольца в пролив сползают глетчеры, всюду сильно растресканные, несомненно, активные. Пролив к северо-востоку переполнен айсбергами, между которыми видны лишь узкие коридоры. В них-то и заехали наши путники, когда ездили на заброску депо в марте месяце.

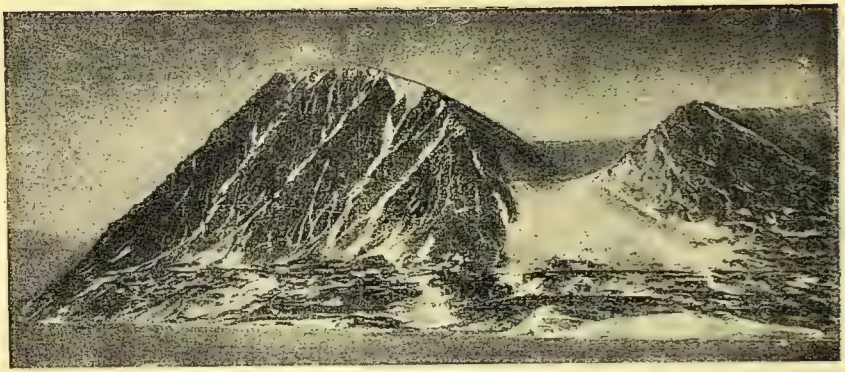
Мы на этот раз жмемся непосредственно к берегу, даже заезжая иногда на сушу, так как ледяные горы вплотную прижаты к берегу. Проехав километров двадцать пять, остановились, разбили палатку, закусили «мурцовкой» сами и дали по кусочку пеммикана собакам. Дорога сегодня тяжелая. Снег бугристый с застругами, а вблизи ледяных гор рыхлый и бродный, все же мы рассчитываем доехать до мыса Ворошилова.

Перед мысом пересекаем ледниковый язык, спускающийся с купола южного острова. Язык имеет ширину километров пять, но в противоположность тому, что видно по берегам острова Комсомольца, не имеет совершенно трещин, не отделяет айсбергов и носит спокойный характер. Очевидно этот язык совсем не двигается, являясь мертвым вследствие недостаточного питания.

Лагерем стали на маленьком островке, сложенном диабазами, в 6 км к северу от мыса Ворошилова. Здесь и находится завезенное ранее продовольствие.

В общем от Октябрьского мыса мы прошли 71,4 км, и от Серпа и Молота 96,6 км и вышли, мне думается, на восточный берег Северной Земли через неизвестный ранее пролив.

Немедленно установили радиостанцию и инструмент для астрономических наблюдений, так как погода тому благо-



Мыс Ворошилова.

Лагерь на острове Диабазовом в проливе Красной армии.

приятствует. Спать мне по этому случаю приходится лишь урывками. Предварительные вычисления дали для широты 80°13′ и долготы 97°27′, подтвердив, что действительно мы находимся на восточном берегу несколько южнее указанного на прежней карте Вилькицкого, но в действительности не существующего мыса Скворцова. Вообще действительная конфигурация берега здесь совершенно не отвечает тому, что нанесено на карте, отодвигаясь к западу более чем на 8 километров.

Мыс Ворошилова представляет собой скалистый, чрезвычайно эффектный обрыв высотою не менее 400 м, спускающийся непосредственно в море. За ним берег острова Октябрьской революции круто поворачивает на юго-восток. С наших Диабазовых островков, а их всего четыре, расположенных цепью с юга на север, видно, что восточный берег острова Комсомольца также тянется в меридиональном направлении на север, куда нам и предстоит ехать. Таким образом мыс Ворошилова есть северная оконечность лишь острова Октябрьской революции, а не всей Северной Земли, как думал Георгий Алексеевич в первую поездку, когда из-за пасмурной погоды он берега Комсомольца не видел.

Картограф Я. Гаккель, составивший по нашим телеграфным сообщениям в Арктическом институте схематическую карту Северной Земли,[1] этого не учел, и остров Комсомолец в северной части у него приобрел поэтому совершенно фантастические очертания.

Льды на выходе пролива невзломанные, прошлогодние, свидетельствуют, что летом они не вскрывались, между тем как в средней части пролива льды несомненно ломало. Это следует очевидно отнести за счет движущихся ледников и отделяющихся от них айсбергов, а также, вероятно, сильного здесь течения.

У мыса на протяжении нескольких километров лед совершенно оголен от снега, как бы подметен гигантской метлой, несомненно, вследствие дующих здесь из пролива сильных и частых ветров. Такую же картину мы потом наблюдали и в проливе Шокальского у мыса Визе.

Поставленные на голову мощные толщи филлитовых сланцев, слагающих мыс, дают прекрасное, совершенно бе-

[1] Я. Гаккель, Схематическая карта Северной Земли. Бюллет. Арктич. института, 1932 г., № 4.

зопасное от врагов, кроме, впрочем, воздушных, убежище для люриков, устроивших здесь базарное гнездовье. Птицы уже прилетели, и их немолчный гомон разносится далеко вокруг, в контраст с молчаливым величественным спокойствием окружающих скал и ледников.

Ежедневно утром люрики, собравшись в огромную стаю, улетают к северу, возвращаясь обратно лишь вечером. Несомненно там держится открытая вода, куда птички регулярно и летают кормиться.

Наш путь тоже лежит на север, причем, по нашим расчетам, до конца земли должно быть еще не менее 150—200 километров. Пеммикана же у нас недостаточно. Поэтому решено послать Журавлева съездить за тем, что оставлено у мыса Октябрьского, а самим в это время проехать на юг до продовольственной базы у мыса Берга с осмотром и съемкой береговой черты, так как теперь очевидно, что на старой карте она нанесена весьма схематично и грубо.

Утром 3 мая, сложив весь лишний багаж и продовольствие на вершину острова и прикрыв имущество камнями, налегке, лишь с пятидневным запасом, двинулись на юг к мысу Берга, а Журавлев за пеммиканом.

Рядом с мысом Ворошилова расположен маленький каменистый островок, сложенный чрезвычайно сильно складчатой толщей кристаллических сланцев. Вообще, в противоположность сравнительно спокойно залегающим свитам известняков и пестроцветных мергелей в южной части пролива Красной армии, здесь породы собраны в многочисленные весьма крутые, прихотливо изогнутые складки.

На островке среди сланцев залегают многочисленные кварцевые жилы, содержащие разнообразные колчеданы. С целью выяснения возможной золотоносности взял несколько проб для последующего химического анализа.

За мысом скалистые обрывистые склоны, попрежнему метров триста — четыреста высотою, несколько отошли вглубь, отделяясь от береговой черты террасой от 0,5 до 1,0 км шириною. Склоны прорезаны глубокими долинами в 2—3 км шириною, по которым языками спускаются ледники из глубины острова. Но здесь они нигде не доходят до моря, образуя или висячие окончания на высоте 50—100 м, или расплываются плоским конусом при выходе на террасу. Наличие многочисленных гряд беспорядочно нагроможденного щебня и обширных гладких, как пол, га-

Поставленные на голову сланцы около мыса Ворошилова.

Лагерь у мыса Берга. Слева на холме обломки мачты, вдали столб пункта Вилькицкого.

лечно-песчаных полей свидетельствует, что ледники еще совсем недавно занимали гораздо бо́льшие площади и были активны. Сейчас же они неподвижны и находятся, несомненно, в стадии умирания. Ледниковые языки связаны с расположенным в глубине ледниковым куполом, как шапкой венчающим скалистые обрывы прибрежной зоны. В других случаях эта связь уже утеряна, так что язык кончается и в верхней части слепо, не доходя до купола внутренних частей острова.

В результате надува снега систематически из года в год на некоторых участках крутых склонов образовались еще особого типа «навеянные» висячие ледники, образуя как бы нашлепки на скалистых обрывах. Они обычно кончаются на высоте 150—200 м и поддерживают свое существование лишь за счет нанесенного зимою пургами снежного материала.

Через 25 км пересекаем глубокий в десятки километров залив Матусевича, также окаймленный высокими горами, достигающими местами, вероятно, 500 и более метров. Залив очень глубоко вдается внутрь земли и имеет несомненное ледниковое происхождение. Это — полузатопленная морем гигантская ледниковая долина и потому по праву должна называться фиордом, а не заливом, как именовалась ранее.

По пути видели несколько стай чистиков, летевших с кормежки с севера на свои гнездовья, расположенные на скалах в глубине фиорда. Один такой базар обнаружил Георгий Алексеевич еще во время поездки по заброске депо.

Через 45,9 км прибыли на мыс Берга. Продовольствие, завезенное в апреле, лежит в сохранности среди камней на поверхности террасы, имеющей здесь ширину не менее 8—10 километров. Вглубь вдается обширная прихотливо разветвляющаяся бухта, южным входным мысом которой и является мыс Берга. Астрономический столб экспедиции Вилькицкого цел, но уже покачнулся в сторону. Дерево на высоте 1½—2 м сильно поцарапано медведями, пробовавшими на нем по медвежьему обычаю остроту своих когтей, и отполировано с юго-восточной части зимними пургами. От бамбуковой же мачты остался лишь короткий обломок не более метра. Несомненно и здесь поработали медведи, для которых обломать ее не составило большого труда. Вывернуть же целиком мачту все же не

удалось, так как она основательно обложена каменным материалом.

Переночевав, в 5 часов следующего дня тронулись обратно. Километров через десять Гришка из моей упряжки окончательно отказался итти. Перед отъездом еще в лагере на Диабазовых островах он украл вскрытую банку с пеммиканом в 3 кг и съел ее целиком. До мыса Берга он не дошел, километра за два пришлось его отпрячь и бросить. Ночью, отдохнув, он добрел до лагеря сам. Теперь же окончательно забастовал. И нельзя сказать, чтобы собака была измучена, проехали мы сейчас не более 10 км и притом на порожних, легких санях. Нет, здесь дело не в утомлении, а в лени. «Не хочу итти» — и все. Как я ни бился, ничего сделать с упрямцем не мог, хотя в ход была пущена не только плеть, но и постол. Даже за санями отказался бежать. Пришлось отпрячь и бросить. Авось образумится и придет по следу сам, как это уже раз с ним было.

Теперь поеду на восьми собаках.

Двигаемся на этот раз напрямик, сокращая путь. Торосистые одногодичные льды подходят вплотную только к мысу Берга. Севернее они отходят в море километров на десять — пятнадцать, а у Диабазовых островов отодвигаются еще дальше. Таким образом прошлый год летом береговой припай здесь всюду окаймлял остров, и только у мыса Берга открытое море подходило вплоть. Приблизительно такая же картина имела место во время похода «Таймыра» и «Вайгача» в 1913 году. Судам приходилось итти далеко от берега, и неудивительно, что зарисовка его оказалась весьма схематичной и неточной.

На старый лагерь приехали уже под утро. Впрочем, темноты давно уже нет, и ночь для нас — понятие лишь условное.

Здесь все благополучно, сложенный багаж цел, а мы немного опасались, как бы не разыскал его какой-либо дотошный мишка.

Улеглись спать, но не прошло и часу, как собаки подняли страшный гвалт. Выскочив стремглав налегке, как спали, с винтовками, которые всегда на ночь кладутся под бок, увидели медведя, нерешительно топтавшегося метрах в пяти от нас. Повидимому усталые собаки спали крепко и зачуяли зверя только, когда он подошел в упор. Размышлять было некогда. После наших выстрелов зверь

покатился прямо под ноги, так что обрызгал кровью всю палатку.

Хорошо, что он не пришел раньше, в наше отсутствие, а то от оставленного багажа мало что уцелело бы.

Утром 6-го приехал Журавлев и привез оставленные у Октябрьского мыса 80 банок пеммикана. По дороге его хватила пурга, а сейчас из-за пасмурной погоды нашу палатку он еле нашел. У нас же пурги за все время не было ни разу.

Пока Журавлев отсыпался с дороги, я с Ушаковым съездили на осмотр ледников у мыса Ворошилова. Язык одного из них на северном склоне сливается незаметно с морским льдом пролива Красной армии. Трещин, свидетельствующих о движении, нигде не видно. Очевидно, язык мертвый. Мы поднимаемся наверх острова к ледниковому куполу. Подъем довольно полог, лед всюду плотный, а трещин нет нигде, так что движение безопасно. Высота купола над уровнем моря оказалась около 600 метров.

Взяв полный месячный запас пеммикана собакам и мясные консервы со склада, 8 мая тронулись в путь на север. Медвежью шкуру, рюкзак с образцами горных пород, которых уже набралось порядочно, а также несколько банок мясных консервов и пеммикана сложили наверху острова, завалив камнями, причем шкуру, которую медведям легче найти по запаху, положили отдельно.

В следующий маршрут Журавлев поедет нас провожать до мыса Берга, вернется домой через пролив Красной армии и тогда захватит оставленное.

Остров Комсомолец у выхода пролива образует также скалистый мыс Первомайский, но менее высокий и эффектный, чем мыс Ворошилова. Ледниковый щит здесь гораздо массивнее и обширнее. Скалистые обрывы почти всюду погребены под ледяными массами, выступая лишь кое-где отдельными несвязанными друг с другом островами-нунатаками. Километров через 17 и они кончились. Теперь сплошной ледниковый покров слагает всю внутреннюю и береговую часть острова, перекрывая землю целиком. К морю ледник спускается или отлого, незаметно сливаясь с морским льдом, или образует обрывистую стену в 2—5, редко более метров высоты.

По мере продвижения к северу количество айсбергов начало увеличиваться, но все же, лавируя между ними, ехать по морскому льду пока возможно. Ледяные горы имеют

столовую форму нередко до 100—200 м в поперечнике и высоту в подводной части 5—6 метров. Следовательно общая их высота достигает 30—50 м в зависимости от плотности льда и формы основания.

Лагерем стали у подножия высокой ледниковой столовой горы, наклонившейся на бок из-за неравномерного таяния. Высота ее оказалась равной 24,3 метра. Это одна из наиболее крупных гор, встреченных нами.

Яркое солнце уже основательно греет. Пользуясь этим, вывернули и вывесили на солнце спальные мешки и обувь для просушки. В палатке, благодаря нагреванию солнцем, тепло даже без примуса. Если бы полотно было окрашено в черный цвет, температура внутри, вероятно, была бы значительно выше нуля градусов.

Взобравшись на верх ледяной горы, осмотрели лежащий перед нами путь. Количество айсбергов к северу еще увеличивается. Они образуют густые скопления, между которыми остаются лишь сравнительно узкие проходы. Дорога здесь будет, видимо, очень тяжелой, судя по опыту поездки в марте по проливу Красной армии. Вероятно здесь встретится и глубокий рыхлый снег, и вода. Поверхность же самого ледника отсюда кажется более симпатичной. Она блестит на солнце, как полированная, а трещин в бинокль не заметно нигде. Решили поэтому следующий переход сделать по краю ледникового щита.

Поднявшись на другой день на его поверхность, поехали вдоль края на север. Километров пять все обстояло более или менее благополучно. Потом поперек пути стали попадаться трещины, пока еще незначительные, 10—30 см шириною, большею частью замаскированные снегом. Дальше дело пошло хуже. И количество и размеры трещин начали увеличиваться. Километра через два под передними санями снег с шумом ухнул, открыв зияющую пропасть уже метра полтора шириной. К счастью, собаки успели ее проскочить, и снежный мост обрушился под задком саней. Пошли вперед на разведку пешком, осторожно ощупывая перед собою дорогу палками. Картина оказалась неутешительной: трещин становилось больше, ширина их увеличивалась, и все они шли или поперек, или наискосок нашего пути. Очевидно ехать дальше нельзя. Придется вернуться обратно и попытаться пробраться морем.

Вернулись и стали лагерем на старом месте у подножия знакомого айсберга.

Лагерь у айсберга. Май 1931 года.

Конец ледникового языка при выходе на террасу у мыса Волосовича.

В довершение неприятностей заболел Журавлев. Оказывается, он очень подвержен снежной слепоте, и сейчас глаза у него почти ничего не видят. Конечно, ему следовало бы быть осторожным и носить в весеннее время постоянно темные очки, но делать это он очень не любит. Очки — баловство, полагает он, от них глаза еще хуже портятся и, кроме того, плохо видно и трудно из-за этого ориентироваться. Когда Журавлев возвращался с пеммиканом от Октябрьского мыса, была как раз пасмурная погода с рассеянным, наиболее вредным для глаз светом. Из-за плохой видимости он тогда ехал без очков и уже в то время повредил себе зрение. Сейчас у него началось острое воспаление — конъюнктивит. Лежит в палатке с завязанными глазами, стонет, клянет все на чем свет стоит, но лечиться не хочет принципиально, хотя лекарства есть. Приходится сидеть и ждать.

Интересно, что из нас троих не болел глазами лишь я, хотя почти никогда не носил цветных очков, которые мешали при рассматривании образцов горных пород, искажая истинные цвета. Ушаков же заболел лишь раз, и то в очень слабой степени. Вероятно, это находится в связи с остротой зрения. Я очень близорук, Ушаков немного, а Журавлев видит превосходно. Кроме того, и у Ушакова и у меня глаза темные, а у Журавлева голубые и он блондин. А подмечено, что блондины с голубыми глазами особенно подвержены снежной слепоте.

Ночью проснулся, разбуженный сильным воем ветра и хлопаньем полотна палатки. Оказывается, налетел снежный шторм. Стоим мы на тонком слое снега, не дающем надежной опоры кольям, к которым прикреплено наше жилище. Если ветер еще усилится, палатку сорвет и тогда нам ее не удержать. Унесет, и мы останемся без крова, а это, на таком ветру и морозе, дело не шуточное.

Вылезли с Ушаковым и кое-как ползком, среди визга и воя бури, принялись за крепление. Подтащили нарты, к их копыльям привязали все имевшиеся веревки и, употребив в качестве вспомогательных опор лыжи, хореи и лыжные палки, запеленали крепко кругом наш полотняный домик. Теперь можно было взирать на дальнейшее спокойно.

К утру буря достигла максимума. У палатки, где стена айсберга давала некоторое затишье, скорость ветра по анемометру достигла 20 м в секунду, а за его пределами на открытом месте она была свыше 30 м/сек. Через сутки буря кончилась столь же внезапно, как и началась. Снова

тихо и ясно. Продолжаем сидеть. Лечиться Журавлев отказался наотрез, надеясь, что все пройдет само собой. Конечно это верно, пройдет и без лечения, но для этого нужно время, а у нас его не очень-то много.

Наконец на третий день больному стало лучше. Решили ехать, пустив его сзади с завязанными глазами. Собаки от других упряжек не отстанут.

Скопление айсбергов, которого мы так боялись, к счастью оказалось не столь страшным. Под самым ледником нашелся вполне сносный путь, а километра через четыре ледник отошел вглубь острова, обнажив низменный отмелый берег, вдоль которого по многолетнему припаю дорога оказалась отличной.

Такой же характер берега оказался и дальше на север. Кругом обширные илистые и песчаные отмели, между которыми кое-где торчат выброшенные прибоем льдины. Береговая граница изрезана весьма прихотливо и сильно, но из-за покрывающего снега зарисовать все ее изгибы в деталях — дело невозможное. Вероятно летом ее очертания меняются даже от колебания морского уровня вследствие приливов.

На западе на солнце ярко блестит край ледникового купола. Несомненно, его-то и приняла за окончание земли экспедиция Вилькицкого, так как низменного берега, в то время засыпанного снегом и потому сливавшегося с береговым припаем, она подметить, конечно, не могла.

Задерживаемые по временам пургами и пасмурной погодой, к 14 мая мы продвинулись к северу более чем на 100 км, выйдя уже за пределы нанесенной на карте Вилькицкого земли.

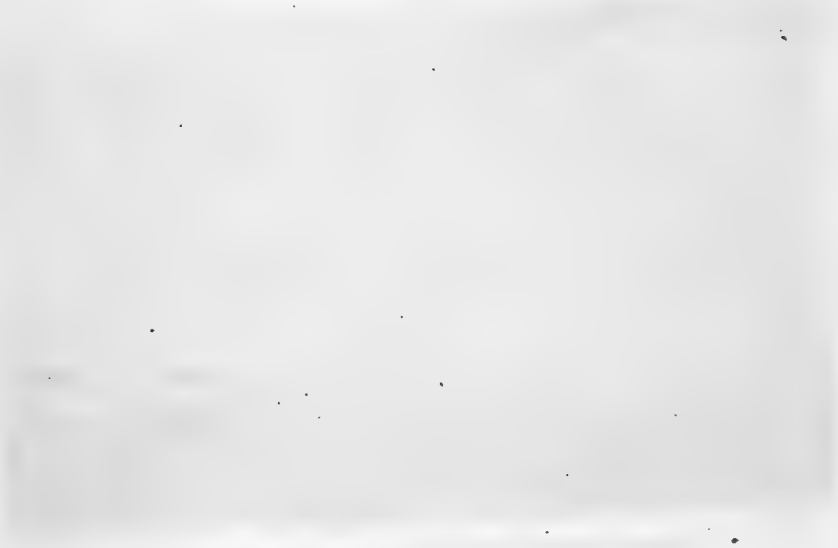
Необходимо было определить точнее наше местоположение, что и было сделано на следующий день путем астрономических наблюдений. Оказалось, что мы находимся на широте 81°11′, то есть уже на 18′, или 23 км, севернее предполагавшейся оконечности Северной Земли — мыса Жохова. А она продолжает итти попрежнему на север, как ни в чем не бывало.

После наблюдений тронулись дальше. Журавлев выздоровел и едет самостоятельно, но уже, наученный горьким опытом, носит все время очки.

Берег снова сложен ледником, на этот раз мертвым, без признаков трещин. На восток видно открытое море до пределов видимого горизонта. По нему кое-где плавают редкие

Ледниковый барьер на острове Комсомолец.

Предвестники пурги. Чечевицеобразные облака.



отдельные льдинки. Летают чайки, люрики, но из морского зверя видели пока одну нерпу.

Около 10 часов 16 мая, проехав 12,6 км от предыдущего лагеря, достигли, наконец, окончания земли. Берег явно завернул на запад, кругом к северу, востоку и западу открытое, свободное от льдов море. Здесь нужно сделать основательную стоянку и определить наиболее тщательно астрономический пункт. К сожалению, погода пасмурная и, вероятно, придется довольно долго выжидать, так как с воды северным ветром постоянно наносит туман, заволакивающий небо. Несмотря на прижимные северные ветры, дувшие подряд все последние дни, льда в море не видно нигде. Факт весьма интересный и, вероятно, находящийся в связи с морскими течениями. Быть может сюда доходит одна из последних наиболее мощных ветвей Гольфстрима. Выяснить это сейчас, конечно, мы не в состоянии. Одно можно заметить: открытая вода здесь не случайное а длительное и потому закономерное явление. Иначе чистики, которые кормятся на воде и без нее существовать не могут, не стали бы гнездовать, да еще большим базаром, на мысе Ворошилова. И здесь, и в заливе Матусевича мы видели их летящими всегда на север и с севера, где они кормились, стало быть именно там открытая вода держится постоянно.

Северная оконечность Северной Земли образует мыс, названный нами мысом Молотова. Сложен этот участок исключительно ледником, образующим мертвый щит высотою 70 м над уровнем моря в своей наивысшей части. Лед лежит на отмелой низменной суше, перекрывая ее целиком, так что сказать, где именно находится конец настоящей земли как таковой и каковы ее очертания, — дело невозможное.

Промеры на мысу показали, что сразу у ледяного барьера глубина моря достигает уже 15 м, поэтому вероятно настоящий берег суши находится километров на пять — десять южнее.

Из-за постоянных туманов и пасмурной погоды определение астрономического пункта отняло целых три дня. Широта оказалась равной 81°16′,1, долгота 95°42′8. На пункте в качестве опознавательного знака поставили бамбуковую веху, а рядом вкопали в лед бидон из-под керосина, в который вложили герметически закупоренную бутылочку с запиской, где указано, какой экспедицией, в каком со-

ставе и когда был пройден данный мыс и координаты определенного пункта.

Конечно, и веха и бидон — приметы ненадежные. Для закрепления пункта следовало бы выложить каменную пирамиду, но за материалом нужно ехать километров пятьдесят, ла на льду и пирамида развалится в первое же лето.

19-го числа тронулись дальше. Километров через четырнадцать ледник кончился, круто отвернув к востоку, дальше потянулись песчано-илистые отмели, как и ранее на восточном берегу. Открытой воды тоже более не видно. Из-за начавшейся пурги и плохой видимости вскоре пришлось остановиться, пройдя всего 6,7 километра. Берега земли попрежнему низменные, сильно изрезанные, сложенные четвертичными отложениями.

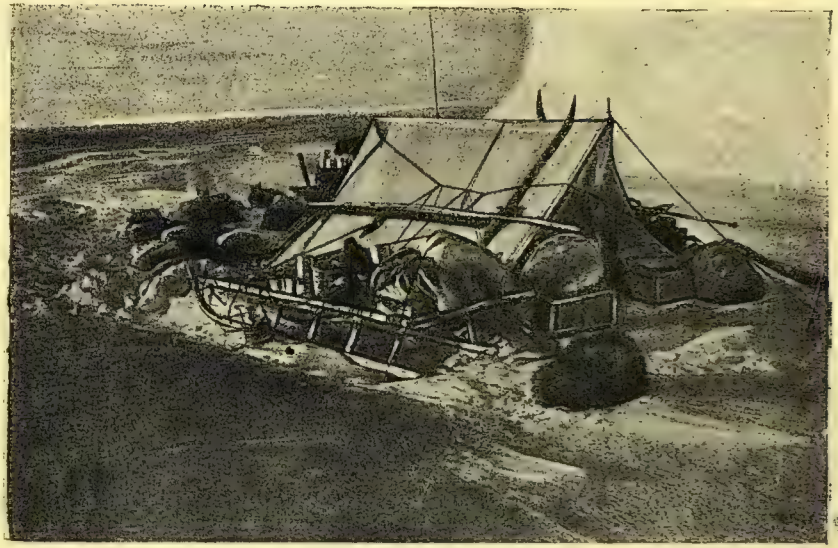
Корма собакам осталось уже маловато, всего на 6 дней, а до дома еще далеко. К счастью, когда ставили палатку, Журавлев увидел в море бредущего между торосами медведя. Немедленно поскакал в обход и вскоре привез тушу убитого зверя. Оказалась медведицей, очень худой и истощенной, но мы были рады и такой. Накормили собак, сами сидим в палатке, жарим на сковороде медвежатину и прислушиваемся к вою пурги. Теперь она нам не страшна. Корм собакам есть.

Ночью от плохо прожаренного, а главное, повидимому, от больного зверя, мяса получил расстройство желудка. На пурге в мороз это было мучительно. Уже после нескольких прогулок я страшно замерз, вымок от забившегося под одежду снега и оправился лишь после приема танальбина с опием и горячего чая с коньяком. Аналогичный случай был в экспедиции Р. Скотта, но там он кончился хуже. Истощенный из-за этого человек отморозил себе ногу.

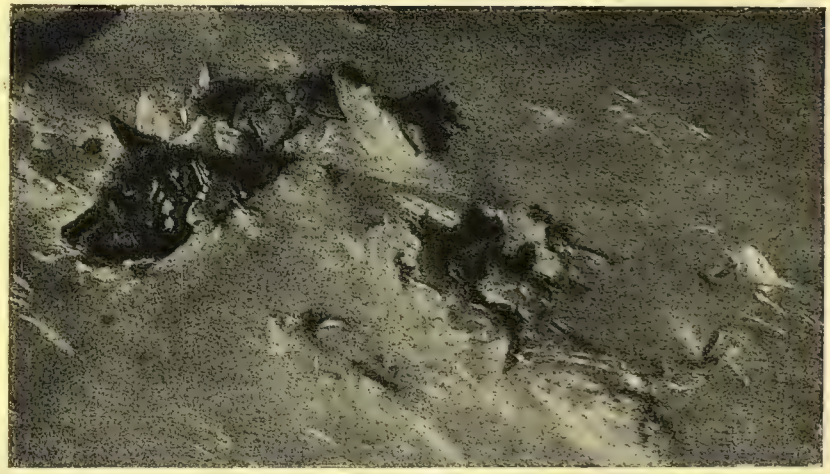
Пурга кончилась лишь через два дня. Надо спешить ехать, впереди еще второй маршрут, а сейчас уже конец мая.

Ледник, слагающий второй, южный купол, оказывается, заполняет всю южную часть острова Комсомольца. Здесь он вплотную подошел к берегу. Едем вдоль ледяного барьера местами до 10 м высотою. Однако в море айсбергов немного, что свидетельствует о незначительном здесь движении ледникового покрова.

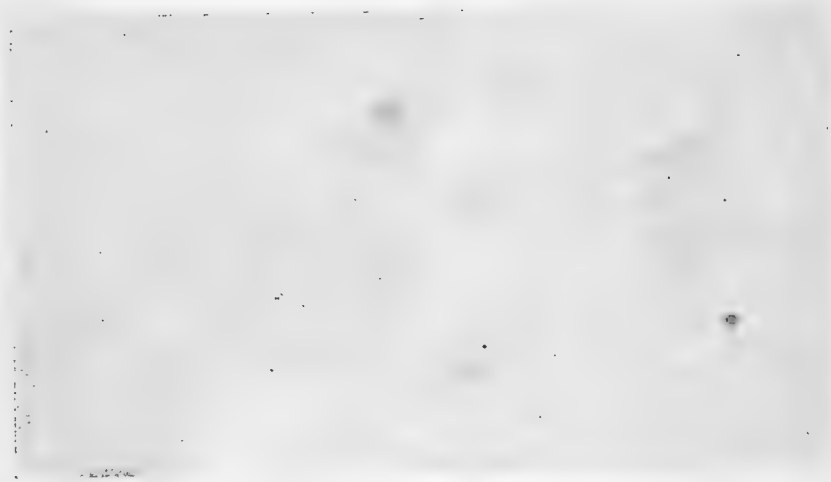
Через 30 км ледник отвернул вглубь земли и дорога стала опять хорошей. Погода теплая, морозы колеблются в пределах не более —10, —15°. На берегу появились прота-



Палатка после жестокого шторма 10 мая 1931 года.



Занесенные снегом собаки после пурги.



линки. Наступает полярная весна. Недавно видели ее вестника — полярного жаворонка или пуночку. Его мелодичное веселое чириканье живо напоминало о приближающихся теплых днях.

Надо торопиться.

За мысом, названным мысом Фрунзе, берег стал выше, появились известняки. Направление его с юго-западного и почти южного переменилось на юго-восточное, но в 20 км южнее видна снова земля. На нее и взяли курс. Что это: глубокий залив или пролив, — выясним в будущем. Если это пролив, то он должен выходить в пролив Красной армии где-либо в районе мыса Октябрьского. В таком случае остров Комсомолец делится на два, из которых северный остров по размеру значительно больше.

Переехав пролив или залив, попрежнему едем почти на юг вдоль довольно высокого, метров тридцать—пятьдесят, каменистого, сложенного известняками берега. Очертания его довольно извилисты. В южной части снова встречен глубокий залив или, возможно, пролив. Таким образом, Северная Земля здесь может быть разбита на ряд довольно мелких островков.

Выяснение всех этих вопросов оставили на будущее. Выполнить это будет не так трудно, так как район лежит уже сравнительно недалеко от дома.

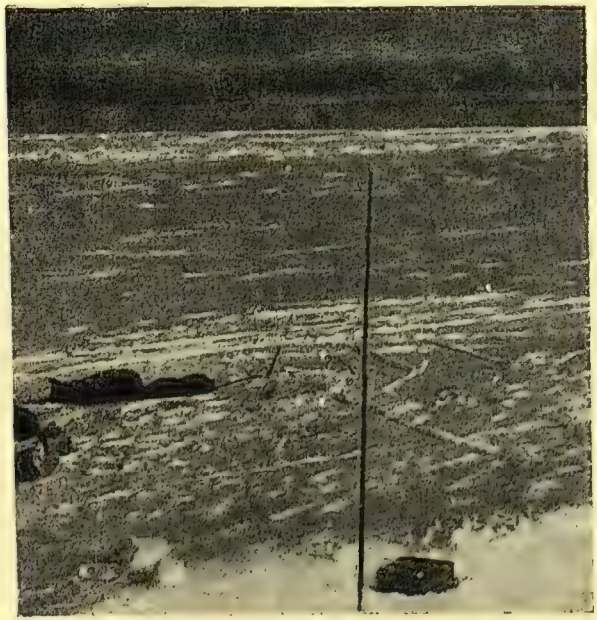
29 мая берег круто повернул на восток, впереди на юге в море видны лишь небольшие острова, очевидно из группы архипелага С. Каменева. Благодаря хорошему дню в бинокль удалось усмотреть гурий (каменную пирамиду), выложенный Журавлевым на северной оконечности острова Среднего еще зимою. На него и взяли курс, предварительно сложив здесь на мысу для опознания гурий и оставив теперь уже лишнее продовольствие: 25 банок собачьего пеммикана, 40 банок мясных консервов, 1 неполный бидон керосина и 60 штук трехлинейных патронов. При изучении данного участка Северной Земли в будущем году этот запас может весьма пригодиться.

Отсюда поехали прямо на мыс острова Среднего, а от него быстро попали и домой.

Здесь все благополучно. Ходов здоров и выглядит прекрасно. Медведи посещали его довольно часто, так что за наше отсутствие он убил целых шесть штук, хотя от дому далеко не отлучался, связанный метеорологическими наблюдениями и радиопередачей.

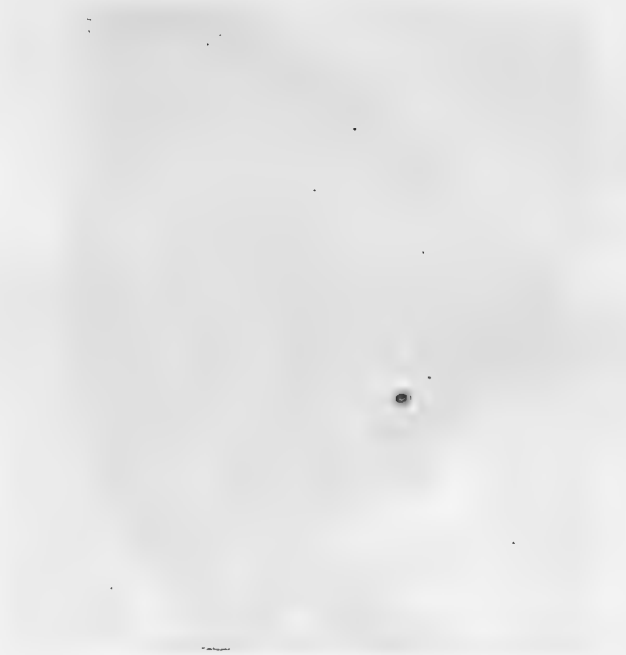
Однажды, когда километрах в двух от дома он снимал шкуру с только что убитого зверя, другой подошел к строению вплоть и разорвал медвежонка, который сидел у стены на цепи. Жаль бедного Мишу, он был такой ласковый и ручной. Журавлев говорит, что это обычная медвежья повадка. Если взрослый заметит медвежонка, да еще на привязи, то непременно его убьет.

В доме ремонт. Василий Васильевич решил заняться покраской фанерных стен внутри помещения в белый цвет. К нашему приезду это не было еще закончено, и беспорядок всюду чудовищный. Краска везде: в кружках, в кастрюльках и даже суповые ложки почему-то запачканы ею. Однако для нас сейчас это несущественно, так как на послезавтра (1 июня) назначен выезд в следующий маршрут. Время позднее, скоро может наступить тепло и испортить дорогу. Необходимо торопиться.



Веха и бидон на астрономическом пункте мыса Молотова.

Складчатые породы в верховьях речки Матусевича.



ГЛАВА VIII

Снова у горы Серп и Молот. В заливе Сталина. Перевал через остров Октябрьской революции. В фиорде Матусевича. Прощанье с Журавлевым на мысе Берга. В проливе Шокальского. Первые гуси. Наступление ростепели. Дорога по мокрому снегу. Талые речки и попытки их обхода. Путь по разъеденному водою льду. Переправы через речки в брод. На пути к островам С. Каменева по морскому льду. Опять дома.

Следующим этапом нашей исследовательской работы является маршрут вокруг острова Октябрьской революции с пересечением земли от залива Сталина до фиорда Матусевича и далее на юг через залив Шокальского. Маршрут этот из-за позднего времени представит большие трудности. Несомненно в дороге нас застанет весенняя распутица, так как путь длиною 700—800 км не удастся сделать скорее чем в месяц, а в половине июня таяние снегов уже начнется непременно. Хорошо, если залив Шокальского окажется проливом, тогда двигаться вдоль берега по морскому льду еще будет возможно. Если же это залив, то придется, чтобы попасть на западную сторону, делать еще раз пересечение земли. Снег внутри острова к этому времени, безусловно, стает, речки наполнятся водой, и движение на санях окажется чрезвычайно трудным. Тогда придется, вероятно, бросить одни сани, подпрячь всех собак в другие и, захватив лишь самое ценное: инструменты, дневники и коллекции, добираться во что бы то ни стало до базы. Кроме того, существует опасность, что если тяжелый путь сильно задержит нас в дороге, море вскроется и отрежет от базы на островах С. Каменева до нового своего замерзания в октябре-ноябре.

Обсудив дело всесторонне, мы все же решили итти, иначе на будущий год останется слишком много работы и мы не успеем ее полностью закончить, как обязались.

В маршрут решили отправиться вдвоем, Журавлев же проводит нас до мыса Берга и вернется обратно домой через пролив Красной армии, забрав с собою собранные в пути и оставленные ранее на острове Диабазовом коллекции. Это имеет то преимущество, что две упряжки потребуют меньше корма и партия станет подвижнее.

4 июня в 17 часов мы тронулись в путь прямо на базу Серпа и Молота, чтобы забрать оттуда полный запас продовольствия и собачьего корма, а затем уже двинуться на пересечение земли.

Из одежды мы оставили дома меховые штаны, меховые камусные пимы, кухлянки, толстые оленьи одеяла, зимние толстые меховые чулки. Словом, всю тяжелую артиллерию для борьбы с жестокими полярными морозами. Вместо них берем кожаные штаны, кожаные сапоги и не боящиеся сырости нерпичьи пимы, легкие спальные мешки и резиновые дождевики.

Кроме легкой парусиновой палатки берем еще шелковую весом всего 4 кг, на случай, если сани придется бросить и пробираться далее пешком.

На базу Серпа и Молота прибыли в 5 часов следующего дня за один переход, сделав в течение 12 часов 63,1 километра. Собаки за прошлый маршрут все втянулись в работу и бегут хорошо. Впрочем в моей своре запряжен остававшийся дома в предыдущий поход, из-за ободранных лап, Буйвол, превосходная по силе и крепости собака. Однако за этот период он сильно обленился, ожирел и сейчас с трудом дошел за остальными.

На базе все в порядке, больше посещений медведей не было. Отсюда взяли 100 банок пеммикана собакам, 1 бидон керосина в дополнение к другому, взятому из дома, и 50 банок мясных консервов.

В общем на моих санях имеется следующий груз: научное снаряжение, запасная одежда и т. д. по списку как и в предыдущем маршруте, общим весом 110 кг, далее ящик с продовольствием в 50 кг и 13 банок собачьего пеммикана. В общем всего 199 кг, а прибавив сюда вес человека в одежде 80 кг и вес саней 38 кг, получим полную нагрузку 317 кг на упряжку в 9 собак, или по 35,2 кг на собаку. Остальные сани загружены примерно так же.

Вечером 2-го тронулись в путь прямо через землю напря-

мик к заливу Сталина, так как береговая съемка была здесь выполнена еще осенью прошлого года.

Через 2—3 км Буйвол стал артачиться, ложиться на снег, волочиться в упряжке, путать и нервировать остальных собак. Не помогло беспощадное битье плетью и даже постолом. Очевидно, Буйволу пришлась не по вкусу наша тяжелая работа. Исчерпав все средства принуждения, отдал пса на выучку Ушакову, но тот, промучившись с ним с полкилометра, выкинул его из упряжки и пристрелил из опасения, что он уйдет на продовольственный склад к Серпу и Молоту и там может произвести разгром.

Едем по сравнительно ровной, слабо расчлененной ручьями и речками террасе, несомненно, морского происхождения, так как всюду поверх ледниковых суглинков разбросаны обломки и целые створки раковин четвертичных моллюсков. Влево от линии нашего пути километрах в восьми видны столообразные возвышенности гор Сталина и Калинина, такого же характера, как и гора Серпа и Молота, то есть с крутыми и обрывистыми склонами, обращенными к морю, и пологими вглубь острова. Возвышенности опоясаны отчетливо выраженной второй террасой, высотой около 80 м над уровнем моря, между тем как первая, по которой едем, имеет по барометру высоту в пределах 35—40 метров.

Налетевшая внезапно сильная пурга с густыми хлопьями мокрого снега вынудила остановиться, прошли всего 10,9 километра.

Ночью погода улучшилась, стало яснее, и мы немедленно тронулись дальше. Поверхность террасы во многих местах уже освободилась от снега. В частности все бугры, на которых и зимою, вследствие выдувания, снега держится немного, теперь совершенно оголились. На одном из таких холмов зоркие глаза Журавлева усмотрели полярную сову, сидевшую, как белое изваяние, на ледниковом валуне. Она сидела неподвижно, наблюдая за нашим караваном своими огромными немигающими глазами, и слетела лишь, когда мы подъехали почти вплотную. На плоской поверхности поросшего лишайниками камня в углублении оказалось 6 штук белых, как снег, крупных яиц, которые мы и забрали с собою. На стоянке их сварили и съели с удовольствием. Яйца оказались совершенно свежими, с прозрачным и после варки желеобразным белком своеобразного вкуса, одобренного всеми единогласно.

Переехав террасу, спустились на лед обширной бухты Сталина, здесь, повидимому, довольно мелководной, и вскоре заехали в устье крупной речки, падающей в кут бухты. Речка течет в обширной, до 10 км шириной, ледниковой долине, в тальвеге которой она прорезала себе каньонообразное ущелье до тридцати, а местами и более метров глубиной.

По этой речке будем подниматься на перевал через землю. Крутые склоны бортов представляют прекрасные обнажения горных пород и позволяют поэтому достаточно полно и подробно изучить геологическое строение Северной Земли в данном месте. Так как простирание свит идет в направлении, близком к меридиональному, а речка режет их поперек, или, как говорят геологи, «вкрест простирания», это позволит составить достаточно полный подробный геологический разрез земли.

Лагерем стали, проехав километров пятнадцать по руслу речки вверх по течению. Речная долина здесь шириной 150—200 м, завалена галечником и валунами, среди которых прихотливо извивается самое русло реки, сейчас, конечно, промерзшее до дна. Галечные отмели во многих местах уже вытаяли и оголились.

К утру вновь ударила сильнейшая пурга. Несмотря на то, что лагерь разбит в глубоком, узком ущелье за поворотом речки и защищен со всех сторон крутыми склонами бортов, полотно туго натянутой укрепленной палатки гудит и вибрирует, как шаманский бубен. Что же творится на поверхности террасы? Там скорость ветра доходит сейчас, вероятно, до тридцати и более метров в секунду.

К вечеру несколько утихло, чем я и воспользовался для геологического изучения местности. Дно древней широкой долины сложено ледниковыми валунными суглинками, мощность которых местами доходит до 40 м, подтверждая этим ее происхождение. Коренные породы представлены теми же свитами, что и по ручью у базы Серпа и Молота, то есть буро-красными и зелеными мергелями и песчаниками с прослоями гипса. Кроме того гипсы образуют и более крупные штокообразные залежи до 15 м мощностью на выходе. Залегание свит спокойное, слабо волнистое, но перетертый, как бы сахаровидный облик гипсов свидетельствует, что спокойствие это только кажущееся. На самом же деле район послужил в древние геологические времена ареной мощных горообразовательных процессов, что во-

очию и проявляется несколько восточнее отсюда за перевалом.

6 июня утром, несмотря на продолжающуюся, но впрочем значительно ослабевшую пургу, двинулись в путь дальше. Ущелье постепенно становится менее глубоким, расширяется, и километров через двенадцать мы выезжаем на поверхность древней ледниковой долины, тальвег которой речка здесь не успела пока прорезать, так как процессы размыва вследствие современного отступания уровня моря сюда еще не успели достичь.

Погода отвратительная. То-и-дело налетают шквалы с мокрым хлопьевидным снегом. Видимость скверная, а нам как раз нужно проезжать через перевал, где очень трудно ориентироваться. Между тем путь лежит в верховья речки, текущей уже в фиорд Матусевича. Она образует очень глубокое ущелье, также врезанное в дно древней ледниковой долины, и совершенно неприметна среди ровной снежной поверхности. Если мы ошибемся и пропустим ее верховье, то спуститься в каньон будет уже невозможно и придется возвращаться обратно. Кроме того в пургу есть риск свалиться в ущелье с неприметного обрыва, замаскированного снежными надувами. Волей-неволей приходится поэтому стоять и ждать, хотя время движется неумолимо, все ближе и ближе к началу ростепели.

Разбили палатку, но саней не развязываем и собак не отпрягаем, чтобы двинуться дальше при первой возможности. Тепло, на южном скате палатки, несмотря на то, что солнце скрыто облаками, тает снег, и мокрые струйки сбегают по полотну вниз. Все это внушает нам серьезную тревогу. Тепло может притти даже скорее, чем мы предполагаем, и захватить в дороге Журавлева.

Пурга стала чуть-чуть слабее, и мы немедленно тронулись дальше, хотя видимость очень плохая.

Пройдя еще километров пятнадцать, нашли, после некоторых поисков, верховья нужной нам речки и около нее стали лагерем.

Водораздел, где находимся, расположен на высоте 239 м над уровнем моря, согласно барометрическому определению. Рельеф очень мягкий с округленными, плавного очертания возвышенностями.

Долина речки Матусевича уже в 1—2 км от начала превращается в ущелье, настолько узкое, что ехать по нему совершенно невозможно, тем более, что оно в значительной

степени забито рыхлым снегом, а сверху по бортам нависают солидные снежные карнизы, грозящие обрушиться. Поэтому пришлось искать более спокойное боковое ответвление, которым и вышли на главное русло километрах в восьми от начала речки. Здесь тальвег имеет метров сто ширины и врезан метров на сто ниже окружающей водораздельной равнины. Борта образуют отвесные скалистые обрывы до 40—50 м высотою, представляя непрерывный геологический естественный разрез, настолько интересный, что оказалось совершенно необходимым сделать остановку для пешего изучения не пройденного верхнего участка.

Разбили палатку, но собак не отпрягали, так как поедем дальше сразу же после окончания осмотра.

Сейчас, в полуденные часы, под защитой склонов солнце пригревает уже сильно. На южной стороне снег тает, журчат ручьи, а кое-где уже появились лужи талой воды. Еще день-два и на речке выступит вода, а снег в долине стает, обнажив камни так, что движение на санях окажется невозможным. Мы, кажется, попали сюда во-время. Нужно спешить, времени остается в обрез, чтобы успеть проскочить на восточную сторону.

В противоположность спокойному залеганию свит, наблюдавшемуся ранее, здесь породы дислоцированы чрезвычайно сильно. Известняки, мергеля и доломиты с прослоями гипсов собраны в чрезвычайно сложные, прихотливо изогнутые, опрокинутые складки, великолепно наблюдаемые в береговых склонах. Во всех породах наблюдается раздробление вплоть до перетертости в порошок, так что местами получается беспорядочное месиво из обломочного материала, в котором ни отдельных пластов, ни их слоистости различить уже невозможно. Мощность перетертой раздробленной зоны — тектонической брекчии превышает местами 30 метров. Вверх по речке, благодаря тому, что общее падение свит идет здесь на запад, можно проследить, как постепенно складчатость затухает и мы незаметно переходим в область слабо складчатых пестроцветных толщ западного берега земли.

Русло речки в верховьях образует узкую щель, по которой с трудом можно пробраться даже пешком, так как оно сплошь завалено гигантскими валунами. Продольный профиль образует уступы и водопады, теперь еще, впрочем, замерзшие, а сверху склонов на высоте 30—40 м над

головою висят огромные снежные надувы, грозящие обвалом.

Около полуночи, закончив осмотр, тронулись немедленно дальше. Километрах в двух справа в нашу речку падает довольно значительный приток. Среди вынесенного обломочного галечно-валунного материала в русле этого притока найдены довольно крупные куски красного железняка. Недостаток времени, однако, не позволил отправиться на поиски самого месторождения. Берега сложены круто, местами вертикально поставленными пластами вишнево-красных мергелей с прослоями зеленых, что придает всему ущелью весьма оригинальный колоритный характер.

Долина речки, по которой едем, постепенно расширяется, но затем вдруг, километрах в шести отсюда, снова превращается в узкий мрачный гигантский коридор, пробитый в толще плотных массивно-слоистых известняков. Их твердость, значительное сопротивление размыву и выветриванию обусловили такой узкий характер ущелья. Известняки поставлены на голову и содержат остатки фауны кораллов, морских лилий и брахиопод, по которым можно установить силурийский возраст толщи.

У начала ущелья зимние пурги надули огромную застругу, перед которой, как перед плотиной, скопилось уже довольно много воды, набежавшей за день из речки сверху. Через нее пришлось перебираться вброд. Процесс таяния снега идет необычайно интенсивно, прямо на глазах.

Проехав ущелье, через несколько километров выезжаем в озеровидное расширение долины, шириною километра в два, являющееся началом фиорда Матусевича. Лагерем стали на одном из островков, уже почти свободном от снега, так что палатку поставили на сухую землю. И собаки и люди были очень утомлены, так как находились в работе непрерывно более полутора суток, поэтому, наскоро поев, все немедленно повалились спать мертвым сном.

Встали уже вечером. За день кругом произошли разительные перемены. Снег на островке, где стоим, совершенно исчез, так что сани очутились на земле, на льду озера появилась вода отчасти за счет местного таяния, а отчасти набежавшая из речки. Сегодня там, пожалуй, уже не проехать, так что мы успели проскочить во-время. Кругом летают чайки, слышно пение пуночек и гук полярной совы. Началась весна.

Ночью тронулись в путь дальше вдоль южного берега

фиорда. Ширина его здесь не более 3 км, береговые склоны высотою 250—300 м, сложенные толщей мергелей и известняков, имеют плавные, сглаженные ледником очертания.

Разбросанные кое-где скалистые острова имеют вытянутую форму и асимметричный профиль «бараньего лба», указывая этим, что исчезнувший ледник двигался здесь на восток. На одном из островков на высоте 24,1 м от поверхности льда фиорда найден старый полуобкатанный прибоем позвонок кита, свидетельствующий, что еще очень недавно уровень моря был значительно выше современного. Таким образом, возникновение узкого каньона речки, как бы пропиленного в тальвеге древней ледниковой долины на глубину 70—100 м, находит свое объяснение в весьма быстром здесь понижении морского уровня и, как следствие, интенсивном размыве русла водою.

Вскоре на льду замечаем ряд трещин, идущих поперек всего фиорда, это указывает, что приливо-отливные колебания морского уровня докатываются даже сюда.

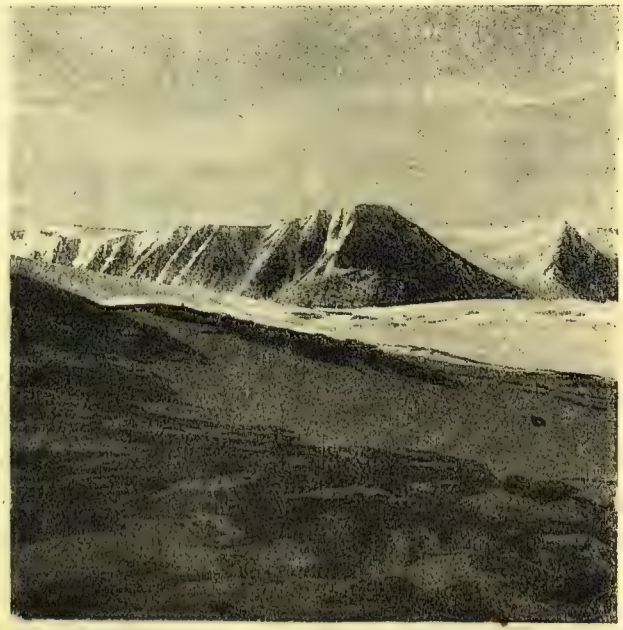
Несколько дальше фиорд оказался заполненным мертвым ледником, представляющим язык купола, расположенный внутри острова в его северо-восточной части. На северный склон этого купола мы взбирались у мыса Ворошилова в предыдущий маршрут.

Сглаженные, полуобтаявшие за много лет края глетчера незаметно сливаются со льдом фиорда, что указывает на отсутствие движения ледника и постепенное его исчезновение вследствие продолжающегося таяния.

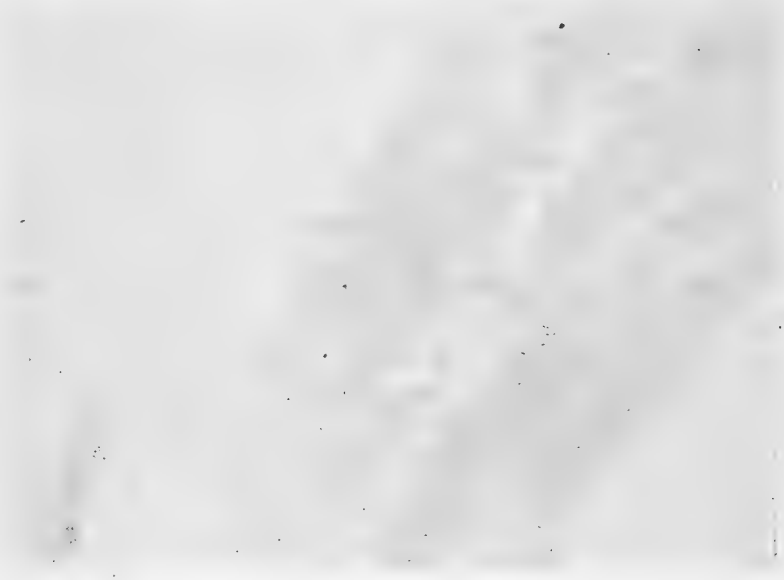
Берег фиорда, вдоль которого едем, постепенно становится круче и, наконец, превращается в почти отвесную скалистую стену до 300—400 м высотою. Бесчисленные каменистые уступы, образовавшиеся вследствие морозного выветривания поставленных на голову филлитов и кварцитов, дают прекрасное убежище и гнездовья тысячам люриков и чаек. Их немолчный гомон несется сейчас отовсюду, но скалы столь высоки, что сидящих птиц можно различить, да и то с трудом, лишь в бинокль. Уже в первую поездку с заброской продовольственного депо птиц здесь было настолько много, что Журавлев окрестил гору «Базарной». Сейчас же количество их, в связи с прилетом новых стай, выросло в несколько раз.

Между отвесными скалами берега и ледником имеется проход, отчасти промытый талыми летними водами, отчасти обусловленный таянием льда в результате лучистой теплоты,

Поставленные на голову сланцы горы Базарной



Висячие ледниковые долины в заливе Матусевича.



отраженной от каменистых склонов. Пользуясь этим своеобразным коридором, мы и пробираемся вперед, хотя щебенистые осыпи боковой морены, снежные передувы и остатки ледяных бугров представляют не малое препятствие движению. Сани то-и-дело кренятся на бок, грозя опрокинуться, что для меня, везущего хронометры и другие тонкие приборы, совершенно нежелательно. Приходится все время бежать рядом, поддерживая сани на рытвинах и буграх, то с той, то с другой стороны. По самому леднику движение невозможно, так как он покрыт густой сетью довольно глубоких, теперь впрочем полузанесенных снегом и обтаявших, скругленных по краям трещин.

Наконец, километров через пять тяжелый путь закончился, мы выехали в расширение фиорда, где и стали лагерем у восточного подножья горы Базарной.

Здесь ширина его достигает уже 10—15 км, впереди на север видно открытое море, и, благодаря его охлаждающей близости, таяния тут еще совершенно незаметно. Дорога по льду всюду плотная и торная.

Сюда в расширение с обоих берегов спускаются многочисленные ледниковые языки от куполов, расположенных внутри острова справа и слева от фиорда. Наблюдения показали, что большинство из глетчеров до уровня моря в настоящее время не доходит, признаков движения в них не заметно, края сильно обтаяли, а впереди уже, отделяясь интервалом суши, лежат груды щебневого моренного материала. Эти факты с несомненностью свидетельствуют, что современное оледенение Северной Земли и здесь представляет лишь реликт прежнего, гораздо более мощного, вероятно сплошного ледникового покрова. Поездка с осмотром фиорда на другой день позволила это установить еще раз. Например, в северном берегу удалось наблюдать прекрасно выраженные висячие долины с еще сохранившимися весьма эффектными ледопадами. Устье одной расположено на высоте около 100, а другой около 200 м над современным уровнем морского льда.

В глубоких ущельях боковых разветвлений фиорда нередко встречаются мертвые ледниковые языки, уже потерявшие связь с питающим их куполом. Уцелели же они здесь до сих пор единственно потому, что расположены в глубоких, затененных от солнца складках рельефа, где таяние идет лишь очень медленно.

После осмотра и съемки на другой день, 11 июня, выехали вдоль берега по морскому льду торной дорогой к мысу Берга. На земле проталин всюду довольно много. Обнажения горных пород везде вытаяли, давая обильный материал для наблюдений.

Среди ледникового валунного материала, оставленного отступившим ледником, кроме разнообразных гранитов, диоритов и кристаллических сланцев встречены кварцы с обильными вкраплениями пирита, медного колчедана и других сульфидов. Несомненно, материал этот вынесен из глубины острова и образовался за счет разрушения где-либо обнаженных на поверхности кварцевых рудных жил.

Прибыв на мыс Берга, после разбивки лагеря, не теряя времени, установил радиоприемник и универсальный инструмент для астрономических наблюдений. Здесь они особенно интересны, так как выяснят расхождение наших наблюдений с данными экспедиции Б. Вилькицкого, определявшей здесь пункт в 1913 году, когда радиосигналов времени еще не передавалось. Как и следовало ожидать, разница в широте оказалась весьма незначительной, всего 11″; в долготе же несколько больше — 15″, но во всяком случае и то и другое лежит в пределах допустимых погрешностей инструментов, которыми велись работы.

Днем, пока шли наблюдения, к мысу, не обращая внимания на лагерь, приплелась медведица с прошлогодним медвежонком-лончаком и улеглась около нерпичьего продуха караулить себе с детищем добычу на обед. Своего довольно уже взрослого младенца она предварительно отвела за торос, повидимому, наказав строго-на-строго не шуметь и не высовываться, так как он там и затаился. Сама же улеглась у проруби, деликатно прикрыв черный предательский нос лапой, чтобы вынырнувшая нерпа ее не сразу заметила. Вероятно, она лежала бы так очень долго, если бы не пуля подкравшегося Журавлева, прекратившая это занятие навсегда. Пытавшийся удрать после выстрела лончак также последовал за мамашей. Вечером опять появился медведь, но, заметив спускающуюся на лед собачью упряжку, кинулся наутек. Густых торосистых льдов, куда обычно медведи спасаются от погони, поблизости не было, и вскоре километров через пять-шесть жирный зверь задохнулся от бега и выбился из сил. Журавлев рассказывал потом, что когда он подскочил к нему на санях, медведь лежал в растяжку и хватал пастью снег, как забежавшаяся

Ледник на восточном берегу Октябрьской революции. Видны нунатаки.

Убитые медведи у мыса Берга.

собака. Но и упряжка была не в лучшем состоянии. Несмотря на непосредственное соседство со зверем, собаки на него уже не реагировали, а лежали на снегу, едва переводя дыхание. Впрочем столь мирное соседство продолжалось недолго. Вскоре отдохнувший медведь начал шевелиться, собираясь не то удрать, не то броситься на упряжку, так что Журавлев вынужден был стрелять.

Теперь мяса у нас с избытком. Кормим собак щедрой рукой, не забывая и себя. Жареная и сырая медвежатина — нынче наше постоянное блюдо и за обедом и за чаем, причем едим мы ее почти совсем без галет.

Журавлев уехал на другой день, забрав все медвежьи шкуры и собранные коллекции горных пород. Последних, впрочем, по весу немного — килограммов пятьдесят, так как образцы я отбивал очень экономно штуфами не более 300—400 граммов. Со шкур сало, по возможности, снято для облегчения, а черепа брошены. Все же на нарту набралось килограммов триста, да еще прибавится на Диабазовом острове у мыса Ворошилова. Всего Журавлеву предстоит путь километров в двести пятьдесят, причем покрыть это расстояние он собирается в три перехода.

Прощание было молчаливое и краткое. Мы понимали все трудности и риск путешествия Журавлева в одиночку с тяжело груженными санями, без палатки, с ничтожным запасом топлива и продовольствия. Он знал тяготы предстоящего нам неизвестного пути. Все это ясно, и не к чему об этом говорить. Твердое рукопожатие, «до свиданья, счастливо», взмах хореем, — и дружная натренированная упряжка вихрем понеслась под гору. Вот она уже мелькает внизу между торосами, превратилась в точку и скрылась в сверкающем сиянии полярного весеннего дня.

Вскоре тронулись в путь и мы. Считая запасы депо, у нас имеется продовольствия людям на месяц, собакам на 20 дней и 1½ бидона, значит около 20 литров керосина. Кроме того в изобилии медвежье мясо. Впрочем взять его полностью невозможно из-за перегруженности саней.

Дорога торная, но днем солнце сильно греет, собакам жарко, и работают они тяжело. Решили перестроиться на ночное передвижение, когда холоднее, солнце стоит невысоко на горизонте и не так печет.

Пройдя 43,4 км, остановились на мысе Анучкина для определения очередного астрономического пункта. Это немного рано после мыса Берга, но конфигурация берега и

здесь гораздо сложнее и расчлененнее, чем показано на старой карте гидрографии. Кроме того мыс — место весьма приметное, как бы самою природой предназначенное для пункта.

16-го поехали дальше. Берег, довольно высокий, каменистый, сложенный попрежнему интенсивно дислоцированными метаморфическими сланцами, идет почти прямо на юг. Вглубь острова на запад тянется сначала морская терраса шириною 3—5 км и высотою около 50 м над уровнем моря. Далее за ней поднимаются скалистые обрывы коренного берега высотою 200—300 м, расчлененные долинами, по которым сползают языки глетчеров, здесь почти везде кончающихся слепо сразу же при выходе на террасу. Внутренняя часть острова имеет сглаженный мягкий рельеф, занята фирновыми полями и ледниковым куполом, отпрысками которого и являются долинные глетчеры.

Вдоль берега идет цепь мелких скалистых островков. Впрочем, один из них довольно большого размера, около 2½ км в ширину и 10 км в длину. Он расположен на месте мыса Аргольд старой карты, которого, таким образом, не существует.

Заезжаем в залив или пролив Шокальского. Что-то сулит он нам?

Погода испортилась, туман, холодный сырой норд-ост, временами густой хлопьями снег. И вдруг совершенно неожиданная встреча. Впереди из снежной пелены вынырнули два темных, таких знакомых птичьих абриса. Круглое плотное тело, мощные крылья и длинные шеи. Да ведь это гуси! Мы не верим своим глазам. Гуси... здесь... на Северной Земле... В царстве мертвых скал и льда, да еще сейчас, в такую мерзкую погоду. Не может быть! Но факт остается фактом. Это гуси-казарки несомненно. Птицы низко и тяжело пролетели над нами и скрылись к северу в густой сетке лепящего снега.

Значит, нужно ждать скорого наступления интенсивного таяния. Едва ли данная пара будет единственной. Наиболее вероятно, что это передовые разведчики, за которыми через несколько дней последует массовый прилет. Дробовое ружье и патроны у нас с собой взяты, значит можно рассчитывать на гусиный суп.

Лагерем остановились в 5 часов, пройдя за переход 50,4 км по плотной, очень торной, легкой для собак дороге. Самим же пришлось тяжеловато. Более 14 часов непре-

В проливе Шокальского. Середина июля 1931 г.

На мысе Оловянном. 18 июня 1931 г.

рывной напряженной работы со съемкой, ходьбой и лазанием по горным обнажениям утомят хоть кого.

На восток километрах в тридцати видны гористые склоны уже противоположного берега. Они так же, как и наш, идут прямо на юг, продолжаясь до пределов видимости. Схождения берегов пока не заметно, так что, вероятно, здесь лежит пролив, а не залив. Горы Толмачева, показанной на старой карте, нигде что-то не видно. Вероятно это был оптический обман вследствие рефракции, которая в Арктике может ввести в заблуждение даже очень опытных людей.

Гуси не обманули. Днем температура +5°, несмотря на пасмурную погоду. Снег раскис, превратившись в мокрую кашу, которая уже не держит саней. Теперь надежда только на ночные заморозки. Хорошо, что идем по морскому льду и пересекать землю вторично вероятно не придется.

Ночью подморозило, и, пользуясь этим, удалось проехать 32,8 километра. Теперь окончательно нет сомнения, что мы едем по проливу. Восточный берег отстоит километров на двадцать — двадцать пять и идет все так же неуклонно на юг. Наша сторона у места стоянки изменила направление с южного на юго-западное. Поэтому здесь необходимо определить астрономический пункт.

На гранитных скалах у лагеря гнездятся белые ледяные чайки, как снег облепившие каменистые обрывы. На глине у журчащего ручья спугнули стайку гусей уже штук двадцать, но дробовое ружье было в санях, и птицы благополучно улетели.

На террасе в обнажающихся здесь гранитах обнаружены кварцевые жилы с вкраплением колчеданов и обильным, хорошо кристаллически образованным турмалином прекрасного черного цвета. Сам гранит газообразными выделениями магмы местами превращен в аггрегат слюд, кварца, турмалина, сульфидов и других минералов. Все признаки оловорудного месторождения налицо. К сожалению, из-под снега вытаяли лишь бугры, а ложбины еще везде под снеговым забоем. Однако задерживаться тут долго нет возможности и приходится ограничиться изучением того, что доступно осмотру. Взят ряд образцов и проб для анализа. В надежде на будущие благоприятные результаты мыс назван Оловянным.

На льду пролива около приливных трещин лежат пригретые весенним солнышком нерпы и зайцы. Время от

времени который-нибудь из них приподнимается, внимательно осматривает все кругом, а потом его голова снова падает на лед, как у подстреленного, и зверь засыпает глубоким сном на минуту, полторы. Этим интервалом и нужно пользоваться подползающему охотнику. Когда же животное осматривается, нужно лежать неподвижно, подобно тюленю, лучше всего не на виду, а под прикрытием какого-либо бугра или тороса. Глаза у нерпы превосходные, и опасность она замечает уже за 1—2 километра. Несмотря на зоркость, чуткость и отдых предпочтительно на открытом месте, медведь все же ухитряется подбираться и ловить спящую нерпу. Он терпеливо крадется, пользуясь малейшим прикрытием местности в виде торосин и бугров, а потом, улучив момент, уже накоротке пулей кидается на добычу, убивая ее одним могучим ударом огромной лапы. На открытом месте медведь часами ползет, прикрывая черный предательский нос лапой, пока нерпа спит. Белая шкура отлично сливается со снежным фоном, делая ползущего зверя до поразительности схожим с снежным бугром или старым торосом.

Нерп кругом много, значит должны бродить и медведи. Действительно, вскоре после того, как разбили палатку, с юга показалась шествующая мамаша с двумя малышами нынешнего года рождения. Она шла прямо на нашу стоянку, но метров за триста заметила опасность и круто свернула в сторону, когда было уже поздно. Спущенные с прикола наши патентованные медвежатники Бурый, Ошкуй и Архисилай[1] взяли в работу не очень-то еще прытких на бегу медвежат. Мамаша, конечно, вернулась и кинулась на защиту детей, но тут подоспели мы, и все было кончено. Теперь мясом можно основательно подкормить собак, экономя пеммикан на будущее. Шкуры, конечно, пришлось бросить. Дорога тяжелая, и для собак теперь каждый килограмм в тягость.

20 июня. Ночью подморозило. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, мы тронулись в путь дальше при ясной солнечной погоде. С возвышенности у лагеря сегодня особенно отчетливо видно, что берег противоположной стороны далеко на юге кончается обширной низ-

[1] Журавлев зимою прочитал книгу о греческих философах, имя одного из них, Архисилая, понравилось ему своей звучностью, и он назвал так одного степенного, полного собственного достоинства пса.

менностью. До нее на-глаз километров шестьдесят—восемьдесят. Это вероятно и есть юго-западная оконечность южного острова — мыс Неупокоева. Берег высокий, но не очень крутой, сложенный гранитами и метаморфическими породами, продолжает итти на юго-запад, все более и более заворачивая к западу. Таким образом из пролива мы, несомненно, выходим на западную сторону земли.

Пока солнце стояло низко и держался мороз, дорога затвердела и была сносной, но уже с 10 часов снова потеплело, поднявшееся солнце начало сильно пригревать и снег опять раскис. За предыдущее тепло он уже успел превратиться в зернистую разность — фирн, в котором, как в рыхлом песке, вязли и сани, и люди, и собаки почти на полметра. Последние 10 км шли 4 часа, причем нам, конечно, все время приходилось помогать тащить сани, впрягшись в лямку наряду с собаками. Все же за переход удалось сделать 34,1 километра. На мысу, названном мысом Якова Свердлова, сделаем основательную стоянку, чтобы дать отдых утомленным собакам, а главное — определить поточнее астрономический пункт, так как берег дальше повернул на северо-запад и данный мыс, стало быть, является наиболее южной оконечностью острова Октябрьской революции.

На берегу уже сухо, снег почти всюду стаял и лишь кое-где журчат ручьи. Цветут купы незабудок, камнеломок, зазеленела микроскопическая полярная ива, а местами видны и желтые шляпки распускающихся цветов альпийского мака. Конечно, все это чрезвычайно миниатюрно и встречается лишь на обогреваемых солнцем южных склонах в виде редких куртинок среди голых щебенистых и глинистых пространств. Но для таких высоких широт, как 78°46′, и это уже очень много.

Гуси летают парами. Ушаков сегодня около палатки убил одного, оказавшегося самцом чернозобой казары. Все ранее виденные принадлежат к этому же виду.

Кроме гусей наблюдали летевших к северу пять гагар, а у палатки — пару куличков.

Погода теплая, днем +3°, +4° в тени, ночью лишь немножко прохладнее. Заморозков нет. Теплый юго-восточный ветер сгоняет снег прямо на глазах. Иногда идет редкий теплый дождь.

Сидим и ждем ночных морозов. Столь аномально теплая погода в этих широтах продолжаться долго не может.

Пользуясь свободным временем, на пункте выложили вы-

сокий каменный гурий с бамбуковой вехой в центре. Гуси не оставляют нас своим посещением. Сегодня убили еще пару. Из них одна самка с вполне сформированным и готовым к кладке яйцом. Таким образом, здесь на Северной Земле гуси не только летают, но гнездуют и выводят птенцов. А осенью какой пустынной и безжизненной нам казалась эта земля!

22-го ночью начало подмораживать. Решили хоть как-нибудь да итти. Все-таки вперед пройдем сколько возможно, а то сидеть на одном месте уже надоело.

Вначале путь еще был сносен, так как сверху снег немного скрепило морозом, но вскоре опять потеплело, и дело пошло хуже. Сани проваливаются в снеговую кашу на полметра и глубже, выпахивая за собой глубокую траншею. Под снегом всюду вода, в которой тонут собаки и еле бредут люди. Пришлось оставить мысль пересечь бухту, названную «Снежной», и свернуть к берегу на стоянку. Километрах в двух от земли собаки окончательно выбились из сил, так что пришлось часть груза сбросить и вернуться за ним второй раз. На стоянку добрались все окончательно измученные. В общем последние 2,9 км по одометру шли 3½ часа, да еще больше потратили, чтобы привезти оставленное. Все-таки за переход сделали 10,8 километра. И то хорошо, и то наше. Погода испортилась, — туман, изморозь.

Решили выждать, пока снег хоть немного не стает и не сядет.

Погода вновь улучшилась. Солнечно, тепло, в тени +4°,5. Это нас радует, так как снег скорее сгонит со льда и дорога станет лучше.

На третий день стоянки пошли пешком на разведку. Снегу под берегом на льду осталось на 30—40 см, но он состоит из фирна и воды и настолько рыхл, что не выдерживает человека даже на лыжах. Приходится ждать.

У лагеря под берегом на льду стала появляться вода. Она, постепенно расширяясь, окружает наш низменный мысок почти кольцом. Опасаясь остаться отрезанными от моря, где теперь только и можно ехать на санях, решили отсюда выбираться. Я побрел вперед, протаптывая на лыжах дорогу, а сзади с упряжками месил ногами снеговую кашу Ушаков, поддерживая сани и поощряя собак голосом и кнутом. С большим трудом удалось пройти за 8 часов 11,5 километра.

Лагерем стали на высоком сухом берегу за снежной бухтой, невдалеке от группы мелких островков.

В крутом глинистом, разбитом трещинами оползней береговом обрыве живет множество леммингов. От удара ногой или лопатой они выскакивают из трещин и разбегаются, как дождь, во все стороны. В гнездах есть мышата.

В целях экономии пеммикана, собак отпустили на свободу на подножный, так сказать, корм. Они очень довольны и усердно охотятся, раскапывая норки со всем пылом охотничьей страсти.

Ясно и тепло. Сегодня, 27-го, в полдень в тени +5°,7 такого тепла до сих пор еще не было.

Снега на льду осталось уже немного, 15—20 см, зато появилось много воды.

Все же решили итти. Берег образует глубокую излучину, которую и срезаем по хорде напрямик. Воды во впадинах на льду довольно много — до 40—50 сантиметров. Но что хуже всего — на некоторой глубине под снегом образовалась ледяная корка около 1 см толщиной. Ниже ее лежит сухой фирновый рассыпчатый снег слоем в 10—15 см, а уже под ним морской лед. Явление это обусловлено замерзанием просачивающейся сверху воды при соприкосновении ее с более глубокими промерзшими за зиму и сейчас не успевшими еще оттаять слоями фирна.

Корка эта состоит из смерзшихся ледяных зерен и похожа на острую терку «резун». В довершение она слишком непрочна, то-и-дело проламывается и страшно режет лапы собакам.

Особенно достается задней упряжке, которая идет по старому следу, где целость покрова уже в значительной степени нарушена.

В результате нашей неосмотрительности, хотя и прошли 33,7 км, но собаки стерли себе кожу подушечек лап и изрезали в кровь тыльную сторону скакательных суставов. На заживление ран нужно не меньше двух недель, а таким временем мы не располагаем. Не хватит ни корма собакам, ни продовольствия себе.

У самого берега, где зимними пургами нанесен забой, сглаживающий уступ между сушей и морским льдом, дорога лучше. Забой в большинстве сохранился и вполне выдерживает вес саней и собак. Правда, приходится следовать всем изгибам берега, но иногда самый длинный путь оказывается наиболее легким, а потому и коротким.

Поэтому на другой день поехали уже вдоль берега. Здесь путь сносен, резуна нет, нет и воды, так как тут она уже успела сбежать в приливные прибрежные трещины. Огибаем глубокую бухту, хотя езда напрямик сократила бы расстояние вдвое, если не больше.

В конце дороги все же соблазнились срезать угол очень глубокой излучины и заплатили за это купаньем. Дело в том, что получившаяся от таяния снега вода покрывает морской лед сравнительно тонким слоем, но не в сплошную, а из-за неровностей, в виде самых прихотливых по форме и разнообразных по размеру озерок, разделенных узкими перешейками льда. Эти озерки большею частью сообщаются друг с другом каналами, образуя своеобразную водную систему, густой сеткой покрывающую сейчас всю морскую ледовую поверхность. Позднее пресная вода лед промоет, образуются полыньи и трещины, куда она в значительной степени и сбежит, но сейчас вода держится вся наверху. Под влиянием ветров жидкую пленку перегоняет с места на место, так что с наветренной стороны под берегом или у гряд торосов такой прижатой воды скопиться может очень много. Ее уровень здесь поднимается тогда на 1 м и более, образуя сплошные водяные пространства на протяжении нескольких километров.

Мы как раз и попали под такой нагон. Начавшийся сильный южный ветер пригнал воду с моря вглубь нашей бухты, обращенной устьем к югу. В это время упряжки как раз срезали излучину напрямик по льду и находились километрах в двух от берега. Вода, прижатая к близлежащей торосистой гряде, катастрофически стала прибывать, так что вскоре всплыли и нарты и собаки. С величайшим трудом, по пояс и глубже в воде, добрались мы до берега. К счастью инструменты и хронометры находились наверху саней и не подмокли, тем более, что мы их поддерживали все время руками. Но белье и запасная одежда оказались безнадежно мокрыми. Впрочем, это мелочи.

Сегодня уже 1 июля, а до островов С. Каменева еще километров сто пятьдесят. По исправной дороге мы добрались бы до дому в 3—4 дня, а сейчас — кто знает, сколько времени еще потребуется на этот путь.

Едем вдоль берега, теперь не удаляясь от него ни на шаг. Дорога по забою сносная, воды нет и снег не режет собачьих лап. Пройдя 14,2 км, уперлись в речку, с шумом бегущую в море. Ширина ее 10—15 м при глубине в 1½ —

2 метра. Течение очень быстрое, так что перейти вброд немыслимо. На морском льду сплошное безбрежное пространство воды, отчасти нагнанное ветром, отчасти из речки. Пробраться и здесь нельзя. Остается один путь вверх по речке в обход по верховьям. Предварительный пеший маршрут как будто показал возможность этого. Но, увы, и здесь оказалось не лучше! Многочисленные боковые притоки, овраги и ложки за зиму были забиты многометровыми сугробами снега. Сейчас снег пропитался водою, раскис и превратился в кашу, которая не держит даже собак. Последние так измучены, что почти не в состоянии тянуть, а только барахтаются в снеговой мокрой каше. В одном месте, где под глубоким снегом скопилось много воды, я ухнул почти с головой и еле выбрался. В довершение всего внезапно упал густой туман, так что не стало видно в 10 метрах. Волей-неволей пришлось отступить и по старым следам вернуться обратно. Теперь остается только ждать, пока речка не промоет морской лед и вода не сбежит.

Разбили палатку. Все мы мокры насквозь. Запасная одежда тоже вымокла. Сушить ее негде, плавника нет, а керосина осталось в обрез только на варку пищи. Сушим на себе, в спальных мешках, так как на улице дождь и снег попеременно; или сразу все вместе. Температура +0°,3.

Собаки окончательно измучены. Все лежат вповалку, не поднимая головы. Их можно волочить по земле, перекладывать с места на место как неодушевленные предметы, а они даже не шевелятся. Хорошо бы убить медведя и подкормить животных как следует, но мы стоим в глубине большой бухты, в глухом месте, куда зверь не заходит.

Терпеливо лежим и ждем. Вода со льда постепенно сбывает, туман становится реже, и мокрый снегопад прекратился.

Сегодня, 6-го, после пятидневного ожидания, наконец, тронулись дальше. Вода со льда сбежала, так что там, где ее было на метр и больше, остались лишь редкие мелкие лужицы.

Проехав бухту, километров через восемь, у мыса увидели шагающего по льду медведя. Спешно сгрузили с саней Ушакова все имущество на мои, подпрягли из обоих упряжек лучших, наиболее сильных с крепкими лапами собак, и Георгий Алексеевич помчался в погоню, выпустив, предварительно, вдогонку зверю Бурого. Я остался у своих са-

ней и груза караулить. В бинокль было видно, как резвый мишка уходил даже от бежавшей налегке собаки, сани же явно и быстро отставали. Догнать зверя на наших измученных собаках по торосистому, здесь еще забитому мокрым снегом морскому льду представлялось делом весьма трудным. Мясо же нам крайне необходимо. Одна надежда, что медведю надоест бежать и он или бросится на собак, чтобы их отпугнуть, или залезет, по своему обычаю, на торос.

Часа через два Ушаков вернулся с санями, полными мясом. Медведю действительно наскучило бежать, и он забрался в воду, где полагал себя в полной безопасности, но был застрелен сразу же, когда попытался выйти на лед, чтобы продолжать свой путь.

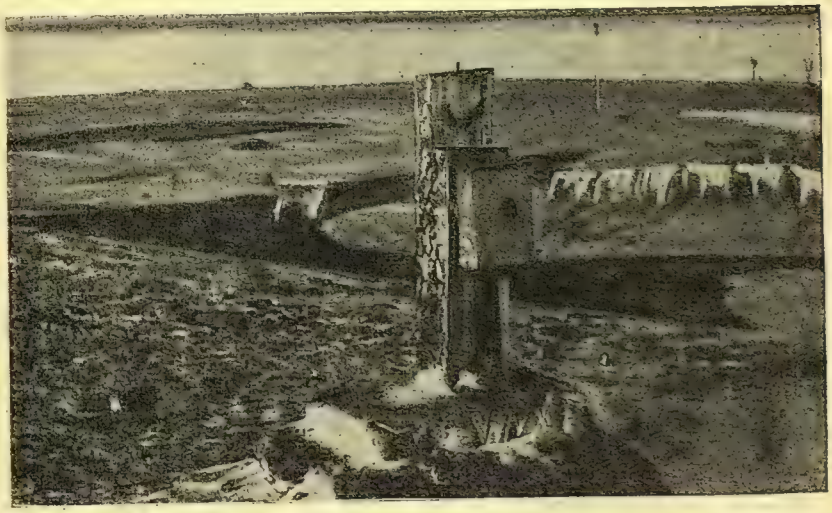
Немедленно, тут же на мысу, разбили лагерь, чтобы дать отдых и подкормить вконец измученных псов. Кроме того, нужно определить и астрономический пункт, так как после предыдущего прошли со съемкой уже 92,7 километра.

Пока разбивали палатку, по следам крови, стекавшей с нарты, к лагерю подошел второй медведь. Усталые собаки его не зачуяли, мы были заняты лагерем и заметили зверя, когда он подошел уже близко. Медведь, крупный, в полной силе, взрослый самец, шел смело вперед, ничего не опасаясь, но сразу же свернулся, пораженный надрезанной трехлинейной пулей прямо в лоб. Тушу ободрали, немедленно мясо разрубили на куски и разбросали по снегу у лагеря. Собаки бродят на свободе и едят, сколько могут. Погода лучше, но солнца еще нет, так что астрономические наблюдения пока невозможны.

Наши псы блаженствуют. Спят все в повалку на сухой земле. Изредка которая нибудь встанет, пожует кусок послаще и опять на боковую. Мы тоже не отстаем от них. На брошенную в сторону шкуру второго медведя, где осталось еще довольно сала и обрезков мяса, слетелись стаи белых, как слоновая кость, ледяных чаек. Шум и гвалт там — как на базаре.

Мимо мыса, по временам, проходят медведи на север. Очевидно, здесь лежит их тракт — обычный путь, которым они двигаются во время весенней миграции с юга. Сначала прошел взрослый самец. Завидя палатку и заинтересовавшись, он направился было прямо к ней, но, подойдя метров на двести, свернул, почувствовал что-то неладное. Мы не стреляли, так как мяса имеем достаточно. Затем к вечеру

На астрономическом пункте № 11 10 июля 1931 г.



Репер на острове Домашнем.

появилась мамаша с взрослым детищем. Они спокойно шли, не замечая нас, в 400 м от лагеря. Мамаша по временам останавливалась, разнюхивая, повидимому, нерпичьи лунки, медвежонок медленно ковылял сзади. Иногда от полноты чувств он кувыркался по снегу, болтая в воздухе лапами. Так с остановками и игрой звери прошли мимо и скрылись между торосами.

Берега у лагеря довольно низменные, как и вообще по западному берегу земли. Поверхность сложена валунными суглинками, и только кое-где внизу на невысоких береговых обрывах обнажаются коренные породы — пестроцветная свита верхнего силура.

В глубине острова видны сглаженные увалы, а за ними на солнце блестит, как серебро, купол ледника, уже четвертого по счету на данном острове.

На берегу в полосе прибоя лежат многочисленные выбросы водорослей и редкий полуистлевший плавник. Кругом лагеря цветут куртинки незабудок, полярных маков, лютиковых и других представителей полярной флоры.

Кроме белых чаек на шкурах появились еще бургомистры и поморники. По этому случаю драки и гвалт стали ужасающи. Видели несколько глупышей. Это уже признак нехороший. Где-то невдалеке есть открытая вода. Море начинает вскрываться. Гуси собираются в стайки, очевидно на линьку. Сегодня пролетели две компании штук по двадцати. Вид все тот же — черная казара.

11 июля, после завершения астрономических работ, поехали дальше. Двигаемся по морскому льду, так как на берегу снегу почти уже не осталось, прибрежные снеговые забои стаяли, и вместо них теперь стоят забереги воды, местами довольно широкие.

Вначале путь был сносен, но, пересекая неглубокую бухту, куда край ледникового купола подошел вплотную, мы попали в трудное положение. Сбегавшая от таяния снега с купола пресная вода настолько разъела морской лед, что превратила его в кружево. Сперва мы этого не замечали, полагая, что кругом стоящие лужи — это лишь вода в впадинах неровностей. Разобрали же дело только, когда заехали на узкий перешеек между двумя полыньями. Всмотрелись — и ужаснулись. Кругом сплошные дыры, так что от льда сохранились лишь узкие перемычки, которыми мы пробирались. В месте остановки лед настолько тонок, что вибрирует от тяжести шагов. Как мы до сих пор не

провалились, — совершенно непонятно. С большими предосторожностями, пятясь задом, так как развернуться здесь уже невозможно, выбрались на более безопасное место.

Лагерем стали на мысу, проехав за день 26,2 км, цифра для нас теперь небывалая.

На следующий день, с трудом перебравшись через заберег на морской лед, тронулись дальше. Лед здесь многолетний, ранее торосоватый, а теперь сильно бугристый с массой впадин, заполненных водой. В некоторых местах водная поверхность занимает до ¾ всего пространства. Как ни выбираем дорогу, по перешейкам все же во многих местах приходится перебираться в брод. Собаки то-и-дело всплывают, так что их приходится вытаскивать. Ледник снова подошел вплотную к берегу, но, помня вчерашний случай, держимся от него подальше.

У мыса край купола отвернул вглубь острова, сбегавшие здесь с него многочисленные ручьи образовали столь обширный заберег, что перебраться через него можно только на лодке. Поэтому лагерем пришлось стать на весьма ненадежном месте — на снеговом забое у подножия ледниковой стены.

На другой день, прежде чем ехать, отправились в пешую разведку. Ледник здесь образует отвесную стену метров десять-пятнадцать высотою. За зиму, а может быть за ряд зим, этот уступ от поверхности купола до морского льда занесло снегом. Сейчас снеговой забой осел и от купола отошел, отделяясь от него рядом глубоких трещин, заполненных водой. Впрочем, трещины эти выклиниваются, заходят друг за друга. Кое-как лавируя по узким перешейкам, мы все же ухитрились пробраться на купол.

Перед нами открылось обширное пространство морского льда, сплошь залитого водой, которую прижало к берегу последними юго-западными прижимными ветрами. Соваться сюда нечего и думать. Оставалось одно — обойти трудный участок сушей, хотя снега там и не было. Рекогносцировка здесь выяснила, что перетащиться по земле нужно километров пять, причем придется перейти три речки. На устьях при выходе в море они образовали обширные дельты, разбившись на десятки рукавов среди своих конусов выноса. Брод тут есть везде. Глубины не превышают 0,7—1,0 м, и только третья речка несколько глубже. Выше по течению речки текут в овражистых ущельях, образуя глубокие потоки, переправа через которые невозможна. Далее к северу

за устьями речек на морском льду воды меньше; через заберег в одном месте можно перебраться.

Порешили переправляться намеченным путем через дельты. Утром через трещины в наиболее узком месте соорудили снежный мост и поочередно на руках переправили груз, сани и перетащили собак, после чего по куполу благополучно добрались до суши. Здесь, по очереди подпрягая в одни сани по 15 наиболее крепких собак и помогая сами, перебросили груз к речкам. Через две из них переправились беспрепятственно. Третья причинила беспокойство. Прошедший ночью дождь поднял воду, и глубина в некоторых местах дошла до полутора метров и больше. Перенесли весь груз на руках, а затем начали переправлять собак с порожними санями. Чтобы их не унесло довольно быстрым течением в море, где вода под берегом разъела обширную полынью, я пошел вперед, привязав к поясу горную веревку, другим концом прикрепленную к пилеине упряжки и к передку саней. Ушаков брел около собак, поддерживая их и сани. Первая упряжка переправилась благополучно, но вторую подхватило струей течения, сбило на глубокое место и понесло в море. Услышав крик «держи», я почувствовал, как веревка натянулась струной. Поняв сразу опасность, не оглядываясь, шлепнулся для крепости, чтобы не сбило с ног, на четвереньки в воду и с трепетом ждал, что вот-вот звеневшая от напряжения веревка лопнет и собак унесет в полынью. Но буксир оказался надежным, и тем же течением упряжку прибило на мелкое место к берегу.

Лагерем стали тут же на мысу при устьи речки, сделав за переход 5,5 километра.

На моих санях груза было 150 кг, и по земле собаки тащили сани с трудом. На санях Ушакова имелось около 100 килограммов, их везли много легче.

Грунт на острове везде плотный — или щебенистый, или из валунных суглинков. В летнее время, можно думать, передвижение будет возможно на легком колесном экипажике. Не плохо для облегчения хода монтировать его оси на шарикоподшипниках, использовав для этой цели, например, колеса мотоцикла. Вместо кузова на раму лучше поставить легкую лодочку типа стрельной, так что переправа через речки не явится препятствием. Такой экипаж свободно повезут 10 собак с грузом до 200—250 кило. Если зимою разбросать заблаговременно базы продовольствия и

собачьего корма, можно за летнее время проделать большую работу по детальному изучению земли. Это следующая, после нас, очередная работа, так как наши материалы дают лишь общее представление. В особенности это относится к геологии. Находки полезных ископаемых как в коренном залегании, так особенно в валунах свидетельствуют о горнопромышленной ценности Северной Земли. Дальнейшее изучение в этом направлении возможно только в летнее время, когда снеговой покров стает и все обнажения станут доступны для осмотра и изучения.

Погода скверная. Дождь, временами туман. На другой день все же двинулись дальше. Сначала шли вдоль берега по уцелевшему здесь снеговому забою, но уже через 2—3 км он исчез и появился довольно широкий заберег. Переправившись через него на морской лед на отколотой льдине, решили пересечь бухту Сталина на прямую. Вглубь ее вдоль берега вдаваться будет опасно, так как имеющаяся там большая речка, по которой поднимались на перевал при начале маршрута, несомненно, промыла лед и образовала обширную полынью, через которую нам не переправиться.

Дорога через лед оказалась не очень трудной. Во всяком случае собаки всплывали не часто, сами же мы к сырости уже привыкли и сушку одежды на себе и в спальных мешках считаем нормальным явлением.

За бухтой стали лагерем у южной части полуострова Парижской коммуны, пройдя за день 25,9 километра.

Весь следующий день шел дождь, то крупный, то помельче. Стоим, чтобы дать отдых вконец истощенным собакам. Они обессилены не работой, которая не так уж тяжела, а главным образом вследствие потери крови из израненных, не успевающих заживать лап. Лед на море в настоящее время от вытаивания слагающих его столбчатых кристаллов, располагающихся вертикально, стал похож на гигантский рашпиль. Выступающие бугорки настолько остры, что режут и царапают даже прочные кожаные подошвы сапог, которые у нас уже разбиты вдребезги и пропускают воду, как решето. На этой же ледяной терке собаки ободрали себе все ноги. Каждая лапа — сплошная зияющая рана. Конечно, можно было бы сшить собакам чулки, но на это нет материала, да и 40—50 штук чулок ежедневно не нашьешься и не начинишься. Корки, образовавшиеся на ранах за время стоянки, как только

трогаемся в путь, снова повреждаются, и раны перманентно кровоточат, так что собачий путь поистине путь кровавый. Если предположить, как минимум, что на метр каждая собака теряет только каплю крови, это составит на километр 1000 капель, или 50 куб. сантиметров. На десятикилометровый переход потеря достигнет поллитра, а на двадцать километров литр. Правда, кровь регенерируется быстро, но это происходит в данном случае за счет запасных потенциальных сил организма, так как те полкилограмма пеммикана, которые мы даем, далеко не достаточны даже для пополнения энергии, затрачиваемой на тяговую работу. И все же собаки еще живы и даже в состоянии работать. Их выносливость и жизнеспособность изумительны.

После остановки собаки валятся в упряжке, обессиленные, и лежат пластом, пока их отпрягаешь. Приходится каждую потом переносить на сухое место, иначе все останутся там, где остановились сани, будучи не в силах подняться. Корм каждой нужно подкладывать под нос, и он съедается лежа. Если не поднести, собака останется голодной, так как подойти и взять она сама не в силах.

Утром к упряжке каждую приходится подтаскивать на руках. Когда подходишь, чтобы запрягать, животные смотрят такими умоляющими, чисто человеческими глазами, что прямо сердце разрывается от жалости. Но помочь ничем нельзя. Нужно итти вперед, иначе может быть совсем не дойдешь.

Впрочем, стоит только запрячь, выправить и гаркнуть «а ну, вперед», как все вскакивают и тянут из последних сил. Такова сила условного рефлекса.

Через день туман несколько разредился и дождь перестал. Едем вдоль берега полуострова и через 15,3 км подъезжаем к «вехе-гнилушке» — конечной точке осеннего маршрута. Теперь наш путь замкнут, и съемку острова Октябрьской революции можно считать законченной.

До дома осталось на прямую километров сорок, так и решили ехать, потому что севернее под островом[1] видно очень много воды. Некоторые пятна не голубеют, отсвечивая от лежащего ниже льда, а почти черные. Это, несомненно, полыньи. Значит, там лед сильно разъеден и соваться туда никак не следует.

---

[1] Впоследствии, после съемки в 1932 году, он назван островом Пионер.

Впереди, по дороге к дому, на льду воды тоже много. Местами видны сплошные полосы шириною до километра и более. Это все результат последнего юго-восточного ветра. Поехали, — вернее, поплыли, так как озера на льду имеют кое-где метр и более глубины. Собаки измучены окончательно, итти более не могут, валятся прямо в воду, не разбирая места. Приходится поднимать и гнать беспощадно вперед. Торос в моей упряжке, наконец, не выдержал и свалился мертвым. Ушаков вынужден был положить на сани сначала Тяглого, потом Козла и, наконец, передового — Шайтана. У всех у них лапы протерты до костей, и итти они более не в состоянии.

В довершение спустился густой туман. Пришлось остановиться, иначе можно, не видя, забраться в такую воду, что и не выберешься. Все же сделали по одометру 14,1 километра.

Лагерем стали на куче старых торосов среди разливанного моря воды.

Продовольствие все кончилось. Отдали собакам три последние банки пеммикана и 1 банку своего. У нас осталось не более поллитра керосина в примусе, $^3/_4$ банки пеммикана и немного чая. Галеты, сахар кончились уже давно, больше недели назад. Вместо этого варим рис и едим его взамен хлеба по-китайски. Осталось еще несколько плиток шоколада и с килограмм масла.

На другой день, 19-го, погода ухудшилась. Сильный северный ветер, густой туман, гололедка. Воды нагнало еще больше. Сидим, как зайцы на острове в водополье. Всего хуже, что сильный ветер может поломать льды и унести нас в море, чего мы опасаемся больше всего. Собакам отдали последнее: масло, шоколад и пеммикан. Теперь осталась одна кружка риса, да и то неполная.

20 июля стало немного яснее, туман ветром разогнало. Воды тоже стало много меньше. Очевидно ее прогнало дальше к югу. Немедленно запрягли собак и потащились к видневшемуся километрах в пятнадцати острову Среднему. Через перемычку сани переволокли на себе и в 16 часов были уже дома.

Наши товарищи встретили нас с распростертыми объятиями. По радостным восклицаниям и суетливой беготне по берегу, когда мы приближались, чувствовалось, что наше возвращение значительно позднее назначенного срока было неожиданным. В душе они нас, вероятно, уже

Г. Ушаков в конце маршрута вокруг острова Октябрьской революции.

Н. Урванцев в конце маршрута вокруг острова Октябрьской революции.

считали погибшими. Однако, никто этих мыслей не высказал, и разговор при встрече носил обычный характер, как будто мы расстались всего несколько дней тому назад.

От мыса Берга Журавлев доехал до дому, как и предполагал, в три перехода, как раз во-время, потому что на другой день после его приезда началась ростепель и дорога сразу испортилась.

За наше отсутствие убито четыре медведя, так что мяса на корм собакам достаточно.

Из новостей внешнего мира наиболее интересно сообщение, что в ближайшее время, вероятно в конце этого месяца, к нам должен прилететь дирижабль «Цеппелин» с русско-германской экспедицией.

Вокруг дома сухо, весь снег стаял уже давно. В доме от выкрашенных в белую краску стен и потолка светло и уютно.

Лед у острова еще стоит, но, судя по водяному небу, на юг и запад километрах в десяти-пятнадцати должна быть открытая вода.

ГЛАВА IX

Прилет «Цеппелина» и наши предположения. Охота на Голомянном. Научные работы на базе. Появление белух и охота на них. Шторм. Снова белухи. Медведь в гостях у магнитного домика. Отепление домика для зимних камеральных работ.

Отдыхаем, моемся, бреемся и вообще приводим себя в культурный вид. За последний месяц условия маршрута были довольно трудны, так что бриться мы забыли, тем более что отсутствие морозов к этому и не побуждало. Собаки все лежат пластом, не поднимая головы, даже ничего не едят, хотя мяса имеется в изобилии. В последние дни маршрута они, видимо, дошли до предела истощения, и если бы дорога затянулась еще на 2—3 дня, нам, несомненно, пришлось бы добираться пешком, без собак.

Погода улучшается, и туман стал подниматься. Тепло. В полдень в метеорологической будке термометр показывает + 5°. Тают последние остатки снега. От гигантского забоя вокруг дома осталась лишь небольшая куча с северной стороны. Водою для питья пользуемся из луж от талого снега на невзломанном льду пролива. Но когда лед взломает, придется собирать остатки снега, уцелевшие от забоев под обрывами острова. Впрочем, свежий долго ждать себя не заставит.

Собаки начали понемногу оправляться. Поднимаются, тяжело бредут к мясу и понемногу едят. Можно надеяться, что поправятся, хотя едва ли все.

У Голомянного под северным мысом открытая вода на запад и север до горизонта, о чем сообщил ездивший туда по льду Журавлев. На воде много нерп и зайцев, но убитые все мгновенно тонут, так что загарпунить удается

очень немногих. Поэтому с охотой нужно немного повременить, пока зверь не станет жирнее. Мяса у нас достаточно, а для охоты хватит времени впереди.

Сейчас Журавлев занялся сбором строительного материала: досок, брусков и фанеры для постройки на Голомянном фанерного охотничье-промыслового домика по тому же типу, что и магнитная будка. В ближайшее время, пока лед в проливе между островами еще не взломало, груз нужно успеть доставить на остров к месту постройки. Наберется, вероятно, пять — шесть нарт.

Со станции Земли Франца-Иосифа сообщают, что туда идет ледокольный пароход «Малыгин» под начальством В. Ю. Визе для доставки различных грузов. На судне едут иностранные туристы, в том числе и Умберто Нобиле. Судно сейчас находится вблизи мыса Флоры.

«Цеппелин» прилетел в Ленинград и с наступлением хорошей погоды в Арктике вылетает сначала на Землю Франца-Иосифа, а затем к нам. Среди участников полета от СССР Р. Самойлович в качестве научного руководителя, П. Молчанов аэрологом, Асберг инженером, Кренкель радистом.

Отобрал и запаковал 11 собранных в маршрутах проб различных руд для отсылки в Ленинград на анализ, так как предполагается, что «Цеппелин» у нас сделает остановку. Впрочем, мы мало этому верим. Найти наши по существу мелкие островки среди невзломанных льдов полярного моря дело далеко не такое простое. Сверху, с высоты 500—1000 м, а воздушный корабль, вероятно, пойдет не ниже, наши острова покажутся темными пятнышками, ничуть не отличающимися от многочисленных сейчас полыней. Крыша же дома за год посерела и совершенно должна сливаться по цвету с грунтом.

28-го утром со станции Франца-Иосифа сообщили, что дирижабль был там и после недолгой остановки вылетел на Северную Землю.

Погода переменная: то ясно, то временами туман, ветер довольно сильный северный и северо-западный. Ждем дирижабля около полудня, так как лететь ему от Франца-Иосифа не более 5—6 часов. Однако наши ожидания, как мы и предполагали, не увенчались успехом. «Цеппелина» мы даже не видели, хотя в 16 часов нашего времени Ходов отчетливо слышал работу его радиостанции. Очевидно дирижабль находился где-то поблизости, но на

наши вызовы не отвечал, несмотря на то, что Василий Васильевич подавал позывные почти непрерывно.

Впоследствии выяснилось, что, долетев до острова Шмидта, дирижабль взял курс на восток к проливу Красной армии, затем пролетел к фиорду Матусевича и уже оттуда направился к островам С. Каменева на нашу базу. Однако у западных берегов Северной Земли был встречен туман, и в 9 часов 50 минут по среднему Гринвичскому времени (по часам нашей станции 15 часов 50 минут) дирижабль, считая поиски бесполезными, повернул снова на восток, прошел вдоль западного берега острова Октябрьской революции, заглянул в пролив Шокальского, должно быть, чтобы проверить наше сообщение о проливе, а затем повернул на юг на Таймырский полуостров, откуда улетел на запад через остров Диксона на Новую Землю и вдоль нее на юг в Архангельск.[1] Погода в 15—16 часов у нас была ясная, хотя ранее по временам налетал туман. На восток на горизонте была видна серая полоса — очевидно стоявшего под берегом Северной Земли тумана. Наиболее вероятно поэтому предположить, что дирижабль до нас просто не долетел, примерно, километров на пятьдесят и повернул назад, как только столкнулся с туманом, не пытаясь пройти сквозь него дальше. Впрочем, может быть они считали себя уже над островами С. Каменева вследствие недостаточно точной ориентировки.

По данным аэрофотограмметрического отчета[2] погрешность в ориентировке заснятых фотографически южных участков достигла 14′ в широте и до 1° в долготе, что в линейных мерах равно 25 километрам. В северной части Северной Земли ошибка достигала уже 20′, или 36 километров. Я думаю, местами она была и еще больше. Поэтому нет ничего удивительного, что воздушный корабль нас не нашел и повернул вспять. Стоило ему пролететь еще километров тридцать, он вышел бы из тумана, и тогда, если не он нас, то мы его во всяком случае увидели бы.

Впрочем, обо всем случившемся мы особенно не жалели. Помощь нам не нужна, продуктов и снаряжения хватает

[1] L. Ellsworth and E. Smith, Report of the Preliminary Results of the Aeroarctic Expedition with «Graf Zeppelin» 1931. Geograf. Review. 1932.

[2] Über die Photogrammetrische Ausrüstung des «Graf Zeppelin» auf der Arktisfahrt 1931. Peterm. Mitteil. Sonderabdruck aus Ergänzungheft, № 216.

достаточно, и если приходилось посетовать, то только на отсутствие свежих газет, журналов и новой научной литературы, которой было послано с «Цеппелином», кажется, порядочно.

Состояние моего здоровья стало вполне удовлетворительным, маршруты излечили от зимней бессонницы радикально, так что можно было спокойно оставаться на вторую зимовку. А то весною расшатанные нервы внушали серьезные опасения относительно второй зимовки.

Итак, нынче нас никто не посетит. Правда, было еще зимою сообщение, что летом должен прилететь самолет, но в возможность этого мы уже совсем не верили. Вылететь он мог только с острова Диксона, являющегося ближайшей к нам воздушной базой. Но расстояние от него столь велико (по прямой около 800 км), а погода в Арктике так изменчива, что надеяться на успех данного предприятия шансов очень мало.

Теперь следовало серьезно приняться за текущие дела, которых накопилось не мало. Прежде всего нужно запасти на зиму корм собакам. Главной охотничьей базой, в противоположность прошлому году, наметили остров Голомянный. Там открытая вода появилась уже сейчас и продержится до глубокой зимы, так что охотиться можно весьма длительный срок. Далее нужно убрать от дома дрова, ящики и прочий хлам, из-за которого зимою нас так сильно занесло снегом. Мне необходимо заснять инструментально в крупном масштабе район нашей базы, произвести приливо-отливные наблюдения минимум в течение 15 дней, поставить опорный столб-репер и связать его точной нивеллировкой с футштоком водомерного пункта. В. Ходов собирается ставить новые мачты для направленного приема, что, по его мнению, значительно улучшит связь и сделает ее на все время регулярной.

Август месяц. Сегодня, 1-го, ясная солнечная погода. Ночью был мороз, так что пресные лужи на льду все покрылись ледяной корой. Журавлев, захватив часть строительных грузов, отправился на охоту на остров Голомянный. Я, пользуясь хорошей погодой, принялся за топографические работы. Сегодня поставил и зацементировал в кирпичную кладку в грунт два репера, один на мысу острова около мачты, другой у дома, и разбил опорную тригонометрическую сеть на участке, где будет итти съемка. У дома в трещинах льда появилась мелкая рыбка

сайка (полярная навага), но в единичных экземплярах. Все же удалось поймать и положить в спирт для коллекции несколько штук.

Погода переменная: то ясно, то туман с дождем и снегом. Охотники наши почти все время проводят на Голомянном и заглядывают домой только по временам. Убили уже 7 медведей, 8 зайцев и 3 нерпы. Льда там нет и в помине, у нас же он стоит попрежнему. Правда, лед везде сильно изъеден многочисленными полыньями и давно бы уже поломался, да держит гряда мощных торосов, идущих параллельно нашему острову километрах в двух от него. Эта гряда несомненно стоит на мели и служит барьером, препятствующим взламыванию льдов.

Сегодня, наблюдая в теодолит углы тригонометрической сети на верху острова, случайно увидел в трубу инструмента идущего с моря медведя, повидимому, весьма заинтересовавшегося моей деятельностью. Пока я бегал за винтовкой, зверь исчез из вида, и только потом в трубу удалось его рассмотреть, он уже спрятался за торос и внимательно наблюдал за мной. Подкравшись тогда с другой стороны, я послал в него пулю, после которой он пошел наутек, но весьма медленно, будучи тяжело раненым. В погоне я пробежал километра четыре и выпустил, по меньшей мере, пять обойм патронов, после чего медведь, наконец, свалился. Потом, когда сняли шкуру, обнаружили, как она была издырявлена. В зверя попало 17 пуль, из них многие прошли насквозь. Обычно для стрельбы мы употребляем пули с подпиленными до свинца головками, производящими разрывное действие, в данном же случае их под рукой не оказалось и я стрелял обычными остроконечными в сплошной оболочке боевыми трехлинейными патронами, которые пронизывали зверя, не причиняя ему существенного вреда.

К концу августа съемку я закончил и с 24-го начал приливо-отливные наблюдения. Футшток поставлен в забереге у северного берега нашей отмели метрах в ста пятидесяти от дома. Здесь берег моря открыт, так что прилив не будет искажен, а с другой стороны стоящий кругом невзломанный лед предохранит воду от волнения и упростит отсчет по рейке. Наблюдения ведутся круглые сутки точно через час. Ночью с 0 до 8 часов записывает Ходов, в остальное время я.

У нашей Сучки снова прибавление семейства. Родилось

8 щенят — 5 самцов и 3 самки. Решили оставить и выкормить всех во что бы то ни стало. Будем подкармливать сначала консервированным молоком, а потом, когда подрастут, перейдут на мясо и станут питаться сами. В собаках мы к весне будем испытывать острую нужду. Сейчас годных к езде осталось не более 25 штук, да сколько еще из них убавится за зиму. Потомство же от Сучки получается превосходное. Щенки, родившиеся в декабре прошлого года, сейчас почти уже взрослые, так что их запрягают на небольшие расстояния. Особенно выделяется один кобель пестрой масти, очень похожий на Варнака. Мы его прозвали Бандитом, и действительно, несмотря на свой щенячий возраст, он ухитряется отнимать во время кормежки кусок из-под носа у любой собаки, так что та не успевает и опомниться. Очень хороша также сука Юкся, отличающаяся прекрасным экстерьером настоящей чистокровной ездовой лайки. Вообще, если за нашими собаками следить, производить надлежащий отбор с соблюдением хотя бы самых элементарных зоотехнических правил, через 2—3 поколения можно вывести стадо первоклассных ездовых собак.

Сайка у берега появилась огромными стаями. Иногда у футштока все дно бывает сплошь закрыто ею. Так как соответствующих рыболовных сеток у нас нет, попробовали ловить рыбу кухонным сотейником, насаженным на палку. Дело пошло удачно, и за обедом мы ели жареную рыбу. Самки оказались с икрой, самцы с молоками. Таким образом, рыбка собралась в стаи и подошла к берегам для нереста. По вкусу она напоминает настоящую навагу, но гораздо меньше ее размером, едва достигая 10—15 см длины. Вскоре ловля нам надоела, как мало добычливая, и мы открыли, что гораздо проще стрелять из винтовки. Оглушенная ударом пули об воду, рыбешка тогда густо всплывает на поверхность, и ее остается только подбирать. Ночью Ходов этим способом добыл целое ведро. По сему случаю наелись сами и накормили собак, которым также не плохо поразнообразить свой стол.

Вечером приехали с Голомянного Ушаков и Журавлев. Последними южными ветрами пловучие льды отогнало, по-видимому, весьма далеко, так что зверя нет совершенно уже несколько дней. Кроме нерп и зайцев добыли еще моржа, но небольшого. Вообще моржи наблюдаются у нас

только как исключение в единичных экземплярах. Таких стад, как на острове Врангеля, здесь нет и в помине.

Ели уху и жареное из сайки. Ушаков, который стряпал, на этот раз решил для упрощения изготовить рыбу не потрошенную, так как чистить эту мелочь дело действительно канительное. Для всех эксперимент прошел безнаказанно, кроме, впрочем, Журавлева. Последний отравился, вероятно, рыбьей желчью, так как, например, уха совершенно отчетливо имела горьковатый вкус. Всю ночь бедняга промучился в холодном поту, страдая рвотой и поносом одновременно проклиная на чем свет стоит и рыбу и охотников.

В доме по вечерам снова начали зажигать лампы, так как ночи уже стали темными. Скоро, скоро опять наступит полярная ночь. А льды кругом нашего острова стоят попрежнему, возможно их нынешний год и не взломает, уж очень мощный ледяной вал нагромоздило за зиму. Чтобы его разрушить, нужен очень сильный шторм с значительным волнением.

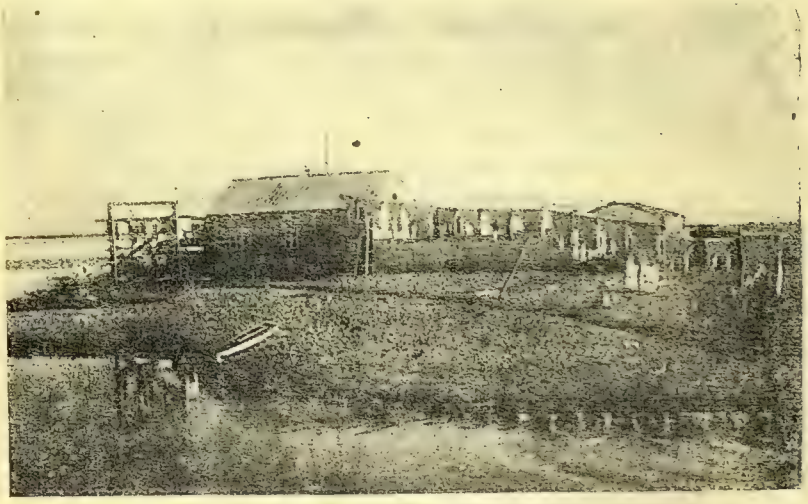
Вот и сентябрь. После заморозков и холодной погоды конца августа снова наступило тепло. Выпавший ранее снег снова стаял, так что кругом чисто. Появилось много молодых куличков, очевидно собирающихся в отлет.

На Голомянном нет ни зверя, ни льдов попрежнему, хотя охотники наведываются туда довольно частенько. А вот около нас на базе, где льды стоят, промышлять можно. Недавно у полыньи около футштока появился морж, очевидно в поисках убитых нами и утонувших здесь нерп. Застрелить его, однако, не удалось. После первых же выстрелов зверь ушел и, было видно, потом долго лежал в море на ломаных льдах, километрах в трех от острова, очевидно серьезно раненый.

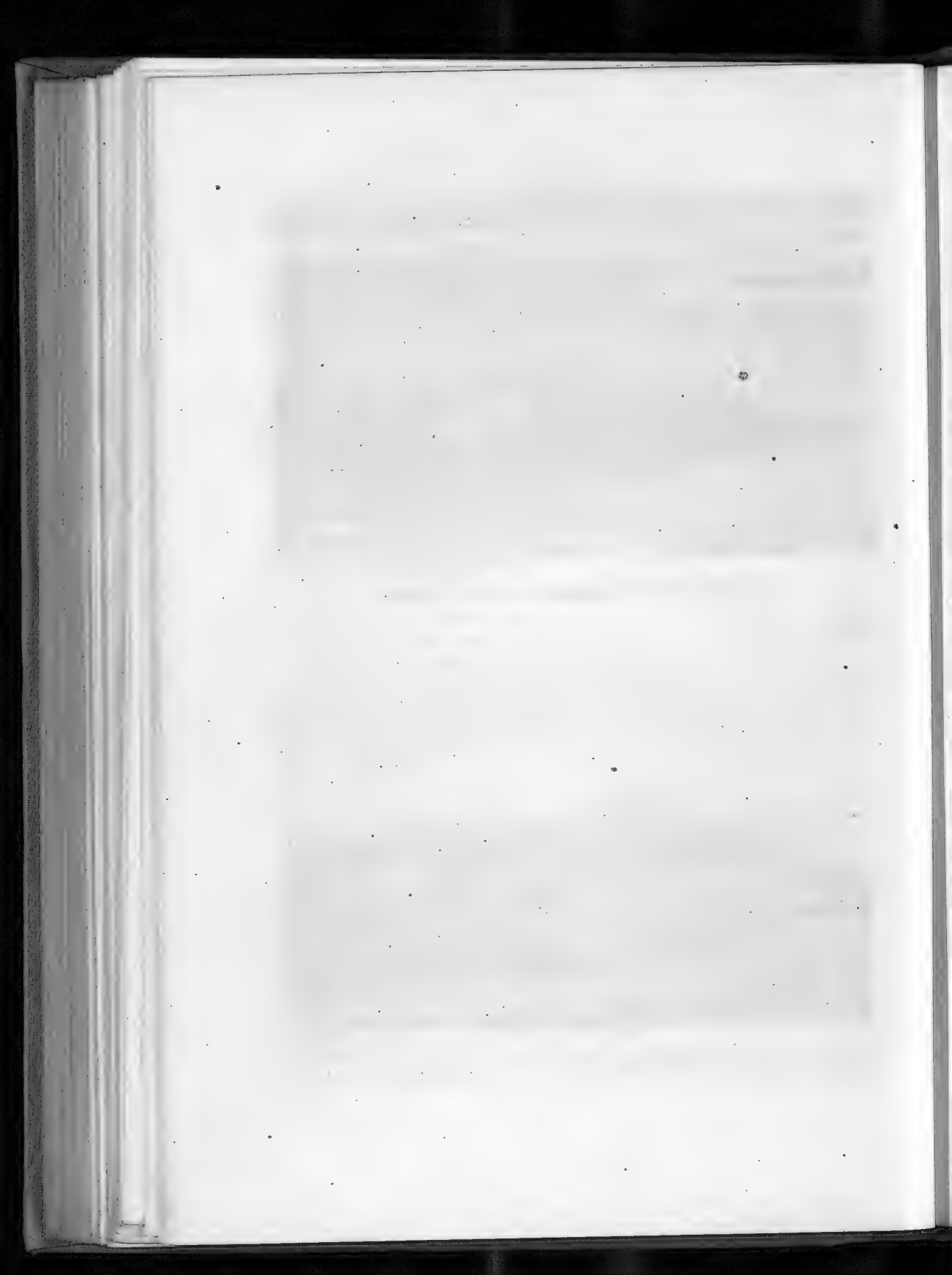
Дня через два после этого случая на льду вблизи дома появилось целое семейство медведей: мамаша и два взрослых прошлогодних младенца, примерно по четверть тонны каждый. Они настолько увлеклись старыми нерпичьими лежками, которых всюду много, что позволили себя окружить, и поплатились жизнью за беспечность. Затем вскоре, в этот же день, на дальнем, к юго-западу, мысу острова Среднего Журавлев убил еще медведя самца, а Ходов — другого недалеко от дому.

Приливо-отливные наблюдения закончены, и во-время, потому что сегодня, 12-го, поднявшимся сильным север-

Убитые и прибуксированные к берегу белухи.



Дом летом 1931 года. Сушатся медвежьи шкуры.



ным ветром льды поломало и вынесло в открытое море. Теперь около нас тоже чистая вода, и только в проливе между островами остался еще невзломанный лед. Спустили шлюпку, наладили мотор и поехали на осмотр местности. Побывали и у Среднего и на Голомянном. Зверя всюду очень мало. Удалось убить только трех нерп. Видели впервые за наше пребывание здесь стадо полярных дельфинов, «белух», попробовали было гнаться за ними на моторке, но увы, неудачно. Шли они со скоростью не менее как километров двадцать в час, мотор же на полном ходу может развивать не более 10—12 километров.

Подход дельфинов находится, вероятно, в связи с присутствием огромного количества сайки, которая буквально кишит около берегов. Сайка же служит основным элементом питания белух в этих широтах.

На Новой Земле, по словам Журавлева, белух промышляют или сетями, или из винтовки. И тот и другой метод охоты основан на том, что эти дельфины, обычно, двигаются стадами, иногда в несколько сот голов, в непосредственной близости берега за сайкой, огибая все мысы и бухты, даже если последние сравнительно узки. На мысах их караулят и бьют из винтовок в тот момент, когда зверь вынырнет, чтобы перевести дыхание, а в бухтах запирают толстыми из веревок сетями, а потом вылавливают гарпунами. На Енисее, в устьи которого белуха заходит иногда огромными стадами вслед за туруханской сельдью (ряпушкой), ее промышляют еще крупноячеистой сетью из прочных веревок, которую ставят поперек хода дельфина. Последний, ныряя, проходит сквозь сеть, но запутывается хвостом и гибнет, задыхаясь от недостатка воздуха.

У нас сетей нет, и поэтому рассчитывать приходится только на стрельбу.

Начавшимся с 14-го свежим юго-западным ветром нагнало льды и вскоре набило сплошь около нас до пределов видимого горизонта. Лед сильно торосистый, мягкий и только кое-где видны редкие полыньи. Подмораживает, временами идет снег, льды начали смерзаться, а полыньи подернулись салом.

Однако, такая картина продержалась недолго. Уже через четыре дня сильным северо-восточным ветром лед весь вынесло и у нас снова стало чисто. Волнение в море очень большое, так что у дома с берега ночью смыло и унесло

старую лодку ледянку и байдарку, которую ездивший на ней В. Ходов не вытащил достаточно далеко от берега. Унесло также часть старых ящиков, сложенных под склоном, чтобы не мешали. Впрочем, шторм скоро утих, и вечером мимо мыса нашего острова прошло стадо в несколько сотен белух. Их во-время заметили и стрельбою через головы стада, так, чтобы пули ложились на воду впереди него, заставили белух вернуться и пройти снова мимо мыса. Так повторялось несколько раз. Стрельба шла дикая — и залпами, и пачками, и в одиночку. Коноводил, без сомнения, Журавлев, который в пылу охоты, становясь совершенно невменяемым, готов был, кажется, кинуться за белухами вплавь. В результате убитых оказалось всего три, из них удалось достать лишь одну, остальные утонули, а раненых ушло, вероятно, не менее двух-трех десятков. По сообщению Журавлева, на Новой Земле белуху, идущую проливом Маточкина Шара, добывают аналогичным способом, причем охотнику достается не более 10%, остальное тонет, уносится ветром и течениями. Что же касается раненых, то их бывает в несколько раз больше, чем убитых. Способ охоты поистине варварский, и если в наших условиях он может быть оправдан неизбежной необходимостью, то на Новой Земле это является результатом некультурного, хищнического отношения к природным естественным богатствам.

Южным штормом снова нагнало и прижало к берегу лед, плотно наторосив. Но открытое море, повидимому, недалеко, так как издали от чуть видной кромки доносится рев морского прибоя. Ночью весь лед пронесло к северу, а в проливе взломало, так что всюду стало чисто. Могучий прибой начал бить прямо в мыс и отвесный берег так, что мелкая галька летела на поверхность острова на высоту 7—8 метров. Брызги же и пена взлетали выше клотика радиомачты. У дома валы начали перекатываться через галечный прибойный гребень, который быстро оказался бы размытым, если бы не цементировавшая его вечная мерзлота. Вода, переливаясь через каменную гряду, потоками стекала вниз к порогу дома и сбегала далее в лагуну, уровень которой поднялся не менее как на ½ м выше ординара, так как вода не успевала уходить в море через узкое горло. Пришлось убрать подальше стоявшие около берега штабеля с консервами и строительными материалами.

Кругом вода. Прямо ленинградское наводнение, только в миниатюре. К вечеру стало стихать, кроме того к берегу

подогнало несколько крупных льдин, так что теперь прибой разбивается и бессилен перекатиться через береговую гряду. Столь сильное волнение и крупная настоящая морская зыбь свидетельствуют, что в настоящее время к югу вплоть до сибирских берегов нет сколько-нибудь значительных ледяных масс.

После шторма снова появилась белуха. Днем к острову подошло целое стадо, но убить удалось только двух: самку с детенышем, примерно месячного возраста до метра длиной. Сама же мамаша была длиной метра четыре и весом не менее тонны. Цвет кожи у ней, как и у всех взрослых белух, кремово-желтый, детеныш же был стально-серым.

На другой день снова белухи, на этот раз несколько стад одно за другим. Идут они, как и ранее, вдоль берегов на юг, очевидно к Таймырскому побережью. После долгой сумасшедшей стрельбы удалось добыть 6 штук, из них 2 крупных самца, 2 самки и 2 взрослых прошлогодних детеныша. Белухи, как и медведи, приносят потомство раз в два года.

Погода установилась штилевая, морозы доходят уже до — 10° и больше. Море в проливе мерзнет, а лагуна около нас застыла уже настолько основательно, что по льду безопасно можно ходить и бегать. Поджатый последними южными ветрами лед около берега смерзся и образовал припай километра в три шириною, за которым видно открытое море.

Все усиленно заняты разделкой мяса белух, которых лежит на берегу штук десять. Сначала вдоль спины и по бокам от головы до хвоста делаются глубокие разрезы, а затем по ним снимается шкура вместе с салом. Поверх собственно кожи расположен теплоизолирующий слой около 1 см толщины из рыхлых роговых волокон, лежащих перпендикулярно коже. Шерсти нет совершенно. Под кожей слой жировой клетчатки в десять и больше сантиметров толщиною. Кожу с салом складываем в штабеля, чтобы потом, когда будет свободное время, сало отделить и сложить в бочки для сдачи Госторгу. Кожа тоже идет в промышленность для выделки приводных ремней. Мясо затем разрубаем на части и складываем в амбар, где его уже лежит тонны три. В общем нынешний год недостатка в мясе не будет, хотя щенков много, а они поглощают корма не меньше, чем взрослые собаки.

На разбросанных по берегу внутренностях пируют ледяные чайки, которых отовсюду собралось множество. Остальных птиц не видно. Должно быть уже улетели. Розовых

чаек нынешний год не наблюдали ни разу, повидимому, они здесь на Северной Земле не гнездуют, а бывают только пролетом, да и то не ежегодно.

Закончив однажды магнитные наблюдения в будке, я отворил, как обычно, дверь и смело вышел, чтобы итти домой обедать, но к своему величайшему изумлению столкнулся нос с носом с медведем. Последний подошел сюда, привлеченный шумом чаек и запахом белушьего сала, лежавшего метрах в пяти от домика на берегу. Услышав шум в домике, он подошел к двери и, повидимому, прислушивался уже давно. Собак не было ни одной, все они, наевшись, спали кто где. Заскочить в домик и захлопнуть за собой дверь было для меня делом одной секунды. Никакого оружия, даже перочинного ножа с собою не было, как и полагается магнитологу. Схватив горящий примус, я ждал, не будет ли зверь ломиться в дверь. Такая фантазия ему вполне может взбрести в голову. Тогда я решил сунуть ему в нос горящий примус, а сам, пользуясь замешательством, удрать за винтовкой домой. Однако все было тихо. Осторожно выглянув, увидел, что медведь отошел немного в сторону и, отвернувшись, что-то внимательно рассматривал. Мгновенно выскользнув за дверь, забежал за домик и под его прикрытием помчался стрелой в сени. Здесь всегда висели заряженные винтовки. Схватив одну из них, вернулся обратно, подкрался снова из-за стены и с одной пули уложил наповал своего гостя, который так и не заметил, как я выскочил из домика и как вернулся обратно. С тех пор, выходя после магнитных наблюдений, я не шагал уже так беспечно, как раньше, а прежде отворял дверь, внимательно осматривался и уже потом шел куда было нужно.

На другой день снова медведи, на этот раз даже с представлением. Утром вышедший на улицу В. Ходов сообщил, что к дому по льду идет мишка. Выйдя, все увидели, что действительно с востока от Среднего острова приближается очень крупный зверь, повидимому взрослый самец. Шел он, вероятно, привлеченный запахом сала и белушьих внутренностей, разбросанных во множестве повсюду. Но были и другие запахи, странные и незнакомые, так как медведь приближался очень осторожно, часто останавливался, внимательно принюхивался, вытянув шею и сморщив нос трубочкой. Мы сидели на пороге у дома не шевелясь и наблюдали в бинокли, что будет дальше. Легкий ветер потянул с запада, в печке горело недавно подброшенное белушье

сало, вкусный аромат которого понесло прямо на гостя. Это было весьма соблазнительно, хотя многое все же казалось подозрительным и требовало осторожности. Видно все-таки аппетит превысил страх, да и на свою силу можно было положиться, поэтому после некоторого колебания медведь решительно двинулся вперед. Лед пошел непрочный, из отдельных небольших льдин, еще недостаточно сцементированных морозом. Зверь часто проваливался, местами окунался с головой, но это его мало смущало. В одном месте, перебираясь осторожно со льдины на льдину, мишка неловко ступил на край одной из них. Она перевернулась, а с ней и медведь, мелькнув в воздухе всеми четырьмя пятками. Вблизи берега пошла сплошная каша из снега и мелко-битого льда, где итти было совершенно невозможно, как ни аккуратно шел наш гость. Здесь в мятике он выбрал другую тактику. Зверь начал плыть подо льдом, появляясь на минуту, чтобы только перевести дух. В бинокль было прекрасно видно, что, ныряя, он как заправский пловец делал пируэт, погружаясь вниз головой, взбрыкивая на мгновенье задними лапами и мелькнув толстым задом с маленьким куцым хвостиком. После каждого нырка зверь проплывал под льдом метров двадцать-тридцать, выныривал, отфыркиваясь и встряхивая лобастой головой, чтобы повторить операцию снова. Метрах в ста пятидесяти от дома лед опять стал прочнее, медведь вылез на него, отряхнулся, как собака, и решительно направился дальше, но тут Журавлев не выдержал, начал стрелять и второпях промазал. Зверь моментально кинулся наутек вдоль берега и через несколько секунд скрылся за мысом нашего острова. Когда мы забежали на верх его, медведь уже мелькал между торосами более чем в километре. Преследовать его, конечно, было совершенно бесполезно.

Часа через два, гуляя по острову, Ушаков столкнулся снова с медведем. Этот шел прямо к дому, не обращая ни на что внимания. После выстрела скатился под откос к морю, успел переплыть прибрежную ледяную кашу, но свалился от второй пули, как только стал выбираться на крепкий лед. Помощью талей и промысловой лодки тушу кое-как вытащили и тут же на берегу разделали. Оказался крупный, но очень старый самец, почти без зубов, с обломанными всеми четырьмя клыками, страшно худой. В желудке пустота, хотя по острову разбросано несколько штук убитых нерп. Очевидно медведь их не мог найти из-за пло-

хого чутья и зрения. Мы посмеялись над Ушаковым. Медведь шел к нему, как к начальнику острова, с просьбой принять за старостью лет на иждивение, а он его принял так нелюбезно.

Снова медведь. На этот раз мой. Направившись к будке для магнитных наблюдений, я заметил около нее четвероногого белого гостя. Он сидел задом к будке и спокойно уплетал белушье сало, лежавшее тут же в куче. Вернувшись тихонько за винтовкой, я осторожно подкрался сзади и тут же уложил ничего не подозревавшую животину. Зверь оказался крупным и жирным самцом. Осмотр следов показал, что он приплыл от Среднего острова, вылез на берег около мыса и прошел мимо окон дома сзади его прямо к будке.

Весьма возможно, что это тот самый гость, который демонстрировал третьего дня искусство медвежьего плаванья и нырянья.

Октябрь начался ясной теплой погодой. Свежим северо-восточным ветром весь лед снова унесло, и около нас опять чистое до горизонта море. Удивительно теплая нынешний год осень. Сейчас нам к Серпу и Молоту ни за что не попасть, не в пример прошлому году.

Решил отеплить еще больше магнитный домик, чтобы зимою в нем можно было заниматься. Дело в том, что мне необходимо к весне, к началу маршрутов, вычислить все астрономические пункты, а их уже насчитывается 12, далее вычислить и вычертить географическую сетку и на нее нанести все, что нами уже заснято. Далее нужно привести в порядок геологические материалы, уложить коллекции в ящик, предварительно заэтикетировав, и переписать дневники. Работы довольно много, причем вычислительные операции требуют большого внимания. Каждый пункт имеет не менее 4 наблюдений, состоящих из 8 наведений на светило, которые вычисляются отдельно, и только потом подводится итог и подсчитывается среднее. По каждому наведению нужно произвести до 15 вычислений, из них одних семизначных логарифмов требуется взять шесть.

Таким образом придется проделать около 6 тысяч различных вычислительных операций. Этого рода работа потребует полной тишины и спокойствия, которых у нас в доме иметь совершенно невозможно. Хотя Журавлев стал и дисциплинированней, но все же надеяться, что, живя с ним вместе, можно вести столь ответственную работу, совершенно невозможно. Стало быть, единственный выход —

превратить магнитный домик в рабочий кабинет и заниматься там в темную пору. Здесь-то уж конечно будет полная тишина и покой. Разве только медведь изредка нарушит мое уединение.

В начале октября я и принялся за строительную работу. Снаружи домик обшил толем, прижав его рейками. Внутри настелил пол из шпунтовых досок, обшил стены и потолок вагонкой с прокладкой внутри толя и бумаги. Все это сделано на деревянных гвоздях «нагелях», так как медные все вышли, а железные не годились, ибо в противном случае домик не мог бы более служить для магнитных наблюдений.

Затем соорудил полки, большой стол для работы и пристроил к входу сенцы, чтобы меньше заносило снегом.

Для отопления сделал маленькую железную печурку с регулировкой поддувала и тяги в трубе дроссельным клапаном так, чтобы можно было дать самое слабое горение. Печка представляла единственный железный предмет и на время наблюдений с магнитными приборами, конечно, уносилась подальше от дома.

Для тепла стены еще были обложены снегом, почти до крыши. В конце октября работа оказалась оконченной. Испытания показали, что в помещении очень тепло, причем на топку расходуется в сутки не более одного полена, разрезанного и расколотого на мелкие чурки. Для вентиляции пришлось в крыше сделать небольшое отверстие с ветрогоном, подающим внутрь свежий воздух, иначе часа через два горения лампа начинала меркнуть и чадить из-за недостатка кислорода.

Лед в море попрежнему слабый и редкий. Только тот, что стоит около острова, более или менее смерзся, да и то ходить по нему опасно, а дальше, километрах в трех от берега, он весь в трещинах, разводьях и полыньях.

На юг и запад водяное небо занимает почти половину неба, свидетельствуя о наличии огромных масс открытой воды. Даже в сторону Серпа и Молота свинцово-серый отблеск туч указывает на присутствие воды, в то время как прошлый год тут все было заковано льдом, казалось, намертво.

На Голомянный пробраться сейчас очень трудно даже налегке, а вывезти сложенное там мясо нечего и думать. Впрочем медведи, а отчасти и песцы, возможно, уже несколько его поубавили.

С 23-го огонь в доме не тушим уже круглые сутки, и с этого момента можно, следовательно, считать, так сказать, официально начало полярной ночи. Солнце же, согласно вычислениям, должно было скрыться 22-го. Впрочем, из-за пасмурной погоды мы его не видели уже давно, распростившись с «лучезарным светилом» еще в начале октября — теперь до конца февраля.

ГЛАВА X

Начало темной поры. Нашествие медведей. Сигнализация у магнитного домика. Радиоперекличка с Ленинградом. Охота на медведя по сигнализации. Лекции по естествознанию. Новый год. Появление солнца. Поездка для заброски продовольственных баз. Шаро-пилотные наблюдения. Мировой рекорд высоты. Сборы в маршрут.

С наступлением темного времени приступил к обработке собранного материала. Прежде всего необходимо вычислить астрономические пункты, на что потребуется не менее месяца усидчивой работы с утра до вечера. Работаю в кабинете для научных занятий, так теперь переименован мой отепленный магнитный домик. Здесь тепло и уютно. Тишина полная, только потрескивают дрова в печурке да шумит ветер снаружи по крыше. Плохо только, что немного тесновато. Размер помещения внутри после обшивки вагонкой стал 1,9 × 1,9 метра. Когда стоит стол и стул, то места остается ровно столько, чтобы лишь встать и потянуться. Ходить, чтобы размяться, конечно, совершенно негде. Впрочем сразу же за дверью, снаружи, места для прогулки более чем достаточно, чем я и пользуюсь. Время от времени выхожу из-за стола на улицу и делаю несколько туров рысью по нашей отмели. Эти физкультурные упражнения почему-то особенно нравятся нашим щенкам, которые сейчас довольно сильно подросли. Им пошел уже второй месяц. Завидя меня, вся свора маленьких сорванцов мчится вдогонку на перебой, норовя обогнать или схватить за ноги. Мамаша их давно бросила, так что первое время пришлось подкармливать молоком, и они привыкли к людям. Сейчас щенки вполне самостоятельны и прекрасно грызут мерзлое мясо своими мелкими, но острыми, как иглы, зубами. Драчуны все отчаянные. Особенно отличается один, которого

Журавлев прозвал Петухом. В день Петух успевал подраться со всеми раз десять, и хотя ему достается здорово, так как по росту и силе он один из слабейших, это не смущает его маленькое мужественное сердце. Поскулив минут пять и потрясши всегда искусанными в кровь ушами, маленький забияка вскоре снова кидается в драку, как ни в чем ни бывало.

Особенно любят щенки заходить в дом, но делают это только после разрешения, сами же не лезут, так как за самовольный вход даже в сени им здорово попадает. Получив разрешение, вся банда кидается опрометью в комнату и рассыпается всюду. Здесь так светло, тепло, так много разнообразных и странных вещей и так интересно пахнет. В восторге один из щенков даже кувыркается через голову. Сначала это вышло у него случайно, потом, после нашего поощрения в виде кусочка хлеба с маслом, вошло в систему, и малыш после восклицания: «А ну-ка, перевернись!» добросовестно катался клубком через голову. Мы так и прозвали его «Перевернись».

Морозы стали несколько сильнее, лед окреп, и Журавлеву удалось пробраться на остров Голомянный к мясу. Остров уже забило снегом довольно основательно. Судя по размеру кучи, расхищено медведями очень немного. Песцы, добираясь до бесплатного угощения, в снегу накопали нор. Журавлев доволен и собирается в разных местах расставить побольше капканов. На обратном пути на нашем острове 1½ км от дома он встретил крупного медведя, которого и убил.

Нашим единственным блюдом за обедом является теперь медвежатина во всех видах. Впрочем осталась еще одна бычья туша, но она так вымерзла и высохла, что перед ней отступают даже всесильные собачьи зубы. Обычно от медведя отделяются задние ноги, где больше всего мяса, остальное идет на корм собакам. Мясо очищается от костей и особенно тщательно от жира и хранится в замороженном виде в сенях на полке.

Медвежьи отбивные и бифштексы пользуются всеобщим одобрением, причем я в свое дежурство, как горячий приверженец «мексиканской» кухни, сдабриваю их таким количеством перца и в порошке и горошком, что всех бросает в жар, а рты пылают, как в огне. Чаю после такого обеда выпивается, конечно, неимоверное количество.

Из белушьих хвостов и плавников, которых имеется до-

статочно, иногда варим студень. По рассказам Журавлева, на Новой Земле это считается лакомым блюдом. Действительно студень превосходен: очень вкусный, жирный и весьма питательный. Все его едят с большим удовольствием. Студень из медвежьих лап, которые тоже несколько раз пробовали варить, значительно хуже.

Ноябрь. Уже совсем темно, только около полудня часа на два, на три появляется рассвет, да и то благодаря постоянной пасмурной погоде очень тусклый и серый. Журавлев ездил первый раз посмотреть поставленную первую партию капканов и привез песца. Экземпляр молодой, из выводка нынешнего года. Мех еще с темным летним волосом, «синяк».

У Голомянного и Среднего льды лишь редкие, взломанные, с большими разводьями, и все время движутся. На юг и запад небо черное, как сажа, очевидно от отблесков больших пространств открытой воды. Многолетних льдов, как прошлый год, нигде не видно.

Погода преимущественно теплая, а штормовые ветры дуют очень часто. Так как у входа в сени все убрано, дрова сложены к стене склада, а ящиков нет, снегом дом пока не заносит, даже наоборот, с восточной стороны выдувает. Лишь с северной подветренной стороны нанесло уже порядочный сугроб метра на полтора высотою.

Медведи не оставляют нас своим посещением. Запах разбросанного кругом белушьего сала привлекает их издалека. Хотя сало и забито снегом, но медвежье чутье настолько тонко, что слышит его по ветру за несколько километров.

Сегодня, когда я вышел из домика в дом за книгой, меня окликнул Журавлев, отгребавший в это время снег от дверей мясного амбара. Он спросил, вижу ли я медведя. Оглянувшись назад, я увидел довольно почтенного зверя, который мирно шагал от будки к дому и был уже метрах в пятидесяти. Когда я вышел из своего научного кабинета, он был, несомненно, где-то очень близко, может быть даже сидел около, но я его не заметил, так как, работая над геологическими дневниками, погрузился в размышления над одной из проблем тектоники Северной Земли. Пока мы зашли с Журавлевым в сени и взяли винтовки, зверь подошел к дому, но сразу же свалился после наших первых выстрелов. Характерно, что собаки ничего не слышали и примчались на выстрелы к шапочному, так сказать, разбору. Хорошо, что медведь мирное животное и человека не тро-

гает. Если иногда подкрадывается или даже кидается, то только потому, что принимает за нерпу. Да и в этом случае, подбежав, останавливается в недоумении, смущенный незнакомым запахом. Будь медведь таким же хищным и смелым, как тигр или даже волк, мы пожалуй не ходили бы так развязно по улице, особенно в темную пору.

Дня через два после этого эпизода убит еще медведь, на этот раз у самого дома. Зверь подошел к куче белушьего сала, сложенного в штабель у стены амбара, раскопал и стал завтракать. Собаки это услышали и подняли бучу, но медведь не обратил на них никакого внимания и попрежнему продолжал завтракать. На шум выглянул из дома Журавлев и, не выходя из сеней, тут же на месте убил непрошенного гостя.

Часа через два снова собачий лай, и у моей будки, где в это время я сидел и занимался, прозвучал быстрый топот пронесшегося вихрем медведя. Пока я выскочил с винтовкой, которую теперь держу под руками, он был уже далеко. Сытые собаки его не преследовали.

Погода все та же, пасмурная и теплая, что, несомненно, объясняется большими пространствами незамерзшей воды, отражения которой в виде свинцово-черной окраски неба видны повсюду на юг, запад и север. Пурги поэтому налетают весьма часто, сопровождаются всегда резким потеплением и сильным снегопадом, нередко в виде густых мокрых хлопьевидных масс.

Сегодня 21 ноября. За обедом Журавлев информировал, что сегодня «Михайлов» день. Все посмеялись: нужно ждать именинника. Возвращаясь назад в домик, я услышал около него характерный шип, похожий на пар, выходящий из трубы. Этот звук издает медведь, когда он разозлен. Кругом было так темно, что, как я ни всматривался, ничего не мог заметить. Итти назад домой было опасно, зверь мог броситься, до домика же оставалось метров пять, а там в сенцах висела винтовка. Осмелев я побежал туда и в этот момент, когда заскакивал в сени, увидел и силуэт медведя. Он стоял очень близко, вероятно метрах в десяти около того места, где лежало под снегом сало, и продолжал шипеть, очевидно недовольный моим присутствием. Наведя винтовку по стволу, так как мушку увидеть ночью нечего было и думать, я выстрелил и при вспышке огня увидел, как зверь сделал огромный прыжок и кинулся в сторону. На выстрел примчались собаки и бросились в погоню, но

вскоре вернулись обратно. Осмотрев с фонарем внимательно следы, мы нигде не заметили капель крови. Очевидно я промахнулся, и именинник благополучно удрал.

Теперь я устроил сигнальное приспособление. Около сала у домика положил целую тушу нерпы, а от нее внутрь помещения к столу протянул шнурок с навешенной на конце погремушкой. Если придет гость, когда я занимаюсь, и потянет нерпу, погремушка сообщит о его приходе.

В конце ноября установились ясные лунные дни и особенно ночи, когда всходит луна. Но, несмотря на ясное небо, морозы не велики, ниже — 25° пока еще не было. Кругом в море, судя по небу, чистая вода. Журавлев, ездивший на-днях на Голомянный, видел там воду вплоть до мыса. Тянется она на север по направлению к острову Пионер. Подходит иногда открытая вода и к мысу нашего острова. На мясо, сложенное на мысу Голомянного, повадились медведи. Сергей наехал однажды на медведицу с медвежатами прямо в упор. Стрелял, но из-за призрачного лунного света промахнулся, звери ушли.

29-го ночью слушали перекличку, устроенную Ленинградской широковещательной станцией специально для нас. Выступали: почетный председатель Географического общества Ю. М. Шокальский, зам. директора Арктического института В. Ю. Визе, директор Аэрологического института П. А. Молчанов, гидрограф Н. И. Евгенов, геологи А. Н. Чураков, Д. В. Никитин, Г. Н. Фредерикс, моя жена, мать В. В. Ходова и ряд других лиц. Слышимость была превосходная, даже обычный для Ленинградской станции фединг почти отсутствовал. Сообщили много интересных научных новостей как из мира арктического, так и из геологического. Для меня наиболее интересны были сведения о новейших признаках древнего кембрийского оледенения Сибири, установленного А. Чураковым, и о признаках текучести горных пород, в частности гранитов, при обычных условиях температуры и давления на поверхности земли.

В декабре, наконец, начались морозы. Пург меньше, нередко любуемся ясным небом с крупными яркими звездами, а по временам сильным северным сиянием. Водяного неба меньше, очевидно море, наконец-то, начало мерзнуть, отчего и погода стала более устойчивой, ясной и холодной.

Сегодня, углубляясь в вычисления астрономических пунктов за своим столом в домике, услышал вдруг бряканье сигнального аппарата. Подняв голову от книг, увидел, как

подвешенный на шнурке погремок беспокойно болтался. Потушив лампу, чтобы не мешала, я осторожно вышел в сенцы, где взял винтовку и тихонько выглянул наружу. Через несколько минут, когда глаза привыкли к темноте, наконец, разглядел белый силуэт зверя, стоявшего у нерпы, боком ко мне и головой к домику. Я долго прицеливался и примерялся в темноте по стволу, пока наконец решился выстрелить. При блеске огня было видно, как медведь подпрыгнул, мелькнув в воздухе огромными лапами, и исчез во мраке. «Неужели опять промазал?» — с досадою подумал я. На шум примчались собаки и, было слышно, остановились и подняли лай где-то невдалеке. Это меня успокоило. Зверь недалеко и убит или ранен. Пригласив Журавлева из дома, пошли вместе и, действительно, метрах в пятидесяти от берега обнаружили уже мертвого медведя. Когда потом сняли шкуру и вскрыли внутренние полости туши, оказалось, что надрезанная пуля прошла в грудную клетку, совершенно разрушила сердце и остановилась в жировой клетчатке на противоположной стороне. И все же медведь имел еще достаточно сил пробежать не менее 70—80 м и только после этого свалился. Интересно, что крови там, где стоял зверь, не оказалось совершенно, а длина первого прыжка достигала здесь не менее трех метров. Затем вскоре, метров через десять, появились первые капли, но прыжки, судя по следам, были, как и ранее, тверды и уверенны. Вскоре капли увеличились, слились в струйку, которая недалеко от трупа превратилась в сплошной широкий поток. Все это мы установили потом, осмотрев внимательно с фонарем шаг за шагом медвежьи следы, после того как обнаружились результаты анатомического вскрытия. Картина поучительная, наглядно свидетельствующая, насколько живуч зверь и что он может сделать, даже смертельно раненый.

С этим медведем вышел у нас еще инцидент, на этот раз комического характера. Убедившись, что зверь лежит убитым, мы вернулись за нартой и пошли втроем: Ушаков, Журавлев и я, чтобы привезти тушу к дому и там при огне в амбаре ее освежевать. Оружия с собою не взял никто. Вдруг, когда мы уже спустились на лед, видим: из мрака вынырнуло что-то белое, громадное и несется на нас. У каждого мелькнула мысль: «медведь ожил», и, бросив нарты, все кинулись, как зайцы, кто куда. Я помчался в домик, до которого было ближе всего и где на полке лежал наган,

а Ушаков с Журавлевым в сени за винтовками. Когда сошлись, уже вооруженные, то обнаружилось, что предметом нашего страха был белый ездовой пес из упряжки Ушакова, который был у туши и, услышав наше приближение, выбежал навстречу, выделывая радостные антраша. «Фу, дьявол белый, — промолвил Журавлев, — аж сердце урвало, как бежал». И действительно, едва ли кто даже из рекордсменов-физкультурников бегал так быстро, как мчались мы от ничего не подозревавшей собаки.

После радиопереклички, бывшей по нашему времени между 4—6 часами, порядок в доме разладился. Ложиться стали по-прошлогоднему в разброд и чаще днем, чем ночью. Но теперь опять под нажимом Георгия Алексеевича порядок снова стал налаживаться. Несколько помог этому делу и я. В оставшийся спирт-ректификат потихоньку подлил немного синих чернил, превратив его в денатурат, и однажды за обедом во всеуслышание обмолвился, что в последнем ящике оказался не ректификат, а денатурат специального назначения, с сулемой. Теперь «белого» спирта осталось не более четверти.

Собак у нас поубавилось. Недавно заболела Милька, по-видимому чумой, и ее пришлось пристрелить. Впрочем пользы от нее было мало, лишь приносила негодное потомство, и все. Издох Глазик. От укуса на носу и под глазом у него образовалось большое нагноение, от которого он и погиб. Из Милькиных щенков первого помета ни одного годного к упряжке не оказалось, как с ними ни мучился Журавлев. Пришлось всех перестрелять. Из собак, бывших в последнем весеннем маршруте, особенно плохи Архисилай и Корнаухий. Ноги у них были потерты очень глубоко, так что оказались задетыми сухожилия, и теперь твердо ступать животные не могут. Все это, впрочем, собаки слабые, и особых надежд на них мы не возлагали. Жалко вот Ошкуя. Осенью он кинулся, по своей привычке очертя голову, на раненого медведя, тот его, конечно, схватил и прокусил голову так, что из ушей и из носа хлынула кровь. Собаку еле живую привезли на санях. К счастью, пес выжил, но после укуса развилось воспаление челюстных суставов, в результате чего получилось их сращение. Пасть теперь у Ошкуя открывается не более как на 3—4 см., поэтому кормить его приходится мелкими кусочками мяса без костей. Драться ему тоже нельзя, что впрочем и к лучшему, так как забияка он был отчаянный. Теперь пес огра-

ничивается лишь рычанием, впрочем, столь грозным, что ни одна собака не осмеливается его тронуть.

Темная пора в разгаре, ездить никуда нельзя, и это сильно тяготит нашу публику, особенно Сергея. Чтобы внести некоторое разнообразие в жизнь, я начал читать лекции по различным вопросам естествознания. Начал их с вопроса о происхождении планетной системы, в частности земли, и об устройстве вселенной. Коснулся современных точек зрения на этот вопрос Чемберлина, Мультона, Джинса и др. Судя по затянувшейся до ночи беседе, вопрос всех заинтересовал.

Морозы установились уже порядочные, но льды в море еще непрочны. Перед новым годом температура упала до — 35° и ниже. На море стоит шум и гул, так как довольно свежим ветром нажимает и торосит льды. К сожалению, из-за темноты не виден процесс торосообразования, но вероятно около мыса, по примеру прошлого года, опять нагромоздило высокие льды. Ночью шум от нажимаемых льдов был так велик, что доносился в комнату, а собаки тревожились и временами поднимали такой гвалт и вой, что приходилось выходить и успокаивать.

Накануне нового года устроили культурную вечеринку. Сначала выступил Ушаков с докладом о плане предстоящих весенних работ. Этот доклад мы обсудили во всех деталях. Предположено в феврале-марте забросить две продовольственных базы. Одну к мысу Неупокоева, из расчета на 2 упряжки на месяц, то есть 100 банок собачьего пеммикана, и другую на северную оконечность острова из того же расчета. В маршрут обхода южного острова, названного Большевиком, протяжением не менее 1 200 км, выйти нужно будет не позднее половины апреля, лучше еще немного раньше. По завершении этого дела необходимо еще заснять самый маленький остров группы — Пионер. Он расположен от базы недалеко, и объезд его займет немного времени. Кроме того следует еще заснять архипелаг, на котором мы живем. Хотя мы знаем его теперь достаточно хорошо, но на карту он до сих пор не положен, кроме, впрочем, островов Голомянного и Домашнего, которые я заснял еще весною прошлого года пешим порядком. Подсчитав всех собак, пришли к заключению, что для поездок у нас наберется всего 2 упряжки, да и то при условии, если взять Сучкиных щенков не только из первого помета (тем уже год, и они с осени все прекрасно ходят

в упряжке), но и часть наиболее крепких из последнего осеннего приплода. Весною им будет месяцев восемь.

После Ушакова выступил с докладом я на новогоднюю тему: «время в математике, истории и геологии», где коснулся, между прочим, метода определения абсолютного геологического времени на основании распада радиоактивных минералов в горных породах. Это было для всех ново и произвело значительное впечатление. После докладов был устроен ужин, сервированный общими силами, а на улице сожгли несколько ракет и магниевых факелов, чем крайне изумили наших щенков.

Такие вечеринки действуют очень благотворно. Они вносят свежую струю в повседневное однообразие жизни и в темное время способствуют общей спайке и взаимному пониманию.

Погода попрежнему довольно ровная, как это вообще бывает в темное время в Арктике. В большинстве случаев ясно и тихо, но морозов больших нет до сих пор. Только один раз температура упала до — 40°, чаще же стоит около — 25°, — 30°.

Закончил обработку геологических материалов. Сводку их отправил телеграммой в Ленинград Геологическому комитету и Арктическому институту с просьбой сообщить ее академику В. А. Обручеву, который, как говорили при последней радиоперекличке, занят сейчас большой сводной работой по геологии всей Сибири вообще.

С половины января вновь появился рассвет, и наши охотники начали выезжать на промысла. С Голомянного вывезли все добытое за осень мясо. В темное время его порядочно поубавили медведи, которые туда ходили буквально как в столовую. Но сделать с ними из-за темноты ничего было нельзя.

В общем, привезли сейчас тонны полторы, а может быть и две. Журавлев остался на несколько дней в палатке караулить гостей и жечь в железной печке заячье и белушье сало, с целью подманить их, чтобы хоть немного компенсировать себя за понесенные убытки.

24-го снова происходила радиоперекличка. Выступали: начальник Арктического института О. Ю. Шмидт, геологи Б. Н. Рожков, А. Н. Чураков и другие Это уже вторая перекличка специально с нами. Чрезвычайно приятна такая внимательность. В выступлениях отсутствовали элементы личного характера. Сообщались лишь политические новости и

сведения из мира науки, техники и арктических работ. Для нас это было самое интересное, а в словах ободрения, поддержки и в прочих излияниях сердечных мы не нуждались.

Ушаков и Журавлев снова уехали караулить на остров Голомянный. Уж очень их заело расхищение мясного запаса. Однако медведи оказались хитрыми, больше не приходят, хотя прошлый раз Журавлев прожил в палатке безвыездно трое суток и сжег не менее 50 кг сала. Песцы в капканы тоже идут неохотно. Несмотря на то, что привад разбросано больше, чем в прошлом году, поймать удалось пока только 8 штук.

За последнее время любуемся прекрасными северными сияниями, играющими на небе почти ежедневно. Особенно эффектно было одно, 28 января, продолжавшееся почти всю ночь. Состояло оно из 8 гомогенных дуг, окрашенных внизу в радужные цвета. Сходились все они на горизонте в точке магнитного севера, на юге постепено расплываясь в общее сияние. Затем дуги превратились в драпри, колебавшиеся и переливавшиеся, как тяжелый бархатный занавес от ветра. Временами из них поднимались отдельные световые столбы, которые вспыхивали, как лучи прожекторов, двигались и перебегали по небу.

Закончив геологию и астрономию, переключился сейчас на чертежную работу. Вычертил крупномасштабную карту нашей базы и сейчас принялся за составление карт Северной Земли.

После долгого, более чем месячного перерыва, у дома вновь появились медведи. Ночью, около 5 часов, поднялся собачий галдеж, что, впрочем, бывало и раньше, так как наши молодые суки начали уже погуливать. В данном случае шум был, видимо, не свадебного характера. Журавлев вышел проверить, вскоре бегом вернулся, схватил винтовку и выскочил снова наружу.

Пока мы натягивали валенки и полушубки, загремели выстрелы, и, когда выскочили на улицу, дело было кончено. Медведь, оказывается, подошел к метеорологической будке и после выстрелов успел отбежать за 100 метров на лед пролива, где и упал мертвым. Это был крупный самец с пустым желудком.

Перед восходом солнца снова начались пурги, как и прошлый год. Поэтому мы думали, что, по прошлогоднему, не увидим первого появления солнца, но 21 февраля утром

ветер стих, прояснилось, и разорванные облака на юге окрасились в восхитительные пурпурные тона, которые становились все ярче и ярче по мере того, как светило поднималось ближе к горизонту. Потом брызнули снопами лучи, показался верхний край, а в полдень солнце взошло уже полностью. Его багрово-красный, холодный диск висел в морозном туманном воздухе минут пять, после чего начался закат, и вскоре все опять погрузилось во мрак, впрочем, на этот раз, лишь до завтра.

У Голомянного открытой воды попрежнему много. Наднях ездившие туда Ушаков и Журавлев добыли там трех нерп. У одной в брюхе оказался вполне сформировавшийся, покрытый белой шерстью жизнеспособный плод, длиною около 40 сантиметров. До родов, по мнению охотников, оставалось не более двух недель.

По пути к дому Ушаков в темноте свалился с обрыва острова на морской лед. К счастью, обрыв оказался невысоким, метра три и «летчик» отделался лишь ушибами. Сейчас ходит по комнате, потирая бока и спину. Собаки тоже все целы, только бедного Анату стукнуло, должно быть, передком саней, он еле ходит, волоча задние ноги.

Наши намереваются уже забрасывать первую партию пеммикана к мысу Кржижановского или несколько дальше, примерно километров на сто от дома. Пока выезд тормозится пургами, которые после восхода солнца дуют почти непрерывно. Особенно сильный шторм разразился 29 февраля ночью. При морозе до —35° скорость северного ветра далеко превышала 20 м/сек., так что против него итти было совершенно невозможно. Моментально захватывало дыхание, лицо покрывалось ледяной корой. Такая вакханалия продолжалась трое суток. Это, пожалуй, самая свирепая пурга за все наше пребывание на Северной Земле.

После пурги, надеясь на вероятную полосу затишья, наши уехали на двух упряжках, использовав всех собак, какие только могут везти. Взяли 110 банок пеммикана, кроме расходного продовольствия. Через день после их отъезда пурга возобновилась снова. И опять с севера, и опять при тридцатиградусном морозе. Как-то нашим путникам приходится в палатке, тяжеленько должно быть. Впрочем по опыту известно, что со стороны все кажется труднее и страшнее.

На вторые сутки стало, наконец, тихо. Установилась ясная морозная погода при температуре около — 40°.

Ушаков с Журавлевым вернулись только на шестой день. Груз с трудом довезли лишь до мыса Кржижановского, где и сложили 78 банок пеммикана для собак. Почти все время дула поземка, забивавшая собакам глаза и тем страшно мешавшая продвижению. Сильная пурга с севера захватила путников на морском льду несколько южнее наших островов. От нее они отсиживались в палатке трое суток, все время опасаясь, что льды оторвет, так как ветер дул отжимный, а в море нынче льды непрочные и много открытой воды. Из собак на вчерашнем стане бросили Козла, у которого разбились ноги. Они у него были сильно повреждены еще в последний весенний маршрут, а теперь раны открылись вновь. Очевидно на дальний маршрут он будет не годен. Жаль, это очень усердная, сильная собака. С трудом дошли, так как плохи ногами и слабы, Архисилай, Корнаухий и Мазепа, тоже из поврежденных весною. Еле добрались и Аната со Штурманом из числа Ушаковских летчиков. Особенно плох первый. После дороги у него почти парализовались задние ноги, и он с трудом может ходить.

Март начался пургами. Дуют они преимущественно с севера и северо-востока при жестоких морозах до —30° и ниже. Условия для заброски баз нынешний год исключительно тяжелы, тем более что собак недостаточно. Решили сделать поэтому еще только одну поездку, чтобы завезти, сколько удастся, собачьего пеммикана к мысу Неупокоева. В остальном будем надеяться на охоту, которая в южной части земли должна быть лучше, чем прошлый год в северной.

Путники собираются выехать на-днях, однако почти непрерывные пурги не позволяют этого сделать. Пользуясь редкими затишьями, Журавлев осматривает капканы. Вчера привез одного песца, а сегодня целых трех. Из них один невероятно жирен. Очевидно откормился на нашем даровом корме на Голомянном острове.

10 марта полоса пург, как будто, кончилась. Повидимому можно рассчитывать на наступление некоторой передышки. По этому случаю наши отправились в последнюю поездку к мысу Неупокоева. Берут 110 банок пеммикана для базы и текущего запаса на дорогу себе и собакам на 20 дней. В запряжках по 12 собак, в том числе и все семимесячные щенки осеннего помета Сучки. Дома остались лишь инвалиды вроде Мазепы, Анаты, Корнаухого и уцелевшие

Милькины щенки, совершенно негодные к упряжке. Решили их, по настоянию Ушакова, оставить до весеннего маршрута, если и тогда не станут работать, — ликвидируем как «паразитов», по выражению Журавлева.

Наши уехали, и мы с Ходовым остались одни. Я черчу карты Северной Земли, одну в стереографической, другую в меркаторской проекциях в масштабе 7,5 км в 1 сантиметре. Работа очень кропотливая и мелкая, так как приходится контуры и ситуацию переносить по квадратам с первичных съемочных планшетов, сделанных в масштабе 1 км в 1 сантиметре.

Кроме того, предварительно все маршрутные ходы нужно увязать между вычисленными и теперь нанесенными на карту астрономическими пунктами. Черчу в доме, где просторнее и где сейчас никто не мешает. Василий Васильевич человек очень спокойный, молчаливый, почти флегматичный, несмотря на свои молодые годы. Поэтому работать можно спокойно.

Сейчас, с наступлением светлого времени, мы с ним начали вести шаро-пилотные наблюдения, пользуясь каждым благоприятным ясным днем. Постепенно ставим все более и более высокие рекорды. Сначала шар удавалось наблюдать лишь до высоты 7—8 км, теперь эта цифра поднялась до 10—15. Но нас это не удовлетворяет, хочется добиться еще бо́льших показателей.

Вечером 13-го тревожно загалдели собаки. Выскочив с Ходовым на улицу, увидели удирающих от дома двух небольших медведей, повидимому самку с лончаком. Наши инвалиды их преследовать, конечно, не в состоянии, а нам самим бежать бессмысленно, все равно не догонишь. Стрелять в сумерках, когда почти не видно мушки, в цель на 250—300 м тоже нецелесообразно. Лучше не пугать зверей, может быть осмелеют и подойдут еще раз. Хотя, впрочем, мало вероятно, так как медведи мелки, молоды и потому робки. Смело идут, да и то не всегда, лишь крупные самцы. Те ничего не боятся, чувствуя себя властелинами.

Из Ленинграда от Арктического института получена информационная телеграмма, что нам на смену едут 4 человека. Кто они и каких специальностей, не указано. А нас это весьма интересует, так как работы по детализации съемки и изучению Северной Земли остается еще много. Дополнительных построек здесь возводиться не будет, как

и новой станции в проливе Шокальского, о чем мы с Ушаковым поднимали вопрос. Будут строиться лишь станции на мысе Челюскина, на острове Рудольфа в северной части Земли Франца-Иосифа и на ледниковом куполе Новой Земли в районе Русской Гавани.

Штилевая морозная погода стоит попрежнему. Пришлось для зарядки аккумуляторов пустить давно не работавший моторный аггрегат. Стоял он в сенях, и слабым юго-восточным ветром отработанные газы вгонялись обратно в дверь, попадая отчасти и в дом. Я это заметил сразу и ушел на улицу, предупредив Ходова, но последний не обратил внимания и отравился газами настолько, что, делая метеорологические наблюдения, упал. К счастью, я находился недалеко, поддержал и взбодрил нашатырным спиртом. В результате весь день у нас обоих головная боль, сердцебиение и отчаянная слабость. Если бы Ходов оказался один, как иногда бывало в периоды наших маршрутов, дело могло кончиться плохо. Мотор, следовательно, при работе обязательно нужно выставлять на улицу.

Гуляя однажды днем по острову, вдруг услышал в торосах в море собачий вой. Придя домой, к удивлению застал всех собак на месте. Пошел тогда на разведку и к своему изумлению нашел Козла, который был брошен в южной части острова Среднего еще в прошлую поездку в феврале. У него опять оказались разбитыми ноги, так что он оказался не в состоянии итти и выл от отчаяния в торосах, чувствуя по запахам и звукам, что до дома недалеко. Взял его на руки и дотащил до дома, чему пес был несказанно рад, судя по тому, как крутился на спине и радостно болтал в воздухе больными лапами.

Сегодня, 24 марта, поставили рекорд пуска шара-пилота. День был ясный и тихий, небо совершенно чисто и прозрачно, без всякой дымки перистых облаков, значительно ухудшающих видимость. Выпущенный шар-пилот обычного размера, около полуметра диаметром, слабым северным ветром понесло медленно на юг, а затем на высоте около 10 км обратным течением воздуха на север, так что он прошел снова через зенит места наблюдения и скрылся из видимости на севере.

Это была весьма благоприятная обстановка. Одевшись потеплее, так как наблюдать придется несколько часов подряд (скорость подъема шара около 200 м в минуту по вертикали, или в 5 минут километр), мы взяли крупную оболочку,

предназначенную для подъема радиозондов, надули ее водородом примерно до 1 м в поперечнике и выпустили, рассчитывая, что шар, благодаря прочной оболочке, долго не лопнет в верхних слоях, где, приняв крупные размеры от раздувания, будет отчетливо виден даже на большой высоте. Так оно и случилось. Пройдя через зенит, шар медленно понесся на север, а потом северо-запад, и нам удалось наблюдать за ним в течение почти 4 часов до высоты 41,04 км, согласно предварительным вычислениям. Это большое достижение, если вспомнить, что наибольшая достигнутая высота, полученная в Pavia, равна 37 км, а в Batavia — 30 [1]. Интересно, что на высоте около 20 км горизонтальная скорость перемещения шара достигла 30 м/сек., а на 40 км она превышала уже 50 м/сек., все время возрастая равномерно и непрерывно. Это является, повидимому, результатом не усиления ветра с высотою, а отставанием верхних слоев атмосферы от вращения земли.

Погода попрежнему тихая, сегодня настолько, что даже дым шел из трубы столбом кверху, явление, наблюдавшееся нами впервые за два года.

26-го около 23 часов приехали из маршрута наши. Собаки утомлены довольно сильно, но в общем добежали все благополучно. Щенки шли прекрасно и не отставали от взрослых. Несомненно такая выносливость и крепость объясняются тем, что они с самого раннего возраста питались свежим мясом и ели его, сколько хотели. В дороге потерялся один щенок «Мадьяр», убежавший из упряжки в моренные гряды около мыса Кржижановского, где и пропал. Из старых собак пришлось бросить Архисилая, который выбился из сил уже недалеко от дома.

Доехали путники почти до мыса Неупокоева, где и сложили на берегу 116 банок собачьего пеммикана. Там же невдалеке на айсберге, над его обрывом сверху, они подвесили на веревках полторы медвежьих туши мяса.

Можно надеяться, что они уцелеют и от песцов и от медведей, так как висят метрах в пяти от почвы и двухтрех от верха. У последней стоянки путники видели трех оленей: самца-пороза, важенку и прошлогоднего теленка-лончака. Таким образом на южном острове есть олени, которые там не только живут, но и плодятся.

---

[1] П. Молчанов, Методы исследования свободной атмосферы. Лнгр., 1926 г.

По дороге нашли несколько медвежьих берлог и добыли двух медведиц с медвежатами, из которых троих привезли с собою, а один по дороге удрал.

Больше поездок решили не делать, чтобы дать основательный отдых собакам перед большим маршрутом в обход южного острова Большевик.

Вычерчивание заснятой в прошлом году части Северной Земли я успел закончить. Так как масштаб взят довольно крупный (7,5 км в 1 см), то ситуация вышла достаточно подробная. Карты произвели на Журавлева большое впечатление. Он внимательно их рассматривал, узнавая каждый изгиб берега, мысы и бухты, где проходили, стояли ночевкой или охотились. Память зрительная у него прекрасная, и он внимательно сверял зарисованное с теми образами, что запечатлелись у него в мозгу. Теперь на карте Журавлев воочию увидел конкретные результаты нашего труда; результаты непонятных записей у инструментов при наблюдениях солнца, записей и зарисовок азимутов, длин линий маршрутных ходов и т. д. Словом наша повседневная кропотливая топографическая работа, такая чуждая для его профессии охотника-промышленника, воплотилась теперь в конкретные образы очертаний местности и стала понятна. С этого времени отношение ко мне Журавлева в значительной степени изменилось, так что речей о «бирюльках» более не стало слышно. Наоборот, он живо начал интересоваться методами маршрутно-глазомерной съемки, принципами составления карт и их вычерчивания, так что мне приходилось ему давать по этому поводу подробные пояснения.

Наши вернулись во-время. Полоса тихих погод кончилась и сегодня строгает такая пурга, что носу высунуть нельзя. Усталых собак так забило, что потом их пришлось разыскивать и откапывать. Вылезти же сами они оказались не в состоянии, будучи погребены под толстым слоем плотного снега.

Пурги бушевали с небольшими перерывами, в сутки или даже несколько часов, вплоть до начала апреля. Собаки отдохнули и поправились, чему помогло свежее мясо медведя, которого убили недавно.

Постепенно снаряжаемся в маршрут. Ремонтируем сани, одежду, обувь и сбрую. Теперь это все уже хорошо знакомо, не то, что первый раз, когда многое приходилось делать наощупь, вслепую.

Собрал и зарядил батареи накала и анода. Для последней около 30% элементов оказались негодными, из-за вытекания электролита через щели плохо паянного цинкового резервуара. Ходов ремонтирует дорожный приемник, который за последнее время начал серьезно капризничать из-за неисправной работы сопротивления утечки и высокой частоты.

Таблица VI

Нормы и список продовольствия для маршрута № 4 в апреле и мае 1932 г.

Наименование продуктов	Норма на 1 чел. в сутки грамм	Калорий	Всего на 45 дней на 2 чел. (кг)	Примечание
Галеты пшеничные	400	1200	27,0	В ящике
Рис	75	262	6,75	В мешочках по 0,5 кг
Масло сливочное	100	760	9,0	В брусках по 0,4 кг
Сахарный песок	100	410	9,0	В мешочк. по 0,4 кг
Лактоген	75	398	6,75	В банках по 0,5 кг
Молоко консервир. сладкое	100	343	9,0	В банках по 0,6 кг
Мясные консервы	338	660	30,42	В банках по 338 г
Пеммикан	200	780	18	В банках по 3 кг
Чай	10	—	0,9	В пачках по 50 г
Какао	20	81	1,8	В коробках по 100 г
Соль	10	—	0,9	В мешках по 450 г
Овощи сушеные	10	24	0,9	В мешочках по 100 г
Лук сушеный	5	12	0,45	В мешочках по 100 г
Перец	1	—	0,09	В банках по 30 г
Коньяк	10	—	0,9	Во фляге
Табак	20	—	1,8	В банке
Папиросы	1 пач.	—	90 пач.	В пачках по 25 шт. вес 25 г
Спички	1 кор.	—	90 кор.	В пачке по 10 шт. коробка 10 г
Спирт денатурат	10	—	0,9	Во фляге
Керосин	500	—	45	В бидонах по 16 л
	2019	4930	172,71	

Журавлев объезжает капканы, сегодня привез целых трех песцов.

Один из медвежат научился освобождаться от цепи, стаскивая ошейник через голову лапами. Так как шея у него толще головы, то это ему после некоторого стара-

ния всегда удается. Вчера его увидели уже на верху острова, около радиомачты, к которой он прижался задом, осажденный сворой щенков, от которых этот малыш, едва 30 см ростом, отбивался вполне успешно. Сегодня он удрал снова — себе на гибель. Его заметили взрослые собаки и, конечно, моментально разорвали, прежде чем мы успели подбежать. Осталась теперь последняя пара: брат с сестрой, — Миша и Маша. Эти живут дружно и спокойно в берлоге, которую мы им выкопали сзади дома, в снеговом забое.

Отобрали и развесили продовольствие из расчета на 45 дней для двух человек (см. табл. VI). Нормы оставлены прежние, последнего маршрута. Только не взяли шоколада, который у нас совершенно не пользуется популярностью. Весною в предыдущий маршрут он оставался последним из продуктов и его скормили собакам. Вместо шоколада решили увеличить несколько суточную норму ингредиентов «мурцовки».

Срок выезда назначен на десятое, но из-за очередной полосы пург его пришлось перенести на четырнадцатое.

ГЛАВА XI

Выезд в маршрут. Путь до пролива Шокальского. В фиорде Тельмана. Олени. На мысе Неупокоева. Поездка за пеммиканом. Вдоль пролива Вилькицкого. Четырехдневная пурга. Заколдованный олень. На мысе Евгенова. Нашествие медведей. Конец Ведьмы. Вдоль восточного берега на север. Переправа через торосы. На мысе Уншлихта. Неправильность старой карты. Снова в проливе Шокальского. Возвращение домой. Последний маршрут вокруг острова Пионер.

Сегодня, наконец, стихло, и я с Ушаковым тронулись в путь на двух упряжках, забрав всех более или менее годных собак. У меня в упряжке 12 собак: Колыма, Осман, Старик, Хорек, Штурман, Аната, Мазепа, Бандит, Корнаухий, Ведьма, Тяглый и Бурый. Из них Мазепа и Корнаухий со слабыми ногами, а Штурман и Аната еще не вполне оправились после полета с обрыва. В общем вполне годных только восемь, остальных взяли из расчета, что сколько-нибудь да проработают. У Ушакова в упряжке 10 штук: Тускуб, Шайтан, Резвик, Дохлый, Ошкуй, Песец, Махно, Серушка, Петух и Попадья, из них годных тоже не более восьми. Передовым у него Тускуб, из первого декабрьского помета Сучки, прекрасная по всем статьям собака, несмотря на молодой возраст, сильная, послушная и быстрая.

Перед отъездом, по обыкновению, некоторых псов пришлось поймать и посадить заблаговременно на цепь, иначе, увидя запряжку, они удирают подальше и в руки не даются, несмотря на приманки. Особенно этим отличается черная, как смоль, сученка Ведьма, единственная из Милькиного потомства, приученная к запряжке. Тянет она лямку очень усердно, но в руки не дается ни под каким видом. Поймать ее можно только, или застав в загородке, или заманив

в сени и мясной амбар на приманку. Вчера накануне отъезда ее пришлось ловить капканом, так как в загородку она ни за что не шла, чувствуя подвох. Пришлось во время кормежки поставить в стороне песцовый капкан, прикрыть его снегом по всем правилам промыслового искусства, а около в качестве приманки положить кусок мяса. «Легче песца поймать, чем эту дьявольскую собачку», молвил Журавлев, устанавливая капкан. И верно: нам долго пришлось караулить, прежде чем песик, наконец, подошел к мясу, сначала обойдя его вокруг раза три. Только удостоверившись в отсутствии опасности, Ведьма уже смело бросилась к куску и сразу же влетела передней лапой в ловушку. Это ее так потрясло, что она даже не сопротивлялась, когда ей торжественно надели крепчайший кожаный ошейник с кольцом и карабином и приковали в загородке на надежную цепь.

Журавлев остался охотиться в окрестностях дома. Упряжка у него самая сборная: его любимый передовой Беркут, три суки, которые скоро ощенятся, и штук пять щенков из наиболее слабых.

Сани у меня прошлогодние чукотские, вновь отремонтированные и перетянутые с новыми подполозками, так как старые за весеннюю поездку пришли в негодность. На санях научное и походное снаряжение по списку прошлого года общим весом 114 кг, ящик галет (30 кг), ящик мясных консервов (37 кг) и три банки людского пеммикана (9 кг). Всего, таким образом, 190 кг, присоединяя сюда вес седока в одежде (80 кг) и сани (40 кг), получим общую нагрузку на упряжку 310 килограммов. Пеммикан собакам возьмем на южном конце Среднего острова, где его сложено достаточно в первую поездку в феврале.

Погода ясная, тихая и теплая, около —20°. Дует слабый юго-восток. От дома взяли курс прямо на мыс Среднего острова, где и поднимаемся на его поверхность, выбрав самый пологий склон. Километров через десять остров снижается и кончается косой, переходящей в косу следующего острова, которые таким образом связаны друг с другом. Возможно, впрочем, что между ними есть и пролив, но в таком случае чрезвычайно узкий и мелкий.

Здесь, на южном конце острова и сложили пеммикан. Сюда прибыли в 18 часов, сделав за переход 24,9 километра. Уже за 5 км. до стоянки Мазепа выбился из сил, упал, так что до лагеря его пришлось довезти на санях.

Поврежденная лапа у него сильно распухла, и ступать на нее он совершенно не может. Ясно — дальше рассчитывать на него нечего.

Утром Мазепу оставили здесь. Вскрыли ему 3 банки пеммикана, чтобы питался, пока подживет нога, а потом, можно думать, сам доберется до дому.

Из склада взяли: я на свои сани 20 банок пеммикана (60 кг) и Ушаков 50 банок (150 кг.). Теперь у меня на упряжку приходится 370 кг, у Ушакова около 400 кг общей нагрузки.

Проехав километра три по острову, съезжаем на морской лед и берем курс прямо на мыс Кржижановского. Корнаухого отпряг, так как он тянуть больше не в силах. Однако, верная собака не осталась лежать, а побежала рядом с упряжкой дальше. Решили оставить, — пусть бежит, как-нибудь прокормим. Хоть пеммикана и маловато, но есть надежда, что охота выручит.

Лед в море одногодичный, сильно торошенный. Особенно наломало около берега острова. Здесь кое-где есть гряды до 10 м высотою. К счастью, в них есть разрывы, где можно проехать, тем более что сильные мартовские пурги в значительной степени заровняли все неровности. Поэтому дорога сносна и лишь местами изрыта застругами. Километров за десять до берега дело пошло хуже. Снег стал более рыхл, так что сани частенько проваливались до самых вязков. Пришлось впрягаться в лямку и помогать собакам. Измучились все изрядно, но прошли 50,2 километра.

Лагерем стали у подножия глетчера, недалеко от того места, где весною переправлялись через три речки в брод и чуть не утопили собак. Ледник за лето обвалился, образовав здесь отвесный обрыв метров десять высотою, в котором особенно отчетливо, благодаря свежести излома, видно его строение. Лед ясно слоист из полос чистого и грязного, с примесью минеральных частиц, в результате летнего таяния. Слои прихотливо изогнуты вследствие процессов пластичного течения. Всюду, особенно в нижней части, много вмерзших валунов горных пород от 1—2 см до ½ м. и более в диаметре.

У лагеря оставили 4 банки собачьего пеммикана, так как возвращаться будем этим же путем. Дальше решили ехать не берегом моря, а напрямик вдоль края ледникового купола. Это и сократит дорогу и позволит осмотреть и за-

снять новые места, так как берег мы уже исследовали прошлой весной. Путь оказался тяжелым. Последние пурги нанесли здесь вдоль края ледника довольно много рыхлого снега, в котором тонут и собаки и нарты. В первый день с трудом прошли только 19,6 км, все время помогая тянуть собакам. Ночью разыгралась пурга-поземка, к утру, впрочем, затихшая. Проехав вдоль края ледника еще километров двадцать, отвернули к берегу, где дорога несомненно лучше, и вышли на морской лед около мыса Гамарника.

Ночью снова разразилась пурга, к утру несколько затихшая. Пока запрягали собак и собирались, ветер усилился вновь. Дует он с юга прямо в лоб собакам, так что несущийся по низу снег будет им залеплять глаза и перебивать дыхание. Небо все покрыто зловещими чечевицеобразными облаками в форме дирижаблей с закругленными концами в сторону ветра. Такие облака, согласно нашим прежним наблюдениям, безошибочно предсказывают сильную пургу, которая приходит через полсутки, сутки самое позднее. Пройдем мы до пурги поэтому максимум 10—15 км, донельзя измучив собак. А ведь весь маршрут еще впереди. Силы нужно беречь. Подумали, потолковали и решили остаться. Вновь отпрягли собак, укрепили прочнее палатку и, поев «супа мечты», завалились спать. Вечером действительно пурга забушевала во-всю. С трудом добрались до саней, взяли очередную суточную порцию из четырех банок собачьего пеммикана, вскрыли, разрубили его на куски и накормили наших верных друзей. Обычно, как только начинаешь операцию открывания банок, все псы соскакивают со своих мест и открывают дикий концерт, выражая визгом, воем и лаем свое нетерпение. Сейчас же все лежат неподвижно. В пургу ездовая собака сворачивается калачиком и лежит не шевелясь, повернувшись спиною к ветру, чтобы снег как можно меньше забивался в подшерсток. Поэтому к утру их так заносит, что на поверхности никого не видно. От тепла и дыхания снег внутри обтаивает, образуя маленькую пещерку, в которой животному тепло и спокойно.

Покормили собак, поели плотно сами и опять завалились спать. После нескольких дней пути пурга — желанный гость, предоставляющий возможность отдохнуть и основательно выспаться. В обычное время спать удается не более 6-7 часов, что при тяжелой работе совершенно недостаточно. Поэтому в первый день пурги спим с небольшими перерывами целые

сутки. На второй день это удается с трудом, а на третий сиденье в палатке становится уже мучительным занятием.

Всю ночь отчаянная пурга, какой давно не бывало. К утру однако стихло. Небо очистилось, и появившиеся высокие слоисто-кучевые облака предвещают хорошую погоду.

С трудом откопали занесенные сани, палатку и собак, так что в дальнейший путь тронулись лишь около 12 часов.

При запряжке Ведьма как-то ухитрилась вывернуться из моих рук и убежать. Поймать ее не удалось, как мы ни манили, как ни подкрадывались. Решили пока оставить, может быть побежит с собаками, а вечером, когда она будет голодна, придумаем какую-либо ловушку, потому что капкана с собою у нас нет.

Едем вдоль берега прошлогодней дорогой, но какая разительная разница! Тогда мы с бою брали каждый километр, сейчас же сани катятся легко и быстро по плотному утрамбованному пургами снежному покрову, так что счетчики одометров только поспевают отмерять километр за километром. Пройдя 34,7 км, стали лагерем около старого тороса вблизи стана № 15 прошлогоднего весеннего маршрута.

Всю дорогу проклятая Ведьма выматывала нам нервы. Она носилась кругом запряжек как угорелая, бросалась на собак, оглашая воздух непрерывным звонким лаем. Псы в упряжках волновались, тянули вразброд, дергали в разные стороны; словом шел полный кавардак. Все попытки поймать вредную собачонку ни к чему не привели. Видя приближение человека, она вскакивала, отбегала на почтительную дистанцию и начинала беспрерывно тявкать, пока ей это не надоедало, что происходило не скоро. Если бы не нужда в собаках, я ее с наслаждением бы пристрелил.

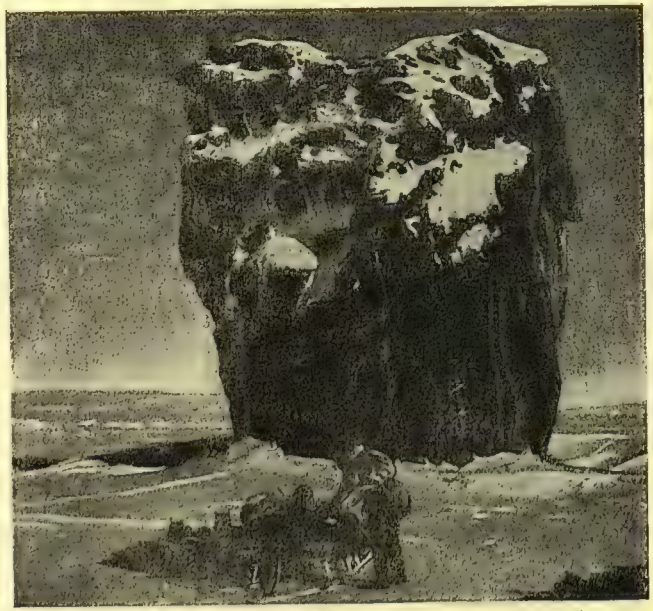
Покормив собак, принялись охотиться. Я вынул из сумки на санях моток тонкого шпагата, взятого на случай ремонта, сделал на конце затягивающуюся петлю и разложил ее в стороне от палатки, слегка замаскировав сверху снегом. В середину положил кусок пеммикана, а сам, взяв другой конец шнурка в руки, спрятался в палатку, метрах в пятнадцати отсюда. Ведьма наблюдала за всем этим с большим недоверием и долго ходила вокруг, несмотря на мучивший ее голод. Наконец, не видя подвоха и соблазненная аппетитным куском, она шагнула в круг, собираясь схватить приманку и удрать. В этот момент мы с силой

дернули веревку, петля затянулась и захлестнула одну из собачьих лап. Как ни дико отбивалась дьявольская собачка, мы все же скрутили ее и приковали на цепь сразу на два карабина. Теперь-то уж она не вырвется.

Погода отличная, ясная и почти штилевая. Солнце сегодня, 20 апреля, в полночь уже стояло выше горизонта, так что полярный день можно считать начавшимся.

В путь утром тронулись около 10 часов. Солнце сильно припекает, хотя в 13 часов температура по термометру-пращу достигала — 21°,0. Пройдя километров тридцать, у астрономического пункта № 10 на мысе Свердлова оставили 20 банок пеммикана собакам и 12 банок мясных консервов себе, на обратный путь. Пройдя еще километров двадцать, разбили лагерь у мыса Бубнова. Отсюда завтра, если позволит погода, начнем пересечение пролива Шокальского, чтобы добраться до острова Большевик — объекта нашей работы в данный маршрут.

Только разбили палатку и привязали собак, собираясь их кормить, как появился медведь. Увидел его первым Ошкуй. Он на правах инвалида находится на свободе. Несмотря на то, что пес крив на один глаз и жестоко пострадал от медведей, он ни на иоту не утерял охотничьей горячки и кидается на зверя с прежним безрассудством прямо спереди. Воззрившись куда-то в торосы, наш Ошкуй вдруг вскочил и вихрем бросился вперед. Всмотревшись, увидели и мы примерно в полукилометре медведя, который, заметив собаку, кинулся наутек. Похватав винтовки и спустив на подмогу Бурого, Тускуба и Тяглого, помчались в погоню: Ушаков прямо, а я в обход, намереваясь взять зверя в кольцо. Пробежав километра два, медведь, спасаясь от собак, заскочил, как кошка, на вершину небольшого айсберга, откуда его и ссадил подбежавший Ушаков. Зверь оказался молодым самцом с превосходным мясом. При обдирании обнаружили под шкурой старую трехлинейную пулю. Едва ли это наш гостинец. Раненых медведей мы ни одного не упускали. Вернее это памятка с Диксона или Земли Франца-Иосифа, где тоже есть трехлинейные винтовки. А по льдам медведи кочуют очень далеко. Своим спорым развалистым шагом зверь идет весьма ходко и может даже за сутки пройти не одну сотню километров. Бросив шкуру за невозможностью везти, забрали мясо, притащили в лагерь, где и накормили собак вволю. Остальное заберем на дорогу.



Скалы у мыса Свердлова.

Боевая собака Петух.

С мыса от лагеря, благодаря солнечной погоде и прозрачному воздуху, отчетливо виден весь восточный берег острова Большевик. В глубине его сверкает на солнце, как стекло, ледниковый купол, имеющий здесь значительно меньшие размеры, чем на северном острове. Высота его, видимо не превышает 500 м над уровнем моря. Перед ним идут крутые обрывистые склоны коренного берега, прорезанные долинами ледникового происхождения. Лишь очень немногие из них и сейчас заполнены льдом, в большинстве долин глетчерные языки отсутствуют, втянувшись вглубь острова вследствие современного смягчения климата. Некоторые долины, видимо, очень глубоки, имея характер настоящих фиордов. Обрывам коренного берега высотою порядка трехсот метров предшествуют две отчетливо выраженные береговые террасы, вероятно морского происхождения. Обнаженность склонов, несмотря на снег, всюду очень хорошая, так что мне, как геологу, работы предстоит достаточно.

Утром в путь через пролив, имеющий здесь ширину около 25 километров. Лед в проливе одногодичный, значит летом он был вскрыт, довольно сильно торошенный, особенно около берега. С трудом пробираемся через гряды и хаотические нагромождения ледяных глыб, что на груженых санях дело не легкое, а главное опасное, так как нетрудно поломать полозья саней, заменить которые у нас нечем. Километров через пятнадцать дорога пошла лучше. Появились довольно обширные поля гладкого льда, очевидно замерзшие полыньи. Здесь поехали из осторожности на дистанции метров двадцать друг от друга. Так как я еду сзади, у меня на санях наготове лежит бухта веревки, чтобы немедленно подать помощь переднему, если лед обломится. Кроме того, керосин и продовольствие разложены на обоих санях поровну, на случай несчастья.

Лагерем стали в глубине ледниковой долины, расположенной в северном углу при устьи глубокого фиорда, названного нами фиордом Тельмана.

Долина имеет около километра глубины и защищена со всех сторон обрывистыми склонами террасы около 50 м высоты.

После кормежки собак отправились на осмотр местности. В глубине долины сверху острова спускается ледниковый язык, несомненно являющийся отпрыском ледяного купола, лежащего внутри острова. Язык в настоящее время

кончается слепо среди своих отложений галечно-щебневого характера и не доходит до берега моря. Интересно, что лед подстилается песчано-глинистыми осадками с остатками морских раковин, свидетельствуя этим, во-первых, о современном поднятии берега и отступании морского уровня, а во-вторых — о значительно более мощном развитии оледенения в прежнее время, когда глетчеры здесь вдавались в море, залегая на морских осадках.

Берега образуют крутые, местами обрывистые склоны, в которых повсюду обнажаются слагающие коренные породы: зеленые сланцы и кварциты. Выше, на высоте 52,4 м над уровнем моря расположена ровная как стол терраса, здесь около километра шириною, несомненно морского происхождения. Выше нее, уже прислонясь к коренным высоким обрывам, находится вторая терраса примерно на 100 м над уровнем моря, почти сплошь заваленная ледниковым обломочным материалом.

На поверхности первой террасы на снегу видны многочисленные свежие следы и помет северных оленей. Есть крупные следы взрослых самцов и мелкие отпечатки копыт годовалых телят. Судя по свежести отпечатков, олени здесь были очень недавно, возможно даже в момент нашего приезда и только убежали, заслышав шум саней и тявканье собак.

Вечером началась пурга при ветре с северо-востока вдоль пролива. Берега острова Октябрьской революции скрылись в снежной мгле, но в лагере под защитой крутых горных склонов пока тихо.

На другой день погода не лучше. Решили съездить налегке на одной упряжке осмотреть фиорд Тельмана, при устьи которого стоим. Он имеет около 15 км в длину и ширину при устьи около 3 км, а в куту менее километра. Здесь в него спускается глетчер, доходящий до уровня моря. Повидимому он движется, так как морской лед около языка разбит трещинами, а в фиорде кое-где видны айсберги, впрочем, небольших размеров, что указывает на малую мощность ледника, вероятно не свыше 10—20 м у конца. Берега фиорда в большинстве скалисты и обрывисты, высотою до двухсот и более метров.

Обнажаются все те же сланцы и кварциты.

Ночью ветер усилился. Даже у нас палатку встряхивает и треплет так, что полотнища крыши щелкают наподобие ружейных выстрелов. Терпеливо ждем улучшения. Корма

собакам достаточно, так как медвежье мясо захватили с прежнего лагеря полностью. Ночью к палатке подошла было медведица с двумя маленькими медвежатами, но собаки, завидя ее, подняли такой гам, что она кинулась опрометью наутек. Когда мы выскочили, гости удрали уже так далеко, что стрелять, а тем более преследовать было совершенно бесполезно.

На другой день погода улучшилась, но поземка все еще метет. Впрочем, ветер дует вдоль пролива с севера, значит нам в спину, и стало быть не помешает ехать и работать.

Берег идет на юг-юго-запад прямо, как по линейке. Как и ранее, высокие коренные склоны переходят в террасу, здесь варьирующую в ширине от нескольких десятков до сотен метров. Зато вторая терраса местами выражена гораздо отчетливее, чем раньше.

Лагерем стали, пройдя 27,1 км в устьи маленькой, но глубокой расщелины берега на случай, если пурга усилится. Однако этого не случилось, и ночь прошла спокойно. Утром тихо, пасмурно, сыплет снег, так что солнце еле просвечивает багровым шаром сквозь мглу.

Километров через двенадцать пути крутые склоны коренного берега отвернули на восток, и терраса сразу резко расширилась до нескольких километров. Вскоре подъехали к складу продовольствия, расположенному в глубине небольшой бухточки. Отсюда взяли пока только 15 банок для пополнения текущих расходов. За остальным решили вернуться потом, когда обогнем мыс Неупокоева. Тогда, проехав еще километров тридцать на восток, оставим груз и налегке вернемся сюда через землю напрямик. Это облегчит нам сейчас передвижение и позволит выяснить хотя бы в общих чертах строение внутренней части острова в данном районе.

Пройдя от депо еще километров пять, разбили на ночевку лагерь. Собак всех, в том числе и Ошкуя, привязали, так как в стороне, километрах в трех, на низменной равнине видны три пасущихся оленя, псы, погнавшись за ними, могут забежать очень далеко и, чего доброго, потеряться. Покормив собак, пошли на охоту, но олень не медведь, да и местность здесь кругом совершенно открытая, так что, как мы ни хитрили, подкрасться на выстрел не удалось. Это все та же тройка: самец-пороз, важенка и теленок-лончак, которую видели Ушаков с Журавлевым в прошлый раз, привозя сюда пеммикан.

Таким образом олени на южном острове Северной Земли имеются в довольно порядочном количестве, видимо — нескольких десятков голов. Едва ли они пришли сюда добровольно с Таймырского полуострова. Там и климатические условия мягче, а главное — гораздо больше корма, ягельных лишайников. Здесь же растительность чрезвычайно скудна и даже лишаи образуют только отдельные мелкие островки среди голой щебенистой и глинистой тундры. Кроме того, оленю, чтобы попасть сюда, необходимо было бы пройти зимою по морскому льду пролива Вилькицкого не менее 60 км, такова его ширина в наиболее узком месте. Лед же в проливе торосист настолько, что пробраться через него может разве только такой специалист хождения по льдам, как полярный медведь. Кроме того, к зиме олень откочевывает на юг, и добровольно сам на север ни за что не пойдет. Наиболее вероятно поэтому думать, что олени сюда приносятся летом на припае, оторванном от материка сильным ветром.

В летнее время, спасаясь от комаров и в поисках прохлады, эти животные очень любят лежать на снегу сохранившихся от таяния забоев или выходить на морской лед у берега. Здесь они отдыхают целыми часами, скопляясь группами по нескольку десятков голов. Припай иногда могло отрывать отжимным южным ветром и прибить к берегам Северной Земли, пленниками которой наши путешественники и становились. Назад попасть через пролив было уже невозможно, так что, несмотря на кочевой инстинкт, олени и зиму вынуждены проводить здесь в условиях несомненно полуголодного существования.

На другой день поехали дальше. Берег теперь пошел всюду низменный, отмелый, повсюду из-под снега видны галечные косы, лагуны и отмели. Кое-где, но впрочем довольно редко, встречается плавник, окатанные обломки которого достигают иногда 3—4 м длины.

Нажим льдов на берег здесь видимо значителен, так как всюду вдоль его видны нагромождения торосов в виде вала или ряда валов до 5—6 м высотою.

На другой день, пройдя еще 33,8 км, достигли мыса Неупокоева, где будем определять астрономический пункт. Берег здесь еще более отмел, чем ранее. Очень много кос и лагун самого прихотливого очертания. В море на юг, то есть уже в проливе Вилькицкого, видно сплошное нагромождение довольно свежих торосов, абсолютно непрохо-

димых даже пешком, что мы вскоре на себе и испытали, когда попытались было погнаться за подошедшим к лагерю медведем, конечно, совершенно безрезультатно. Даже собаки не могли его преследовать, так как проваливались с головой в рыхлый снег, набитый между поставленными на ребро гигантскими льдинами в 2—3 м высотою.

Стоявшая уже много дней подряд пасмурная погода улучшилась, выглянуло солнце, что и позволило 28-го определить пункт по полной программе наблюдений. Ушаков, осматривавший в это время местность, сообщил, что за полосой торосов километрах в двух на юг видно открытое море до горизонта. На пункте сложили из камня пирамиду-гурий и поехали дальше.

Характер берега все тот же: галечные отмели, лагуны, косы и редкий плавник. Пройдя за два перехода 47,1 км, решили отсюда съездить налегке к депо за пеммиканом. На прямую через землю до него будет не более 40—45 км, берегом же мы сделали уже 115,2.

Весь груз уложили в укромном месте на берегу бухточки, куда, можно надеяться, не заглянут медведи, укрыли брезентом, служившим у нас полом в палатке, и тщательно увязали веревками.

Прикинув на карте пройденный путь, подсчитали, что примерно нам нужно, чтобы попасть прямиком к складу, ехать по курсу 310°—315°. В этом направлении и тронулись 1 мая, взяв с собою лишь палатку, спальные мешки и расходный чемодан с продовольствием на 3—4 дня. Пасмурно и тепло. Видимость сравнительно плохая, что очень жаль, так как невозможно будет в бинокль осмотреть рельеф острова на большом пространстве.

Километров через восемь подъехали к возвышенности, протягивающейся в северо-восточном направлении. Склоны ее здесь не очень круты и допускают подъем на собаках. Поднявшись, едем по довольно плоской, слабо увалистой поверхности попрежнему на северо-запад 310—315°. Километров через шесть достигли наивысшей точки — 240,1 м над уровнем моря, согласно барометрической нивелировке, и начали медленно спускаться. Стало несколько яснее и видно, что такая же волнистая равнина с мягкими округлыми увалами тянется, слегка повышаясь, и далее на север и северо-восток.

На север километрах в пятидесяти смутно виден ледниковый купол, занимающий здесь незначительную часть

площади острова. На нашем же пути ледников не имеется.

Проехав еще 4 км, начинаем спуск с возвышенности к прибрежной равнине западного берега. Здесь он довольно крут, местами даже обрывист. Выбрав из лощин, врезающихся в этот склон, одну поположе, решили по ней съехать. Однако и здесь оказалось столь круто, что оба полоза саней пришлось для торможения обмотать цепью прикола, на который сажаем на ночь собак.

Спустившись до 90 м абсолютной высоты, едем далее по прибрежной равнине, имеющей здесь до моря значительную ширину порядка 20—30 километров. Равнина по происхождению представляет морскую террасу, слабо понижающуюся к морю и ровную как стол. На поверхности сложена она рыхлыми илисто-песчаными морскими отложениями, поверх которых кое-где разбросаны редкие ледниковые валунчики, принесенные вероятно в свое время плавучими льдинами.

Проехав по такой равнине-террасе километров пятнадцать, уперлись в каньон речки, бегущей в море вероятно с возвышенности, которую мы пересекли. Вследствие современного, довольно быстрого понижения уровня моря речка глубоко врезалась в слагающие равнину коренные породы—сланцы и кварциты, пропилив узкое и глубокое ущелье с отвесными берегами. Ширина его здесь не более 29 м, но борта столь обрывисты, что нечего и думать перебраться через него здесь даже пешком. Пришлось поехать вдоль ущелья до берега моря, делая, таким образом, крюк и удлиняя этим свой путь.

Следует отметить, что обрыв каньона мы заметили, несмотря на светлый сравнительно день, только когда подъехали вплотную, так что езда по таким прибрежным равнинам в непогоду или ночью здесь, на Северной Земле, представляет значительную опасность. Обрыв может тогда из-за темноты остаться незамеченным. Свалиться же с него с высоты, как в данном случае, 30—40 м, это значит наверняка искалечиться, если не разбиться на смерть.

Только в непосредственной близости моря удалось нам переехать ущелье, которое всюду на нашем пути не меняло своего обрывистого характера. Далее берегом моря добрались до склада и стали лагерем километрах в полутора от него у подножия айсберга, где подвешено мясо.

Оно действительно расположено так, что только тот, кто имеет крылья, и может полакомиться им.

Весь путь протяжением 45,6 км проделали в 10 часов. Собак накормили мясом до отвала. Остальное придется оставить здесь, так как пеммикана лежит на складе больше, чем нам можно захватить, принимая во внимание остальной оставленный груз.

Утром, забрав небольшую часть мяса и 62 банки пеммикана со склада, тронулись в обратный путь. Погода пасмурная, но тихая. Беззвучно падает пушистый, в виде звездочек, снег, — явление здесь, на севере, редкое. За ночь его выпало уже сантиметров на пять рыхлым, мягким слоем. Достаточно теперь подняться хорошему свежему ветру, как наступит такая пурга, что чертям станет тошно. Торопимся по этому случаю к оставленному грузу в проливе Вилькицкого.

Ехать приходится, все время сверяясь с компасом, так как видимость отвратительная и окрестных предметов, по которым можно было бы ориентироваться, совершенно не видно.

Возвышенность, с которой спустились по дороге сюда, теперь приходится огибать кругом, так как на груженых санях на нее теперь не подняться. Километров через шесть она кончается высоким скалистым обрывом, вздымающимся метров на сто над окружающей равниной. Этот обрыв хорошо виден с южной стороны с моря, почему и отмечен на старой карте гидрографии под именем «горы Герасимова».

У подножия на каменистых склонах горы Герасимова встретили нескольких пуночек, повидимому, только что прилетевших, так как ранее мы их не видели. Несколько дальше под южной стороной возвышенности в тумане на нас почти в упор набежали два оленя. Мы стреляли в них, но оба промахнулись, так как одновременно приходилось держать бешено рвущихся собак, крепко обмотав вожжу вокруг талии. Упустить же упряжку при этой обстановке и в такую погоду значит почти наверняка ее потерять безвозвратно с санями и всем, что на них лежит.

К оставленному грузу приехали уже 3 мая рано утром. Здесь все в полном порядке. А то пока ехали, немного на душе у обоих скребли кошки. Вдруг придет какой-либо заблудший медведь и переломает да разбросает все оставленное.

В дальнейший путь тронулись уже 4-го утром. Дорога

очень тяжелая. В проливе сильно торошенные льды вплотную прижаты к берегу. Лед в большинстве свежего торошения и еще совершенно не занесен снегом. Если же местами и попадаются гладкие участки «пайды», то все они весьма недавнего происхождения с невыветрившейся еще солью на поверхности, что делает движение по ней подобным езде по песку. В довершение всего рыхлый снег непосредственно под берегом делает и здесь дорогу очень бродной. Собаки еле тянут, несмотря на то, что им все время помогаем.

Лагерем стали, пройдя, несмотря на все препятствия, 36,8 километра. К вечеру задул северо-восточный, пока еще слабый ветер, но пурга-поземка уже началась.

Ночью она усилилась, а к утру разыгралась уже во-всю. Но мы этим довольны. Ветер снесет весь рыхлый снег, утрамбует его и сделает дорогу лучше. К вечеру ветер еще усилился. Еле можно стоять на ногах среди слепящего снежного вихря. Все же кое-как выбрались из палатки, накормили собак и выложили с наветренной стороны сзади нашего полотняного жилья стену из снежных кирпичей в защиту от ветра. Это предохранит от выдувания тепла изнутри, а главное — укрепит палатку, которую при очень сильном ветре может порвать или совсем сорвать с кольев.

На другой день ветер продолжал дуть с прежней, если не большей силой. Рыхлый снег, выпавший за предыдущие дни, содрало полностью и снесло во впадины рельефа или забило в торосы в море. Барометр поднимается все время медленно и упорно, хотя и перед пургой он не падал. Сегодня в полдень 761,3 мм, вчера же в это время было 757,4. Несмотря на это, и даже вопреки барометру, к ночи пурга еще усилилась. Палатку рвет и треплет отчаянно. Если бы не снежная стена, ее наверное давно бы сорвало, так как лагерь разбит на морском льду на совершенно открытом месте. Ночью буря, повидимому, достигла максимума. Палатку уже не рвет, а натянуло как барабан, и она гудит глухо и жалобно, подобно шаманскому бубну. Мы лежим и слушаем песни полярной бури. Вот уже четвертый день длится она. Надоело сидеть в палатке до одури. Первые дни еще спали, а сейчас и сон не идет. Читаем взятые с собою книги: Георгий Алексеевич Синклера, а я описание Аляски по-английски. От лежанья в мешке болят бока, сидеть же долго холодно. Когда же, наконец, кончится наше испытание?

Утром стало несколько тише, но лишь относительно. А проклятый барометр поднимается все так же медленно и неуклонно вверх, указывая на штилевую морозную погоду. Здесь все идет как раз наоборот: барометр поднимается, а пурга усиливается.

Вечером, вылезши для очередной кормежки собак, увидели появившиеся сзади палатки трещины на морском льду. Правда, они были незначительны по размеру, в сантиметр и меньше шириною, но тем не менее это был грозный симптом. Лед стало отрывать. Не обращая внимания на пургу, кое-как ползком спешно начали собирать лагерь. С величайшим трудом сняли и свернули палатку, ежеминутно рискуя, что ее вырвет и унесет из рук, уложили имущество, подняли и запрягли собак. Чтобы добраться до берега, нужно было проехать около километра против ветра. Это стоило больших трудов. Собаки не шли, вернее не в силах были итти против натисков бури, и их приходилось тащить за собою, кое-как продвигаясь вперед боком и полусогнувшись против слепящего снежного вихря. Наконец добрались до земли и по счастью нашли удобное место с толстым плотным слоем снега под защитой небольшой возвышенности. Палатку со станком сначала разложили на снегу, вбили крепко-на-крепко колья, к ним привязали растяжки, а потом, выбрав момент относительного затишья, быстро подняли, поставили и растянули. Затем распрягли и привязали собак, заодно накормили их и, довольные, залезли в палатку чаевничать. Здесь лагерь в безопасности, морской же лед в шторм место ненадежное, тем более что в проливе он молодой, а к югу много открытой воды.

К ночи ветер стал стихать, а на другой день осталась лишь небольшая пурга-поземка.

Вчера во время кормежки Осман из моей упряжки нас удивил. Пока мы вскрывали банки и разрубали корм на куски, все собаки почтительно сидели кругом и ждали раздачи. Осман попытался было украсть кусок раньше, без разрешения, за что и получил по носу рукояткой ножа. Обидевшись, он ушел в сторону, лег в камнях и больше не подходил, несмотря на зов. Утром во время запряжки у саней его не было, а все попытки подманить или поймать так и не увенчались успехом. Упрямый пес не хотел ни за что подойти. Решили его тут и оставить: если вздумает, пойдет за упряжками, если нет, пусть лежит, пропадает с голоду.

Все равно пес он старый, тянул очень плохо и обычно через 10—15 км после выезда бежал уже через силу, даже не натягивая лямки.

Запрягли, тронулись, а Осман, как лежал в стороне, так и остался, даже не поднял головы и не посмотрел, как мы поехали. Непонятная история: может быть чувствуя свою старость, а пес, судя по зубам, был очень стар, и приближающуюся смерть, собака решила остаться, чтобы ускорить свой конец, или ей надоело работать без конца, и она просто забастовала, или тут были какие-то другие неведомые собачьи побуждения.

Проехав километра три, я заметил примерно в ¾ км на склоне берега пасущегося оленя. Он стоял к нам спиной и спокойно кормился, добывая скудную пищу передним копытом из-под плотного снегового забоя. Стоявшие кругом глыбы гранита, — продукт морозного выветривания коренных выходов, обнажающихся по берегу и в сопках повсюду, — делали животное мало заметным, так как и по цвету и по очертаниям тела сзади он был очень похож на один из гранитных столбов. Сходство было столь большим, что Ушаков мне не поверил и отказался итти вместе стрелять. Подкравшись из-за крутого склона, я подполз, пользуясь прикрытием камней, еще ближе, метров на восемьдесят и, уверенный в успехе, приложился и выстрелил. Олень, стоявший в это время боком, круто повернулся ко мне головой и снова стал неподвижно. Это было очень странно. Не только олень, но даже и гораздо более смелый медведь после выстрела пускается наутек. Здесь же осторожное обычно животное после выстрела стояло и совсем не думало бежать. Поспешно послав новый патрон из магазина карабина в ствол, я вновь прицелился потщательней и выстрелил снова. Однако поземка успела уже сильно залепить в это время глаза и особенно очки, так что выстрел был явно неудачен. Остальные три дали те же результаты. А олень все стоит! Что за чорт? Прямо наваждение. Спешно вернулся обратно, так как патронов запасных не было, и, опасаясь из-за поземки снова промазать, предложил пойти Ушакову, который теперь в олене не сомневался. Охотник подполз моим путем, выпустил целую обойму, но с таким же успехом, что и я. Пурга и тут сделала свое дело. Теперь настала очередь Георгия Алексеевича бежать за патронами к нарте. Тут уж мы оба решили рассеять колдовство во что бы то ни стало. Привязав покрепче собак и

набив карманы патронами, вновь пошли подкрадываться к завороженному зверю, но когда взглянули из-за прикрытия, его на месте уже не было. Судя по следам, олень пошел, но не побежал вглубь острова на север. Крови нигде не было видно. Пройдя по следу около километра, опечаленные, мы уже собрались вернуться, как увидели за ближайшим бугром впереди шевелящиеся рога. Осторожно подкравшись, дружно дали залп, и злополучный олень, наконец, растянулся мертвым. Осмотрев убитого зверя, обнаружили кроме последних двух пуль еще третью, пробившую морду в основании носа. Это и было причиной столь странного поведения животного. Первая же моя пуля, попав в носовые черепные кости, не убила, но парализовала обоняние и, возможно, повредила зрение, почему олень и топтался на месте, не ориентируясь в опасности. Остальные пули, выпущенные впопыхах, пролетели все мимо, кроме двух последних.

Олень оказался самцом с уже начинающими отрастать молодыми рогами и сильно линяющей шерстью. Передние копыта основательно стерты. Видно, добывание здесь корма вследствие плотного снега представляет значительные трудности. Тощий страшно. Не только подкожного, но даже и внутреннего сала на брыжжейке почти совершенно нет. Взяли мясо, голову для коллекции, шкуру же бросили, так как она никуда не годна. Лагерем стали за мысом Мессера, пройдя всего из-за поземки и канители с оленем 17,3 километра. Здесь, судя по заструге, ветер дул прямо с востока, между тем как на предыдущей стоянке он бушевал все время с северо-востока. Ночью поземка окончательно утихла, так что утро наступило ясное и солнечное.

Едем попрежнему, близко прижимаясь к берегу. Однако дорога легче прежней, бродного рыхлого снега нет нигде. На земле довольно много песцовых следов, нередко попадаются оленьи, а у мысов в море частенько и медвежьи. Видели чаек-бургомистров, впервые в этом году.

Лагерь разбили, пройдя 30,1 километра.

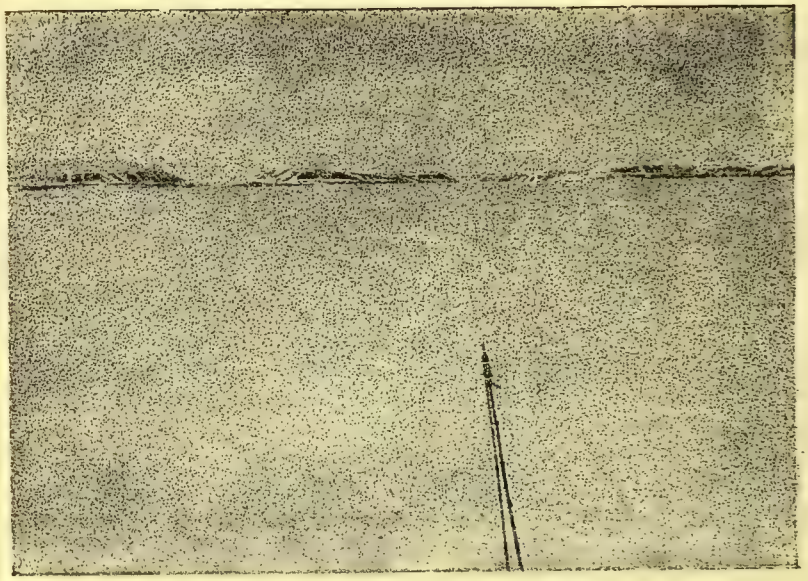
Ночью вновь началась пурга, продолжавшаяся и следующий день. Мы было уже приуныли, думая, что это опять затянется на 3—4 дня, но, к счастью, опасения оказались неосновательными. Через сутки пурга кончилась. Двинулись дальше и, пройдя 14,8 км, достигли мыса Евгенова. Здесь будет дневка, так как нужно определить астрономический пункт.

Мыс образует низменную галечную косу, далеко вдающуюся на юг в море. Торосоватые льды видны до пределов видимого горизонта и подходят к берегу, образуя прибрежную гряду нагромождения. Кроме того и на земле имеется окаймляющий вал до метра высотою из галечно-песчаного материала.

Таким образом на всем протяжении пролива Вилькицкого от мыса Неупокоева до мыса Евгенова льды в море торошены чрезвычайно сильно, по меньшей мере полосой шириною километров десять. Пробраться через них не только на собаках, но даже пешком дело невыполнимое. Поэтому нет ничего удивительного, что участники экспедиции Р. Амундсена зимою 1918/19 года попасть на Северную Землю не смогли.

Как только пришли, немедленно разложили приколы, крепко их укрепили и привязали к ним собак, так как здесь всюду и в море и на берегу много свежих медвежьих следов. После этого принялись за устройство лагеря. Только я начал раскладывать радиостанцию, чтобы установить, как подошел Ушаков и говорит: «Бери винтовку, идет к палатке медведь». Винтовка лежала тут же на санях в чехле. Вытянуть ее было делом нескольких секунд. Присели за сани и стали ждать. Медведь шел с моря смело на нас, но по временам останавливался, вытягивая шею, должно быть, чтобы лучше разобрать, что там такое, и внимательно принюхивался. Усталые собаки, свернувшись клубками, лежали цепочкой одна за другой и спали. Ни одна не поднимала головы. Возможно они-то, чернея, как лежащие нерпы, и заинтриговали зверя. Подойдя метров на пятьдесят, медведь скрылся за береговым валом и начал подползать из-за прикрытия, по временам осторожно выглядывая. Ясно: он подкрадывался к нам, принимая нас за свою добычу. Ушаков шепчет: «Как высунется, стреляем, а то кинется и может покалечить собак». Два выстрела прозвучали почти одновременно, как только зверь начал опять выглядывать. Он вздыбил, опрокинулся навзничь и кинулся наутек, но, пробежав метров сто, свалился, получив еще несколько пуль. Оказался крупным и упитанным самцом. В него попали все наши выстрелы. Первые две пули, пронизав грудь, вышли между лопатками и были безусловно смертельны, а он все же побежал.

Мясо, пока не замерзло, отделили от костей и нарезали на порции, по полтора-два килограмма каждая. Вышло



Пролив Шокальского. Вид от мыса Оловянного на берег о-ва Большевик.

Торошенные льды в проливе Вилькицкого. Май. 1932

80 кусков или пять полных кормежек, да кроме того досыта собак накормили. Шкуру бросили за невозможностью вывезти.

Пасмурно, с востока ползут низкие тучи, все время закрывающие солнце.

Ночью около 4 часов проснулись от страшного лая и воя собак. Особенно дико ревел Шайтан, как будто его уже тащил на завтрак медведь. Пулей вылетели мы из спальных мешков, схватили тут же стоявшие винтовки и выскочили из палатки.

Огромный зверь спокойно шагал мимо, метрах в пятидесяти, не обращая внимания на собачий гвалт. Мяса у нас было достаточно, медведь не питал агресивных намерений, и мы, не стреляя, любовались на красивое, мощное, полное своеобразной грации животное. Идя вдоль берега, медведь вскоре натолкнулся на остатки своего убитого собрата, спокойно взял в зубы шкуру с неснятым с нее салом и понес ее без всяких усилий, как бумажку, хотя весу в ней было не менее 100 килограммов.

На другой день пасмурно попрежнему, астрономические наблюдения невозможны. Приходится пережидать, но мы не беспокоимся, так как корма собакам имеется с избытком. По берегу среди гальки кое-где видны обломки полуистлевшего, уже негодного на топку плавника. У мыса Неупокоева он был значительно свежее и количеством больше, чем здесь. Значит приносит его, главным образом, енисейскими водами, а не ленскими.

13-го туман и низкие облака наконец стало разносить, и наблюдение удалось провести полностью. К вечеру тучи сгустились вновь, но теперь это уже не имело значения.

Ночью снова были разбужены диким собачьим ревом. Выглянули из палатки и видим картину: медведь стоит среди собак и нюхает Хорька, который лежит, сжавшись в комок, ни жив, ни мертв. Остальные, вырвав внешний конец прикола из снега (другой привязан к копылу саней), скрутились вокруг в сплошной клубок. Размышлять было некогда. После выстрелов зверь отбежал метров двадцать и упал мертвым. Оказался молодым самцом. Повидимому, зверь подкрался к спящим сытым собакам вплотную, приняв их за нерп, кинулся, избрав за объект охоты Хорька, но в последний момент остановился, пораженный и неожиданным запахом неизвестных ему животных и их видом. В этом состоянии недоумения мы его и застали.

14 мая тронулись в дальнейший путь вдоль восточного берега острова на север. Пеммикана у нас осталось 56 банок, что составляет запас обильного корма на 15 дней. Кроме того, берем еще медвежьего мяса на 3 кормежки. В общем корма должно хватить до фиорда Тельмана, если даже задержит пурга. А там на всем пути до дома у нас разбросаны мелкие депо.

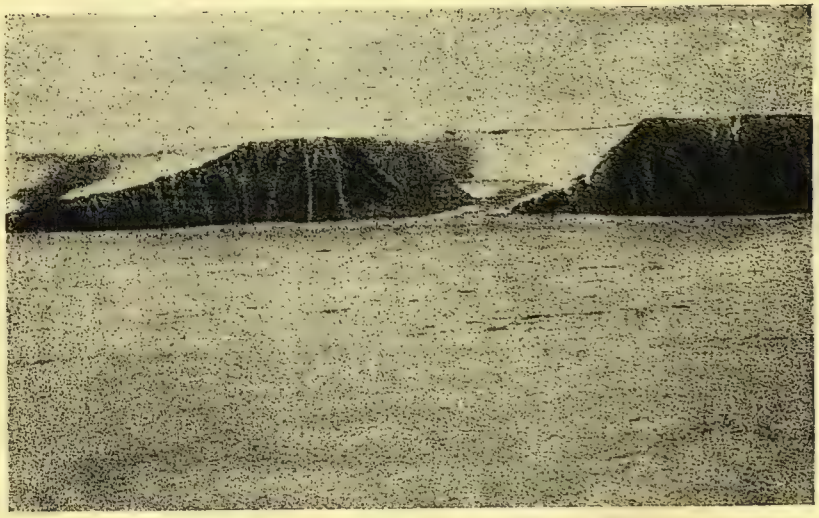
Проклятая Ведьма опять сорвалась с привязи. Как это она умудрилась сделать при двух карабинах, — совершенно непонятно. Теперь бегает кругом лагеря в 150—200 м и тявкает непрерывно. Поймать ее дело безнадежное. Оставить тоже нельзя. Все время будет крутиться около упряжек, раздражая всех своим бессмысленным лаем. Взял винтовку и, тщательно прицелившись в стоящий вдали черный силуэт, выстрелил. Собачонку словно что-то толкнуло, но она сорвалась с места и побежала, тявкая как ни в чем ни бывало. «Неужели промазал? — с ужасом подумал я. — Дьявольская скотина! И пуля ее не берет». Но нет. Пробежав шагов десять, Ведьма свернулась и упала на спину. Когда я к ней подошел, она лишь слабо болтала в воздухе лапами. Теперь от Милькиного потомства остался дома один кобелек Макач. Тоже сокровище не лучше Ведьмы. Журавлев его хотел взять в «обучение» и теперь, наверное, уже прикончил.

Едем вдоль берега, довольно пологого, по хорошей торной дороге. Километров через двадцать берег стал круче, образуя скалистые обрывы 10—15 м высотою. Торошенные льды поджаты к берегу, оставляя лишь узкую полоску в несколько метров шириною. Пробираемся по снежному косогору забоя, так как ни морем, ни сушей, где лежит много щебня, дороги нет. Сани то-и-дело кренятся, раскатываются, так что приходится все время бежать рядом, поддерживая то с той, то с другой стороны.

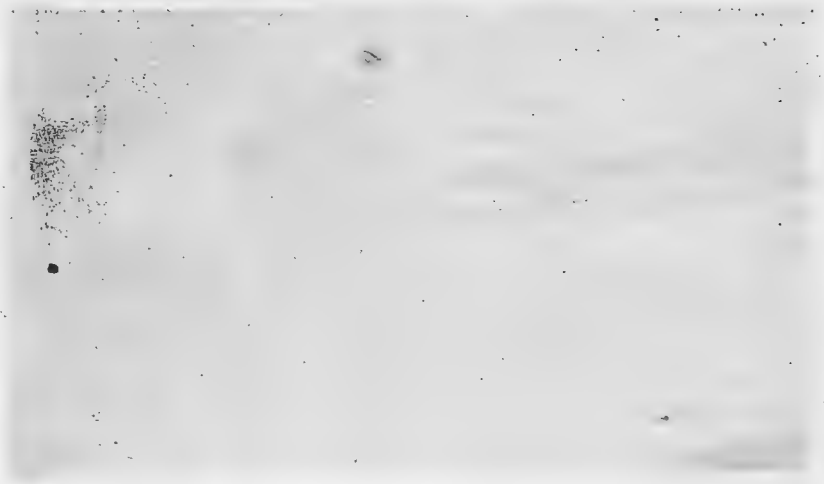
С большим трудом прошли 32,3 км и стали лагерем за небольшим мыском, окончательно измученные, и люди и собаки.

На другой день ясно и тепло. Всего — 3°. Берег и дальше такой же скалистый, обрывистый, с прижатыми торошенными льдами. Километра через полтора проход вдоль берегового обрыва, которым ехали вчера, кончился. Высокий вал хаотически нагроможденных торосов поджат вплотную, так что проезд невозможен. Береговой террасой ехать тоже нельзя, так как она почти оголена от снега и покрыта

Берег и торошенные льды у мыса Морозова.



Навеянный ледник и кар на восточном берегу острова Большевик.



сплошь крупно-щебенистыми продуктами физического выветривания. Да и такая терраса километра через три кончается. Отвесный скалистый обрыв высотою метров в триста спускается к морю отвесной стеной, причем огромные нагромождения торосов поджаты и здесь вплотную. Остается один путь: перебраться как-нибудь через прибрежный ледяной вал и ехать по морскому льду. В бинокль видно, что дальше, километров через десять, появляется снова терраса, а прибрежная зона становится низменной, так что ехать опять возможно. На том и порешили. Выбрав место, где ледяной вал имел всего метров сто в ширину, а в высоту метров семь-восемь, начали топором и ножами расчищать дорогу, чтобы сделать ее хоть немного проходимой. Некоторые торосы скололи, кое-где сделали ступеньки, так что пешком стало возможным кое-как карабкаться. После этого начали перетаскивать по очереди весь груз. Работа была не из легких, и, хотя мы трудились в одних рубашках, даже без свитеров, пот с нас лил градом. Погода стояла тихая, при легком морозе в —4°. В конце дороги за валом на примусе все время грелся чайник, так как жажда у обоих была страшная. После груза перетащили порожние сани, а потом собак, так как сами они перебраться самостоятельно, конечно, не смогли бы. В общем переправа заняла около восьми часов непрерывной работы. По окончании немедленно запрягли собак и двинулись дальше. Нужно было торопиться. В море километрах в восьми видна открытая вода, а трещины и разводья подходят почти к самому берегу. Стоит только задуть ветру с берега посвежее, как лед угонит, отрезав нам единственный путь к северу. Кое-как лавируя между грядами торосов, а где можно — и перебираясь через них, добрались часа через три до низменного берега, проезд вдоль которого опять действительно возможен. Здесь и остановились лагерем. Пока разбивали палатку и кормили собак, ветром с северо-запада льды развело и унесло в море. Теперь и около нас и там, где переправлялись на лед, плещется открытая вода. Во-время мы проскочили!

На другой день дорога беспрепятственна. Между коренными склонами и морем здесь расположена достаточно широкая хорошо сформированная невысокая терраса с отмелой береговой полосой, вдоль которой спокойно можно ехать. Нагромождения торосов в море тоже стали меньше.

Лагерем остановились в устьи речки, вытекающей из обширной ледниковой долины, теперь свободной от льда.

Пока за весь путь лишь в одном месте на восточном берегу мы встретили в долине глетчерный язык, да и то он далеко не доходил даже до террасы, кончаясь на высоте около 150 м над уровнем моря. Несомненно, ледниковые купола на этом острове занимают небольшую площадь и имеют весьма скромные размеры по сравнению с тем, что наблюдалось в прошлом году на острове Комсомолец. Зато следы былого мощного оледенения рассеяны повсюду. Особенно эффектны висячие долины.

17 мая. Дальше берег пошел еще более низменный с массой мелких заливчиков, бухточек и лагунок. Крутые обрывы коренного берега резко повернули под прямым углом на запад. Мы упорно стремимся к мысу. Давыдова, показанному на старой карте гидрографии, согласно данным экспедиции Вилькицкого, а мыса все нет как нет, хотя по пройденному расстоянию он должен уже быть.

На другой день картина та же. Отмели, лагуны и косы без конца. Отмелый берег идет все так же на север и северо-запад. В конце концов становится интересным, куда же наконец мы приедем.

Километров через тридцать пересекаем очень глубокую бухту — видимо, залив Ахматова старой карты. Но конфигурация его в таком случае совершенно иная. Тогда мыс Давыдова мы уже проехали, и теперь пошел берег, на карте не показанный. Впрочем всему бывает конец. На шестьдесят шестом километре от вчерашнего лагеря берег, наконец, решительно повернул на запад и дальше юго-запад. Очевидно здесь и находится северная оконечность острова Большевик. Тут решили стать лагерем, так как давно уже пора определять астрономический пункт.

Тянет пурга-поземка. Сквозь мглу на севере видны очертания каких-то гор. Однако мы были сегодня настолько утомлены, что отложили выяснение этого до завтра. Сейчас же, накормив собак и наспех поевши сами, повалились спать мертвым сном, утомленные длинной дорогой, так как ехали непрерывно более 16 часов. Пурга усилилась и продолжалась целые сутки, но против этого мы ничего не имели, отсыпаясь от тяжелых переходов предыдущих дней.

19 мая стало тихо и ясно. Провел астрономические на-

блюдения, предварительные вычисления которых дали для широты 79°26′, а для долготы 102°30′. Нанеся эти данные на карту Вилькицкого, к своему изумлению увидели, что точка легла далеко от показанного берега в море, всего километров в пяти от курса, которым шли «Таймыр» и «Вайгач». Суша, таким образом, отодвигалась к северу на целых 18′, или более чем на 32 километра. Все это было чрезвычайно странно. Прежде всего мы начали искать ошибку у себя. Я еще раз проверил вычисления, но они оказались в полном порядке. Наблюдения были проведены по полной программе и давали достаточно материала для взаимного контроля и проверки. Оставалось еще одно предположение: мы сбились со счета дней и один просчитали лишним. Принимая во внимание четырехсуточную пургу в проливе Вилькицкого, это было возможно. Однако данные пункта мыса Евгенова не показывают особых расхождений со старой картой. Переходы же от него сюда все наперечет. Тщательно обсудив и этот случай, пришли к заключению, что дата здешних наблюдений тоже верна.

Гористые берега к северу отсюда, благодаря ясному дню, видны сегодня особенно хорошо. Изучая их внимательно в бинокли, мы постепенно стали узнавать знакомые очертания восточной части острова Октябрьской революции. Взяв азимут на характерную трапецоидальную гору у мыса Анучина, положили его на карту от точки нашей теперешней стоянки и получили полное совпадение. Следовательно у нас все верно, а неправильна старая карта. Очевидно при съемке с судна зарисовывали коренной высокий берег, который хорошо приметен и действительно имеет примерно те же очертания, что и контуры острова на карте. Низменную же террасу сочли за береговой припай, тем более что все было покрыто, по сообщению участников экспедиции, свежевыпавшим снегом.

20 мая поехали дальше, попрежнему вдоль отмелого изрезанного берега. Налетевший туман значительно ухудшил видимость, так что итти пришлось, огибая все неровности берега, чтобы не пропустить их при съемке. Пройдя около 25 км, обнаружили, что огибаем глубокий залив, так как берег снова повернул на север. Туман опять сгустился, и мы стали лагерем, пройдя 30,3 километра.

Ночью подувшим северным ветром туман разогнало и кругом стало опять хорошо видно. Обогнув мыс, названный мысом Баранова, начали спускаться к югу. Через 20 км

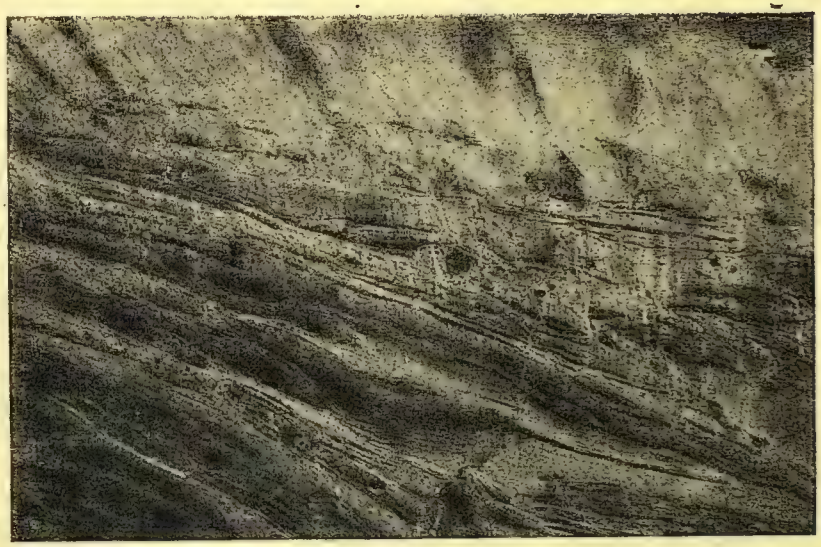
гористые склоны снова подошли к берегу и повернули, как и он, к югу. Это место на старых картах было названо мысом Визе. Мы и теперь решили сохранить данное название, хотя настоящего мыса по существу здесь нет. Отсюда путь идет уже по проливу Шокальского, который в первый раз мы проходили почти год тому назад. Дорога очень гладкая. Сильными ветрами, дующими здесь, как в трубе, вдоль пролива, снег снесло почти весь, а где он уцелел — плотен, как асфальт. Натренированные собаки бегут легко и дружно. Пройдя километров сорок, остановились, дали передышку собакам, немного подкормили их, подзакусили сами и поехали дальше, намереваясь добраться сегодня же до фиорда Тельмана и замкнуть, таким образом, маршрут.

Характер берега здесь тот же, что и в южной части пролива. Обрывистый берег, до 10—15 м высотою, далее терраса местами очень узкая и даже совершенно отсутствующая, за ней коренные склоны метров триста высотою, а потом уже увалистая с сглаженным рельефом внутренняя часть острова.

Пересекаем два фиорда: Партизанский и Спартак, по размеру меньшие, чем фиорд Тельмана. В Спартак спускается ледник. Кроме того, в двух местах глетчеры сползают по долинам и до уровня моря. Отсутствие при их окончании трещин айсбергов и крепкий неломанный морской лед свидетельствуют, что языки в настоящее время неподвижны и, по всем признакам, находятся в стадии регрессии.

Последние 10—15 км пути дались с трудом. Торошенные льды местами поджало к обрывистому берегу, так что кое-где пришлось перебираться через ледовые нагромождения. В фиорд Тельмана на место старого лагеря прибыли, пройдя с топографической и геологической съемками 70,1 километра. Это пока наш наивысший рекорд за все время работы на Северной Земле.

Собак не стали привязывать, чтобы они лучше отдохнули от тяжелого и длинного пути, рассчитывая, что усталые псы никуда не убегут. Вдруг Резвик из упряжки Ушакова встал, повел носом и помчался стрелой вверх по склону на террасу, за ним Тускуб, Шайтан, Хорек, почти все собаки и даже инвалид Ошкуй. Повидимому легким северным ветром нанесло запах оленей, бродивших где-то поблизости, и охотничья страсть у собак оказалась сильнее усталости. Некоторые, впрочем, вернулись скоро, но Резвик с компанией прибежали только через три часа. Вот тебе и уста-



Ледниковая стена у мыса Кржижановского. Видна складчатая слоистость и вмерзшие валуны.

Промысловый домик на Голомянном.

лость, и 70-километровый переход. Теперь-то мы уж всех привязали без всякого снисхождения.

На другой день провели астрономические наблюдения и этим закончили мы работу по съемке и изучению острова Большевик. Нужно скорее возвращаться домой, чтобы до начала распутицы обследовать еще мелкие острова в районе нашей базы.

Около пункта на крутом берегу сложили 20 банок — теперь уже лишнего — собачьего пеммикана и тронулись через пролив. Ночевали у пункта № 10 на мысе Свердлова, где воспользовались оставленными по пути в маршрут пеммиканом и мясными консервами. Вторым переходом в 57 км дошли до известнякового мыса, а третьим из-за пурги и глубокого рыхлого снега добрались лишь до астрономического пункта № 11, сделав всего 38 километров. Всего 38, а прошлый год мы были бесконечно рады, когда здесь удавалось проходить 5—6 километров. С обстановкой меняются и запросы.

На другой день, пройдя 30 км, дошли до мыса Кржижановского, где взяли оставленный пеммикан, напились чаю, подкормили собак и тронулись дальше к полуострову Парижской Коммуны.

Несмотря на мороз (около —7°), с обращенной на юг ледниковой стены около мыса Кржижановского бежит вода, так что у подножия скопилось уже целое озерко. Лед здесь грязный, содержит валуны и ил, а потому энергично поглощает тепловые лучи в упор сейчас освещающего солнца. Слышно журчание стекающих с обрыва струек, а по временам раздается шум падения вытаявшего и обвалившегося валуна. Если сейчас, в морозное еще время, идет такое энергичное разрушение, то что же творится в теплое летнее время? Нужно думать, что ежегодно ледник здесь убывает по меньшей мере на несколько метров. После ночевки на полуострове Парижской Коммуны поехали со съемкой вдоль северо-восточного края островов С. Каменева. Юго-западная их кромка заснята нами по пути из дома. Таким образом и эту группу можно считать обследованной.

Домой прибыли 28 мая утром, пройдя за маршрут 1118,9 км в 45 дней, из которых в пути были 32.

Дома все благополучно. Несмотря на недостаток собак, вследствие чего далеко и много ездить не приходилось, Журавлев добыл целых 12 медведей, из них 10 у дома и только 2 на Голомянном. У молодых сук Альфы и Тайги и их ма-

маши Сучки появились целых 16 щенков. Живут все вместе дружно, только воруют щенят друг у друга, причем каждой хочется захватить побольше. Теперь к осеннему сезону собак у нас будет больше, чем вначале, при приезде. «Бить не перебить и ездить не переездить», по словам Журавлева. И все молодежь, да какая! Ходившие с нами в маршрут 8-месячные щенки работали изумительно, значительно превосходя старых собак в выносливости, а некоторых даже в силе. Петух так тот, пока отпрягали и сажали остальных на прикол, успевал передраться со всеми раз по пяти, как будто перед этим он совсем и не работал.

На Голомянном Журавлев выстроил охотничье-промысловый фанерный домик, с небольшим двориком-загородкой для собак. За отсутствием материала стены ординарные, поэтому в зимнее время там будет не теплее, чем в палатке. Сейчас же, если подтапливать печку, по его словам, свободно можно сидеть раздевшись.

Погода неважная, начинается пурга, это задерживает наш выезд в последний, по счету пятый маршрут.

1 июля погода улучшилась, и мы выехали сначала на базу Серпа и Молота, а потом уже в обход острова Пионер, если это остров, в чем еще следует убедиться.

Продовольствия берем с собою на 10 дней, да еще пополним запасы на складе. Едем попрежнему вдвоем.

Курс взяли на перемычку острова Среднего, а с него прямо на гору Серпа и Молота. Сразу от острова пошли довольно сильно торошенные однолетние льды. Впрочем торосы почти полностью забиты снегом, так что ехать можно без особых затруднений. Через 15 км лед пошел многолетний, старый. Таким образом, прошлый год его вдоль островов С. Каменева выламывало, но в глубине пролива Красной армии он стоял, образуя припай по линии мыс Крупской — полуостров Парижской Коммуны.

К базе — главному депо — приехали уже вечером. Невзломанные льды шли вплоть до него. У большого валуна на левом берегу речки лежит еще около 100 банок пеммикана собакам, а на правом 25 банок, 2 бидона керосина, ½ ящика галет и цинковый ящик трехлинейных патронов. Сверх этого мы привезли с собою и оставили ½ ящика галет и 1 бидон керосина, так как Георгий Алексеевич собирается сюда приехать на весь июль для сбора зоологических и ботанических материалов.

На другой день выехали на северо-запад через пролив

Красной армии к острову Пионер и поехали вдоль его берега на север и северо-запад.

Километров через пятнадцать стало ясно, что это действительно остров, четвертый по счету в архипелаге Северной Земли и самый маленький, как и подобает пионеру. От острова Комсомольца он отделен проливом, названным нами Юнгштурм, шириною от 4 до 12 километров. Льды в нем невзломанные прошлогодние.

На другой день прошли пролив и остановились на мысе Буденного, где нужно определить астрономический пункт, так как в прошлогоднем маршруте он был сделан недостаточно точно. У мыса, сложенного известняками и имеющего около 20—30 м над уровнем моря, льды однолетние, довольно сильно торошенные. Между ними гладкие поля, несомненно полыньи, замерзшие позднее, до ½ км и более в поперечнике. На запад в 5 км видна полоса воды, довольно широкая и еще увеличившаяся во время нашей стоянки.

5 июля благодаря ясной, тихой и теплой погоде наблюдения удалось провести по всем требованиям астрономической науки. По гладким полям «пайдам» бродят медведи. Один, заметив палатку, направился было к ней, но, почувствовав опасность, скоро повернулся и живо удрал подальше. Другой, не обращая на нас внимания, долго ходил по льдам, выискивая нерпичьи залежки. За недостатком времени мы их не трогали.

По завершении астрономических наблюдений поехали дальше. Поджатые к берегу у мыса торошенные льды вскоре отошли, отделяясь многолетним припаем в 2—3 км шириною. Здесь на куче старых полуобтаявших торосов заметили медведицу с медвежонком, которые сладко спали, пригретые весенним солнышком. Звери были совершенно неподвижны, так что мы долго рассматривали их в бинокли, недоумевая, живые ли они, или дохлые. Только в полукилометре, заслышав шум полозьев, мамаша, наконец, проснулась, соскочила и бросилась наутек.

Несколько дальше, километрах в четырех отсюда, на гладком и ровном поле в несколько километров шириною захватили молодого медведя, караулившего у лунки нерпу. Мы довольно долго гнались за ним на собаках и уже почти настигали, как подошли спасительные торосы, в которые зверь живо и улизнул. Это была бешеная азартная скачка. Медведь несся впереди не более как в 40—50 м., смешно тряся своим жирным мохнатым задом, а за ним с подвы-

ванием и визгом мчались наши осатанелые упряжки. Можно было бы стрелять, но нам хотелось загнать зверя живьем, как это однажды сделал Журавлев. Если бы не торосы, вероятно это удалось бы, так как миша под конец начал явно выдыхаться. Сидя на санях, я заснял, с риском вылететь на толчках, всю эту сцену на кинопленку аппарата «Кинамо-автомат».

Обогнув остров с запада, заезжаем в глубокий залив, принятый ранее, прошлый год, за пролив. Назвали его заливом Калинина. С юга он ограничен полуостровом, причлененным к суше лишь узким низменным перешейком едва в километр шириною. Сравнительно недавно этот участок представлял отдельный островок, и лишь недавно, благодаря общему поднятию всего архипелага, причленился к острову Пионер, составив с ним одно целое.

Лагерем стали в глубине залива Калинина. Здесь по берегу уже довольно много проталин. Много следов леммингов, а еще больше валяется их дохлых. Повидимому зверьки поражены какой-то эпизоотией. Опасаясь за собак, мы строго следили, чтобы они не поедали трупов, и немедленно привязали, как только разбили лагерь. 7 июля, обогнув полуостров, выехали на южную сторону острова Пионер и, проехав вдоль его на восток, сомкнулись с первоначальной точкой маршрута. За день со съемкой прошли 76,1 км, побив свой предыдущий рекорд.

Ледниковый купол, расположенный на этом острове, здесь нигде не подходит к берегу, образуя правильное сферообразное тело, внутри, но не в центре, а в северо-восточном углу. Высота купола около 300 м над уровнем моря, толщина льда в центральной части вероятно 150—200 метров.

Сомкнувшись с начальной точкой нашего маршрута, мы этим закончили его и тем завершили наши двухлетние работы по съемке и изучению Северной Земли. В дальнейшем эту работу следует продолжить в отношении как детализации, так и углубления отдельных вопросов. Но это уже дело будущего. Мы же свою задачу предварительного общего исследования как будто выполнили.

На небе, доселе ясном, появились зловещие чечевицеобразные облака, предвещающие пургу, потепление, а в связи с поздним временем может быть и дождь. Не желая застрять по прошлогоднему, немного отдохнув, собрались и отправились домой на острова С. Каменева, куда и приехали благополучно 8 июля в 14 часов.

ГЛАВА XII

Возвращение домой. Появление белух у Голомянного. Гуси у дома. Хозяйственные работы. Охота на Голомянном. Киносъемка медвежьей охоты. Вскрытие льдов. Гнездовье гусей. Последняя охота. Сборы к отъезду. Встреча с «Сибиряковым». Приход «Русанова». Отплытие. Постройка станции на мысе Челюскина. Полет на Северную Землю. «Русанов» снова на Северной Земле. Возвращение в Архангельск.

Облака не обманули, на другой день погода резко испортилась. Все небо обложило свинцовыми тучами, задул резкий юго-запад, потеплело, пошел сначала мокрый снег, а потом дождь. К вечеру температура + 3°,0, шторм с юго-юго-запада, сильный дождь. Мы сидим в комнате, мирно попиваем чай, покуриваем, не обращая внимания на погоду. Теперь она нам не страшна.

Вечером с острова Голомянного вернулся Журавлев, уехавший туда еще до нашего приезда, и сообщил, что там льды взломало и много чистой воды. Видел несколько стад белух, шедших к северу. Это сообщение очень интересно. Прежде всего белуха как животное, дышащее легкими, никогда не ходит в невзломанные льды, где нет разводьев и ей нельзя вынырнуть, чтобы перевести дыхание. Далее — в зимнее время белуха держится в Баренцовом море у кромки неподвижных льдов, а затем, по мере их вскрытия, мигрирует дальше к востоку.

Присутствие у Голомянного белух свидетельствует, что в настоящее время льды Карского моря до Новой Земли и Земли Франца-Иосифа уже взломало. Следовательно прогноз в отношении навигации в Арктике нынче очень благоприятен.

Погода несколько улучшилась, дождь прекратился, но тепло попрежнему. Снег сильно раскис, напитался водою

и уже не держит саней. Во-время мы кончили маршрутную работу.

Послал просьбу в Ленинград Астрономическому институту сообщить мне величины координат солнца и их изменение в дни, когда производились нами астрономические наблюдения. Эти величины, эфемериды солнца, даются в астрономических календарях, но когда мы уезжали сюда в 1930 году, можно было достать календарь лишь на 1931 год, да и то в английском издании. Без знания же эфемерид невозможно вычислить точно координаты астрономических пунктов, а значит нельзя и нанести на карту результаты съемочных работ нынешнего года.

Погода все та же. Сегодня, 12-го, видели несколько стай гусей, летевших на север и восток по направлению к Северной Земле. Прошлый год мы видели первых гусей 16-го на 4 дня позднее, и притом в проливе Шокальского, на пол градуса южнее. Здесь же, на островах С. Каменева, гусей прошлый год не видели совершенно. Это свидетельствует, что лето нынешний год будет теплее прошлогоднего.

Ушаков с Журавлевым уехали на охоту на Голомянный. Построенный на его северном мысу домик размером 3 × 3м позволяет жить теперь там с комфортом. У железной печки можно обогреться и обсушиться, а на койках спокойно выспаться.

Верх нашего острова уже полностью обтаял, и, привлеченная этим, на него невдалеке от дома села стайка гусей, из которой я убил двух. Через два дня вернулись охотники. Воды на Голомянном стало еще больше. Много нерп и зайцев. У домика на припае убили двух медведей.

В ожидании сообщения эфемерид проявляю фотопластинки, заснятые в маршрутах, переписываю геологические дневники и перечерчиваю планшеты топографической съемки.

Ушаков с Ходовым понемногу принялись за уборку. Сейчас моют с мылом выкрашенные в белую краску стены и потолок в доме. За зиму они изрядно подзакоптели и от ламп и от табаку. Журавлев почти все время пропадает на Голомянном. Собак теперь много, и он может ездить сколько и куда захочется. Вот и отводит душу. В лагуне появилась вода и начала подтапливать мой кабинет для научных занятий — магнитную будку. Пришлось в срочном порядке копать через снежный забой в горле лагуны канаву, чтобы спустить воду в приливную трещину.

Дорога очень испортилась, на морском льду вода и снег вместе и порознь, повсюду в больших порциях. Ездить невозможно, нужно ждать, когда снег стает, а вода сбежит в полыньи и прибрежные приливные трещины. Журавлев по случаю распутицы засел дома. Бреет сало с белушьих шкур и складывает его в порожние бочки из-под керосина и бензина. Погода ясная и теплая, почти все время держится + 2° — + 3°. Пользуясь этим, между домом и радиостанцией наверху острова натянули тросы и развесили на них сушить медвежьи шкуры. Зрелище получилось весьма внушительное, так как их набралось более 70 штук. Всего же, считая медвежат и добытое в маршрутах, нами убито около сотни медведей.

Июль. Погода попрежнему на удивление ясная, солнечная и теплая + 3°, + 4°. «Как в Крыму», шутим мы и ходим по-летнему без шапок в одних рубашках.

Снег исчезает прямо на глазах. На острове его уже нет, да и на морском льду тоже остается немного. Зато воды разливанное море.

Сегодня днем, выглянув из окна дома, увидел идущего по льду пролива от острова Среднего крупного медведя. Подпустив его шагов на полтораста, дружным залпом положили зверя на месте. Это наш сотый по счету медведь. Оказался крупным и жирным самцом.

К половине июня вода со льда начала быстро сбегать и скоро опять стало возможно ездить.

Ушаков с Журавлевым по этому случаю уехали на «дачу» на Голомянный, я же засел срочно за вычисления астрономических пунктов, так как телеграмма с эфемеридами из Ленинграда, наконец, пришла.

Охотники вернулись через три дня. Убили моржа одиночку, двух гусей казарок и гагу самца.

Закончив вычисление астрономических пунктов, которых нынешний год было немного, — всего 5, поехал, чтобы отдохнуть от кабинетной работы с Журавлевым на охоту на Голомянный. На льду пролива воды почти не осталось. Много нерпичьих продухов, около которых спят, пригревшись на солнышке, нерпы. Одну из них, зазевавшуюся, мимоходом застрелил Журавлев, «прихватить на корм собакам», по его словам, хотя мяса на Голомянном лежит наверное уже не меньше двух тонн. Такова уж его ненасытная охотничья натура. Пропустить добычу он не может, это свыше его сил.

У Голомянного от мыса к северу и вплоть до острова Пионер видна чистая вода без единой льдинки. Между Средним и нашим островом прижало северным ветром ломаные льды. На них Журавлев немедленно усмотрел медведя, но ехать к нему на собаках нельзя, так как льды битые с разводьями. Тогда я остался на берегу наблюдать за зверем, а Сергей помчался к домику за промысловой лодочкой. Вскоре он вернулся, оставил собак на мое попечение, а сам пошел к зверю, таща за собою лодочку на веревке. Кроме киля у нее по бокам поставлены небольшие полозки-кили, так что по снегу и льду она идет беспрепятственно, тем более что и весит-то не более 40 килограммов. Медведь продолжал меланхолически бродить, выискивая и вынюхивая нерпичьи лунки и залежи. Заметив подкрадывающегося к нему Журавлева, он в свою очередь начал его скрадывать, принимая, очевидно, за нерпу, которую искал все время. Было интересно наблюдать, как охотники подбирались друг к другу по очереди, прячась за торосы и осторожно выглядывая. Наконец, сошлись шагов, вероятно, на сто. Тогда Сергей смело вышел и направился к зверю, который сначала остановился в недоумении, пораженный нахальством «нерпы», а затем, поняв опасность, кинулся наутек, но тут же ткнулся от меткой пули. Журавлев, быстро сняв шкуру и разделив тушу на части, на что он великий мастер, перетащил добычу в два приема к саням, которые я подогнал к месту охоты, насколько это было возможно. Погрузив добычу на сани, доставили ее к домику. Стоит он на самом промысловом месте, в 100—150 м от крайней северо-западной оконечности острова, где всего дальше держится открытая вода. Внутри помещения стоит стол, печка, две койки, одна над другой, по стенам ряд полок, висит рукомойник. Печка топится плавником, который кое-где можно собирать по косам и отмелям наших островов, и зверовым салом. На север, запад и восток в стенах прорезаны небольшие окошки, позволяющие наблюдать море на все стороны. Стекла окон могут отодвигаться, так что при желании можно стрелять, не выходя из помещения. Дверь, обращенная внутрь острова, выходит в загородку, где можно держать собак, чтобы они не бегали и не пугали лаем приходящих медведей.

Внутри помещения достаточно просторно, площадь 3×3 м позволяет без особых стеснений разместиться

двоим. Если обшить домик вторым слоем фанеры и засыпать промежуток опилками да постелить потолок, выйдет хорошее теплое помещение, в котором при нужде можно даже жить зимою. А для периодических приездов на промысел и желать лучшего ничего нельзя. Наши преемники получают прекрасное наследство. Лишь бы не ленились ездить на охоту, а без свежего мяса не останутся.

Поджарили на сковородке на печке медвежьи бифштексы, напекли лепешек и напились чаю — лучше не надо. Журавлев, как хозяйственный человек, навез сюда всего: посуды и всякого продовольствия вплоть до муки и конфет чуть не на месяц. Наевшись, легли спать. Несмотря на то, что печка не топилась, в помещении достаточно тепло, чтобы спать без мешка под одним полушубком.

На другой день Сергей пошел высматривать нерп и зайцев, а я отправился на базар ледяных чаек в средней части острова посмотреть его и поснимать на кино.

Чаек здесь несколько тысяч штук. Гнезда устроены прямо на земле, на поверхности отдельных возвышенностей, где суше, в углублениях неровностей почвы и между камнями. Гнезда расположены очень густо, иногда на квадратный метр приходится до десятка и больше. Сейчас период насиживания и вывода птенцов. В ямках, выстланных пухом, лежат 1—3 довольно крупных темно-зеленых с черными крапинками яйца. Кое-где уже вывелись птенцы. В противоположность своим ослепительно белым родителям они серого цвета. Белые перья появляются лишь потом, полностью отрастая только ко второму году.

Птенцы встретили меня не очень враждебно. Сразу было видно, что с человеком они совершенно не знакомы и потому мало пугливы. Пока я еще шел, чайки галдели и крутились стаей над головой, норовя ударить крылом или клювом, но потом, когда я сел на камешек, очень быстро все успокоились и рассеялись по своим гнездам, иногда настолько близко, что до птицы можно было свободно достать рукой.

Закончив фотографирование и киносъемку, вернулся обратно в охотничий домик. В море чисто, с севера идет крупная зыбь, около мыса шумит сильный прибой. Очевидно льдов нет на значительном пространстве. На мятых льдинах между островами зверя совершенно не видно, даже нерпы куда-то скрылись. Однако Журавлев решил еще пожить здесь 2—3 дня. «Охотника час кормит», утверждает

он — и не без основания. Я же, отдохнув и напившись чаю, пошел обратно домой, по пути осматривая обнажения и собирая образцы. На базу пришел уже ночью, обремененный обильным количеством каменного материала, так как во многих местах в береговых обрывах в известняках нашлась богатая фауна, преимущественно кораллов и строматопор.

Припай и здесь, у дома постепенно обламывается. Сейчас его ширина не превышает 4—5 километров. Дальше — открытое море.

Из Ленинграда от Института Севера, теперь переименованного в Арктический институт, получено сообщение, что суда «Русанов» и «Сибиряков» выходят из Архангельска 26-го. «Русанов» доставит сюда смену и запас продовольствия, затем заберет нас и пойдет к мысу Челюскина для постройки там полярной станции. Начальником на судне Р. Л. Самойлович.

«Сибиряков» под начальством О. Ю. Шмидта намерен пройти сквозным путем во Владивосток в одну навигацию, то есть проделать то, что до сих пор никому еще не удавалось. По пути «Сибиряков» зайдет к нам, а затем пройдет одним из проливов в море Лаптевых, пополнится в устьи реки Лены в бухте Тикси углем, откуда уже двинется на прямую до Берингова пролива.

Журавлев вернулся через три дня. Больше ничего он не видел, даже нерп. В море льда, по его словам, нет поперек, хотя прижимные северные ветры дуют уже много дней подряд. Сергей полагает, что к северу от Голомянного есть еще нам неизвестные острова, которые и задерживают подгоняемые ветром ледяные поля. Иначе трудно представить, куда делись льды Арктики.

Пасмурно, временами туман, ветер сменился на южный. От кромки припая против дома доносится рев морского прибоя. Если такая погода простоит 2—3 дня, припай у нас разломает полностью.

Сегодня была интересная киносъемка. Ушаков увидел у дома на припае медведя, пригласил Журавлева, и они вдвоем вместе с собаками быстро его окружили. Слегка раненый зверь, спасаясь от преследования, залез в небольшую полынью, где и отсиживался. Меня об этом оповестили, и я примчался, вооруженный кинамо и несколькими кассетами. Медведь, довольно почтенных размеров, плавал в проруби, по временам нырял, отфыркивался и злобно шипел на

окружавших собак. Впереди всех суетился, конечно, Ошкуй. Когда зверь нырял, он даже совал голову в воду, чтобы узнать, куда вдруг исчез медведь. После фотографирования плавающего и ныряющего зверя решили вызвать его из воды, чтобы снять на льду во всей красе. Но сделать это оказалось не так-то просто. Чувствуя опасность, медведь никак не хотел вылезать. Тогда мы начали бомбардировать его снегом и осколками льда. Одна из глыб, удачно брошенная Ушаковым, попала зверю прямо в нос, это очевидно вывело его из себя, и он полез на лед. Метрах в шести стоял, снимая, я, а по бокам с винтовками наготове — мои товарищи. В момент, когда медведь уже вылез на половину, кончился завод пружины автомата. Пока я ее закручивал снова, зверь уже почти вылез, так что этот отрезок охоты из съемки выпал.

Когда аппарат заработал снова, медведь выкарабкался, отряхнулся от воды и кинулся на нас. Едва ли, впрочем, у него были агрессивные намерения. Скорее всего тут виною были собаки, наседавшие сзади. Мы же стояли неподвижно и потому казались менее опасными. Впрочем, каковы были истинные медвежьи намерения, выяснять было некогда. Когда зверь был уже в 2—3 шагах от меня, поднялась с обеих сторон поспешная стрельба, медведь кувырнулся мертвый и подкатился под ноги, так что пришлось посторониться. Все это произошло, как потом было видно по киноленте, в несколько секунд, мне же, снимавшему, показалось, что вся эта процедура длилась довольно долго, не меньше минуты.

Потом товарищи смеялись, что во время завода пружины, когда медведь вылезал, я кричал ему «постой, постой, подожди минутку», но, возможно, это они просто подтрунивали над моими киноувлечениями.

Ночью южный ветер сменился на северный, взломанный прибоем лед припая стало разводить и постепенно выносить в море. К утру осталась лишь прибрежная полоса километра в полтора шириною. Дальше чисто. Днем ветер дошел до силы шторма. Припай оторвало по приливной трещине и унесло.

Теперь всюду до берега чисто. Стоят только кое-где на мели нагромождения торосов, намятые еще в феврале во время сильного напора льдов.

Итак нынешний год море вскрылось и лед вынесло у дома 20 июля, а в прошлом году это событие случилось лишь

— 13 сентября, то есть почти на два месяца позднее. Разница существенная.

Через два дня шторм стих. Спустили шлюпку, наладили мотор и поехали на осмотр берегов. В море всюду чисто, лишь кое-где плавают одинокие мелкие льдинки. Прямо поразительно. У берегов местами видны остатки припая да примелившиеся зимние нагромождения торосов. У Голомянного чисто. Лишь между ним и островом Средним, упираясь в соединяющую косу, набит ломаный лед. На нем теперь чернеют лежащие туши нерп, зайцев и как будто даже морж. На обратном пути забрали гостившую на чаяшном базаре Попадью. Она исчезла из дому уже недели две. Мы ее считали погибшей, предполагая, что ее унесло с припаем, когда последний оторвало.

К дому проехали проливом между нашим островом и Средним. Льда здесь тоже нет. На восток от острова Среднего, по направлению к Северной Земле льды тоже взломало, но еще не вынесло. Всюду видны многочисленные черные точки — лежащие нерпы и зайцы. Если бы мы оставались еще на зимовку, заготовить мясо сейчас было бы весьма легко.

По ручью на берегу острова встретили пару гусей-казарок с пятью довольно уже крупными пуховыми птенцами. Очевидно птицы здесь гнездовали. Факт интересный, свидетельствующий, что в благоприятные годы гуси могут забираться очень далеко на север, вплоть до 80° широты.

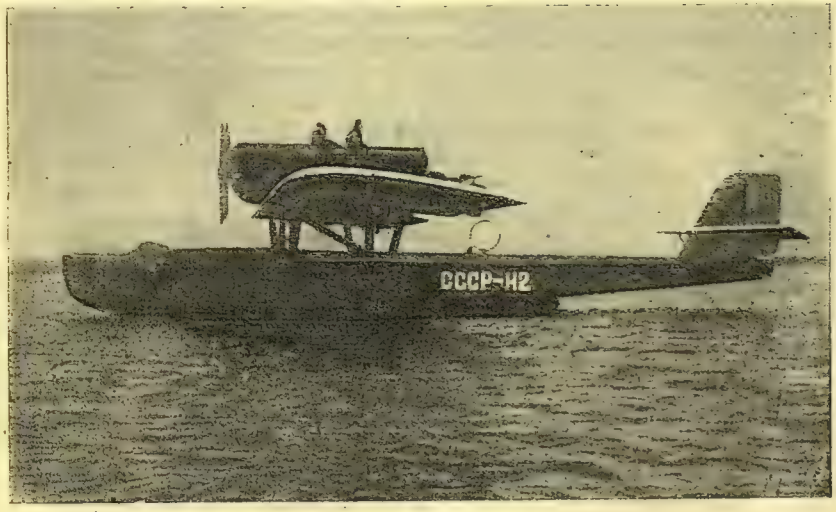
Заканчиваю обработку материалов. Геология уже вся приведена в порядок. Образцы завернуты в бумагу и уложены в чемоданы. Пункты вычислены. Сейчас занят составлением карт, надеюсь, что к приходу судов успею их закончить, и мы сможем продемонстрировать результаты наших двухлетних трудов.

Ушаков с Журавлевым поехали на шлюпке на охоту на восточную сторону острова Среднего, где между ним и Северной Землей имеются ломаные льды. Мы видели прошлый раз с вершины острова Среднего, что там лежит много зайцев и нерп и, стало быть, промысел должен быть хорошим. Пловучих льдов нынешний год мало, а ластоногие нуждаются в периодическом отдыхе и потому, естественно, должны там скопиться в порядочном количестве.

Я остался заканчивать карты.

Наши охотники вернулись через три дня и привезли целую шлюпку — более тонны — мяса. Убили четырех зайцев

Трофеи охоты.



Самолет Н-2 у острова Домашнего

и двух медведей. Все на пловучих льдах. Да еще двух зайцев на воде, но последних не успели загарпунить, и они утонули. В общем нашим преемникам, считая и лежащее у охотничьей избушки на Голомянном, останется в наследство не менее двух тонн мяса. Это на первое время, пока они не осмотрятся и не ориентируются в обстановке, более чем достаточно.

Путники рассказали много интересного. Они проехали вдоль острова Среднего на юг и проливом между ним и полуостровом Парижской Коммуны вышли к Северной Земле. Льды и здесь оказались всюду взломанные, крупнобитые с широкими разводьями. На льдинах по своему обычаю у самого края, чтобы свалиться при малейшей опасности в воду, лежали, греясь на солнышке, нерпы и зайцы. Поставив мотор на самый тихий ход, с прикрытым глушителем, охотники подъезжали к зайцам вплотную. Те, видя белую шлюпку с темными неподвижными фигурами сидящих в ней людей, принимали ее за грязную льдину и только таращили глаза, прислушиваясь к непонятному рокочущему шуму приглушенного мотора. На льду в поисках добычи бродили и медведи. Последнего убили у шлюпки, к которой он подошел сам на зов Журавлева. Дело было так. Охотники, набив достаточно мяса, стали уже собираться в обратный путь, как вдруг заметили идущего невдалеке по льдине медведя. Шутки ради Сергей начал кричать: «Эй, эй, приятель, иди сюда!» — и, к их изумлению, зверь повернул и пошел к шлюпке. Пока они сидели на банке и курили трубки, он неукоснительно подвигался к ним, по-видимому чем-то крайне заинтересовавшись. По временам зверь останавливался, чтобы присмотреться, а главное — принюхаться, но ветер был неудобный, как раз от него, так что ничего подозрительного учуять он не мог, зрением же медведи похвастать не могут. В минуты медвежьей нерешительности Журавлев покрикивал: «Ну что же ты, иди, иди!». Дело кончилось тем, что мишка подошел метров на сто и, конечно, был застрелен, хотя в результате шлюпка оказалась до-нельзя перегруженной.

Август. На море чисто, даже отдельных льдинок не видно. Трудно поверить, что еще месяца два назад все было сплошь заковано в ледяную броню.

Начинаем постепенно собирать имущество. Выбрав ясный солнечный день, свернули и затюковали в кипы по пять штук медвежьи шкуры. Набралось всего 74 штуки. Себе

выбрали по паре, какие кому приглянулись. Я взял медведя, убитого мною зимою у магнитного домика по сигнализации, и еще одного.

Карты в карандаше закончил, сейчас тороплюсь вытянуть в туши, и тогда все будет сделано. Пароходы могут приходить.

Сегодня с Новой Земли из Маточкина Шара получена информационная телеграмма О. Ю. Шмидта. «Сибиряков», идущий сквозным северо-восточным проходом, вышел из Архангельска 28 июля и 1 августа прошел Матшар. На Диксоне, где будет пополняться углем, рассчитывает быть 6-го, и этот расчет более или менее точен, так как, по сведениям воздушной разведки, в Карском море льды очень слабые.

«Русанов», который нас будет снимать, вышел 30-го. На нем судовым врачом едет моя жена. Едет также и жена Георгия Алексеевича.

Туман, пасмурно, ветер преимущественно северный и северо-восточный. Появились белухи. Сегодня довольно крупное стадо прошло мимо нашего мыса. Несмотря на то, что мяса более чем достаточно, Журавлев не смог удержать охотничьего пыла, стрелял и убил двух. Однако достать их не удалось. Пока спускали шлюпку, туши уже унесло ветром в море, где из-за тумана мы их найти не смогли, хотя колесили кругом часа два-три.

6-го «Сибиряков» и «Русанов» пришли на Диксон, но иностранного угольщика с углем для них пока еще нет, вероятно прибудет в ближайшие дни.

10-го он, наконец, прибыл, а 11-го в 20 часов оба ледокола вышли сюда. Так как льдов почти нет, или они всюду очень слабые и разреженные, то суда пойдут без задержки. Прибытия их к нам нужно ждать 14—15-го, не позднее.

Пора собирать имущество. Впрочем у нас его не очень много. Коллекции уже уложены. Остались лишь личные вещи да научные приборы и инструменты, которые взяты во временное пользование у разных учреждений.

Пользуясь отсутствием льда и спокойной погодой, произвели промеры глубин в проливе около нашей базы. Оказывается, сюда морские суда могут заходить совершенно свободно. Например, против магнитного домика всего в расстоянии 50 м от берега глубина достигает 15 метров. Грунт — глина. Таким образом здесь судно может спокойно стоять и выгружаться, защищенное от всех ветров, между тем как

там, где стоял два года тому назад «Г. Седов», это возможно лишь в штилевые погоды или при ветрах северных румбов.

Сегодня 12-е. Пароходы идут полным ходом. Льда ими пока нигде не встречено. Вот тебе и Карское море, и Арктика! Вечером имели с судами радиотелефонную связь. Ходу им осталось всего 195 миль. Завтра можно ждать их появления в нашей «гавани».

Вещи у всех уложены, карты у меня готовы, и мы чувствуем себя в некотором роде уже гостями.

Сегодня мне еще пришлось взять на себя тяжелую миссию — перестрелять всех наших инвалидов. Особенно жаль было Ошкуя. Есть он самостоятельно уже давно не может. В последних маршрутах весною этого года мы его кормили болтушкой, для чего в банке таяли собачий пеммикан, разбавляя его водой до консистенции сметаны, а он этот корм суслил сквозь небольшую щель пасти, которую ему еле удается раскрывать. Собака так к этому корму привыкла, что, когда начинали в первую очередь кормить собак, она не обращала на это никакого внимания. И только потом подходила к входу в палатке и умильно ждала своей порции.

Здесь дома ее тоже кормили специально или пеммикановой болтушкой, или мелко нарезанными кусочками мяса.

Конечно, если бы мы остались и еще на зиму, то, помня его усердную работу, продолжали бы кормить и заботиться об Ошкуе. Но едва ли это будет делать следующая смена, для которой «Ошкуй» лишь пустой звук. Они постепенно забудут его кормить, и бедная собака окажется обреченной на медленную голодную смерть. Отвел я Ошкуя к обрыву и оказал ему последнюю услугу, а море похоронило его труп.

Ночью 13-го «Сибиряков» из-за тумана стал на якорь примерно в 30 милях от нас, не вполне уверенный в своем местонахождении. Пользуясь нашим радиопеленгаторным приемником Телефункен и составленной картой, мы определили их нахождение, сообщив по радио координаты стоянки судна и румб, по которому лежит станция. Судно снялось с якоря, и вскоре в расходящемся тумане показались его неясные абрисы милях в трех.

В ожидании, мы еще накануне все тщательно побрились, подстригли друг друга и вынули свои лучшие городские «праздничные» костюмы, считая бороды, грязные, засален-

ные костюмы и длинные нечесаные волосы признаком дурного тона тех квази-полярников, которые щеголяют и гордятся этим как неоспоримым доказательством их арктического стажа.

Шлюпка у нас уже была наготове. Завидев судно, мы немедленно завели мотор и выехали навстречу пароходу, сойдясь с ним еще в море, вдали от берега. Через несколько минут мы находились уже на борту, приветствуя всех и пожимая руки направо и налево. Большинство — старые знакомые. Тут и начальник О. Ю. Шмидт и его зам. В. Ю. Визе, секретарь Л. Муханов, капитан В. И. Воронин, его старш. пом. Ю. К. Хлебников, корреспондент Б. В. Громов и ряд других.

Рассказали В. Воронину о сделанных промерах, и, воспользовавшись нашими указаниями, он провел судно в пролив и поставил его на якорь в непосредственной близости берега.

Прежде всего нам пришлось сделать небольшой доклад о проделанной работе и продемонстрировать сделанные карты. По окончании его было устроено небольшое совещание, на котором рассматривали вопрос, как «Сибирякову» пойти дальше. Имелось несколько вариантов: через пролив Вилькицкого, Шокальского, Красной армии и вокруг северной оконечности земли. Пролив Вилькицкого был уже изучен, Шокальского несомненно посетят и изучат идущие сюда «Русанов» и гидрографическое судно «Таймыр». Пролив Красной армии из-за узости, обилия мелких островков, айсбергов и вероятного присутствия подводных рифов и камней едва ли судоходен. Остается путь вокруг северной оконечности земли мимо мыса Молотова. Наличие там открытой воды, виденной нами еще в мае, и малая ледовитость полярного моря нынешний год позволяют надеяться, что пройти здесь будет не трудно. А обогнуть на судне Северную Землю — это достижение не малое. Таково было наше мнение, и командование с этим согласилось.

Картограф Я. Гаккель немедленно принялся снимать копию с нашей карты, чтобы по ней капитан мог повести судно в обход. Мы же в сопровождении гостей отправились на берег показать свои владения.

Продемонстрировали собак, сани, упряжь и угостили в доме чаем. В заключение пришлось по настоянию кинооператора В. Шнейдерова проделать довольно нелепую сцену ожидания и встречи судна. Оператор заставил нас

стоять на берегу напряженно всматривающимися вдаль. Затем Ушаков должен был завопить: «Вот он, вот он!», а остальные открыли беспорядочный огонь из винтовок (зачем? ведь на судне все равно ничего не услышали бы). В довершение этой дикости Журавлев должен был еще начать с винтовкой приплясывать и выкрикивать: «Вот он, пароход, вот, вот!». Вся эта фантастическая инсценировка шла в разрез со всеми нашими настроениями. Если бы нам пришлось зимовать еще лет пять в условиях несравненно более трудных, мы наверное встретили бы судно с бо́льшим спокойствием и достоинством, чем по этой сцене. Но как мы ни убеждали кинооператора, он стоял на своем. Из уважения к нашим первым за два года гостям пришлось уступить, хотя Журавлев долго отплевывался и ругался, вспоминая обстановку киносъемки.

К счастью, впоследствии при редактировании ленты этот эпизод, как нелепый и антихудожественный, был выброшен.

Сутки прошли, как в котле. Приходилось рассказывать подробности нашей жизни и работы, отвечать на сотни вопросов, показывать и объяснять, в свою очередь расспрашивать о новостях внешнего мира: политических событиях у нас и за границей, наших хозяйственных и технических достижениях. Правда, в основном нам это было известно по радио и раньше, но многие детали и факты являлись новостью.

Большим вниманием гостей пользовался медвежонок. Оставшиеся брат с сестрой жили очень дружно и никуда не уходили друг от друга, так что в конце концов на цепи сидела только одна Маша, Миша же гулял на свободе. За несколько дней перед приходом парохода Маша издохла, вероятно проглотив кусок сала со стеклом, осколки которого валялись повсюду в изобилии. Миша теперь сидел рядом и не отходил от трупа. Впрочем, здесь едва ли была одна привязанность, так как Миша успел уже выесть у мертвой изрядную часть сала на боку. Но этого из гостей никто не замечал, и все восхищались трогательной привязанностью полярного звереныша.

Простояв почти сутки, «Сибиряков» тронулся в дальнейший путь в тот момент, когда на горизонте показался «Русанов». Одно судно ушло, на смену ему бросило якорь другое. «Остров Домашний становился морским полярным портом», шутили мы.

«Русанова» встретили также заблаговременно в море;

а Журавлев в роли лоцмана провел и поставил судно так, что до берега оставалось не более 30—40 м, благодаря чему выгрузку можно было закончить в кратчайший срок.

Нам на смену приехали: начальником географ Нина Демме, радист Иойлев, метеоролог Зенков и каюр Мирович. Двоих мы уже знали: Демме и Иойлев зимовали на Земле Франца-Иосифа 1930/31 году и ехали тогда вместе с нами на «Г. Седове». Немедленно началась выгрузка продовольствия для радиостанции, угля, топлива и т. д. Ушаков отправился передавать оставшееся имущество и продовольствие, которого имелось еще минимум на 1½ года на четверых. Одновременно мы перевезли на пароход имущество и груз, подлежащий отправке.

Демме привезла с собою двух кошек, которых немедленно и поселила в доме, куда теперь собакам и, в частности, щенкам вход был категорически и навсегда воспрещен. Эти «кошечки» поэтому сразу же приобрели в нас своих злейших врагов. И я и Журавлев искали минуту, когда можно было бы кошек незаметно выпустить на улицу, чтобы Махно, Бандит и прочие проверили крепость их шуб, но Нина Петровна зорко охраняла своих любимцев от собачьей своры, сразу перешедшей в разряд неблагонадежных.

16-го выгрузка была закончена. На берег перекинули дополнительный двухлетний запас продовольствия: 14 тонн угля, 10 кубометров дров, кронштейн ветросиловой установки, поврежденный в один из весенних штормов текущего года, и резервный керосиновый мотор. Днем разразился довольно порядочный шторм, что и задержало отплытие судна до ночи.

Курс был взят на пролив Шокальского с целью его исследования в отношении глубины и доступности для судоходства. Кроме того намечалась постройка небольшого домика на западном берегу в районе мыса Оловянного, чтобы облегчить исследовательскую работу в этих местах.

Вблизи мыса Якова Свердлова кроме лежавших у берега и заснятых нами мелких островков оказалось еще несколько новых, расположенных километрах в десяти — сорока от берега, грядою меридионального простирания. Все они каменисты, весьма низменны, едва поднимаясь на 10—15 м над уровнем моря, почему и остались ранее незамеченными, теряясь зимою среди торошенных морских льдов. Островам, а их набралось всего восемь, из них наи-

больший около 2,0, а наименьший менее 0,1 км в поперечнике, было дано название Краснофлотских

У мыса Бубнова судно остановилось, на берег съехала артель плотников, свезли строительные материалы, и за сутки из брусков и досок, за отсутствием фанеры, был построен домик размером 3 × 4 м с небольшими сенцами. В домике сложили трехмесячный запас продовольствия на двоих, а в сенях — соответственное количество керосина, дров и угля.

По окончании строительства двинулись в пролив Шокальского, где и произвели промеры глубины по оси пролива и поперек его в трех местах: в южной, средней и северной частях. Оказалось, что пролив весьма глубок, подтверждая мой вывод о его тектоническом происхождении. Глубины колебались в пределах 200—300 м и даже в непосредственной близости берега они нередко превышали 100 метров.

20 августа кончили гидрологические исследования и направились в пролив Вилькицкого к мысу Челюскина для постройки полярной станции, что являлось основной задачей «Русанова».

Пролив Вилькицкого, как и Шокальского, был совершенно чист от льда. За все время плавания у Северной Земли нам пока не попалось ни одной даже самой мелкой льдинки.

А «Сибирякову» пришлось туговато. Дойдя беспрепятственно до северной оконечности земли, он встретил здесь тяжелые паковые льды уже милях в десяти от берега. Однако, пользуясь прибрежной полыньей, судну удалось обогнуть мыс Молотова и спуститься к югу вдоль восточного берега острова Комсомолец до пролива Красной армии. Здесь лед оказался очень тяжелым и невзломанным. Пятимильную перемычку форсировали в течение 40 часов, все время прибегая к помощи аммонала, и лишь у фиорда Матусевича вновь выбрались на чистую воду, но и то не надолго. Вдоль восточного берега острова Большевик льды снова оказались весьма тяжелыми и сплоченными вследствие нажимных северо-восточных ветров.

21 августа вечером «Русанов» подошел к северной оконечности Азии — мысу Челюскина — и бросил якорь примерно в километре от берега невдалеке от знака—каменной пирамиды, поставленной Р. Амундсеном во время его зимовки в 1918/19 году. Часть зимовщиков и Р. Самойлович поехали выбирать место для станции, а шлюпка с гидро-

графом Ануфриевым отправилась на промер, чтобы выяснить, как близко можно подвести судно к берегу.

На следующий день началась выгрузка. Работы было много. За время стоянки следовало выгрузить и построить 4 здания: жилой дом на 10 человек с радиостанцией при нем, баню, склад и собачник. Кроме того надо было оставить двухгодичный запас продовольствия на десять человек и соответствующее количество горючего, угля и дров. Несмотря на то, что судно стояло на открытом рейде, работа шла успешно, чему в значительной степени способствовали береговые ветры южных румбов. Только в первый день работы довольно свежий юго-западный ветер развел порядочную волну и помешал выгрузке.

29 августа утром прилетел тяжелый двухмоторный самолет типа Дорнье-Валь «Комсеверпуть 2», принадлежавший Комитету Северного морского пути и производивший ледовую разведку для морских судов, шедших Карским морем в устья рек Оби и Енисея. Самолет утром вылетел с Диксона, где находилась его база, затем остановился в заливе Миддендорфа для проверки организованной там бензиновой базы, а потом полетел сюда.

Начальник воздушного корабля А. Д. Алексеев хотел пролететь отсюда на Северную Землю, но затруднялся отсутствием карт. Мы предложили воспользоваться копией нашей съемки, что и было принято с удовольствием. Одновременно было решено, что самолет посетит остров Домашний, откуда до сих пор не было никаких известий, что внушало нам некоторую тревогу. Так как группа островов С. Каменева отстояла от самой земли на порядочном расстоянии и найти их в тумане с воздуха новому человеку было не так то просто, я предложил свои услуги в качестве лоцмана. Для меня это имело, кроме того, большой интерес, позволяя еще раз осмотреть все исследованное и заснятое с воздуха, проверить сейчас, в летнее время, когда море вскрыто, контуры берегов и внести в карту возможные исправления.

Самолет стартовал в 21 час 26 минут. Погода была благоприятная, почти полный штиль, при ясном, почти безоблачном небе. Пересекши пролив Вилькицкого примерно на высоте 300 м, срезаем далее мыс Неупокоева вблизи горы Герасимова и попадаем на западную сторону острова Большевик. Здесь летим вдоль берега до фиорда Тельмана. С воздуха отчетливо видно, что на острове Большевике

имеется два купола, из них один весьма небольшой на восточной стороне, другой несколько крупнее, примерно 30 км в поперечнике, на западе. Последний имеет неправильно вытянутую форму и дает отпрыск — язык в сторону возвышенности горы Герасимова.

От фиорда Тельмана повернули на запад, перелетели через пролив и пошли далее над юго-западным берегом острова Октябрьской революции. До сих пор наша съемка вполне отвечала действительности, и только у мыса Я. Свердлова обнаружилось, что около него лежит остров, отделенный от суши проливом не более 1 км. шириною. Ранее этот участок был принят за сушу целиком, так как берега здесь низменные, а лед был гладкий и невзломанный.

Погода испортилась, стало пасмурно и слегка туманно. Пролетев до острова Пионер, где осмотрели залив Калинина, повернули обратно к полуострову Парижской Коммуны, откуда свернули к островам Каменева, скрытым в тумане. Вскоре очутились над островом Домашним, сделали круг над домом и сели в проливе между островами около магнитного домика. Юго-западный ветер развел в море порядочную зыбь, но здесь, под защитой берега, довольно спокойно, так что можно оставить самолет на якоре.

На станции ничего особенного не случилось, «кошечки» здравствуют (к сожалению). Радиостанция не работает, так как не заряжены аккумуляторы. Ни ветряк, ни аггрегат Дуглас, ни новый мотор не работают. Радист Иойлев — только радист, моторов не знает и не может устранить неполадки в их работе. Бортмеханик самолета Побежимов довольно скоро справился с этой задачей.

Опасаясь за самолет, который довольно сильно покачивало, мы решили не ночевать, а сразу же отправляться в обратный путь. При взлете задний мотор отказался работать, и нам пришлось вновь вернуться на станцию. Оказалось, что лопнула пружинка рычажка прерывателя магнето, почему искры на свечах не получалось. Случай такой поломки очень редок, и запасной пружинки с собой не было. К счастью, на станции имелся будильник, у которого заводная пружинка звонка по толщине и ширине как раз соответствовала поломанной. Произведя ремонт, через час снова стартовали, на этот раз вполне благополучно. Летим тем же путем, что и раньше, лишь срезая теперь мысы и

бухты для сокращения расстояния. Около мыса Неупокоева с западной его стороны видели идущий на юг, повидимому к мысу Челюскина, какой-то пароход. Это могло быть только гидрографическое судно «Таймыр», работа которого по плану должна была вестись в этом районе.

Утром в 11 часов 30 минут сели у мыса Челюскина, в лагуне, в 2 км от станции. Лагуна оказалась под восточным берегом довольно мелководной, так что в конце разбега корпус самолета — его лодка села на мель. Попытка сняться своими силами ни к чему не привела, так как вода вследствие начавшегося отлива довольно энергично шла на убыль. Поэтому решили отправиться спать на пароход, а завтра утром при полной воде сняться будет не трудно. Съехали на резиновой надувной лодке на берег, пересели на подошедший катер и уехали на «Русанова». Самолет остался в лагуне, где никакое волнение на море не могло ему повредить.

На другой день в сопровождении нескольких добровольцев с парохода, в том числе начальника Р. Самойловича и старпома И. Храмцева, забрав тали, отправились на катере в лагуну. Вначале попытки снять самолет были безуспешны, но, когда пришла полная вода, это удалось сделать без особого труда.

Подойдя к берегу у станции по воде, машина заправилась бензином, а затем улетела на свою базу на остров Диксон.

Из посадок для гидросамолетов на Северной Земле был признан вполне годным лишь залив Калинина; стоянки у острова Домашнего, в бухте Снежной и в фиорде Тельмана пригодны условно, за неимением лучшего. Вполне безопасного, спокойного и длительного укрытия они не обеспечивают.

1 сентября вечером подошел расцвеченный флагами «Таймыр» и стал на якорь недалеко от «Русанова». Ровно 19 лет тому назад он также стоял здесь, лишь под другим флагом, под другим управлением и в иной, гораздо более тяжелой ледовой обстановке.

Сейчас судно капитально отремонтировано, сменены котлы, значительно усилен корпус, так что оно теперь находится даже в лучшем состоянии и более активно во льду, чем раньше. «Таймыр» заходил на острова С. Каменева, произвел съемку и промеры залива Калинина, оказавшегося весьма глубоким, и работал после нас в проливе Шокальского. Здесь у мыса Челюскина гидрографы сделали

переопределение астрономического пункта с долготой по радио, чего у Р. Амундсена не было.

Строительство станции в начале сентября, наконец, закончилось. 4 сентября подняли мачту, вечером был традиционный прощальный ужин, а 5 сентября утром судно вышло для гидрологических работ в проливе Вилькицкого.

Со станции острова Домашнего попрежнему вестей нет, хотя к 5 сентября они обязались начать регулярную работу, закончив уборку грузов и прочие хозяйственные работы.

Обсудив дело всесторонне, решили зайти туда на судне, выяснить, в чем дело, и 9 сентября к вечеру были вновь у острова Домашнего. Оказывается, последним довольно сильным штормом волнами смыло часть топлива и продовольствия, неосторожно оставленного слишком близко на берегу. В остальном все благополучно. Оказали замовщикам помощь, сгрузив дополнительно 10 тонн угля и приведя в порядок имущество на берегу. Ходов еще раз проверил все электроустановки, моторы и аккумуляторную станцию и подробно инструктировал своего преемника Иойлева.

11 сентября утром вышли в путь по направлению к Новой Земле. До свиданья, Северная Земля, до свиданья, а не прощай , так как я рассчитываю еще поработать на твоей территории.

15 сентября зашли в Русскую Гавань, где также строилась станция, помогли ее закончить, забрали строительных рабочих, после чего вышли прямым путем в Архангельск, куда и прибыли 24 сентября.

Один из этапов исследовательской работы в Арктике — изучение Северной Земли — закончен, впереди обработка собранных материалов и организация новой экспедиции. Дело изучения и промышленного освоения Советского Севера должно быть выполнено в кратчайший срок, и мы будем дальше работать над его завершением, попрежнему с неослабевающей энергией и упорством.

ОБЩИЙ ОЧЕРК СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Проделанная работа. Географический обзор. Геолого-геоморфологический очерк. Оледенение. Климат. Животный и растительный мир. Роль Северной Земли в проблеме Северного морского пути.

В задачу нашего изучения Северной Земли входило производство топографической съемки, астрономические и магнитные наблюдения, геологические и геоморфологические исследования, сборы фауны и флоры, наблюдения метеорологические, аэрологические, гидрологические, ледовые, над промысловым зверем и т. д. Работа продолжалась два года, причем исследование собственно Северной Земли длилось два сезона: весну и лето 1931 года и весну 1932 года. Кроме того, осенью 1930 года был выполнен не-

Маршруты по Северной Земле

№ маршр.	Срок	Число дней				Задержек из-за непогод
		всего	в пути	стоянок	пург, непогод	
1	1—10/X 1930 г. . . .	10	8	2	1	10,0
2	23/IV—29/V 1931 г. . .	38	21	17	9	23,7
3	1/VI—20/VII 1931 г. . .	51	27	24	18	35,3
4	14/IV—28/V 1932 г. . .	45	32	13	7	15,5
5	1—8/VI 1932 г.	8	6	2	1	12,5
	Всего . .	152	94	58	36	23,7

большой рекогносцировочный маршрут для общего ознакомления с районом работ.

Так как жилая база на островах С. Каменева отделена от самой земли морем, летние исследовательские работы, к сожалению, развернуть не пришлось вследствие прекращения сообщения из-за распутицы, а затем и вскрытия льдов.

Всего за два года было сделано пять больших маршрутов и ряд вспомогательных мелких (см. табл. I).

Первый маршрут, продолжавшийся десять дней, с 1 по 10 октября 1930 года, то есть вскоре после высадки, имел целью общее ознакомление с неизвестным западным берегом Северной Земли и выбор места для организации главного продовольственного депо. В этот маршрут впервые достигнут западный берег, где в бухте Советской, у подножия горы Серпа и Молота, поднят советский флаг. Отсюда пройдено на север до мыса Октябрьского 35,5 и на юг до полуострова Парижской Коммуны 39,2 километра.

Второй маршрут в обход северной оконечности земли — острова Комсомолец — был выполнен весною 1931 года, с 23 апреля по 29 мая, в течение 38 дней. Поход потребовал устройства вспомогательного продовольственного депо, которое и было организовано в марте на мысе Ворошилова. Выйдя из базы острова Домашнего на трех упряжках, 24 апреля мы достигли депо у Серпа и Молота, отсюда проливом Красной армии прошли к мысу Ворошиловского.

Таблица I

в период 1930—1932 годов

Пройдено км		Средн. скор. передв. (км)		Велич. факт. перехода (км)	
всего	со съемкой	общая	со съемкой	вообще	со съемкой
225,0	144,7	22,5	14,5	28,1	20,7
701,4	608,0	18,4	16,0	33,4	32,0
639,5	576,4	12,4	11,3	23,7	22,2
1118,9	702,7	24,8	15,6	35,0	33,5
320,0	189,6	40,0	27,4	53,3	47,4
3004,8	2221,4	19,7	14,6	32,0	28,5

лова, где были 1 мая. После поездки налегке к мысу Берга отправились на север, 16 мая достигли северной оконечности земли — мыса Молотова, откуда вдоль западного берега вернулись домой. Всего за поход пройдено 701,4 км, из них со съемкой 608.

В третий маршрут вышли 1 июня, через 2 дня после возвращения из похода вокруг острова Комсомолец. На этот раз было сделано пересечение среднего острова — Октябрьской революции — от залива Сталина до мыса Берга, куда еще в апреле было заброшено продовольственное депо. Отсюда, двигаясь на юг, обогнули остров, тем самым выяснив, что залив Шокальского является проливом. Далее, проехав вдоль западных берегов острова Октябрьской революции на север, вернулись на острова С. Каменева только 20 июля, задержавшись в пути из-за распутицы, начавшейся еще 19 июня. Из-за распутицы участок в 250 км шли целый месяц, тогда как в нормальных условиях его можно было сделать в неделю.

Маршрут продолжался 51 день, из них в пути были 27, остальное падает на стоянки из-за пург, распутицы и для астрономических наблюдений. Пройдено 639,5 км, из них со съемкой 576,4. На этом маршрутная работа первого года и закончилась, составляя примерно 70% общего задания.

В феврале 1932 года началась подготовка к исследованию третьего, наиболее южного острова архипелага — Большевик.

Для осуществления этой задачи было предварительно заброшено продовольственное депо к мысу Неупокоева. После его устройства, 14 апреля отправились в четвертый по счету маршрут в обход острова Большевик, что и было закончено 30 мая. В этот поход, продолжавшийся 45 дней, было пройдено 1118,9 км, из них со съемкой 702,7.

Наконец, пятым маршрутом с 1 по 8 июня изучен и заснят меньший остров архипелага — Пионер, причем за 8 дней работы пройдено 320 км, из которых со съемкой 189,6.

Всего маршрутная санная работа на собаках продолжались 152 дня, пройдено 3004,8 км, из них со съемкой 2221,4. Если же принять во внимание предварительные поездки для устройства продовольственных депо, то за два года было изъезжено на собаках не менее 5000 километров.

Наиболее продолжительным — 51 день — оказался маршрут № 3, наиболее длинным — 1118,9 км — был маршрут № 4.

Из 152 дней в маршрутах на съемочные работы непосредственно затрачено 94 дня; 22 дня — на стоянки для астрономических и других научных наблюдений. Остальные 36 дней приходятся на задержки из-за пург, распутицы и других стихийных причин. Таким образом, около 25% (23,7) рабочего времени падает на непроизводительные потери. Особенно велики они были в третий маршрут в июне — июле 1931 года, когда из-за распутицы было потеряно 18 дней, или 35,3% всего времени.

Средняя величина одного перехода, не принимая во внимание стоянки, равно 32,0 км, а со съемкой 28,5. Если же учесть все время маршрута, в том числе и задержки из-за непогод, то среднесуточное продвижение выразится в цифре 19,7 км, а со съемкой 14,5. Эти средние цифры и следует принимать во внимание при дальнейшем планировании работ и для расчета времени, потребного на тот или иной санный переход на Северной Земле.

Выше приведенные цифры являются средними и, несомненно, подвергались значительным колебаниям в зависимости от самых разнообразных условий. В хорошую погоду, по торной дороге, на сытых тренированных собаках удавалось делать со съемкой более 70 км (7 июня 1932 г. 76,1 км). Между тем по тяжелому пути на усталых упряжках едва проходили и 5 км (14 июля 1931 года 5,5 км).

Условия нашей работы, когда за короткий промежуток времени приходилось проходить по неизвестной ранее местности сотни километров, препятствовали выполнению даже самой легкой инструментальной съемки, чему нередко мешала и плохая видимость. Поэтому в маршрутах нами велась только полуинструментальная съемка с определением азимутов ходов буссолью с диоптрами с точностью до 1°, длин линий одометрами с точностью 0,1 км. и высот барометрами до 1—2 метров.

При работе широко использован метод засечек. На основе съемочных работ были вычерчены планшеты в масштабе 1 км = 1 см с горизонталями через 10, 50 и 100, в зависимости от рельефа.

Подобного рода съемки могут быть сведены в достаточно точную карту лишь при наличии сети опорных

астрономических или триангуляционных пунктов. Для масштаба 1 миллионная (10 км = 1 см) и близких к нему такие пункты должны быть расположены через каждые 75—100 км пути.

За время работы нами определено таких астрономических пунктов 17, из них для составления карты использовано 16. Для наблюдения служил малый универсал Hildebrand с вертикальным кругом, точностью 30″ и ценою $^1/_2$ деления уровня при нем 12″. Служба времени в маршрутах велась тремя карманными полусекундными хронометрами фирмы U. Nardin. Сигналы времени принимались четырехламповым регенеративным радиоприемником с вариометрами типа ЛБ-2. Программа состояла из двух серий наблюдений солнца вблизи первого вертикала на западе и востоке для определений долготы и двух серий симметричных близмеридианных наблюдений в верхней и нижней кульминации для широты. Если в нижней кульминации солнце стояло недопустимо низко, бралась одна верхняя в течение двух дней.

Средняя квадратическая погрешность всех пунктов в среднем достигает ∓ 7″, или в линейной мере ∓ 217 метров. Для долготы ∓ 0′,6 или ∓ 220 метров. Из отдельных пунктов, из-за пасмурной погоды и туманов, наименее точен пункт на мысе Молотова. Здесь средняя квадратическая погрешность широты ∓ 12″, а долготы ∓ 1′,1. Наиболее точен, благодаря ясной штилевой и теплой погоде, пункт мыса Буденного. Погрешность широты здесь ∓ 6″, долготы — ∓ 0′,3. На базе острова Домашнего определения велись и по солнцу и по звездам в темное время. Этот пункт, как главный опорный для всей съемки, поэтому наиболее точен. Погрешность в широте здесь ∓ 5″,3, долготе ∓ 0′,3.

Среднее расстояние между пунктами достигает 79 км, но, конечно, по условиям работы оно не везде было одинаково, колеблясь в довольно широких пределах.

Рабочие съемочные планшеты на основе опорных астрономических пунктов были затем сведены в общую карту Северной Земли в масштабе 7,5 км = 1 см в полярной стереографической проекции. Для целей мореплавания кроме того составлена карта в меркаторской проекции в масштабе 10 миль в дюйме по параллели 79°30′. Принимая во внимание среднюю точность самой съемки, погрешности графического характера и другие, можно полагать,

что средняя вероятная погрешность составленных карт около — ∓ 2%.

Исследования экспедиции выяснили, что Северная Земля не представляет сплошного участка суши, а состоит из четырех крупных и ряда причлененных к ним мелких островов, расположенных группами и порознь. Общая площадь всей земли в целом равна 36912 кв. километрам.

Самым северным островом группы и третьим по размеру является остров Комсомолец, площадью 9244 кв. километра. Его северная оконечность — мыс Молотова — лежит под 81°16′,1 сев. широты и 95°42′,8 восточной долготы от Гринвича. Эта точка является и северной оконечностью всей земли вообще. Только Гренландия и Земля Франца-Иосифа имеют еще более высокоширотные пункты. Так, мыс Моррис Иесуп на земле Пири в Гренландии лежит под 83°45′, то есть на 277 км севернее, а мыс Флигели на острове Рудольфа Земли Франца-Иосифа под 81°52′ северной широты, следовательно на 68 км севернее мыса Молотова.

От острова Октябрьской революции Комсомолец отделен довольно узким проливом Красной армии, шириною от 15 до 3 км, представляющим не что иное как полузатопленную морем древнюю ледниковую долину. В проливе расположено довольно много скалистых каменных островов, островков, вероятно, есть не мало и подводных камней. Три сложенные известняками островка, из которых крайний к северо-западу имеет около 8 км в длину и 4 в ширину, лежат при южном входе, а ряд более мелких, сложенных диабазами, при входе с севера. Узость пролива, наличие многочисленных айсбергов и, несомненно, шхерный характер делают его непригодным для судоходства, тем более, что вскрывается он полностью, вероятно, только в исключительно благоприятные годы. В средней части, где морской лед постоянно ломается движущимися глетчерами, полыньи вероятно образуются ежедневно, но входы, перегороженные островами, вскрываются наверное довольно редко.

Только в южной своей части Комсомолец сложен коренными породами и имеет возвышенный характер, в средней и северной частях остров низменный и сложен исключительно рыхлыми образованиями. В соответствии с этим здесь оба его берега, и западный и восточный, чрезвычайно отмелы, изрезаны, образуя многочисленные мысы, заливы и бухты, впрочем в большинстве незначительных

размеров. Широко развиты отмели, простирающиеся в море на протяжении не только сотен метров, но даже и километров, так что конфигурация берегов меняется, вероятно, довольно заметно при колебании морского уровня вследствие приливов.

В юго-восточной части, где лежат наивысшие точки, берег сложен коренными породами — кварцитами и филлитами, образуя отвесные скалистые обрывы до 250 и более метров высоты. Здесь, как впрочем и везде в южной части острова, коренные породы погребены под мощным ледниковым покровом, образуя отдельные не связанные друг с другом скалистые выступы — «нунатаки» — среди ледяных масс. Несколько севернее льды спускаются к берегу моря, образуя барьер, маскирующий истинные очертания суши. Та же картина наблюдается и в проливе Красной армии, где берег Комсомольца в значительной степени сложен ледниковыми языками. На юго-западной стороне ледяной купол, наоборот, отстоит от берега на расстоянии 10—15 км и подходит к морю только в одном месте, образуя язык, названный мысом Литвинова. Южнее обнажаются коренные породы, — известняки, слагающие довольно крутые, местами обрывистые склоны, высота которых нигде не превышает 100 м, чаще же колеблется в пределах 10—30 метров. Северная часть острова сложена ледником, образующим самостоятельный небольшой купол размером всего 15—25 километров. В северной части он подходит непосредственно к морю, перекрывая здесь отмелую сушу целиком. Можно думать поэтому, что мыс Молотова, сложенный ледником, расположен несколько севернее лежащей под ним суши, так что лед здесь покоится на морском дне, на глубине 15 м, согласно нашему измерению.

Рельеф острова Комсомолец в значительной степени обусловлен наличием здесь ледниковых щитов, имеющих правильный куполообразный характер. На южном куполе расположено три возвышения: два посредине весьма правильного сферического очертания, около 350 м абсолютной высоты, и одно в юго-восточном углу. Эта последняя шапка имеет более 500 м высоты, залегая несомненно на наибольших высотах самого острова, имеющих вероятно отметки около 300 м над уровнем моря. В северной части острова обособленный маленький купол имеет около 100 м высоты.

В тех немногих местах, где остров свободен от ледни-

кового покрова, видно, что он сложен рыхлыми образованиями, рельеф весьма низмен, спокоен, с отдельными увалами и сопками высотою в 10—20, редко более метров.

В юго-западной части, где выходят коренные породы, высóты больше, в пределах 200—250 метров. Рельеф и здесь весьма мягкий, округлый, несомненно получившись в результате длительной ледниковой обработки.

Речек, сколь-нибудь крупных, на острове нет, есть лишь отдельные довольно мелкие ручьи длиною в лучшем случае в несколько километров. Лишь в юго-западной части в глубокую бухту за мысом Фрунзе падает с ледникового купола, питаясь его летними водами, более или менее сформированная речка. Длина ее достигает примерно 10—12 км, ширина на устьи 10 м или около этого. Вследствие современного понижения морского уровня речка пропилила в коренных породах — известняках — довольно глубокое ущелье с отвесными бортами в 30—50 м высотою.

В северо-западной части к Комсомольцу причленяется несколько отдельных довольно мелких островков, сложенных рыхлыми образованиями. Из них наиболее крупный — остров Шмидта — имеет по последним данным около 30 км в длину и около 15 км в ширину, прикрываясь небольшой ледниковой шапкой. Остальные острова много меньше.

Летом 1935 года ледокол «Садко» у мыса Литвинова обнаружил еще три маленьких, чрезвычайно отмелых островка, едва вздымающихся на метр — полтора над уровнем моря. Не исключена возможность открытия подобных отмелей и в дальнейшем.

Остров Октябрьской революции занимает центральную часть архипелага и по площади является наибольшим. Его размеры 13992 кв. км, или 38% всей площади архипелага. От Комсомольца остров отделен вышеописанным проливом Красной армии, а от южного острова Большевик — проливом Шокальского. Последний имеет почти меридиональное простирание, ширина его в наиболее узкой части, у мыса Оловянного, около 20 километров. Пролив чрезвычайно глубок, в пределах от 200 до 300 м, и вполне доступен судоходству, тем более что, благодаря сильным течениям и открытому характеру, он должен вскрываться довольно часто. Проходя проливом на собаках и в 1931 и 1932 годах, мы оба раза встречали там лишь молодые одногодичные льды, свидетельствовавшие, что оба года пролив был вскрыт. Островов в проливе нет.

Лишь от мыса Свердлова на юг на протяжении 40 км тянется гряда каменистых островков, естественно ограничивая пролив с запада. Наиболее удаленные из них были открыты «Русановым» и «Таймыром» в навигацию 1932 года и названы Краснофлотскими и Опасными.

Остров Октябрьской революции имеет почти прямолинейный, высокий, обрывистый, слабо изрезанный восточный берег и низменный расчлененный многочисленными бухтами, заливами и лагунами западный, что находится в непосредственной связи с геологическим строением и историей образования острова.

Восточная сторона сложена весьма интенсивно складчатыми, преимущественно поставленными на голову свитами филлитов и кварцитов, образующих отвесные скалистые обрывы коренного берега до 200—300 м высотою. Далее к морю идет терраса, в настоящее время поднятая над уровнем моря на высоту около 50 метров. Ширина ее колеблется в пределах от сотни метров до нескольких километров. В некоторых местах терраса отсутствует, и коренной берег обрывами в несколько сот метров высотою подходит непосредственно к морю. Таков, например, мыс Ворошилова, представляющий северную оконечность нашего острова и расположенный при восточном входе в пролив Красной армии. Терраса к морю кончается большею частью довольно крутым уступом, образуя каменистый обрывистый берег, лишь кое-где смягченный осыпями и наличием прибойной галечно-песчаной полосы. Коренные склоны восточного берега прорезаны многочисленными ледниковыми долинами шириною до нескольких километров. По ним спускаются глетчеры, представляющие языки куполов, расположенных в глубине острова. Лишь сравнительно редко эти языки доходят до моря, в большинстве случаев оканчиваясь или при выходе на террасу, или даже не доходя до нее, в глубине долины. Перед языками всюду видны продукты их отложений в виде нагромождений щебневого и галечного материала. В некоторых случаях ледниковые долины имеют значительные размеры и еще до сих пор отчасти затоплены морем, являясь, следовательно, фиордами. К ним относятся фиорд Марти, еще занятый мертвым ледником, и огромный фиорд Матусевича, врезающийся вглубь острова почти на 60 километров.

В противоположность восточному, западный берег, сла-

гаясь полого лежащими, преимущественно мягкими красноцветными породами, нигде не имеет обрывистых высоких склонов коренного берега. От моря вглубь острова идет плавный пологий подъем, и только в северной части отдельные возвышенности, как, например, горы Серпа и Молота, Сталина и Калинина, со стороны, обращенной к морю, образуют крутые обрывы, напоминая своим характером восточные склоны острова. Береговая линия сильно изрезана, в большинстве низменна, нередко отмела, изобилуя лагунами, косами, стрелками и пересыпями. Много бухт и заливов самых разнообразных размеров. Из них можно назвать бухту Снежную, залив Сталина и ряд других. В соответствии с характером берега ледники, если и подходят к морю, что наблюдается довольно редко, то образуют не языки, а массивные окончания в виде ледяного барьера 5—6 м, а иногда и больше высотою. Такие ледяные стены наблюдаются, например, несколько севернее и южнее мыса Кржижановского.

Рельеф внутренней части острова имеет сглаженный, округленный характер, представляя резкий контраст с скалистыми береговыми обрывами. Ледниковые купола образуют уже не сплошное перекрытие, как на Комсомольце, а разбились на четыре обособленных шапки по углам. Однако и в таком виде они в значительной мере обусловливают куполовидный характер рельефа, с общим его повышением к востоку, что несомненно связано с увеличением здесь высот самого острова.

Ледниковый купол в районе мыса Ворошилова имеет по измерениям экспедиции 675 м над уровнем моря. Высоты же самого острова достигают здесь вероятно 500 или даже более метров.

Остальные ледниковые купола имеют высоты порядка 500—600 метров. Наивысшие точки острова находятся в районе фиорда Матусевича, здесь гора Базарная достигает почти 600 м высоты. По данным полета «Цеппелина», несколько юго-восточнее ее, примерно в 40 км, среди ледникового купола поднимаются скалистые вершины до 900 м высотою. Но эти данные требуют проверки как сомнительные. В северной своей трети остров прорезан сквозной ледниковой долиной, восточным окончанием которой и является фиорд Матусевича. Западный конец ее впадает в залив Сталина. С центральной части в радиальных направлениях вероятно идет еще ряд подобных же долин,

устья которых впадают в фиорд Марти, бухты Снежную и Советскую.

Гидрографическая сеть, в противоположность Комсомольцу, развита уже достаточно. Отдельные речки, как, например, текущая в бухту Снежную, достигают в длину 50 километров. Текут они или с центральной части острова, питаясь снеговыми и ледниковыми водами, или берут начало непосредственно у подножия ледниковых куполов.

В летнее время речки несомненно являются препятствием передвижению, так как, с одной стороны, быстрое течение делает их без сомнения непроходимыми даже на небольших лодках, с другой же стороны — они не настолько мелководны, чтобы допустить переправы в брод, особенно вблизи устья.

Благодаря современному поднятию острова речки везде текут в глубоких ущельях-каньонах с отвесными обрывистыми берегами, подчас в несколько десятков метров глубиною, так что переезд через них и в зимнее время весьма нелегок, а подчас и совершенно невозможен.

Кроме речек имеется достаточное количество и ручьев, более или менее полноводных весною в период таяния снегов и почти пересыхающих в летнее время и особенно под осень.

Островков, причлененных к острову Октябрьской революции, немного. Можно упомянуть из наиболее крупных островов Арнгольд, находящийся на восточной стороне, и ряд мелких около мыса Анучина.

Остров Большевик — южный член группы, площадью 11 527 кв. километров, отделен с востока проливом Шокальского, а с юга от материка проливом Вилькицкого. Последний имеет широтное простирание и ширину в наиболее узкой части между мысами Мессера и Челюскина 54 километра. Ширина и достаточные глубины порядка 150—200 м делают пролив наиболее удобным для прохождения судов из Карского моря в море Лаптевых, хотя опыт плавания гидрографической экспедиции 1910—1914 годов и данные последних лет свидетельствуют, что в восточной части, где лежат острова Старокадомского и Малый Таймыр, пролив вскрывается все же не ежегодно.

Западный и восточный берега острова Большевик, сложенные круто складчатыми, крепкими породами, имеют такой же характер, что и восточный берег Октябрьской революции. Берег у моря обычно скалист, метров пять —

десять высотою, далее идет терраса, иногда не одна, а две или даже три, на высоте 15—20, 40—50 и 90—100 метров. Средняя наиболее развита и встречается чаще всего. Ширина террас обычно не велика, от 0,1 до 1—3 км, но в юго-западной и северной частях расширяется до нескольких десятков километров, образуя обширную, часто ровную, как стол, прибрежную равнину. Коренные склоны имеют 200—300 м высоты и кое-где, но, впрочем, редко, подходят к морю вплотную.

В северной части острова коренные высокие склоны отступают довольно значительно, километров на тридцать вглубь острова, отделяясь террасой, постепенно снижающейся к морю и переходящей в весьма низменный, отмелый, чрезвычайно расчлененный заливами берег. Конфигурация его существенно отличается от того, что показано на старых картах съемки 1913 года. В частности, мыс Уншлихта лежит севернее ранее показанного берега на целых 34 километра.

Южный берег крутых коренных склонов не имеет. После прибрежного уступа, подчас скалистого и обрывистого, высотою 10—20 м, вглубь острова идет пологий подъем, незаметно переходя во внутреннюю часть. Юго-восточный мыс Евгенова и особенно юго-западный мыс Неупокоева представляет весьма низменные галечно-песчаные отмелые косы, далеко вдающиеся в море и изрезанные многочисленными лагунами с косами и пересыпями.

Остров внутри, как и в предыдущих случаях, имеет округленный, сглаженный, «курчавый» рельеф. Ледниковые купола, а их здесь только два, да и то небольших размеров, мало влияют на рельеф, являющийся поэтому в значительной степени характерным именно для самой поверхности острова как такового. Высоты ледниковых шапок достигают 500 или немногим более метров: высоты самого острова во внутренних частях доходят, вероятно, до 400—500 метров.

На западном берегу вглубь острова почти в широтном направлении вдаются несколько фиордов, но все они небольшого размера. Наиболее крупный из них — Тельмана — имеет длину около 15 километров. Ледниковых долин, прорезающих склон, тоже немного, а глетчеры до моря сползают только в трех случаях. В северной части от залива Ахматова вглубь вдается единственная, пожалуй, крупная ледниковая долина, при устьи шириною вероятно километ-

ров в восемь. Берет она начало несомненно из центральной части острова, глубоко вдаваясь внутрь его.

Гидрографическая сеть острова развита менее значительно, чем на острове Октябрьской революции, что несомненно приходится ставить в связь со значительно меньшим развитием питающихся ледников. Снеговой же покров ввиду незначительной его мощности воды дает немного, да и то лишь в первой половине теплого периода, при начале таяния.

Островков около Большевика очень немного. Есть несколько весьма мелких отмелых вблизи берега у северной части, два маленьких каменистых у мыса Мессера и один у мыса Анцева в южной части. Ни один из них в поперечнике не превышает километра.

Четвертый, наименьший член группы, о с т р о в П и о н е р, площадью 1649 кв. км, расположен в северо-западной части архипелага, между Комсомольцем и островом Октябрьской революции, отделяясь от первого проливом Юнгштурм, а от второго проливом Красной армии.

Пролив Юнгштурм, шириною от 5 до 11 км, являясь ответвлением пролива Красной армии, имеет ледниковое же происхождение, как и он. При западном входе лежит ряд мелких шхерного характера известняковых островков, препятствующих вскрытию льдов в проливе в летнее время, хотя можно полагать, что это явление случается все же чаще, чем в восточной части пролива Красной армии. Берега Пионера довольно изрезаны, чаще каменисты, образуя в большинстве случаев скалистые крутые, подчас обрывистые склоны в несколько метров высоты. В юго-западной части вдается далеко вглубь залив Калинина, по своим глубинам и защищенности представляющий отличную гавань для судов, конечно, в годы, когда около него нет (или очень мало) льдов. Поверхность острова ровная, слабоволнистая, с максимальной высотой в северо-восточном углу порядка 200 м над уровнем моря. Здесь же расположена и ледниковая шапка-купол, нигде не доходящая до берега моря. Высоты купола несколько более 300 метров. Гидрографическая сеть развита слабо, настоящих речек нет ни одной.

И з м е л к и х о с т р о в о в следует упомянуть группу островов С. Каменева, расположенную цепью северо-западного простирания вдоль южной части острова Пионера. Острова представляют гряду сильно складчатых известня-

ков, имея то же простирание, что и они. Еще недавно в группе было шесть островов, в настоящее же время, благодаря поднятию, большинство из них соединилось между собою галечными отмелями и косами, и только остров Домашний, где расположена станция, лежит более или менее обособленно. Ширина наиболее крупного из них, Среднего, в южной части достигает 7 км, при наибольшей высоте 20—25 метров. Домашний имеет ширину от 0,7 до 0,1 км при максимальной высоте в 17 метров.

Оледенение архипелага Северной Земли довольно значительно, уменьшаясь по направлению на юг. На Комсомольце вся южная часть покрыта сплошным ледниковым щитом с тремя вершинами, из которых наивысшая достигает 500—600 метров. Только на севере острова есть более или менее значительнее площади суши, свободные от льда. На острове Октябрьской революции покров уже разбился на четыре не связанных между собою участка, образующих обособленные ледниковые шапки; та же картина на Большевике, но купола здесь имеют меньшие размеры и приурочены к северной части острова. В общем площадь, занятия ледниками, достигает 15 181 кв. км, составляя 41,7% всей площади архипелага вообще. По островам распределение таково: на Комсомольце покрыто ледниками 65,0% площади, на острове Октябрьской революции 45,8% и на Большевике 21,5%.

Так как пересечение острова Большевик сделано лишь в юго-восточной части, его центральная часть осталась неосвещенной. Поэтому возможно, что показанные на карте два ледниковых щита на самом деле состоят из большего числа мелких куполов, связанных перемычками из тонких фирновых полей.

Мощность ледниковых щитов на Северной Земле не велика, достигая максимума в северной части архипелага. Наибольший щит на острове Комсомолец имеет мощность едва ли выше 200 м, остальные вероятно много меньше. У моря (где они до него доходят) щиты образуют отвесные обрывы — ледниковые барьеры, метров до десяти высотою. Иногда обрывы отсутствуют, и край ледника, снижаясь, незаметно сливается со льдом моря. В долинах, прорезающих крутые склоны восточных берегов архипелага, купола отделяют языки, кое-где, особенно в северной части, доходящие до уровня моря. Чаще, впрочем, они кончаются слепо среди нагроможденных ими морен и галечных полей.

Лишь в немногих местах, главным образом на Комсомольце, заметны признаки активности ледников в виде отделяющихся айсбергов, поломанного морского льда и обильных трещин на самом леднике. Чаще же языки не обнаруживают никаких признаков движения. Зато следы отступания и отмирания ледникового покрова можно наблюдать повсюду в виде древних моренных гряд, висячих долин, древних кар, ледниковых валунов и т. д. По тальвегам лощин, речных долин и фиордов нередко можно видеть мертвые льды, уже не связанные с питающими их куполами и сохранившиеся единственно благодаря медленности таяния в затененных местах, где они лежат. Несомненно, современное оледенение представляет лишь остатки древнего, гораздо более мощного покрова, не только перекрывавшего весь архипелаг целиком, но и распространявшегося за его пределы в область моря на многие километры. Ледниковый покров и в настоящее время продолжает сокращаться, отступая в некоторых местах при благоприятном лете на несколько метров за сезон.

Геологическое строение Северной Земли весьма сложное и находится в неразрывной связи с строением всего Таймырского полуострова вообще. Свиты пород, слагающие архипелаг, относятся к древним и древнейшим по возрасту, имеют большую мощность, измеряемую тысячами метров, и отлагались в условиях глубокого открытого моря, занимавшего огромные пространства всего Таймыра и Енисейско-Ленской области. По мере накопления осадков море мельчало, вместо глубоководных однообразных свит зеленоватых сланцев начали отлагаться известняки с фауной кораллов и других низших беспозвоночных. Окаменелые их остатки и позволили в настоящее время установить, что возраст этой известняковой толщи относится к верхнему силуру. Море продолжало мелеть, известняки перекрылись пестроцветными свитами мергелей, глин и песчаников с прослоями гипса, отлагавшегося в лагунах и заливах прибрежной части усыхавшего и отступавшего моря. Отложение огромной толщи рыхлых осадков вызвало прогиб здесь земной коры и частичное плавление слагавших ее пород, опустившихся в глубокие горизонты, где температура была достаточно высока, чтобы вызвать плавление. В результате бо́льшая часть твердых и крепких пород земной коры оказалась здесь замещенной рыхлыми пластичными отложениями морского дна. Последние были

не в состоянии противостоять сжимающим усилиям корового свода и стали собираться в складки. Так на месте глубокого моря возникла обширная горная страна с высокими складчатыми хребтами. Она занимала все пространство Таймырского полуострова и Северной Земли, простираясь значительно дальше к северу, чем в настоящее время. В дальнейшем, в течение ряда геологических эпох, горы были уничтожены процессами выветривания, смыты до основания, так что в настоящее время наблюдаются лишь их корни. Превращенная из горной в увалистую с мелкими возвышенностями, страна подверглась уже в сравнительно недавнее геологическое время мощному сплошному оледенению, захватившему весь север Европы, Азии и бо́льшую часть Северной Америки. Мощность ледникового покрова измерялась в то время многими сотнями и даже тысячами метров, причем двигался он, главным образом, на юг, достигая 60—62° сев. широты. К концу ледниковой эпохи земная кора в районе Таймыра и Северной Земли была разбита рядом трещин, по которым отдельные части переместились по отношению друг к другу, так что некоторые участки опустились ниже уровня моря и были затоплены, образовав пролив Вилькицкого и Шокальского. Оледенение же вследствие смягчения климатических условий было уничтожено, и лишь кое-где часть сохранилась и в настоящее время. Такова в грубо-схематических чертах упрощенная история геологического развития Северной Земли.

Вдоль осей главных складок, расположенных на Северной Земле, по восточному берегу острова Октябрьской революции, Комсомольца и в средней части острова Большевик наблюдаются выходы изверженных пород. Появились они в результате внедрения в ядра горных складок при их образовании расплавленных масс из глубинных подкоровых частей земли.

При застывании выделявшиеся газы, пары и горячие растворы отлагали по трещинам в виде жил различные минералы, в том числе и рудные, а также подвергали минерализации и сами окружающие породы.

Процессы смыва, уничтожившие древние горные хребты Северной Земли, вскрыли изверженные породы и связанные с ними рудные жилы и минерализованные участки. Такие рудные участки наблюдались во многих местах, еще больше встречено продуктов разрушения их в виде вынесенных

ледником валунов. Поиски этих месторождений, а тем более разведка — задача будущего.

Климат. Произведенные экспедицией метеорологические наблюдения в течение двух лет, конечно, далеко недостаточны, чтобы дать полную характеристику климатических условий Северной Земли, однако общее представление эти материалы все же создают. Метеорологическая станция была расположена на острове Домашнем в открытом море, вдали от горных массивов и ледниковых щитов самой земли. Это имело большое преимущество, так как гарантировало от возмущающих влияний ледников и гор, которые, как показали наши маршруты, достаточно велики, чтобы существенно исказить наблюдения станции.

Данные нашей станции от этих воздействий свободны и действительно характеризуют весь район в целом.

Таблица II

Месяц	Год			Месяц	Год		
	1930	1931	1932		1930	1931	1932
Январь	—	—33,1	—28,0	Июль	—	+ 0,9	+ 1,7
Февраль	—	—24,5	—23,8	Август	—	— 0,5	—
Март	—	—30,5	—26,3	Сентябрь	—	— 1,6	+ 0,5
Апрель	—	—24,2	—20,3	Октябрь	—14,9	— 6,3	— 6,0
Май	—	— 9,2	— 8,3	Ноябрь	—16,7	—12,8	—23,4
Июнь	—	— 1,5	— 1,3	Декабрь	—25,0	—22,2	—29,0

Климат Северной Земли является типично полярным с морскими умеренно холодными температурами зимой и весьма низкими летом. Средняя годовая достаточно низка — 13,8° за 1931 год. Приняв август 1932 года средним между июлем и сентябрем (+ 1°,1), получим годовую и для этого года — 13°,6, цифра, достаточно близкая к первому году. Наиболее холодным месяцем года был январь с средней температурой — 33°,1 и — 28°. Наинизшая температура за два года была — 46°,9 22 января 1931 года. Между тем на материке в пунктах, расположенных гораздо южнее, январские температуры местами много ниже. Например, Булун, лежащий на реке Лене, почти на 1000 км южнее, под 70°45′ сев. шир., имеет январскую среднюю температуру — 40°, а минимальные —60° и ниже. Зато лето на острове До-

машнем весьма холодное. В первый год лишь один июль был с положительной температурой, во второй год таких месяцев было три, но следует заметить, что это вероятно не типично, так как год по всем признакам был аномально теплый. Наивысшая температура за два года +5,0° была 6 сентября 1932 года. В 1931 году 24 июля было +4°,9. Обычно же в летний, наиболее теплый месяц июль температура держится в пределах +1°, +2°, спускаясь ночью до 0° или ниже. На материке в это время гораздо теплее. В том же Булуне средняя месячная температура за июль равна +11°,9, а бывают дни, когда температура поднимается до +20° и выше. На самой Северной Земле, особенно в глубине островов, климат отличается более резкими колебаниями температур, чем на островах С. Каменева. Зима там холоднее, а лето теплее. Пересекая остров Октябрьской революции в первой декаде июля 1931 года, мы там застали уже начало таяния, на морском же побережьи и на островах Каменева температуры держались еще ниже 0°.

Из ветров в зимнее время преобладают южные и юго-восточные. На острове Домашнем наиболее типичен юго-юго-восток, примерно азимута 160°—170°. За год ветров этих двух румбов было почти 28%, а за зимние месяцы 33%. Летом довольно часты северные и северо-восточные ветры, но все же редко они и тогда являются преобладающими. Средняя сила ветра за год невелика: для 1931 года всего 5,3 м/сек., для 1932 года (интерполируя август) несколько больше: 6,6 м/сек. Максимум падает на осенние месяцы — август, сентябрь и октябрь. Например, в сентябре 1931 года было семь штормовых дней с силой ветра более 15 м в секунду. В зимнее время наиболее спокойны темные месяцы — декабрь, январь — со средней месячной скоростью ветра 3—4 м/сек. В этот период штилевые погоды держатся по 4—5 дней подряд. Так, например, в январе 1931 года было 28 случаев штилей по срокам наблюдений, или 30% всего месяца. После восхода солнца и особенно в начале его появления в конце февраля, в марте ветры снова усиливаются. Например, в марте 1932 года было десять дней с ветрами больше 15 м/сек.

Вследствие пылевидного снега пурга, этот бич Арктики, начинается уже при скорости ветра около 5/сек. в виде слабой пока еще поземки. При 8—0 м/сек. поднимается уже настоящая пурга, при которой езда на собаках весьма затруднительна, а в случае движения против ветра даже

невозможна. Всего дней с пургами в 1931 году было 85, а в 1932 году — 87. Наиболее пуржливы были февраль 1932 года (19 дней) и март того же года (14 дней). Непосредственно на Северной Земле ветров вероятно больше, чем на острове Домашнем, особенно вблизи высоких гор и ледниковых щитов. Много ветров в проливе Шокальского, где благодаря высоким скалистым берегам и меридиональному расположению пролива, вероятно, господствуют почти исключительно ветры северных и южных румбов. Пересекая пролив и переезжая по нему, мы наблюдали там всегда заструги только меридионального направления, а снег везде был утрамбован и даже снесен со льда нацело, свидетельствуя о чрезвычайной силе дующих здесь ветров. Та же картина наблюдалась и в проливе Красной армии, особенно при северном входе, около мыса Ворошилова.

Осадков выпадает весьма немного, за 1931 год 100,0 мм, то есть раз в пять-шесть меньше, чем в средних широтах. Максимум падает на летние месяцы; например, в августе выпало 33,0 мм, или одна треть всех годовых осадков вообще. Меньше всего осадков бывает в январе — марте, 4—5 мм и даже меньше за месяц. Нужно, между прочим, отметить, что приведенные выше цифры не вполне достоверны. Дело в том, что в зимнее время осадки выпадают в виде мелко-кристаллического пылевидного снега, легко выдуваемого ветром из дождемера с обыкновенной защитой. Для устранения этого явления необходимо дождемер обносить глухим, достаточно широким забором, не менее метра выше верхней кромки дождемера. Кроме того, часть осадков выпадает в виде изморози, тумана, инея и гололеди. Дождемер их тоже учитывает не в полной мере.

В соответствии с осадками находятся ясные и пасмурные дни, а также туманы. Всего больше ясных дней бывает во вторую половину зимы, когда в море всего меньше открытой воды, являющейся источником тумана. В апреле 1932 года за месяц было 17 ясных дней, в январе 1931 года — 15.

Ледяной морской покров в районе Северной Земли, его характер, время вскрытия и распределения изучены еще весьма недостаточно. В 1931 году море у островов С. Каменева начало вскрываться в начале августа, а припай около острова Домашнего вынесло лишь 13 сентября. У северной же оконечности острова Голомянного вода открылась уже

в начале августа. В 1932 году море у станции вскрылось в начале июля, а припай оторвало 20 июля, то есть более чем на полтора месяца раньше предыдущего года.

В районе острова Голомянного море вскрылось даже в начале июня, а 7—8 июня здесь наблюдались стаи белух, шедшие на север, следовательно льды были взломаны на всем пространстве до Новой Земли.

Пролив Шокальского вскрывается вероятно так же часто, как Вилькицкого, но подход к первому, повидимому, более затруднен. Обстоятельно осветит этот вопрос станция, построенная на мысе Оловянном летом 1935 года.

Следует отметить наличие открытой воды даже в конце зимы у северной оконечности Северной Земли — мыса Молотова — и у юго-восточных берегов острова Большевик. Явление это не случайное, а более или менее закономерное, о чем свидетельствуют большие базары чистиков и чаек на скалах мыса Ворошилова и горы Базарной фиорда Матусевича.

Ф а у н а и Ф л о р а. Вопреки первому впечатлению безжизненности, животный и растительный мир Северной Земли оказался довольно разнообразным и богатым.

Из животных в значительном количестве встречается белый медведь. Его основной пищей является нерпа, которую он подкарауливает, когда она выходит спать на лед. Промышляет медведь и морских зайцев, но последнего из-за его силы и величины не всегда удается поймать. Нам попадались зайцы с глубокими полосами шрамов от медвежьих когтей, но характерно, что шрамы всегда располагались на задней части туловища. Схваченный у передних конечностей заяц вырваться, очевидно, не мог. Так как нерпа преимущественно, а заяц исключительно держатся среди взломанных льдов, то там же в поисках пищи бродит и медведь. В зимнее время, примерно с декабря по март, когда море замерзает, медведи из района Северной Земли откочевывают к югу, где еще держится открытая вода. Кроме того здесь оказывает свое влияние и темная пора, когда зверю труднее добывать пищу и бродить у открытой воды среди движущихся льдов. Однако полностью медведь все же не уходит. Отдельные экземпляры попадались нам и в самое глухое темное время. Во второй год, когда воды было больше, медведей встречали чаще. Медведицы с медвежатами в берлогах наблюдались лишь в южной части земли. В районе островов С. Каменева и севернее их

1468

встречали лишь в марте, апреле уже бродящими по выходе из берлог. За все время нашего пребывания не было ни одного случая действительно «сознательного», если так можно выразиться, нападения медведя на человека. Имевшие место случаи являлись плодом медвежьего недоразумения, когда медведь принимал человека или лежащих собак за нерпу. Но как только зверь убеждался в противном, он останавливался или даже обращался в бегство. Журавлев на основе своего богатого охотничьего опыта также утверждает, что он не знает случаев нападения медведя на человека, как на предмет добычи. Все это результат медвежьей путаницы. Поэтому всякого рода рассказы «полярников» о погоне медведя за бегущим человеком следует относить лишь к богатой фантазии рассказчика, а никак не к действительному факту.[1]

Всего нами в районе Северной Земли убито 105 медведей. Распределяются они по районам и месяцам так:

Таблица III

Убитые медведи

Район \ Месяц	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
У базы острова Домашнего	—	1	1	6	8	1	3	2	5	4	4	2	37
Голомянный и др. острова С. Каменева . .	—	—	3	2	1	4	4	13	9	5	—	—	41
Прочие районы собственно Северной Земли	—	—	11	3	5	6	2	—	—	—	—	—	27
Итого . .	—	1	15	11	14	11	9	15	14	9	4	2	105

Из этого количества самцов 66, самок холостых 24, самок семейных 6 и медвежат 9.

[1] Г. Аллер, зимовщик станции Челюскин 1932 года, рассказывал, что на острове Свердрупа он бежал от медведя около 0,5 км и даже бил несколько раз преследующего зверя по голове прикладом винтовки, которая дала осечку. (Р. Самойлович, Моя 18-я экспедиция. Издание ВАИ, 1934 г.). Наблюдавшие же эту сцену с судна люди в бинокль видели, как мне передавали, что наоборот медведь стоял в недоумении, а Адлер удирал во всю мочь.

Наибольшее количество добытых медведей падает на август и сентябрь, но не потому, что в это время их всего больше, а главным образом вследствие того, что это месяцы нашей охоты с целью заготовки мяса на зиму. Больше же всего зверя в районе Северной Земли в мае, когда он мигрирует с Таймырского побережья к северу. В это время у мысов западного берега Комсомольца и Пионера (мысы Фрунзе, Буденного, Крупской и др.) наблюдаются буквально целые медвежьи тропы, причем все следы идут на север.

Из морского зверя в районе Северной Земли встречены нерпы, морские зайцы, гренландские тюлени(?), моржи и белухи.

Нерпы живут круглый год, но особенно много их в летнее время перед вскрытием льдов, в июне — июле. Этот вид тюленя тогда можно наблюдать лежащим на льду около приливных трещин, полыней и разводьев сотнями. Встречается нерпа и зимою, но в значительно меньшем числе. Держится тогда она или в разводьях, например, около Голомянного, или среди сплошных льдов, где этот тюлень умеет проделывать и поддерживать проруби (продухи) для дыхания. Обычно у каждой нерпы имеется определенный район с несколькими продухами, которыми она и пользуется, меняя их в случае опасности. Сверху продухи занесены снегом, образующим над отверстием род пещеры, так что снаружи ничего не заметно, и нужно медвежье или собачье чутье, чтобы установить присутствие таких тюленьих отверстий на однотонной снежной поверхности морского льда.

За время экспедиции добыта 91 нерпа, главным образом на воде, где они, не боясь, подходят к шлюпке подчас весьма близко. К сожалению, в сезон охоты нерпы еще недостаточно жирны и в большинстве случаев тонут, если не успеть быстро подъехать и взять тушу на гарпун. Среди убитых попадались очень крупные экземпляры, до 80 кг весом.

Следующим видом тюленя, также достаточно распространенным на Северной Земле, является морской заяц. Не умея, в отличие от нерпы, проделывать продухов, заяц держится только в битых льдах и на кромке их, исчезая с замерзанием моря. Добывали его чаще всего на воде, реже подъезжали на шлюпке и били на краях льдин. В промысловое осеннее время убитый заяц тонет в несколько секунд, еще быстрее нерпы, почему нами и добыто всего 25 штук,

хотя убито значительно больше, вероятно свыше полусотни. Около острова Голомянного на воде в августе 1931 года С. Журавлев видел несколько единичных экземпляров гренландского тюленя, но ни одного из них не добыл, так что этот факт еще требует проверки.

Морж в районе островов С. Каменева, да вероятно и в других пунктах Северной Земли, встречается лишь в единичных экземплярах. За время экспедиции добыто всего три штуки, все на пловучих льдах. Лежащим на суше моржа не видели ни разу. Повидимому этот вид ластоногого для данного района является лишь спорадическим. К какому подвиду относится: тихоокеанскому или атлантическому, не установлено.

В желудке одного из убитых моржей при вскрытии найдены куски шкуры с салом нерпы. Такие же случаи бывали у Журавлева и на Новой Земле. Однако, по его мнению, морж не сам ловит нерп, этого он не в состоянии сделать, а поедает тех, что убиты охотниками и утонули. Таким образом нерпа для моржа лишь случайная пища, которой он все же пользуется охотно, судя по тому, как однажды мы наблюдали моржа, упорно несколько дней державшегося на воде, где незадолго перед этим было убито и утонуло несколько нерп.

Из других видов морского зверя у островов С. Каменева встречается полярный дельфин — белуха. Наблюдается он и в других местах Северной Земли. Экспедиция Б. Вилькицкого в сентябре 1913 года видела стада этих животных, шедших вдоль припая восточного берега земли на север. В 1932 году мы видели крупные стада белух в проливе Вилькицкого. Шли они на запад. В районе наших островов белуха появлялась с вскрытием льдов в августе — сентябре. Шли стада на север, но были случаи, когда наблюдались стада, идущие и на юг. Примечательно появление белух в 1932 году еще в июне месяце, среди взломанных льдов у острова Голомянного. За время нашего пребывания убито 14 белух, все за осенний сезон 1931 года.

Из наземных млекопитающих на южном острове, Большевике, встречены дикие северные олени. Держатся они исключительно на прибрежной равнине и на террасах, где единственно могут находить себе скудный корм из лишайников и редких трав. Держатся животные небольшими группами в 3—5 штук, и только в одном случае на восточном берегу, в 30 км севернее мыса Морозова, мы видели

группу штук в 7—8. Всего же на Большевике живет дикого оленя вероятно штук 100. Олени здесь размножаются, так как кроме быков и самок-важенок в начале мая были встречены и телята прошлогоднего приплода. Есть все основания полагать, что олени являются не добровольными пришельцами, а попали на Северную Землю случайно, на оторванном от таймырских берегов припае. Могли иногда по льду весною пригнать их и волки, но это случай чрезвычайно редкий, хотя и не невозможный. Рога северного оленя попадались и на западном берегу острова Октябрьской революции, но корм здесь настолько скуден, что принесенные олени не выживали и погибали от голода.

Песцы на Северной Земле встречаются всюду. Следы их мы видели даже на северном острове — Комсомольце. Несомненно звери на Северной Земле не только живут, но и гнездуют, так как Журавлевым добыто в октябре—ноябре несколько молодых экземпляров, безусловно помета текущего года. Всего за два года поймано в капканы 44 песца, из них в первый год 24 и во второй 20.

Тяжелые условия существования и недостаток корма сказываются и на этом зверьке. Среди добытых нет ни одного первосортного ни по качеству меха, ни по размеру.

Лемминги (полярная мышь) — основной корм песца — также наблюдались на всем пространстве Северной Земли, за исключением, конечно, областей, занятых ледниками. По мере продвижения к югу леммингов наблюдалось больше. Особенно много их в южной части Большевика, в районе мыса Неупокоева. В конце июня на западном берегу острова Октябрьской революции в норках наблюдались мышата.

Птичий мир довольно разнообразен. Прежде всего следует отметить несомненное наличие базаров. Последние наблюдались в фиорде Матусевича, на мысе Ворошилова, в проливе Шокальского и других местах. Особенно крупные базары имеются в фиорде Матусевича на скалах горы Базарной и на восток от нее километрах в 5. Здесь, как и на мысе Ворошилова, гнездуют главным образом чистики в количестве многих тысяч штук. Наблюдаются и чайки-моевки, но в меньшем количестве. Небольшой базар белых (ледяных) чаек встречен у мыса Оловянного на гранитных скалах. Здесь совместно с чайками гнездуют и чистики. Большой базар белых чаек имеется в средней части острова Голомянного. Вероятно есть они и на других островах как из группы С. Каменева, так и прочих. Из других видов чаек

наблюдались бургомистры, глупыши, поморники длиннохвостые и короткохвостые, крачки длиннохвостые и серебристые чайки (в порядке их численности). Крачки наблюдались два раза, а серебристые чайки один. Розовых чаек видели лишь в сентябре 1931 года у острова Домашнего пролетной стайкой штук в 20.

Из гусей встречен лишь один вид: чернозобая казарка. В благоприятные годы она гнездует даже на островах С. Каменева, обычно же встречается вероятно лишь южнее на Большевике и острове Октябрьской революции. В июле 1931 года встречались стайки гусей, собравшиеся для линьки в количестве 20—30 штук. В 1931 году гуси появились 16 июня под 79° сев. широты. В 1932 году их видели уже 12 июня на острове Домашнем под 79°30′ с. ш.

Полярная сова наблюдалась гнездующей около горы Серпа и Молота в начале июня. Гнездуют также и пуночки (снежные воробьи). Первый прилет их замечен в конце мая (24-го) в 1931 году на острове Комсомолец (80°20′) и в начале мая (1-го) в 1932 году на острове Большевик у горы Герасимова (78°10′).

Из других птиц наблюдались довольно часто, несомненно гнездующие, кулички-песочники. Во время отлета в сентябре они залетали и на острова С. Каменева.

Гагар, таг и кайр видели в единичных случаях и в единичных экземплярах. Едва ли они на Северной Земле гнездуют. Впрочем гагары наблюдались летящими на север в количестве пяти штук в июле 1931 года у западных берегов острова Октябрьской революции. Одна гага-самец убита на острове Голомянном 4 июля 1932 г.

Флора Северной Земли довольно скудна. Богаче всего она развита на террасах и прибрежных равнинах, сложенных глинисто-песчаными рыхлыми образованиями. Площади, покрытые каменистыми и щебенистыми россыпями, имеют лишь небольшие островки примитивной почвы, пригодной для самой неприхотливой растительности, которая здесь гнездится отдельными очень небольшими островками-дерновинками. На южном острове, где всего теплее летом, флора уже настолько богата, что дает возможность к существованию — правда, полуголодному — нескольким десяткам живущих там оленей. Но и тут растительность образует лишь отдельные островки и узкие окаймления голых пятен полигональной тундры. Здесь можно видеть лишайники, мхи, некоторые злаки, стелющуюся микроскопическую

полярную иву, камнеломки, незабудки, полярный мак, куропаточью и ложечную траву.

Из насекомых не встречено за два года ни одного вида.

В море у берегов местами обильно разрастаются водоросли, есть мелкие виды двустворчатых, судя по выбросам прибоя. Ни драгирования, ни ловли планктона нами не производилось. В августе к берегам подходит для нереста полярная навага — сайка — в огромных стаях в сотни тысяч и миллионы особей. В это же время, охотясь за ней, появляется всякий морской зверь: нерпы, морские зайцы и белуха.

В проблеме Северного морского пути архипелаг Северной Земли играет существенную роль. Являясь естественным и неразрывным продолжением Таймырского полуострова, и без того мощным клином вдающегося далеко в область полярного моря, Северная Земля служит солидным барьером, отделяющим западную часть морской Арктики от восточной. Путями из Карского моря в море Лаптевых реально могут быть только три: пролив Вилькицкого, Шокальского и вокруг мыса Молотова. Для наблюдения над их ледовым режимом, временем вскрытия и замерзания, на мысе Челюскина в 1932 году выстроена полярная станция, в настоящее время весьма разросшаяся до крупных размеров, с зимней узловой мощной радиостанцией и радиомаяком. В проливе Шокальского, на мысе Оловянном, станция поставлена летом 1935 года. На мысе Молотова станция будет сооружена, нужно думать, в ближайшие годы. Какой из путей удобнее и доступнее, — за краткостью и неполнотой наблюдений сказать пока нельзя. Пролив Вилькицкого наиболее широк и представляет кратчайший путь, но является ли он и наиболее доступным, — покажет будущее.

Возможно, что из-за колебаний в ледовом режиме и распределения льдов в полярном бассейне будет доступен то тот, то другой проход, как это наблюдается в отношении Новой Земли.

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И НАЗВАНИЙ

Абрис — очертание, контур, набросок.

Авитаминоз — болезненное состояние организма (цынга, рахит и др.), зависящее от нарушения обмена вследствие недостатка в пище особых веществ «витаминов».

Аггрегат — совокупность, соединение разрозненных частей, например зерен минералов, отдельных машин и т. д.

Азимут — угол между линией север—юг и направлением на данный предмет, отсчитываемый от севера по ходу часовой стрелки.

Амплитуда — размах, величина колебания.

Анемометр — прибор для измерения скорости ветра.

Аэрология — наука о свободной атмосфере как оболочке, окружающей земной шар.

Банка — подводная песчаная или галечная отмель, опасная для судоходства.

Брахиоподы — моллюскообразные морские беспозвоночные животные, имеющие двустворчатую раковину.

Бургомистр — полярная крупная хищная чайка. На птичьих базарах хищнически хозяйничает, почему и получила свое прозвище.

Буссоль — прибор для определения магнитных азимутов (см.), главной частью прибора является магнитная стрелка.

Вязки — поперечины, большей частью березовые, связывающие головки копыльев нарт между собою попарно.

Гарпун — оружие для ловли морского зверя. Род зазубренного копья на длинной веревке.

Габбро-диабаз — горная порода особой структуры, состоящая из аггрегата (см.) минералов: полевого шпата, пироксена, иногда оливина, биотита.

Глетчер — ледник, спускающийся с гор.

Гомогенный — однородный.

Глупыш — птица из семейства буревестников. Напоминает чайку. Прекрасно летает и плавает.

Дельфин — морское млекопитающее животное из семейства китообразных.

Депрессия — понижение, впадина (в рельефе).

Детонатор — подрыватель. Капсюль для взрывчатых веществ из группы динамита.

Диоптр — прибор для визирования. Состоит из рамки с щелью, круглым отверстием или нитью.

Дислокация — нарушение залегания пластов земной коры.

Дифферент — крен. Различие в осадке судна на нос и корму.
Дроссельный клапан — заслонка, вращающаяся на оси поперек какого-либо отверстия или трубы. Служит для регулировки движения газа, дыма, пара, жидкости и т. д.
Заберег — прибрежная полоса воды между сушей и льдом.
Зенит — точка отвеса на небесной сфере. Отстоит от горизонта всюду на 90°.
Ингредиент — составная часть.
Каньон — обрывистое ущелье, прорытое рекой. Каньон реки Колорадо в пустыне Аризона США имеет глубину до 2000 м.
Кайра — полярная птица из семейства чистиковых. Гнездится базарами. Размером с утку.
Кварцит — горная порода из сливного кремнезема.
Кембрий — одна из древнейших геологических эпох. Высшими животными тогда были беспозвоночные (трилобиты).
Клотик — верхушка мачты.
Коч — парусная старинная ладья.
Кульминация — момент прохождения светила через линию север—юг (меридиан) данного места. Кульминация бывает верхняя на южной и нижняя на северной части неба.
Кут — наиболее дальняя часть залива, губы или бухты.
Лагуна — залив, отделившийся от моря косами и сообщающийся с ним обычно узким проливом.
Лемминг — полярный бесхвостый грызун из семейства мышиных до 10 см длиной.
Люрик — птица из семейства чистиковых. Гнездится базарами.
Магма — огненно-жидкая масса в глубине земного шара.
Мергель — осадочная порода, — глинистый известняк.
Меркаторская проекция — метод изображения земной сферической поверхности и плоскости путем проекции ее на касательный к сфере цилиндр, который потом развертывается. Меридианы выходят прямыми вертикальными, параллели — горизонтальными.
Морской заяц — зверь из семейства ластоногих. Относится к отряду тюленей. Весит до 200 кг.
Нерест — пора икрометания у рыб.
Нерпа — особый вид тюленя, весом 50—80 кг.
Оптимальный — наилучший, наиболее благоприятный, нормальный.
Обелиск — памятник в виде высокого заостренного столба, большей частью каменного.
Первый вертикал — вертикальная плоскость, проходящая через точки восток—запад и зенит.
Пермо-карбон — геологическая эпоха, характеризующаяся появлением гигантских земноводных и первых пресмыкающихся. Богатая растительность древовидных папоротников, хвощей и других тайнобрачных растений, селившихся в заболоченных местах, давала обильный материал для образования каменного угля.
Планшет — доска, столик для съемки. Первичный съемочный лист.
Поморник — чайка. Отличается хищным нравом, почему иногда зовется еще морским разбойником.
Пуночка — снежный воробей. Птичка из отряда воробьиных, семейства вьюрковых, гнездует в Арктике, на зиму улетает на юг в умеренные широты.
Радиация — излучение.

Разводья — водные промежутки в ломаных полярных льдах между льдинами.

Регрессия — отступание, отход назад, уменьшение.

Реликт — остаток.

Репер — геодезический знак в виде отметки на столбе, скале, стене и т. д., являющийся опорной точкой при нивелировке.

Рефлекс — бессознательное возбуждение.

Рефракция — преломление светового луча при переходе из одной среды в другую, например из слоя воздуха одной плотности в другой большей или меньшей (аномальная рефракция) плотности.

Румб — угол между направлением на данный предмет и ближайшей к нему страной света, т. е. севером, востоком, югом или западом. Основных румбов 8 — С, С—В, В, Ю—В, Ю, Ю—З, З, С—З.

Самоди — местное название туземного племени на Таймыре. Произошло вероятно от слов: сам один, так как ранее в XV—XVI вв. на Мангазейскую ярмарку в устьи реки Таза на запад от Енисея эти люди приезжали торговать в одиночку.

Силур — следующая за кембрием (см.) геологическая эпоха. Характеризуется бурным развитием беспозвоночных и появлением первых примитивных рыб как высшей в то время формы животного мира.

Склянки — моменты времени, обычно через получасовые интервалы, отмечаемые звоном судового колокола. В прежнее время определялись по песочным 30-минутным часам, отчего и получилось самое название.

Стереографическая проекция — метод изображения сферической земной поверхности на карте путем проектирования части сферы на касательную к ней плоскость. Меридианы выходят радиальными прямыми, параллели — кругами или дугами кругов.

Сульфиды — группа минералов. По составу сернистые соединения различных металлов.

Тальвег — продольная ось долины, ущелья или обрыва. Ее наиболее пониженная часть.

Твиндек — нижняя внутренняя палуба судна.

Тектоника — деформация и смещение пластов земной коры под влиянием горообразовательных процессов.

Теодолит — геодезический инструмент для измерения горизонтальных и вертикальных углов, снабженный зрительной трубой.

Травма — насильственное повреждение организма, например порез, перелом, ушиб и т. д.

Турмалин — минерал. Бесцветен, бурого, красного, синего, черного и др. цветов. Чисто окрашенные цветные разности считаются полудрагоценными камнями.

Фединг — пульсирующее, периодическое затухание звука в радиотехнике при приеме.

Филлит — горная порода. Слегка перекристаллизованный, измененный давлением и температурой сланец.

Фирн — зернистый лед, получившийся из снега благодаря его таянию и смерзанию, при температурах, колеблющихся около 0°.

Фиорд — полузатопленная морем ледниковая долина. Фиорды Норвегии иногда превышают в длину 100 км.

Футшток — рейка с делениями для измерения уровня воды. Обычно устанавливается в воде намертво.

Хорей — тонкий длинный шест с пуговицей на конце, которым погоняют оленей или собак.

Хронометр — очень точный прибор типа часов для измерения времени.

Четвертичное время — последняя перед современной геологическая эпоха. Характеризуется появлением пещерного доисторического человека и мощным оледенением Европы и др. материков.

Шпунт — соединение, при котором в выемку вдоль бруса или доски входит гребень другой.

Штурф — кусок горной породы, минерала или руды, отбираемой в качестве образца.

Шхуна — небольшое мореходное парусное или парусно-моторное судно.

Эпизоотия — инфекционное (заразное) массовое заболевание животных, например сибирская язва, ящур, чума и т. д.

Эрратический валун — валун чуждой для данного места породы, занесенный большею частью ледником, напр. валуны гранитов на полях Московской, Горьковской или Ленинградской области.

Эфемериды — ежедневные или ежечасные таблицы координат (местоположения) звезд, солнца и др. светил.

Юра — геологическая эпоха, характеризующаяся мощным развитием гигантских пресмыкающихся.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I 5

История открытия и исследования Северной Земли. Организация нашей экспедиции.

Глава II 28

Приезд в Архангельск. Отправление. Новая Земля, Земля Франца-Иосифа.

Глава III 50

Погрузка угля в Русской Гавани. Остров Визе. Поиски места высадки. Выгрузка. Прощание.

Глава IV 66

Работа на станции. Охота. Первый маршрут.

Глава V 98

Завершение работ около базы. Постройка магнитного домика. Темная пора.

Глава VI 126

Планы весенних маршрутов. Подготовление к маршрутам. Заброска продовольственных депо.

Глава VII 165

Путь вдоль восточных берегов острова Комсомолец.

Глава VIII 204

Перевал через остров Октябрьской Революции. Наступление оттепели. Опять дома.

Глава IX 242

Прилет «Цеппелина» и наши предположения. Охота на Голомянном.

Глава X 259

Начало темной поры. Новый Год. Поездки для заброски продовольственных баз.

Глава XI 277

Выезд в маршрут. Путь до пролива Шокальского. Вдоль пролива Вилькицкого. Последний маршрут вокруг острова Пионер.

Глава XII 313

Возвращение домой. Сборы к отъезду. Приход «Русанова». Возвращение в Архангельск.

Приложение 344

Общий очерк Северной Земли.

КАРТА
СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

составил Н.Н. Урванцев

MAP OF THE NORTH LAND

by N.N.Urvantzev

Масштаб 1:1500.000 Scale

км 25 0 25 50 км

Маршруты по Северной Земле

- Маршрут N 1 $\frac{1}{X}$ $\frac{10}{}$ - 30 г.
- „ N 2 $\frac{22}{IV}$ - $\frac{29}{V}$ 31 г.
- „ N 3 $\frac{1}{VI}$ - $\frac{20}{VII}$ 31 г.
- „ N 4 $\frac{14}{IV}$ - $\frac{28}{V}$ 32 г.
- „ N 5 $\frac{1}{VI}$ - $\frac{8}{VII}$ 32 г.

◇ Астрономич. пункты Astronomical station

Ледники Claciers

90° 95° 100° 105° 110°

81° 80° 79° 78°

М.Молотова
Астр.п. N5
Астр.п. N4
О-в Шмидта
О.Демьяна Бедного
М.Карла Либкнехта
М.Куйбышева
О-в Комсомолец
М.Розы Люксембург
М.Литвинова
Астр.п. N6
М. Фрунзе
О.Чистиков
М.Бухтеева
О-ва Диабазовые
Депо
М.Ворошилова
Астр.п. N3
Пролив Юнештурм
Армии
М.Буденного
Астр.п. N7
М.Блюхера
М.Дзержинского
О-в Пионер
Зал. Калинина
М.Крупской
М.Волосовича
М.Нилландера
бухта Новопашенного
М.Берга
Астр.п. N8
М.Октябрьский
Фиорд Матусевича
Бухта Советская
Гора Базарная
Депо
Серпа и Молота
Астр.п. N7
Пролив Красной
О.Голомянной
О.Домашний
Станция
О.Средний
Пов Парижской Коммуны
Астр.п. N1
О-ва Сергея Каменева
Зал. Сталина
р. Матусевича
О-в Октябрьской Революции
М.Анучина
Астр.п. N9
О.Самойловича
М.Кржижановского
М.Гамарника
Астр.п. N11
О.Аргольд
М.Баранова
М.Укшлихта
Астр.п. N14
Зал. Микояна
М.Визе
Фиорд Партизанский
Фиорд Спартак
Фиорд Мартын
Шокальского
Зал. Ахматова
М.Давыдова
М.Цингера
Бухта Дерюгина
М.Лаврова
Астр.п. N6
Астр.п. N5
Астр.п. N15
О-в Большевик
М.Морозова
О-в Мал. Таймыр
М.Евгенова
Астр.п. N13
Депо
Гора Герасимова
М.Анцева
О-ва Транзе
О.Старокадомского
М.Никитина
М.Мордовина
М.Мессера
М.Неупокоева
Астр.п. N12
Пр. Бориса Вилькицкого
М.Челюскина
М.Щербина
М.Вега
М.Прончищева
Бухта Моэ
О-ва Гейберга
О.Гансена
Гора Кристоферсема
Гора Аструпа
Г. Лэди Гершерт
Бухта Снежная
Пр.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Ц. 8 р. пер. 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ